МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2018 **№ 52**

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Редакционная коллегия журнала «Вестник Томского государственного университета. Филология»

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) – главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) – зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Томск, Россия) – зам. главного редактора
Д.А. Катунин (Томск, Россия) – отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) – зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)

Editorial Board of the Tomsk State University Journal of Philology

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief
D.A. Katunin (Tomsk, Russia) – Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) – Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
Ye.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)

Редакционный совет журнала «Вестник Томского государственного университета. Филология»

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Вартанова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Шеффилд, Великобритания)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

Editorial Council of the Tomsk State University Journal of Philology

J.F. Bailyn (Stony Brook, US)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Sheffield, UK)
M.N. Lipovetsky (Boulder, US)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, US)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

© Томский государственный университет, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Аверина А.В. Ударные частицы в придаточных предложениях немецкого языка (на примере ударных частиц *JA* и *DOCH*) 5

Власов М.С., Сычев О.А. Взаимодействие эмоциональных и лингвистических факторов в процессе переработки лексической информации (на материале имен существительных русского языка) 18

Гусева С.И., Иванашко Ю.П. Аллофонное варьирование в спонтанной монологической речи (экспериментальное исследование на материале германских языков) 53

Земичева С.С. Обозначения неголосовых звуков человека и их функционирование в текстах носителя народно-речевой культуры 71

Канерва О.А., Виймаранта Й. Функциональная мотивация знаков препинания со звукоподражательными глагольными междометиями 83

Ленец А.В., Сергеева Д.С. Языковая манифестация коммуникативной стратегии дискредитации как способа конструирования имиджа политика в виртуальном пространстве (на материале предвыборных твитов Д. Трампа) 98

Собянина В.А., Хохлова И.В. Исследование метафор предметной сферы «иммиграция» в медийном дискурсе Германии с применением программы MAXQDA 112

Степаненко А.А., Шиляев К.С., Резанова З.И. Атрибуция профессиональных интересов пользователей социальной сети «ВКонтакте» на основе текстов тематических групп и персональных страниц 130

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Завьялова Е.Е. «Кинематографические» приёмы в «свободной фантазии» Ф.Н. Горенштейна 145

Киселев В.С., Владимирова Т.Л. Жуковский, революция в Германии и институты имперской пропаганды (по материалам неопубликованной переписки с великим князем Александром Николаевичем) 165

Мельникова С.В. Сибирь как объект научного, философского и художественного осмысления в сочинениях архиепископа Иркутского Нила (Н.Ф. Исааковича, 1779–1874) и епископа Якутского Иакова (И.П. Домского, 1823–1889) 184

Санина К.Г., Чертушкина Е.В. Тема кризиса культурной идентичности в творчестве Танидзаки Дзюнъитиро и концепция «Утраченной Японии» Алекса Керра 201

Титаренко С.Д. Д.Г. Россетти и Вяч. Иванов: платоновский мотив воссоединения душ и интермедиальная поэтика 216

Хомук Н.В. Петербургский текст в романе Н.И. Греча «Черная женщина». Статья 1. 231

ЖУРНАЛИСТИКА

Ершов Ю.М. Феномен фейка в контексте коммуникационных практик 245

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 257

CONTENTS

LINGUISTICS

Averina A.V. Stressed particles in the German dependent clause (exemplified by particles *JA* and *DOCH*) 5
Vlasov M.S., Sychev O.A. Interaction of emotional and linguistic factors in lexical processing: evidence from Russian nouns 18
Guseva S.I., Ivanashko Yu.P. Allophonic variation in spontaneous monologues (an experimental study based on Germanic languages) 53
Zemicheva S.S. Nominations of non-voice sounds of a person and their functioning in the texts of a folk speech culture representative 71
Kanerva O.A., Viimaranta J. Functional motivation of punctuation with onomatopoeic verbal interjections 83
Lenets A.V., Sergeeva D.S. Language manifestation of the discrediting communicative strategy as a way of political image formation in the virtual space (as exemplified in pre-election tweets by D. Trump) 98
Sobyanina V.A., Khokhlova I.V. Analysis of immigration discourse metaphors in German mass media using the MAXQDA software 112
Stepanenko A.A., Shilyaev K.S., Rezanova Z.I. Attribution of professional interests of social network users based on subject-oriented groups and personal pages 130

LITERATURE STUDIES

Zavyalova E.E. “Cinematographic” techniques in a “free fantasy” by Friedrich Gorenstein 145
Kiselev V.S., Vladimirova T.L. Zhukovsky, German revolution and institutions of imperial propaganda (based on the unpublished correspondence with Grand Duke Alexander Nikolayevich) 165
Melnikova S.V. Siberia as an object of scientific, philosophical and artistic comprehension in the works of Nil (Nikolay Isakovich, 1779–1874), archbishop of Irkutsk, and Iakov (Ieronim Domsky, 1823–1889), bishop of Yakutsk 184
Sanina K.G., Chertushkina E.V. The theme of cultural identity crisis in creative works of Tanizaki Jun’ichirō and the concept of “Lost Japan” by Alex Kerr 201
Titarenko S.D. Dante Gabriel Rossetti and Vyacheslav Ivanov: Plato’s motive of souls reunion and intermedial poetics 216
Khomuk N.V. The Petersburg text in the novel *The Black Woman* by Nikolay Grech. Article 1 231

JOURNALISM

Ershov Yu.M. Phenomenon of fake in the context of communication practices 245

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 257

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.11-112
DOI: 10.17223/19986645/52/1

А.В. Аверина

УДАРНЫЕ ЧАСТИЦЫ В ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ УДАРНЫХ ЧАСТИЦ *JA* И *DOCH*)

Рассматривается возможность употребления ударных частиц JA и DOCH в придаточных предложениях немецкого языка. С помощью опроса носителей языка показано, в каких придаточных могут использоваться ударные частицы, а в каких не могут. После подробного разбора составлена таблица, в которой в обобщенном виде представлены возможности употребления ударных частиц JA и DOCH.

Ключевые слова: *дискурсивные частицы, модальные частицы, иллокутивно несамостоятельные придаточные предложения, отрицание, модальность.*

Важную роль в лингвистических исследованиях играет анализ сочетаемости слов в словосочетаниях и предложениях, на что указывали многие лингвисты (например, Е.С. Кутасина и М.В. Раевский [1, 2], Э.Л. Шубина [3] и мн. др.). Это действительно очень важно для выявления грамматических характеристик и семантики входящих в них компонентов. В данной статье обсудим вопрос о сочетаемости, но в несколько ином ракурсе – о сочетаемости частиц с придаточными предложениями, что позволит выявить грамматические свойства и частиц, и самих придаточных предложений.

Класс частиц, как известно, неоднороден: он включает модальные, фокусные, усилительные частицы и др. Использование модальных частиц в придаточных предложениях связано, прежде всего, с иллокутивной самостоятельностью последних, что уже было предметом исследования в целом ряде работ (например, М. Турмэр [4], М. Конильо [5], А.В. Авериной [6]). Так, в работе А.В. Авериной было показано, что модальные частицы могут иметь место только в иллокутивно самостоятельных придаточных, в то время как в иллокутивно несамостоятельных их использование невозможно. Рассмотрим в этой связи ряд примеров:

*(1) Barroso bedauerte, dass **(*ja)** die Regierung Orbans der Aufforderung der Kommission, vor Beschlussfassung im Parlament die Gesetze zu prüfen, nicht gefolgt sei* [7].

*(2) So verbringen die Rosbergs ihre Zeit am liebsten zurückgezogen, entweder in Monaco oder im Sommer oft auf Ibiza, wo **ja** auch Vater Keke immer noch zumindest halb zu Hause ist* [8].

(3) Als ich ihm sagte, nun käme eine echte Königin nach Berlin, lachte er mich aus, weil ***ja*** *alle seine Königinnen echt sind* [9].

В относительном (2) и придаточном причины (3) частица *ja* возможна, поскольку эти придаточные относятся к иллокутивно самостоятельным, в то время как в иллокутивно несамостоятельном объектном она не может употребляться (1). Под иллокутивной самостоятельностью придаточного мы понимаем его способность включать субъективные компоненты высказывания. Модальные частицы являются маркерами иллокутивной самостоятельности придаточных предложений. На основе анализа возможностей их использования в придаточных предложениях мы разделили последние на три группы по критерию иллокутивной самостоятельности:

1) предложения иллокутивно самостоятельные;

2) предложения иллокутивно несамостоятельные;

3) предложения, которые могут быть как иллокутивно самостоятельными, так и иллокутивно несамостоятельными [6].

К первой группе относятся придаточные определительные (кроме рестриктивных), уступительные и придаточные сравнения. Иллокутивная самостоятельность этих предложений – константная величина. К группе иллокутивно несамостоятельных придаточных можно причислить придаточные места и относительные рестриктивные придаточные. Все остальные виды зависимых предложений могут быть как иллокутивно самостоятельными, так и иллокутивно несамостоятельными – в зависимости от того, «работают» механизмы иллокутивной самостоятельности в главном предложении или нет.

Особым статусом обладают ударные частицы немецкого языка. Мы не рассматриваем их в группе модальных частиц, а трактуем как дискурсивные [10]. Модальные частицы участвуют в передаче пропозициональной установки, а также в формировании выводного знания, или, иными словами, логического умозаключения [Там же]. Дискурсивные частицы отличает свойство соединять фрагменты текста, т.е. эта связь аддитивная. Интересным представляется тот факт, что дискурсивные частицы обладают своими особенностями употребления в придаточных предложениях немецкого языка, отличными от употребления модальных частиц. Прежде чем рассмотреть эти особенности, остановимся вкратце на специфике семантики ударных частиц *JA* и *DOCH* в немецком языке, которая была рассмотрена в работе Й. Майбауера.

Он подробно анализирует семантику ударных части *JA* и *DOCH*. Исследователь показывает, что употребление ударной частицы *DOCH* способствует созданию эксплицитного контраста межу двумя пропозициями, причем предложение с этой частицей и предыдущее контрастируют друг с другом, например:

(4) *(Alles ist steinig und sandig. Die Bäume und Büsche am Ufer stehen dürr und gesanglos)*.

a. Und DOCH fließt unter unseren Füßen Wasser (пример J.-Y. Lerner, цит. по: [11. P. 114]).

Некоторое сходство мы можем наблюдать и в случае употребления ударной частицы *JA*, однако выраженный ею контраст носит несколько иной характер:

(5) A: Fritz hat nicht geheiratet.

B: Fritz hat JA geheiratet (пример Й. Майбауера [11. P. 147]).

Й. Майбауер пишет о двух типах контраста: о контрасте противопоставления (kontradiktorischer Kontrast), как в случае с ударной частицей *DOCH*, и о комплементарном, или добавочном контрасте (komplementärer Kontrast), который имеет место в случае с ударной частицей *JA*. Разницу между ударными частицами он демонстрирует на следующих примерах:

(6) A: Er hat kein Brot gekauft.

B: ? Er hat JA ein Brot gekauft.

(7) A: Es kommt niemand.

B: ? Es kommt JA einer.

Частица *JA* не может стоять в предложениях (6), (7), в то время как частица DOCH в них возможна [Ibid. P. 148]).

Ударная частица *DOCH* обладает еще одной особенностью: она способна выступать самостоятельно в роли предложения, что совершенно исключено в случае с другими ударными частицами, сравним:

(8) a. A: Konrad kommt heute nicht.

B: DOCH.

(8) b. A: Konrad kommt heute nicht.

*B: *JA. *SCHON. *EH* [Ibidem].

Особый статус частицы обусловлен ее семантикой: выражая отрицание через утверждение, она передает контраст между высказыванием говорящего и собеседника. Эта же частица служит для кодировки феномена Verum, которому в русской терминологии мы предложили название фокуса истинности [12].

Контраст, на который указывает Й. Майбауер при анализе ударных частиц, стоит учитывать и при анализе их употребления в придаточных предложениях. Таким образом, *цель* нашей статьи состоит в том, чтобы проследить возможность употребления ударных частиц *JA* и *DOCH* в придаточных предложениях немецкого языка. Это позволит нам выявить особенности этих частиц, показать разницу между модальными и дискурсивными частицами, а также обозначить те типы придаточных предложений, в которых невозможно использование ударных и безударных частиц.

Материалом исследования послужил веб-корпус DeaWaC Гумбольдтовского университета, веб-корпус COLiBRi Свободного университета Берлина, газетный корпус Die Zeit online. Веб-корпус DeWaC содержит автоматически сгенерированный немецкий веб-корпус и формально подразделяется на несколько подгрупп: DeWaC 1, DeWaC 2, DEWaC 3, DeWaC 4, DeWaC 5 и DeWaC 6. Он был сгенерирован М. Барони в 2006 г. и содержит страницы немецких сайтов общим объемом более 1,5 млрд слов. Самый большой немецкий корпус COLiBRi был автоматически сгенерирован в 2012 г. В своей первоначальной версии он состоял из нескольких корпу-

сов: DECOW 2011, 2012 и т.д. При подготовке статьи мы пользовались корпусом DECOW 2012. Для анализа мы отобрали свыше 100 примеров – около 10 предложений на каждый тип придаточных. Поскольку корпусные данные не содержат интонационной разметки, в данных корпуса могут иметь место разного рода погрешности, связанные, например, с тем, что авторы высказываний не всегда являются носителями языка, или с тем, что возможности использования частиц можно рассматривать как вариант диалектной нормы, или же по ряду иных причин в высказываниях допущены ошибки. Поэтому мы обращались к мнению носителей языка. При этом мы исходили из принципа: если в корпусе нет примеров с частицами в тех или иных типах придаточных, то это не является свидетельством того, что они в них не могут использоваться вовсе. В данном случае обращение к языковой компетенции носителей языка позволило нам определить, возможны ли вообще ударные частицы в различных типах придаточных предложений. Опрос респондентов, имеющих филологическое образование, позволил нам свести к минимуму нежелательные отклонения. При опросе им предлагалось прочитать ряд сложноподчиненных предложений и ответить на вопрос, возможно ли использование в придаточных ударных частиц *JA* и *DOCH*, и если да, то при каком контекстуальном окружении. При обработке данных мы учитывали мнение большинства респондентов и их единство в обосновании позиции. В целом можно сказать, что данные, представленные в нашем анализе, отражают мнение 90 % опрошенных.

Рассмотрим использование ударных частиц *JA* и *DOCH* в некоторых видах придаточных предложений. Для сравнения будем приводить примеры с безударной модальной частицей *ja* в придаточных предложениях.

1. Придаточные субъектные и предикативные являются, как показал лингвистический анализ, иллокутивно самостоятельными [6], модальные частицы в них могут использоваться. В этих типах придаточных предложений частица *DOCH* возможна, использование ударной частицы *JA* также в некоторых случаях допустимо. Рассмотрим примеры:

(9) a. Das Entscheidende aber ist, dass ja der Solidaritätszuschlag auch (JA) (+DOCH) auf die Körperschaftssteuer angerechnet wird und es darum auch hier nicht um die Unterstützung der kleinen und mittleren Einkommen ginge, sondern genau um das Gegenteil* [13].

b. Das Entscheidende aber ist, dass (+JA) der Solidaritätszuschlag auch (+DOCH) auf die Körperschaftssteuer angerechnet wird und es darum auch hier nicht um die Unterstützung der kleinen und mittleren Einkommen ginge, sondern genau um das Gegenteil.

*(10) a. Das Problem ist, dass ja keiner (*JA, +DOCH) weiß, was du weißt* [Ibidem].

b. Das Problem ist, dass (+JA) keiner weiß, was du weißt.

Как показано на примерах, только в том случае, если мы опустим частицу *ja*, ударная частица *JA* возможна. Ударная частица *DOCH* может использоваться как в сочетании с модальной частицей *ja*, так и без нее.

2. Придаточные объектные могут быть как иллокутивно самостоятельными, так и иллокутивно несамостоятельными. Их иллокутивная самостоятельность зависит от семантики предиката главного предложения: при фактивном предикате в главном предложении придаточное иллокутивно несамостоятельно, при нефактивном – иллокутивно самостоятельно. По терминологии П. Кипарского и К. Кипарского [14], к фактивным предикатам относятся те, в семантике которых содержится указание на некое предварительное знание (например, *bestätigen, bedauern* и т.д.), в то время как нефактивные предикаты такого указания не содержат (*mitteilen, sagen* и т.д.), например:

(11) a. Am Wochenende hatte das Team von Hillary Clinton mitgeteilt, dass es (+ja) die Vorstöße der Grünen um Jill Stein zur Neuauszählung unterstützt [15].

В приведенном примере предикат главного (матричного) предложения является нефактивным, а это допускает включение модальной частицы в придаточное, поскольку возможность использования модальных частиц в этом типе придаточных зависит от того, является ли предикат главного предложения фактивным. Если мы трансформируем высказывание и употребим фактивный предикат, то использование модальной частицы невозможно, например:

(11) b. Hillary Clinton bedauert, dass es (ja) die Vorstöße der Grünen um Jill Stein zur Neuauszählung unterstützt.*

Ударная частица *JA* не может стоять в дополнительном придаточном, даже если предикат главного предложения нефактивен, в то время как использование DOCH вполне возможно:

(11) c. Am Wochenende hatte das Team von Hillary Clinton mitgeteilt, dass es (JA) (+DOCH) die Vorstöße der Grünen um Jill Stein zur Neuauszählung unterstützt.*

Использование ударных частиц *JA* и *DOCH* в дополнительных придаточных при фактивном предикате в главном не представляется возможным:

*(12) Auch die Syrische Beobachtungsstelle für Menschenrechte bestätigte, dass (*ja)(JA*) (DOCH*) die Soldaten nun die Kontrolle über den Großteil von Hanano innehätten* [Ibidem].

Таким образом, как видно из приведенных высказываний, ударные частицы ведут себя по-разному в придаточных предложениях. Возможность использования ударной частицы *DOCH* при нефактивном предикате в главном предложении объясняется, по всей видимости, более выраженным контрастом противопоставления, создаваемым этой частицей.

3. Придаточные причины трактуются в работах [4–6] как иллокутивно самостоятельные придаточные, модальные частицы в которых вполне могут иметь место:

(13) a. Das wird alles sehr schwer, weil sie **ja** *auch deutlich weniger Personal und deutlich weniger Geld hat* [16].

(14) a. Eindeutig eintreffende Prophezeiungen sind schließlich ein Greuel, da sie **ja** *gerade nicht verhindert oder verändert werden können* [13].

Ударные частицы *JA* и *DOCH* также возможны в придаточных причины:

(13) b. Das wird alles sehr schwer, weil sie **(+JA, +DOCH)** *auch deutlich weniger Personal und deutlich weniger Geld hat* [16].

(14) b. Eindeutig eintreffende Prophezeiungen sind schliesslich ein Greuel, da sie **(+JA, +DOCH)** *nicht verhindert oder verändert werden können.*

Придаточные причины могут быть и иллокутивно несамостоятельными, если сложноподчиненное предложение, в котором содержится причина, является в коммуникативном отношении одночленным, т.е. содержит только тему высказывания, например:

(15) a. A: Er ist nicht gekommen. Vielleicht ist er krank.

B: Er ist nicht deshalb nicht gekommen, weil er krank ist. Sondern weil er faul ist,

где предложение *Er ist nicht deshalb nicht gekommen, weil er krank ist* является коммуникативно одночленным и, соответственно, иллокутивно несамостоятельным. Подробно эти предложения были рассмотрены в работе А.В. Авериной [6]. Соответственно, включение ударных частиц в предложения подобного рода не представляется возможным:

(15) b. A: Er ist nicht gekommen. Vielleicht ist er krank.

B: Er ist nicht deshalb nicht gekommen, weil er **(*JA, *DOCH)** *krank ist. Sondern weil er* **(+JA, +DOCH)** *faul ist.*

4. В придаточных следствия модальные частицы могут употребляться в том случае, если в предложении получает интонационное выделение коррелят *so*, в результате чего в предложении кодируется фокус контраста [6], сравним:

(16) a. Kanarienkinder wachsen **so** schnell, dass *(ja*) nach 14 Tagen das Nest aus allen Nähten platzt* [13].

В предложении (16a) модальная частица невозможна. Интонационное выделение коррелята и обстоятельства позволяет включить ее в придаточное предложение:

(16) b. Meisenkinder bleiben in er Regel länger klein. Kanarienkinder wachsen aber SO schnell, **dass** *(+ja) nach 14 Tagen das Nest aus allen NÄHten platzt.*

При отсутствии интонационного выделения в придаточных следствия может иметь место ударная частица *DOCH*, в то время как включение частицы *JA* не представляется возможным, сравним:

(16) c. Kanarienkinder wachsen **so** schnell, **dass** *nach 14 Tagen das Nest (JA?) (+DOCH) aus allen Nähten platzt.*

Возможность использования ударной частицы *DOCH* объясняется, как и в случае с объектными придаточными, более выраженной контрастностью, передаваемой данной частицей.

5. Придаточные предложения уступки рассматривались нами как иллокутивно самостоятельные придаточные [6], в которых модальные частицы всегда возможны. Тем не менее ударная частица *JA* в них фактически не употребляется, в то время как частица *DOCH* вполне допустима:

(17) Der Krieg scheint in Damaskus weit weg, obwohl er doch (JA, +DOCH) so nah ist* [17].

6. Придаточные предложения времени и условия допускают модальные частицы в случае, если главное предложение является вопросительным либо если предикат главного предложения отражает эмоциональное состояние говорящего, как в случае (18) и (19). Использование ударных частиц *JA* и *DOCH*, однако, не всегда возможно:

(18) Wir freuen uns vor allem, dass es jetzt doch wirklich losgeht, nachdem ja (JA, DOCH*) fast 20 Jahre diskutiert, geplant, verworfen, wieder geplant wurde* [13].

(19) Aber was sollte er mit einem lausigen Buch, wenn er **ja** *(JA*, DOCH*) gar nicht lesen konnte?* [16].

*(20) Für die Versicherer wäre es dagegen gut, wenn (*ja) (+JA, +DOCH) die Zinsen endlich anziehen* [17].

*(21) Die konkreten Vorschläge kommen, nachdem (*ja) (JA*, DOCH*) Strobl vor einer knappen Woche im* Interview mit ZEIT ONLINE *gesagt hatte, dass es zusätzliche Anstrengungen brauche, um ausreisepflichtige Menschen in Deutschland abzuschieben* [Ibidem].

Как видно из приведенных примеров, ударные частицы *JA* и *DOCH* невозможны в иллокутивно самостоятельных придаточных условия и времени. Мы полагаем, что данная избирательность обусловлена тем, что модальная частица *ja* выполняет коннекторную функцию, что в ряде случаев делает возможным ее употребление в данном типе придаточных, если в главном предложении содержатся субъективные компоненты. Ударные частицы несут совсем иную смысловую нагрузку – способствуют созданию контраста. Этот контраст допустим в иллокутивно самостоятельных придаточных условия (20).

7. В инструментальных придаточных предложениях модальные частицы возможны только при кодировке феномена Verum [6], как, например, в предложении (22b):

(22) a. Er wehrt die Kritik ab, indem er sich (ja) dumm stellt: "Was wollt ihr denn?* [13].

(22) b. Er wehrt die Kritik ab, gerade inDEM er sich (+ja) dumm stellt: "Was wollt ihr denn? [Ibidem].

Как видно на примерах (22a) и (22b), модальная частица *ja* может использоваться в придаточных, если подчинительный союз получает интонационное выделение: благодаря этому говорящий выражает свое несогласие с позицией собеседника. Предложение (22b) с ударением на подчинительном союзе может функционировать в следующей ситуации:

(22) c. A: Ich zweifle, dass er die Kritik auf solche Weise abwehrt. Er stellt sich gar nicht so dumm.

B: Er wehrt die Kritik ab, gerade inDEM er sich dumm stellt.

Ударная частица *JA* в предложениях такого рода невозможна, в то время как употребление частицы *DOCH* допустимо, но только, если подчинительный союз не получает интонационного выделения:

(22) d. Er wehrt die Kritik ab, indem er sich (JA) (DOCH+) dumm stellt: "Was wollt ihr denn?"*

(23*) Unklar blieb, welches Ziel Trump verfolgt, indem er nun selbst (JA*) (+DOCH) die Rechtsmäßigkeit der Wahl infrage stellt* [17].

Семантика придаточного с ударной частицей *DOCH* (22d) аналогична семантике придаточного с интонационным выделением подчинительного союза (22b). Это и объясняет тот факт, почему ударная частица *DOCH* невозможна в придаточном, если союз участвует в кодировке фокуса истинности. Ударная частица *JA* не может выполнять эту функцию – этим объясняется ее аграмматичность в придаточном.

8. Придаточные предложения места рассматриваются нами как иллокутивно несамостоятельные придаточные, в которых невозможно использование модальных частиц:

*(24) a. „Vor Ort" ist dort, wo (*ja) die Kohle her kommt, unten, im Schacht* [13].

Ударная частица *JA* также будет невозможна в этом типе придаточных, в то время как частица *DOCH* при соответствующем семантическом окружении допустима:

*(24) b. „Vor Ort" ist dort, wo (*JA, + DOCH) die Kohle her kommt, unten, im Schacht* [Ibidem].

Придаточные места, как уже было показано в [6], отличаются от других типов зависимых предложений тем, что в них передаются, как правило, не действия, а характеристики тех или иных объектов. Это объясняет природу иллокутивно несамостоятельных придаточных (как правило, такие придаточные передают свойства объектов). Возможность использования ударной частицы *DOCH* вытекает, по всей видимости, из того, что эта частица имеет широкий скопус, или сферу влияния (по терминологии Г. Цифонун, скопус – сфера действия (Skopus = Wirkungsbereich) [18. P. 745]): она кодирует несогласие говорящего с предыдущим высказыванием собеседника. Так, приведенное высказывание (24a) можно было бы развернуть с частицей *DOCH* следующим образом:

(24) c. A: Von dort kommt die Kohle nicht her. Was meinst du unter „vor Ort"?

B: „Vor Ort" ist dort, wo DOCH die Kohle her kommt, unten, im Schacht.

9. В придаточных предложениях цели ударные частицы *JA* и *DOCH* возможны:

(25) Es gibt belegte Fälle, in denen Berater Jugendlichen 200 Euro im Monat zahlen, damit sie JA keinen Fördervertrag bei einem Klub unterschreiben und somit jederzeit transferiert werden können [19].

(26) Wir werden wirksam nach einem Weg suchen, damit er DOCH in Kraft treten kann", sagte Donald Tusk, nachdem die Bombe aus Irland im politischen Europa eingeschlagen war [13].

Напротив, модальные частицы либо не употребляются вообще в этом типе придаточных, либо, по мнению некоторых носителей языка, иногда возможны [6].

10. Относительные придаточные. Относительные ограничительные придаточные являются иллокутивно несамостоятельными, в них не могут употребляться ни модальные частицы, ни ударные частицы *JA* и *DOCH*:

(27) Das Establishment, das (ja, JA*, DOCH*) Veränderungen verhindern will, hat heute einen Sieg erreicht, aber das ist nicht das Ende der Geschichte* [20].

Абсолютные относительные придаточные допускают модальные частицы, поскольку являются иллокутивно самостоятельными, однако использование ударных частиц в них не представляется возможным:

(28) Sehr lecker und auch empfehlenswert ist die Heiße Schokolade am Stiel aus der »essen & trinken« 12 / 2007, auf die ja schon in den Kommentaren (JA) (DOCH*) hingewiesen wurde (DECOW 14AX).*

По всей видимости, это можно объяснить семантическими особенностями данного вида придаточных: абсолютные относительные придаточные, как правило, служат для дополнения сказанного, а сама по себе дополнительная информация не может вводиться для того, чтобы выразить несогласие говорящего с позицией собеседника.

В обобщенном виде возможности использования модальной частицы *ja*, а также ударных частиц *JA* и *DOCH* мы представили в таблице.

Употребление модальных и дискурсивных частиц в придаточных предложениях немецкого языка

Типы придаточных	Модальные частицы	Дискурсивные частицы	
		JA	DOCH
Субъектные, предикатные	+	±	+
Объектные с фактивным предикатом в главном предложении	–	–	–
Объектные с нефактивным предикатом в главном предложении	+	–	+
Каузальные (коммуникативно двусоставные)	+	+	+
Каузальные (коммуникативно односоставные)	–	–	–
Придаточные следствия	+	–	+
Уступительные	+	–	+
Темпоральные (иллокутивно несамостоятельные)	–	–	–
Темпоральные (иллокутивно самостоятельные)	+	–	–
Условные (иллокутивно несамостоятельные)	+	+	+
Условные (иллокутивно самостоятельные)	–	–	+
Придаточные цели	±	+	+
Инструментальные (иллокутивно несамостоятельные)	–	–	+
Инструментальные (иллокутивно самостоятельные)	+	–	–
Придаточные места	–	–	+
Относительные (ограничительные)	–	–	–
Относительные (абсолютные)	+	–	–

Таким образом, анализ фактического материала позволяет выделить следующие закономерности использования ударных частиц в придаточных предложениях:

1. Ударная частица *JA* не может употребляться в иллокутивно несамостоятельных темпоральных придаточных, объектных придаточных с фактивным предикатом, инструментальных и относительных рестриктивных придаточных. Ударная частица *DOCH* возможна в иллокутивно несамостоятельных придаточных следствия, места и инструментальных придаточных. Функциональное назначение этой частицы – выражение отрицания. Именно этим и объясняется идентичность инструментальных предложений с ударным подчинительным союзом и частицей *DOCH*. Аналогичную функцию ударная частица *JA* в данных типах придаточных выполнять не может. В этом и состоит одно из отличий между ударными частицами *JA* и *DOCH*.

2. Расхождения в возможности употреблении модальных и дискурсивных частиц *JA* и *DOCH* в придаточных предложениях можно объяснить, по всей видимости, следующими факторами:

a) особенностями семантики и функций частиц. Так, например, модальная частица *ja* может выступать в роли коннектора, что никак нельзя сказать об ударной частице *JA*, функцией которой является усиление высказывания. В свою очередь, это отражается в том, что ударные частицы не могут выступать в иллокутивно самостоятельных относительных предложениях и в иллокутивно самостоятельных темпоральных придаточных;

b) особым статусом ударной частицы *DOCH*. Эта частица может быть употреблена в некоторых иллокутивно несамостоятельных предложениях, кодируя фокус истинности, или, иными словами, передавая отрицание через утверждение. Ее отличает от других частиц – способность выступать как самостоятельное предложение, функцией которого является отрицание высказывания собеседника, и передавать отрицание предыдущего высказывания, создавая контраст между высказыванием говорящего и собеседника.

3. Ни модальная частица *ja,* ни ударные частицы *JA* и *DOCH* не могут стоять:

– в придаточных объектных, если предикат матричного предложения фактивен;

– иллокутивно несамостоятельных темпоральных;

– иллокутивно несамостоятельных относительных рестриктивных;

– иллокутивно несамостоятельных каузальных предложениях.

По всей видимости, это объясняется тем, что перечисленные виды предложений представляют собой особый тип иллокутивно несамостоятельных предложений, придаточная часть которых не может содержать абсолютно никаких субъективных компонентов, в том числе и отрицания, передаваемого ударной частицей *DOCH*.

Литература

1. *Кутасина Е.С., Раевский М.В.* Еще раз о виде подчинительной связи словосочетаний типа ein Liter Wasser и падежной форме их второго компонента // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1985. № 2. С. 48–56.

2. *Семантика* слова и словосочетания в немецком языке / отв. ред. М.В. Раевский. Тула : Тул. гос. пед. ин-т, 1977. 150 с.

3. *Шубина Э.Л.* К проблеме синтаксического варьирования в современном немецком языке // Вопросы теории языка и вопросы преподавания иностранных языков. Таганрог, 2005. С. 295–302.

4. *Thurmair M.* Modalpartikeln und ihre Kombinationen. Tübingen : Niemeyer Verlag, 1989. 315 S.

5. *Coniglio M.* Die Syntax der deutschen Modalpartikeln. Ihre Distribution und Lizenzierung in Haupt- und Nebensätzen. Berlin : Akademieverlag, 2011. 220 S.

6. *Averina A.* Partikeln im komplexen Satz. Frankfurt-am-Main : Peter Lang, 2015. 244 S.

7. *Die Zeit*. 12.01.2012.

8. *Die Zeit*. 27.11.2016.

9. *Die Zeit*. 23.06.2015.

10. *Аверина А.В.* Заметки о свойствах частицы JA в немецком языке // Филологические науки // Вопросы теории и практики. 2016. № 3 (57), ч. 1. С. 69–74.

11. *Meibauer J.* Modaler Kontrast und konzeptuelle Verschiebung. Studien zur Syntax und Semantik deutscher Modalpartikeln. Tübingen : Niemeyer Verlag, 1994. 252 S.

12. *Аверина А.В.* Феномен Verum в немецком языке как глубинный модальный компонент высказывания и его русские соответствия // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». 2015. № 2 (26). С. 36–46.

13. *Web-Korpus* COLiBRi. URL: https://www.webcorpora.org/

14. *Kiparsky P., Kiparsky C.* Fact // Syntax und generative Grammatik. Athenaion, 1974. Bd. 1. P. 257–304.

15. *Die Zeit*. 27.11.2016.

16. *DeWaC*. URL: https://www.linguistik.hu-berlin.de/institut/professuren/korpuslinguistik/korpora

17. *Die Zeit*. 28.11.2016.

18. *Zifonun G., Hoffmann L., Strecker B.* Grammatik der deutschen Sprache. Berlin ; New York : De Gruyter,1997.

19. *Die Zeit*. 30.05.2011.

20. *Die Zeit*. 04.12.2016.

STRESSED PARTICLES IN THE GERMAN DEPENDENT CLAUSE (EXEMPLIFIED BY PARTICLES *JA* AND *DOCH*)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 52. 5–17. DOI: 10.17223/19986645/52/1

Anna V. Averina, Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: Anna.averina@list.ru

Keywords: discourse particles, modal particles, illocutive independent clauses, negation, modality.

The article deals with the possibility of usage of stressed particles JA and DOCH in German dependent clauses. The possibility of German stressed particles to be used in dependent clauses is compared with that of modal particles, because modal particles are main clause phenomena and can be used in illocutive independent clauses (or central clauses). The author understands illocutive independence as the possibility of dependent clauses to include subjective components. Stressed particles possess some features of usage in German dependent

clauses which differ from those of modal particles. The article shows that the stressed particle JA cannot be used in illocutive independent temporal clauses, in objective clauses if factive predicates are used in matrix clauses, in instrumental clauses and in relative restrictive clauses. It is possible to use this particle in subjective clauses, in objective clauses if the matrix clause contains non-factive predicates, in illocutive independent causal clauses, in conditional clauses as well as in dependent clauses with the meaning of result or effect. The stressed particle DOCH is possible in illocutive independent clauses of result, in local clauses as well as in instrumental clauses. It can be explained by the fact that it encodes Verumfokus, or the focus of truth, or in other words, it can express negation through assertion. This particle has two special features: (1) it can be used as an independent clause whose function is the negation of the interlocutor's utterance, and (2) it can express the negation of the previous utterance making the contrast between the utterance of the speaker and the interlocutor. Local clauses can be considered as a classic example of the usage of the stressed particle DOCH in an illocutive independent clause. It is worth noting that in relative absolute sentences which are illocutive independent, stressed particles JA and DOCH cannot be used. It can be explained by semantic peculiarities of this type of dependent clause: relative absolute clauses are used to supplement what has already been said, and supplementary information cannot be said to express only the disagreement of the speaker with the interlocutor's position. Neither the modal particle *ja* nor the stressed particles *JA* or *DOCH* can be used in:

– objective clauses if the matrix predicate is factive;
– illocutive independent temporal clauses;
– illocutive independent instrumental causes;
– relative restrictive clauses;
– illocutive independent causal clauses.

It can be explained by the fact that these clauses are classic illocutive independent clauses, whose dependent part cannot include any subjective components, including negation expressed by the stressed particle DOCH.

This research is based on the web-corpus DeWaC of the Humboldt University of Berlin, web-corpus COLiBRi of the Freie University of Berlin, the journal corpus Die Zeit online. The author has also turned to native speakers because the corpus data do not contain intonation layout and there are a few inaccuracies. It allowed determining if stressed particles are possible in different types of dependent clauses. On the whole, the data in the analysis represent the opinion of 90% of respondents

References

1. Kutasina, E.S. & Raevskiy, M.V. (1985) Eshche raz o vide podchinitel'noy svyazi slovosochetaniy tipa ein Liter Wasser i padezhnoy forme ikh vtorogo komponenta [Once again about the form of the subordinate connection of word combinations of the ein liter Wasser type and the case form of their second component]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*. 2. pp. 48–56.

2. Raevskiy, M.V. (1977) *Semantika slova i slovosochetaniya v nemetskom yazyke* [Semantics of words and phrases in German]. Tula: Tula State Pedagogical Institute.

3. Shubina, E.L. (2005) [On syntactic variation in modern German]. *Voprosy teorii yazyka i voprosy prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Issues of the theory of language and issues of teaching foreign languages]. Proceedings of the conference. Taganrog. June 2005. Taganrog: Taganrog State Pedagogical Institute. pp. 295–302. (In Russian).

4. Thurmair, M. (1989) *Modalpartikeln und ihre Kombinationen* [Modal Particles and Their Combinations]. Tübingen: Niemeyer Verlag.

5. Coniglio, M. (2011) *Die Syntax der deutschen Modalpartikeln. Ihre Distribution und Lizenzierung in Haupt- und Nebensätzen* [The Syntax of the German Modal Particles. Their distribution and attribution in main and sub-clauses]. Berlin: Akademieverlag.

6. Averina, A. (2015) *Partikeln im komplexen Satz* [Particles in the Complex Sentence]. Frankfurt: Peter Lang.

7. *Die Zeit*. (2012)12 January.

8. *Die Zeit*. (2016) 27 November.

9. *Die Zeit*. (2015) 23 June.

10. Averina, A.V. (2016) On the features of the particle ja in the German language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of theory and practice*. 3 (57):1. pp. 69–74. (In Russian).

11. Meibauer, J. (1994) *Modaler Kontrast und konzeptuelle Verschiebung. Studien zur Syntax und Semantik deutscher Modalpartikeln* [Modal contrast and conceptual shift. Studies on the syntax and semantics of German modal particles]. Tübingen: Niemeyer Verlag.

12. Averina, A.V. (2015) The Verum phenomenon as an implicit modal component of the utterance and its Russian equivalents *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya "Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya"*. 2 (26). pp. 36–46. (In Russian).

13. Web-Korpus SOLiBRi. [Online] Available from: https://www.webcorpora.org/.

14. Kiparsky, P. & Kiparsky, C. (1974) Fact. In: Kiefer, F. & Perlmutter, D.M. (eds) *Syntax und generative Grammatik* [Syntax and generative grammar]. Vol. 1. Wiesbaden Athenaion.

15. *Die Zeit*. (2016) 27 November.

16. DeWaC. [Online] Available from: https://www.linguistik.hu-berlin.de/institut/professuren/korpuslinguistik/korpora.

17. *Die Zeit*. (2016) 28 November.

18. Zifonun, G., Hoffmann, L & Strecker, B. (1997) *Grammatik der deutschen Sprache* [Grammar of German]. Berlin et al.: De Gruyter.

19. *Die Zeit*. (2011) 30 May.

20. *Die Zeit*. (2016) 04 December.

УДК 81'23
DOI: 10.17223/19986645/52/2

М.С. Власов, О.А. Сычев

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕРАБОТКИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ РУССКОГО ЯЗЫКА)[1]

Представлены результаты исследования скорости визуального распознавания слов русского языка с разной эмоциональной окраской у испытуемых с различными характеристиками эмоциональной сферы. Два эксперимента LDT в парадигмах yes/no и go/no-go показали, что наиболее быстро распознаются позитивно окрашенные слова, наименее – негативно окрашенные. Модели со смешанными эффектами позволили обнаружить тенденцию к взаимодействию эмоциональной окраски с особенностями испытуемых и частотностью слов.

Ключевые слова: *визуальное распознавание слова, эмоциональная окраска слов, позитивный аффект, негативный аффект.*

Введение

Задание на лексическое решение (*lexical decision task, LDT*) – простейший поведенческий тест для изучения семантической памяти, использующийся при анализе неосознаваемых, автоматических влияний на восприятие и понимание [1]. В данном задании испытуемые должны решить как можно быстрее и точнее, какая последовательность букв представлена на экране – слово (word) или неслово (nonword), т.е. «орфографически неупорядоченный набор букв», либо вместо неслов используются псевдослова (pseudowords), т.е. «орфографически упорядоченные наборы букв», похожие на слова, но не имеющие смысла (указанные термины используются в когнитивной науке и раскрываются в работах Б.М. Величковского [Там же]). Испытуемый принимает решение, нажимая соответствующую кнопку компьютера, а программа фиксирует правильность и скорость ответа. Результаты, получаемые с помощью данной методики, должны оцениваться экспериментатором не только с концептуальной точки зрения (например, с точки зрения моделей визуального распознавания слов), но и собственно процедурной (дизайна эксперимента).

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-36-01112 «Эмоциональные и лингвистические предикторы времени реакции и точности выполнения экспериментальных заданий на русском языке»).

Концептуальные аспекты визуального распознавания слов в задаче лексического решения

Объектом данного исследования является процесс визуального распознавания слов в задании LDT. Традиционно в данном процессе выделяются «лексический» и «нелексический» способы переработки информации [2]. «Лексическим» способом анализируются, как правило, хорошо знакомые слова, «нелексическим» – малознакомые или трудные для прочтения. По мнению Б.М. Величковского [1], в процессе переработки визуального стимула можно выделить три вида декодирования информации: фигуративный, фонематический, семантический. Указанная уровневая структура не предполагает хронологической последовательности. «Включение» семантической обработки на очень ранней стадии подтверждается тем, что буква, включенная в слово, распознается проще, чем буква, включенная в псевдослово (так называемый «эффект превосходства слова»). А.И. Измалкова отмечает, что если рассматривать различные «стратегии» распознавания слов, можно говорить о том, что в некоторых случаях акцент смещается на тот или иной этап декодирования информации [3].

В структуре процесса визуального распознавания слова при выполнении задания LDT с учетом его специфики могут быть выделены различные стадии.

Ранней и, по-видимому, первой стадией этого процесса, по мнению Y. Hino, S.J. Lupker, является этап *лексического выбора* (*lexical selection*). Испытуемый лишь осуществляет поиск в ментальном лексиконе соответствующей единицы, тогда как процессы извлечения фонологической, синтаксической или семантической информации оказываются еще незадействованными. Часто данный процесс называют лексическим доступом (*lexical access*), однако авторы рекомендуют использовать термин «лексический выбор», наиболее точно отражающий именно ранние этапы распознавания слова в задании LDT. Считается, что на данной стадии особенно четко проявляются эффекты частотности слов (*word frequency effects*), а на последующих стадиях они ослабевают [4].

Большинство моделей визуального распознавания слова исходят из предположения, что скорость лексического выбора в основном определяется частотностью употребления единицы в узусе, которая извлекается из репрезентативного корпуса (см., например, модель поиска [5]; модель резонанса [6]; модель множественного считывания данных [7]; модель интерактивной активации [8]; модель активации и верификации [9]).

В классических моделях, например логогенной модели [10] и модели интерактивной активации [8], эффект частотности объясняется предположением о существовании лексических репрезентаций, чувствительных к частотности их употребления. Согласно этим моделям лексические репрезентации являются механизмами сбора значимых данных (*evidence-collecting devices*) с настраиваемыми порогами их активации в памяти: в процессе предъявления визуального стимула уровень активации лексиче-

ской репрезентации растет пропорционально росту визуального сходства между входным сигналом и произношением слова, представляющего данную лексическую репрезентацию. Данный процесс активации имеет определенный временной порог, после преодоления которого процесс лексического выбора считается завершенным, при этом скорость лексического выбора обратно пропорциональна частотности слова. Таким образом, эффекты частотности в указанных выше моделях проявляются в меньшем времени лексического выбора (более быстром достижении «порога активации») для высокочастотных слов [4].

Авторы других моделей, например модели верификации [11], модели лексического поиска [5], предполагают, что лексический выбор осуществляется путем последовательного сопоставления входного сигнала с признаками упорядоченных по частотности лексических репрезентаций (например, на основе орфографического сходства), при этом высокочастотные единицы доступны для сопоставления в первую очередь. Данный процесс авторы называют *частотно-упорядоченным последовательным сопоставлением (frequency-ordered sequential matching process)*. Указанный процесс также является чувствительным к эффектам частотности.

В работе Y. Hino, S.J. Lupker [4] отмечается, что все указанные типы моделей основаны на идее о том, что лексический выбор является главным процессом визуального распознавания слова, а эффекты частотности проявляются именно на данной стадии. Кроме этого, определенное воздействие на скорость лексического выбора могут оказывать частотность корневой морфемы, длина слова в знаках и слогах, семантическое богатство слова (*semantic richness*). Выделение последнего фактора, изучавшегося многими учеными и на разном языковом материале, основано на том, что значение слова может быть активировано в ментальном лексиконе до того, как данное слово полностью распознано [12], однако последние экспериментальные исследования показали, что семантическая обратная связь (*semantic feedback*) обычно не связана с ранними стадиями лексического выбора и доступа к лексическим репрезентациям, а больший эффект на динамику данного процесса оказывают контекст задания, дизайн теста [13].

Вторая стадия распознавания слова – принятие решения о классификации стимула как слова или неслова (*response decision stage*). По-прежнему на данной стадии может быть значимым эффект частотности слова [14, 15], однако большое значение имеют и тип выполняемого задания (например, *yes/no* или *go/no-go*), а также семантические, фонологические и морфо-синтаксические характеристики стимулов (особенно для слов сверхнизкой частотности).

Третья стадия – осуществление моторной реакции (*response selection stage*), в ходе которой испытуемый нажимает необходимую кнопку для ответа. Как будет показано ниже, на данной стадии вмешиваются факторы, связанные с личностью испытуемого и типом задания, причем эти факторы могут значительно повлиять на данные о времени реакции испытуемого.

Рассмотренные выше предположения о дискретности стадий переработки лексической информации, механизмах активации лексических и семантических репрезентаций не являются общепринятыми среди исследователей. Так, если более ранние модели визуального распознавания слова однозначно постулировали дискретность данного процесса [5], то более поздние компьютерные модели описывают каскадный способ переработки лексической информации [16]. Дискуссия относительно того, какие из моделей надежнее прогнозируют лексические и семантические эффекты в разного рода задачах (в том числе в задаче лексического решения), продолжается до сих пор и представляет собой отдельный предмет исследования.

Что касается эффекта эмоциональной окраски слова (valence effect), то он представляет собой наиболее интересную область, поскольку может проявляться как на лексическом, так и на семантическом уровнях, а понимание сути эмоциональной окрашенности как языковой репрезентации позволит значительно усовершенствовать существующие модели визуального распознавания слов [17].

Процедурный аспект задачи лексического решения: парадигмы *yes/no* и *go/no-go*

Методика LDT предназначена для изучения процесса визуального распознавания слов путем регистрации моторной реакции на целевые вербальные стимулы. В этом задании показателем скорости принятия решения является время реакции на стимулы, которое должно быть максимально приближено к общей длительности фиксаций взгляда на целевом слове (приблизительно 350–450 мс), полученной с помощью методики регистрации движений глаз [18].

Задание моделируется в двух основных вариантах, называемых парадигмами *yes/no* и *go/no-go* [19]. В стандартном *yes/no LDT* за словами и несловами «закреплены» отдельные клавиши для ответа испытуемого. Некоторые исследователи считают, что эта произвольность в дизайне эксперимента значимо влияет на время реакции (ВР) испытуемого, создает дополнительный «информационный шум»: испытуемый нередко случайно нажимает кнопку неверного ответа, несмотря на то, что стимул он классифицировал верно [20]. В то же время минимизация ошибок в процессе выполнения задания является одной из важнейших задач [21].

Для решения указанных задач исследователями B. Gordon [6], B. Gordon и A. Caramazza [22] был предложен иной вариант задания – *go/no-go LDT*, в котором испытуемый должен реагировать нажатием одной кнопки только на слова либо, напротив, только на неслова [23]. При изучении визуального распознавания слов, как правило, используется первый вариант, с опорой на *эффект превосходства слова*[2], широко известный в когнитивной науке, при этом реакции на неслова специально не анализируются.

[2] Эффект превосходства слова представляет собой отдельную проблему психологических и когнитивных исследований (подробнее см. работы М.В. Фаликман, Е.С. Горбуновой и др.).

В целом слова распознаются быстрее в задании *go/no-go LDT,* чем *в yes/no LDT*, что подтверждается на материале специальных исследований [23, 24]. Авторы M. Perea, E. Rosa, C. Gomez [19] справедливо отмечают, что основное отличие рассматриваемых методик в наличии или отсутствии «эффекта конкуренции стимулов». В задании *yes/no LDT* данный эффект регулируется эффектом частотности слова, который может вызывать отложенные ответы на целевые стимулы (высокочастотные слова распознаются значимо быстрее и точнее, т.е. оказываются априори более предпочтительными для ответов, чем неслова). Низкочастотные слова в данном задании усиливают конкуренцию стимулов, т.е. для испытуемого и слова и неслова становятся одинаково предпочтительными для ответа [25]. Эффект конкуренции слов и неслов минимален в задании *go/no-go LDT*, поскольку на неслова от испытуемого не требуется моторной реакции, однако при анализе времени реакции вмешивается дополнительный «информационный шум»: при распознавании малознакомых слов испытуемый может откладывать ответ до тех пор, пока не убедится, что перед ним слово, а не бессмысленный набор букв [4].

Perea et. al. [19] считают, что в задании *yes/no LDT* процесс принятия решения является более трудоемким и избыточным для изучения процесса визуального распознавания слов по сравнению с вариантом *go/no-go LDT.* Ошибки при распознавании слов в первом варианте задания могут быть вызваны искаженным восприятием на ранних стадиях анализа, быстрым отвержением слов с необычным произношением (например, *lilac, yacht*), субъективным «временным критерием» выбора варианта ответа, а также при неуверенности испытуемого в правильности произношения стимула [14, 26–28]. Высокий процент ошибок в задании *yes/no LDT* требует от экспериментатора удаления этих ошибочных реакций. В результате получают искаженные данные о распределении значений времени реакции, нерелевантные эффекту частотности слова [21. С. 319].

Вариант задания *go/no-go LDT* согласно Perea et. al. [19] имеет ряд преимуществ для изучения процессов визуального распознавания слов и нивелирования указанных выше шумов. В частности, в их исследовании на материале испанского языка показан меньший процент ошибок испытуемых по сравнению с *yes/no LDT* (данный факт подтверждается и на материале других языков [4, 22, 29, 30], особенно на низкочастотные единицы, значительно снижается процент ошибок на слова по сравнению с неславами, хотя ошибки, связанные с неуверенностью в произношении редких, малознакомых слов, по-прежнему сохраняются. Исследование показало, что скорость распознавания слов в задании *go/no-go LDT* была значимо большей, при этом магнитуда такого мощного фактора, как частотность слов, значимо не отличалась от результатов задания *yes/no LDT* (в задании *go/no-go LDT* реакции на слова высокой, низкой и сверхнизкой частотности приблизительно на 67 мс быстрее, чем в задании *yes/no LDT*). Этот дополнительный эффект подтверждается в одних работах [22], но опровергается в других [4, 30], в которых тем не менее слова сверхнизкой частотности не выделялись в отдельную контролируемую группу.

Стоит также упомянуть проблему влияния вариативности моторного времени реакции на изучаемое время распознавания слова в двух рассмотренных вариантах теста. Например, при анализе показателей вариации в указанных заданиях исследователи не приходят к однозначным выводам [4, 23, 30].

Таким образом, оба варианта теста LDT являются приемлемыми и обоснованными для изучения процессов визуального распознавания слов, причем сравнение данных с использованием *yes/no* и *go/no-go* парадигм может представлять отдельный интерес для исследователей.

Влияние эмоциональной окраски слов на скорость из визуального распознавания

Последние работы в области переработки лексической информации на материале ряда языков в условиях задачи лексического решения подтверждают влияние эмоциональной окраски слов на скорость их визуального распознавания. В подобных экспериментах используются дизайны с конкурирующими по эмоциональной окраске стимулами. Также контролируются «неэмотивные» лингвистические характеристики слов-стимулов (например, длина слова, частотность, количество «орфографических соседей» и др.). В поисках объяснения результатов экспериментов, которые часто оказываются противоречивыми, исследователи обращаются к анализу различных семантических факторов.

К числу подобных факторов, представляющих интерес в контексте визуального распознавания эмоционально окрашенного слова, относится его «семантическое богатство» (*semantic richness*) [31]. Под этим термином понимается многоаспектный конструкт, отражающий степень вариативности информации, связанной со значениями слова [32]. Некоторые авторы определяют это понятие как «богатство семантической репрезентации слова» [13]. В этот конструкт входят количество семантических характеристик слова, связанных с его референтом; удельный вес «семантических соседей»; количество значений слова-стимула; количество различных «первых ассоциаций», полученных методом свободного ассоциативного эксперимента; образность, т.е. степень способности слова порождать ментальные образы; телесно-объектное взаимодействие, т.е. степень возможного взаимодействия человеческого тела с референтом слова-стимула; степень активации словом-стимулом сенсорного или перцептивного опыта и эмоциональная окрашенность (valence), противопоставленная по признакам позитивное, негативное и нейтральное.

Исходя из представлений о семантическом богатстве слова, предполагают, что стимулы с положительной и отрицательной эмоциональной окраской ассоциируются с большим объемом семантической информации, чем нейтральные стимулы, и в большей степени активируют обратную связь на уровне слова. Хотя мнение о сугубо семантической природе процесса визуального узнавания слова в настоящее время не находит под-

держки, сами процессы и механизмы, лежащие в основе этого семантического воздействия, остаются слабоизученными [31, 33]. Кроме того, Yap и Seow [34] считают, что подобные гипотезы невозможно проверить на уровне значений времени реакции (ВР), так как их анализ не является чувствительным к тонким аспектам принятия лексического решения. При этом в экспериментах, проведенных этими авторами, было показано, что слова с положительной и отрицательной эмоциональной окраской распознавались быстрее, чем слова с нейтральной окраской.

В одной из последних экспериментальных работ по этой проблеме [35] авторы на большой выборке стимулов (12 658 слов), контролируя максимальное количество лексических и семантических факторов, установили более точные эмоциональные эффекты в процессе визуального распознавания слов: независимый вклад в данный процесс вносят как эмоциональная окраска стимула, так и характер его воздействия на испытуемого («возбуждающий или успокаивающий стимул», *arousal effect*). При этом слова с отрицательной эмоциональной окраской распознаются медленнее, чем слова с положительной окраской, а «возбуждающие» стимулы – медленнее, чем «успокаивающие». Эмоциональная окраска и характер воздействия стимула тесно связаны с его частотностью: эффекты усиливаются для низкочастотных слов. Эти результаты свидетельствуют о том, что существуют сложные механизмы воздействия эмоциональной окраски слов на их визуальное распознавание, однако их исследование требует тщательного контроля лингвистических характеристик предъявляемых слов-стимулов.

Рассматривая распознавание слов с различной эмоциональной окраской, необходимо принимать во внимание вероятное влияние на этот процесс эмоциональных особенностей личности. Наиболее изученным является влияние тревожности, которое выражается в виде «ошибки внимания» (*Attentional Bias*) в отношении негативных стимулов угрожающего характера [36]. Как на вербальных, так и на невербальных стимулах в рамках различных экспериментальных парадигм было показано, что тревожные люди уделяют угрожающим стимулам больше внимания, чем нейтральным, причем подобное не отмечается у лиц с низкой тревожностью. Кроме того, существуют данные, свидетельствующие о влиянии на восприятие эмоционально-окрашенных слов не только стабильных личностных свойств, но и эмоциональных состояний личности [37].

Постановка проблемы

Представленный обзор свидетельствует о том, что эмоциональная окраска стимулов как фактор визуального узнавания привлекает внимание зарубежных ученых, однако на материале русского языка подобные исследования являются редкостью. В то же время необходимо отметить, что уже сегодня создается научный задел для перспективных исследований в области обработки эмоционально окрашенной лексики русского языка. Среди

таких работ – база данных *ENRuN* Д.В. Люсина и Т.А. Сысоевой [38]. Авторы указывают, что база данных содержит нормативные оценки эмоциональной окраски имен существительных русского языка. В ходе проведенного опроса для 378 существительных были получены оценки по эмоциональным категориям «радость», «грусть», «злость», «страх» и «отвращение», показана высокая надёжность полученных данных, проанализированы половые различия и связь оценок по различным эмоциональным категориям. В данной базе для каждого слова по каждой из пяти эмоциональных категорий приводятся сведения о средней оценке выраженности данной эмоциональной категории, стандартном отклонении, минимальной и максимальной оценках.

На основе данных, представленных в этой базе, было исследовано влияние некоторых эмоциональных характеристик личности и эмоциональной окраски слов на их визуальное узнавание в задании LDT на материале русского языка. Было проведено два аналогичных исследования, первое из которых было реализовано в экспериментальной парадигме *yes/no*, а второе – *go/no-go*.

Исследование 1. Выборка, процедура и методы исследования: *yes/no* LDT

Для проверки гипотезы о наличии эффекта эмоциональной окраски слова на их визуальное узнавание было организовано экспериментальное исследование с использованием методики LDT в парадигме *yes/no*. В эксперименте приняли участие 44 испытуемых, 39 женского и 5 мужского пола, средний возраст 18,95 (SD = 1,29).

Для эксперимента использовались ноутбук *ASUS Intel Core i3-4030U, 1.9GHz, RAM 4GB* и пробная версия программного обеспечения *Inquisit 5*. Экспериментальный блок состоял из 20 тренировочных проб (10 слов и 10 неслов), основной блок – 120 слов русского языка (40 – с положительной, 40 – с отрицательной и 40 – с нейтральной эмоциональной окраской) и 120 неслов[3]. Для реакций на слова и неслова использовались две клавиши компьютера, согласно парадигме *yes/no* LDT. Все стимулы предъявлялись рандомизировано, по одному, напечатанные белым шрифтом *Arial* 20 pt посредине экрана, на черном фоне. Перед предъявлением стимула появлялся черный экран на 950 мс, затем символ «*» и сам стимул на 700 мс[4]. После ответа испытуемого предъявлялась следующая проба.

[3] Методика подбора слов и неслов с заданными лингвистическими и эмотивными характеристиками представлена в параграфе «Материалы исследования» данной статьи.

[4] В поведенческих исследованиях по методике LDT часто встречается следующий диапазон выбросов, исключаемых при анализе времени реакции на слово: до 200 мс и свыше 1 500 мс, при этом, как правило, считается, что для распознавания слова из 6–10 знаков необходимо менее 1 000 мс [39, 40]. В работе [41. С. 52] говорится о том, что в среднем на принятие лексического решения испытуемый тратит 500 мс, а на категоризацию слова – 700 мс. В связи с тем, что в нашем эксперименте задействован семан-

В начале процедуры испытуемым предъявлялась на мониторе следующая инструкция: «В этом задании сначала в центре экрана появится звездочка *, а затем на короткое время появится последовательность букв. Ваша задача – быстро определить, что перед Вами: настоящее, реальное слово русского языка или просто последовательность букв, которая не является словом. Если Вы увидите слово – нажмите клавишу «Ш», если неслово – нажмите клавишу «У». Будьте внимательны. Постарайтесь выполнять задание быстро и точно».

Для диагностики эмоциональных состояний и свойств личности испытуемых использовались соответствующие методики психологической диагностики: шкала личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера – Ю.Л. Ханина [42] и шкала позитивного аффекта и негативного аффекта (ШПАНА) Д. Уотсона и др. в адаптации Е.Н. Осина [43]. Методика ШПАНА включает две шкалы (позитивного аффекта и негативного аффекта), раздельно оценивающие выраженность позитивных и негативных эмоциональных состояний в течение прошедшей недели. Хотя использовавшиеся шкалы измеряют близкие характеристики эмоциональной сферы, корреляции между ними находились в пределах 0,28–0,54 (по модулю), что свидетельствует о нетождественности измеряемых ими конструктов. Следовательно, их использование в качестве самостоятельных предикторов вполне оправдано.

Статистический анализ проводился в среде R с использованием пакетов «lme4», «lmerTest», «sjPlot» и «MuMIn». В ходе анализа применялись линейные модели со смешанными эффектами, позволяющие учесть влияние не только фиксированных, но и случайных факторов (в задачах лексического решения последние, как правило, представлены в виде факторов испытуемого и стимула/слова) [44].

Модели со смешанными эффектами, по существу, являются расширением обычных линейных регрессионных моделей для случаев, когда наблюдения могут быть сгруппированы по одному или нескольким основаниям (например, время реакции в LDT может быть сгруппировано по испытуемым и по словам-стимулам). В таком случае коэффициенты регрессии разделяются на два типа: коэффициенты для фиксированных эффектов, одинаковые для всех наблюдений, и коэффициенты для случайных эффектов, различные для разных групп наблюдений (в нашем случае для разных испытуемых или слов).

Величина коэффициентов фиксированных эффектов для количественных предикторов отражает, как в среднем изменяется время реакции в миллисекундах при изменении величины соответствующего предиктора на единицу (при прочих равных условиях). Для категориального предиктора, в нашем случае эмоциональной окраски слова, эта величина отражает изменение среднего времени реакции при данном (позитивном или нейтральном) значении эмоциональной окраски в сравнении с тем, что

тический фактор, т.е. элементы категоризации лексического значения слова, было решено установить время предъявления стимула 700 мс.

наблюдается для слов с негативной эмоциональной окраской. Коэффициенты случайных эффектов отражают особенности в проявлении изучаемых зависимостей в каждой отдельной группе стимулов. В простейшем случае, если речь идет только об эффекте случайного среднего (константе), его величину можно интерпретировать как отклонение среднего в данной группе наблюдений от общего для всех групп значения.

Материалы исследования

В качестве слов-стимулов использовались имена существительные русского языка, поскольку именно для данной части речи уже создана база данных *ENRuN* с нормативными оценками эмоциональной окраски 378 единиц. Для настоящего эксперимента были отобраны лексические единицы с максимальными значениями эмоциональной окраски по двум основным шкалам – «радость» и «грусть», а также слова с нейтральной окраской со значением < 2 по обеим шкалам. Для выбранных стимулов была получена их частотность из словаря О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова [45], рассчитываемая как частота лексической единицы на миллион словоупотреблений (англ. *ipm, instances per million*). Полный список имен существительных с указанием средних оценок их эмоциональной окраски приведен в приложениях 1 и 2. Обобщенные по группам стимулов характеристики приведены в табл. 1.

Оценки слов-стимулов по другим эмоциональным шкалам («гнев», «страх» и «отвращение») использовались в ходе предварительного анализа характеристик стимулов, однако по его результатам были исключены. Результаты анализа показали, что все пять эмоциональных характеристик слов, приведенные в базе данных *ENRuN*, в нашей выборке имеют довольно тесные попарные корреляции (от 0,56 до 0,90 по модулю). С учетом этого было сделано предположение, что использование пяти эмоциональных характеристик является избыточным, поскольку за ними скрывается один общий фактор. Для проверки этого предположения был проведен эксплораторный факторный анализ, результаты которого представлены в табл. 2.

Эти результаты полностью подтверждают предположение, что эмоциональные характеристики образуют общий фактор. Все эмоциональные характеристики имеют достаточно высокие (более 0,70) факторные нагрузки на общий фактор, объясняющий 79% их дисперсии. Об оптимальности однофакторного решения свидетельствует как собственное значение для второго фактора, которое было существенно меньше единицы (0,54), так и форма графика «каменистой осыпи» [46]. Таким образом, для учета эмоциональных характеристик отобранных стимулов достаточно одного фактора позитивной – негативной эмоциональности (окраски), который в нашем исследовании был задан условиями отбора по двум основным шкалам («радость» и «грусть»).

Таблица 1

Статистические характеристики отобранных слов (стимулов)

Параметры	Среднее	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
Позитивные стимулы (N = 40)				
Частотность (*ipm*)	75,70	70,68	5,90	323,90
Длина (букв)	6,55	1,43	4,00	10,00
Длина (слогов)	2,35	0,53	1,00	3,00
Радость	4,40	0,18	4,11	4,83
Грусть	0,55	0,35	0,15	1,64
Гнев	0,15	0,11	0,02	0,53
Страх	0,36	0,27	0,04	1,49
Отвращение	0,15	0,09	0,02	0,38
Негативные стимулы (N = 40)				
Частотность (*ipm*)	45,07	78,15	2,80	425,90
Длина (букв)	6,33	1,46	4,00	9,00
Длина (слогов)	2,23	0,70	1,00	3,00
Радость	0,13	0,11	0,02	0,62
Грусть	3,32	0,50	2,62	4,38
Гнев	1,88	0,84	0,58	3,85
Страх	2,51	0,76	0,96	3,98
Отвращение	1,68	0,80	0,55	3,19
Нейтральные стимулы (N = 40)				
Частотность (*ipm*)	60,40	89,03	3,90	344,20
Длина (букв)	5,80	0,88	5,00	8,00
Длина (слогов)	2,23	0,42	2,00	3,00
Радость	1,14	0,46	0,28	2,00
Грусть	0,40	0,20	0,04	0,85
Гнев	0,11	0,09	0,02	0,30
Страх	0,30	0,26	0,02	1,06
Отвращение	0,11	0,05	0,00	0,19

Таблица 2

Результаты факторного анализа эмоциональных характеристик отобранных слов

Эмоциональные характеристики слов	Факторные нагрузки
Радость	0,73
Грусть	–0,93
Гнев	–0,92
Страх	–0,95
Отвращение	–0,90
Доля объясняемой дисперсии, %	79

Поскольку в настоящее время не существует репрезентативных баз данных неслов для проведения исследований на материале русского языка, в нашем случае генерация неслов осуществлялась следующим способом. С помощью англоязычного сервиса *ARC Nonword Database* [47] были сгенерированы неслова длиной от 2 до 10 букв с количеством всех видов орфографических соседей, равным 0. Из полученной совокупности было

отобрано 200 неслов (например, *ghwirsh*) для последующей транслитерации на кириллицу с помощью сервиса http://translit.cc/. Полученные 200 неслов (например, *гхвирш, сцванч* и т.п.) были оценены тремя экспертами-лингвистами как похожие или непохожие на кодифицированные слова русского языка (если неслово вызывало хотя бы одну ассоциацию, то оно исключалось из списка). После оценки были выбраны 120 неслов, которые не вызвали каких-либо ассоциаций с кодифицированными единицами (например, *гхвие, цвув* и т.п.). Таким образом, неслова подбирались с минимумом возможных орфографических соседей из числа кодифицированных слов и являлись орфографически неупорядоченными последовательностями букв, т.е. были не похожими ни на одно существующее слово русского языка. Полный список неслов представлен в приложении 3.

Результаты исследования и их обсуждение

В ходе анализа неверные реакции, а также реакции на неслова не учитывались. Для исключения выбросов использовался способ, ранее применявшийся в целом ряде поведенческих исследований по методике LDT (например, [34]). Из выборки были исключены все значения менее 200 мс, а также значения, отклоняющиеся более чем на 2,5 стандартных отклонения от индивидуальных средних значений ($M \pm 2{,}5SD$).

Линейные модели не требуют допущения о нормальности распределения исходных данных, однако это допущение становится важным в случае необходимости оценки статистической значимости полученных коэффициентов. Форма распределения данных о времени реакции также представляет теоретический интерес и обсуждается в соответствующей литературе. Наряду с нормальным распределением нередко рассматриваются обратное нормальное распределение и экспоненциально-преобразованное нормальное, однако необходимость и обоснованность их применения остаются дискуссионными [48].

В нашем случае анализ соответствия распределения данных нормальному с помощью критерия Шапиро – Уилка показал, что у 34 испытуемых распределение времени реакции (ВР) существенно отличается от нормального (при $p \leq 0{,}05$). Обратное преобразование данных (1/ВР) не привело к существенному улучшению, так как отклонение от нормального распределения оставалось значимым у 26 испытуемых. Учитывая устойчивость линейных моделей по отношению к нарушениям допущения о нормальности, а также ввиду того, что преобразование данных усложняет интерпретацию результатов, было принято решение использовать исходные значения ВР.

К числу типичных вмешивающихся факторов, часто оказывающих влияние на результаты, относятся эффекты номера стимула в последовательности и времени реакции на предыдущий стимул [44]. Первый из этих эффектов отражает врабатываемость и утомляемость испытуемых, а также

любое постепенное изменение времени реакции в процессе эксперимента. С ним связан и второй эффект, который отражает также менее длительные процессы, объясняющие общие факторы в реакции на относительно короткие последовательности стимулов. Для контроля этих эффектов в предварительную модель были введены факторы номера пробы и времени предыдущей реакции (для первой реакции значение этой переменной было установлено равным среднему для испытуемого). Анализ этой модели показал, что статистически значимым (при $p \leq 0{,}001$) в нашем случае является лишь эффект предыдущей реакции, поэтому данный фактор использовался для контроля во всех последующих моделях.

С учетом имеющихся в литературе данных относительно лингвистических предикторов времени реакции для контроля их эффектов в модель были включены две переменные: частотность слов (десятичный логарифм от *ipm*) и их длина (в буквах).

В качестве предполагаемых психологических предикторов времени реакции на слова с различной эмоциональной окраской использовались личностная тревожность как одно из устойчивых эмоциональных свойств личности и эмоциональные состояния, отражающие выраженность позитивного и негативного эффекта в течение последней недели. Поскольку предположение о взаимодействии личностных факторов и эмоциональной окраски слов выглядит разумно, была выполнена проверка возможных попарных взаимодействий, которая показала, что статистическую значимость на уровне тенденции ($p \leq 0{,}10$) показывает взаимодействие позитивной эмоциональной окраски слов и позитивной аффективности. В отличие от исследования Купермана с соавторами [35] анализ взаимодействия эмоциональной окраски с частотностью не показал статистически значимых эффектов ($p > 0{,}50$), по этой причине подобное взаимодействие в модель не включалось.

Таким образом, на основе теоретических предпосылок и результатов предварительного анализа в качестве фиксированных эффектов в модель были включены следующие предикторы: предшествующее ВР, длина слова, логарифм частотности, эмоциональная окраска слов, личностная тревожность, позитивный аффект, негативный аффект, а также взаимодействие позитивного аффекта и эмоциональной окраски слов. Для анализа случайных эффектов была выполнена процедура пошагового усложнения модели с добавлением нового случайного эффекта на каждом шаге и сравнением с предыдущей моделью. Результаты такого анализа приведены в табл. 3.

Результаты сравнения моделей, представленные в табл. 1, свидетельствуют о том, что статистическую значимость (при $p \leq 0{,}05$) показывают все случайные эффекты за исключением случайных коэффициентов длины слова и случайных коэффициентов позитивного аффекта, которые не были включены в итоговую модель.

Таблица 3

Сравнение моделей с различным числом случайных эффектов

Случайные эффекты		df	AIC	BIC	Логарифм функции правдоподобия	Критерий отношения правдоподобия (LRT)	
По испытуемым	По словам					хи-квадрат (*df*)	p-уровень
Случайное среднее для испытуемого	Нет	13	63 288	63 373	–31 631		
Пр. модель	Случайное среднее для слова	14	63 280	63 371	–31 626	10,09 (1)	0,0015
Случайные коэффициенты эмоциональности слова + пр. модель	Пр. модель	19	63 271	63 394	–31 616	19,22 (5)	0,0017
Случайные коэффициенты частотности слова + пр. модель	Пр. модель	23	63 231	63 381	–31 592	47,75 (4)	0,0000
Случайные коэффициенты длины слова + пр. модель	Пр. модель	28	63 235	63 417	–31 590	5,81 (5)	0,3255
Пр. модель	Случайные коэффициенты тревожности + пр. модель	30	63 228	63 424	–31 584	10,86 (2)	0,0044
Пр. модель	Случайные коэффициенты позитивного аффекта + пр. модель	33	63 228	63 442	–31 581	6,71 (3)	0,0816
Пр. модель	Случайные коэффициенты негативного аффекта + пр. модель	37	63 222	63 463	–31 574	13,18 (4)	0,0104

Примечание. Сокращение «пр. модель» означает «те же эффекты, что и в предыдущей модели (в строке выше)». Случайные эффекты вводились в модели как коррелирующие между собой.

Случайные эффекты негативного аффекта и личностной тревожности показали высокую корреляцию (более 0,90) между собой и со случайным средним по словам. По этой причине из этих трех случайных эффектов

был оставлен лишь эффект случайного среднего. Таким образом, в итоговую модель в качестве случайных эффектов были введены случайные средние для испытуемого и для стимула, а также случайные коэффициенты для частотности и эмоциональной окраски слов. Оценки коэффициентов фиксированных эффектов данной модели и их статистическая значимость представлены в табл. 4.

Таблица 4

Значения коэффициентов фиксированных эффектов для итоговой модели и оценка их статистической значимости

Фиксированные эффекты	Коэф.	Стд. ош.	df	t-знач.	*p*(Satt)
Константа	801,61	92,45	45,20	8,67	0,0000
Предшествующее ВР	0,06	0,01	4893,39	8,92	0,0000
Длина слова	3,14	2,00	111,75	1,57	0,1193
Логарифм частотности	–25,06	7,31	61,89	–3,43	0,0011
Эмоциональная окраска: нейтральная	–16,73	20,38	53,15	–0,82	0,4154
Эмоциональная окраска: позитивная	–41,65	18,35	431,62	–2,27	0,0237
Личностная тревожность	–55,15	29,59	39,64	–1,86	0,0698
Позитивный аффект	–31,90	13,94	41,14	–2,29	0,0273
Негативный аффект	6,18	17,67	39,78	0,35	0,7285
Взаимодействие: нейтральная эмоциональная окраска × позитивный аффект	5,87	6,42	47,78	0,91	0,3652
Взаимодействие: позитивная эмоциональная окраска × позитивный аффект	9,92	5,79	384,94	1,71	0,0876

Примечание. p(Satt) – оценка уровня значимости с расчетом степеней свободы с использованием аппроксимации по методу Саттертуэйта.

Доля объясняемой дисперсии для этой модели составила R^2общ. = 0,29, при этом доля дисперсии, объясняемая фиксированными факторами, составила R^2фикс. = 0,049 (для оценки долей объясняемой дисперсии использовался метод, предложенный в работе [49]).

Фиксированные эффекты, представленные наглядно в упорядоченной по величине последовательности на рис. 1, позволяют сделать вывод о наличии влияния на время реакции как лингвистических, так и психологических характеристик. Среди лингвистических факторов статистически значимый эффект показали позитивная эмоциональная окраска слова и его частотность. Оба эти эффекта являются отрицательными: влияние этих факторов проявляется в сокращении ВР. Эффект нейтральной эмоциональной окраски не является статистически значимым, однако он также лежит в диапазоне отрицательных значений. Таким образом, слова с негативной эмоциональной окраской характеризуются наибольшим временем реакции, а слова с позитивной окраской – наименьшим, хотя величина различий довольно мала (рис. 2).

Из психологических факторов статистически значимое влияние на ВР показал позитивный аффект, который также приводит к сокращению ВР. Влияние личностной тревожности на ВР не достигает статистической значимости, однако есть тенденция к подобному эффекту ($p \leq 0,10$). Кроме

того, на уровне тенденции ($p \leq 0{,}10$) обнаруживается положительный эффект взаимодействия позитивного аффекта и позитивной эмоциональной окраски слова. Этот факт означает, что лица с высокой выраженностью позитивных эмоциональных состояний склонны медленнее реагировать на слова с позитивной эмоциональной окраской.

Величина эффекта случайных средних по испытуемым находилась в пределах от –171 до 307 мс, что свидетельствует о весьма широком диапазоне индивидуальных различий во времени реакции. Величина эффекта случайных средних по словам лежит в гораздо более узком диапазоне: от –20 до 28. Дисперсия, соответствующая случайным эффектам (табл. 5), также указывает на то, что вклад особенностей слов имеет гораздо меньшую величину, чем вклад индивидуальности испытуемых.

Рис. 1. Фиксированные эффекты эмоциональных свойств стимулов и эмоциональных особенностей испытуемых на время реакции в «yes-no» эксперименте (горизонтальные линии отражают 95-процентный доверительный интервал, * – уровень значимости $p \leq 0{,}05$; ** – уровень значимости $p \leq 0{,}01$; *** – уровень значимости $p \leq 0{,}001$)

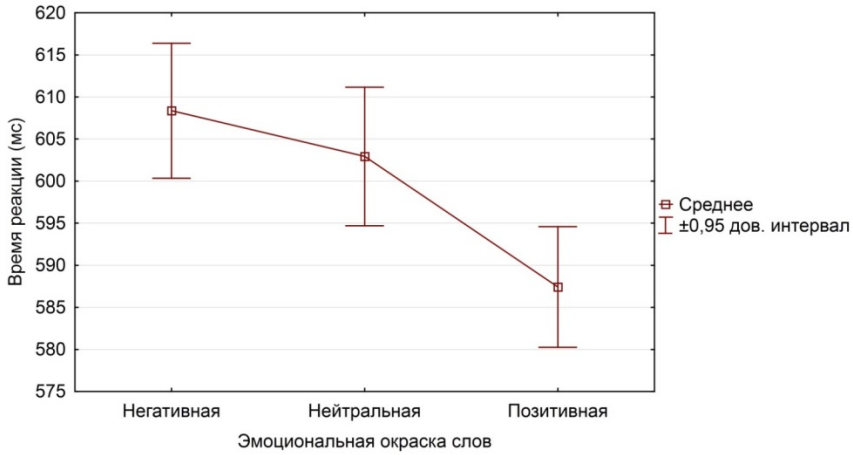

Рис. 2. Время реакции на слова с различной эмоциональной окраской в «yes/no» эксперименте

Таблица 5

Характеристика случайных эффектов

Категория	Эффект	Дисперсия	Корреляции эффектов по испытуемым		
			Случайное среднее	Частотность	Нейтральная эмоц. окраска
Слова	Случайное среднее	260,05			
Испытуемые	Случайное среднее	11 297,50			
	Частотность	1 113,69	–0,82		
	Нейтральная эмоциональная окраска	630,46	0,56	–0,82	
	Позитивная эмоциональная окраска	19,27	0,10	0,49	-0,57
Остаточная дисперсия		18 521,20			

Представленные в табл. 5 корреляции случайных эффектов по испытуемым отражают наличие довольно тесных взаимосвязей между ними. Прежде всего, можно сделать вывод, что обратный эффект частотности на время реакции существенно сильнее проявляется у испытуемых с высоким средним временем реакции. Иными словами, «медленные» испытуемые более склонны ускорять реакцию при предъявлении слов с высокой частотностью, в то время как у «быстрых» испытуемых подобный эффект отсутствует или проявляется противоположная зависимость. Кроме того, «медленные» испытуемые склонны в первую очередь медленнее реагировать на слова с нейтральной эмоциональной окраской, о чем свидетельствует умеренная положительная корреляция случайного среднего и эффекта нейтральной окраски.

Высокая обратная корреляция частотности и нейтральной эмоциональной окраски означает, что обратный эффект частотности сильнее проявляется у испытуемых, склонных медленнее реагировать на нейтральные слова. У лиц,

склонных медленнее реагировать на позитивные слова, эффект частотности отсутствует или даже проявляется противоположным образом – реакция на низкочастотные слова может быть более быстрой. При этом обратная корреляция позитивной и нейтральной эмоциональной окраски слов означает, что лица, склонные медленнее реагировать на нейтральные слова, дают более быструю реакцию на слова с положительной окраской, и наоборот.

Исследование 2. Выборка, процедура и методы исследования: *go/no-go* LDT

Единственным отличием данного эксперимента от предыдущего является использование парадигмы *go/no-go* вместо парадигмы *yes/no*. Это означает, в частности, что в ходе эксперимента от испытуемых требовалось реагировать только на слова путем нажатия клавиши пробел, в то время как неслова не предполагали какой-либо реакции. В остальном использовались те же материалы, методы и оборудование, что и в исследовании 1.

В эксперименте приняли участие 48 испытуемых, 47 женского и 1 мужского пола, средний возраст 20,06 (SD = 1,71).

Результаты исследования и их обсуждение

Как и в прошлом исследовании, из анализа были исключены реакции на неслова, неверные ответы и выбросы. Анализ соответствия распределения данных нормальному с помощью критерия Шапиро – Уилка показал, что у 35 испытуемых распределение времени реакции (ВР) существенно отличалось от нормального (при $p \leq 0{,}05$). Обратное преобразование (1/ВР) привело к некоторому улучшению ситуации, так как в этом случае отклонение от нормального распределения оставалось значимым лишь у 14 испытуемых. Однако для облегчения интерпретации результатов и их сопоставимости с результатами прошлого исследования в ходе анализа использовались исходные значения ВР.

Как и в первом исследовании, предварительный анализ показал, что эффект номера пробы незначим, в то время как эффект предыдущей реакции показывает высокую статистическую значимость (при $p \leq 0{,}001$). Поэтому данный фактор использовался для контроля во всех последующих моделях. Все остальные лингвистические и психологические факторы были включены в модель в качестве фиксированных эффектов. Кроме того, предварительный анализ показал отсутствие статистически значимых взаимодействий психологических предикторов с эмоциональной окраской слов и наличие значимого взаимодействия эмоциональной окраски с частотностью.

Таким образом, в качестве фиксированных эффектов в модель были включены следующие предикторы: предшествующее ВР, длина слова, логарифм частотности, эмоциональная окраска слов, личностная тревожность, позитивный аффект и негативный аффект, а также взаимодействие эмоциональной окраски слов и их частотности. Для анализа случайных

эффектов была выполнена процедура пошагового усложнения модели с добавлением нового случайного эффекта на каждом шаге и сравнением с предыдущей моделью. Результаты такого анализа приведены в табл. 6.

Таблица 6

Сравнение моделей с различным числом случайных эффектов

Случайные эффекты		df	AIC	BIC	Логарифм функции правдоподобия	Критерий отношения правдоподобия (LRT)	
По испытуемым	По словам					хи-квадрат (*df*)	p-уровень
Случайное среднее для испытуемого	Нет	11	64402	64475	–32190		
Пр. модель	Случайное среднее для слова	14	64234	64327	–32103	173,4 (3)	0,0000
Случайные коэффициенты эмоциональности слова + пр. модель	Пред. модель	19	64207	64333	–32085	37,2 (5)	0,0000
Случайные коэффициенты частотности слова + пр. модель	Пред. модель	23	64180	64333	–32067	35,01 (4)	0,0000
Случайные коэффициенты длины слова + пр. модель	Пред. модель	28	64181	64366	–32062	9,44 (5)	0,0927
Пр. модель	Случайные коэффициенты тревожности + пред. модель	30	64177	64376	–32059	7,6 (2)	0,0224
Пр. модель	Случайные коэффициенты позитивного аффекта + пред. модель	33	64183	64402	–32058	0,18 (3)	0,9804
Пр. модель	Случайные коэффициенты негативного аффекта + пред. модель	37	64186	64432	–32056	4,67 (4)	0,3227

Примечание. *p*(Satt) – оценка уровня значимости с расчетом степеней свободы с использованием аппроксимации по методу Саттертуэйта.

Как и ожидалось, статистически значимыми оказались эффекты случайного среднего по словам, а также случайные коэффициенты эмоциональной окраски и частотности слов. Случайные эффекты позитивного и негативного аффекта не показали статистической значимости. Случайный эффект тревожности является значимым ($p \leq 0,05$), однако его добавление в модель приводит к появлению проблем, свидетельствующих о переопределенности модели (overidentified model). В частности, корреляция данного эффекта с эффектом случайного среднего оценивается как –1. По этой причине случайный эффект тревожности не был включен в модель. Таким образом, состав случайных эффектов в данной модели оказался полностью аналогичным тому, который был в предыдущем исследовании.

Доля объясняемой дисперсии для этой модели составила R^2общ. = 0,53, при этом доля дисперсии, объясняемая фиксированными факторами, составила R^2фикс. = 0,058. Можно отметить, что эти показатели несколько лучше полученных в первом исследовании. В то же время доля дисперсии, объясняемая фиксированными факторами, по-прежнему остается небольшой, что приводит к выводу о необходимости учета других факторов, которые могут вносить вклад в объяснение времени реакции на эмоционально окрашенные слова. Значения коэффициентов фиксированных эффектов и оценка их статистической значимости представлены в табл. 7.

Таблица 7

Значения коэффициентов фиксированных эффектов для итоговой модели и оценка их статистической значимости

Эффекты	Коэф.	Стд. ош.	df	t-знач.	*p*(Satt)
Константа	580,90	101,90	48,00	5,70	0,0000
Предшествующее ВР	0,01	0,00	5462,00	6,78	0,0000
Длина слова	4,54	1,59	111,00	2,85	0,0053
Логарифм частотности	–37,14	7,09	124,00	–5,24	0,0000
Эмоциональная окраска: нейтральная	–24,48	13,97	115,00	–1,75	0,0824
Эмоциональная окраска: позитивная	–45,95	16,92	114,00	–2,72	0,0077
Личностная тревожность	–20,90	27,89	45,00	–0,75	0,4576
Позитивный аффект	–12,09	13,70	45,00	–0,88	0,3821
Негативный аффект	19,41	11,52	45,00	1,69	0,0990
Взаимодействие: нейтральная окраска × частотность	15,16	9,32	112,00	1,63	0,1069
Взаимодействие: позитивная окраска × частотность	20,93	10,34	111,00	2,02	0,0454

В данном исследовании статистически значимые эффекты были выявлены только среди лингвистических факторов: частотности, длины слова и позитивной эмоциональной окраски слова. Эффекты частотности и позитивной эмоциональной окраски на ВР в полном соответствии с результатами предыдущего исследования оказались отрицательными (рис. 3). В отличие от первого исследования здесь был выявлен также статистически значимый эффект длины слова, свидетельствующий о том, что время

реакции на слова большей длины в среднем несколько выше. Как и в предыдущем исследовании, слова с негативной эмоциональной окраской характеризуются наибольшим временем реакции, а слова с позитивной окраской – наименьшим (рис. 4).

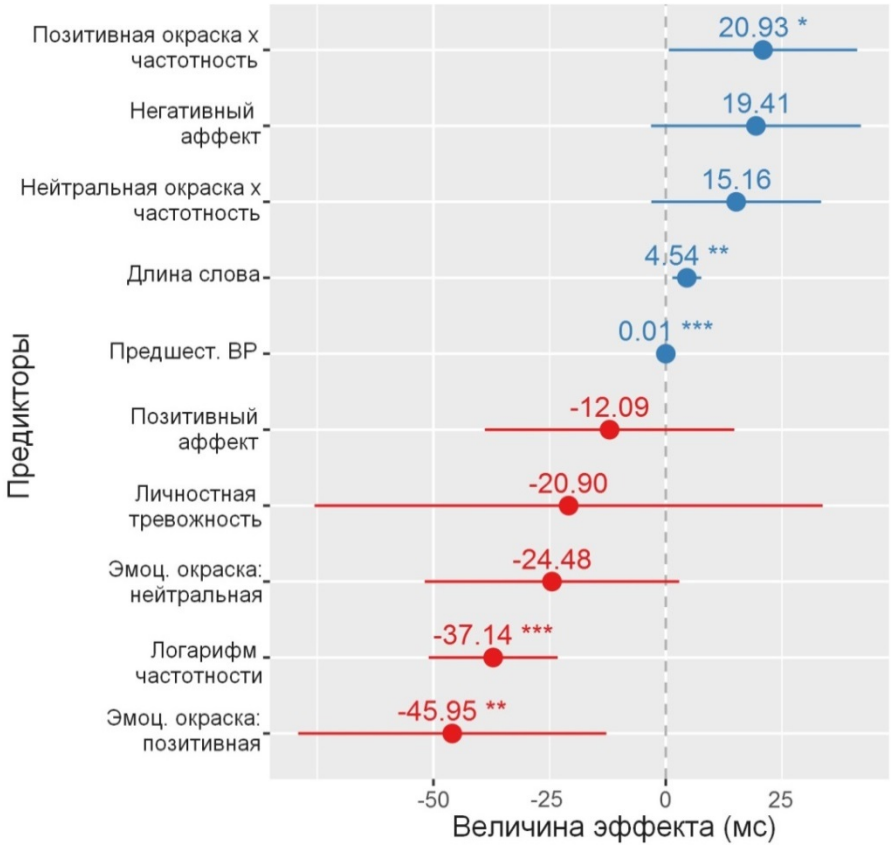

Рис. 3. Фиксированные эффекты эмоциональных свойств стимулов и эмоциональных особенностей испытуемых на время реакции в «go/no-go» эксперименте (обозначения те же, что и на рис. 1)

Рассматривая эффекты психологических факторов, необходимо отметить лишь значимый на уровне тенденции ($p \leq 0{,}10$) эффект негативного аффекта, проявляющийся в увеличении ВР. В отличие от первого исследования эффект позитивного аффекта не показал статистической значимости. Сопоставление результатов двух исследований показывает, что эффект негативного аффекта в данном исследовании противоположен по направлению эффекту позитивного аффекта из первого исследования, что свидетельствует в пользу неслучайности выявленных эффектов этих противоположных эмоциональных состояний.

Анализ взаимодействия факторов показал, что в отличие от предыдущего исследования здесь эффект позитивной эмоциональной окраски взаимодействует с частотностью. Если независимые эффекты этих факторов являются отрицательными (т.е. проявляются в сокращении времени реакции), то их взаимодействие дает положительный эффект. Это означает, что реакция на слово с позитивной окраской менее быстрая в случае его высокой частотности. Иными словами, ускоряющий реакцию эффект позитивной эмоциональной окраски проявляется сильнее на низкочастотных и слабее на высокочастотных словах, как и в исследовании Купермана [35].

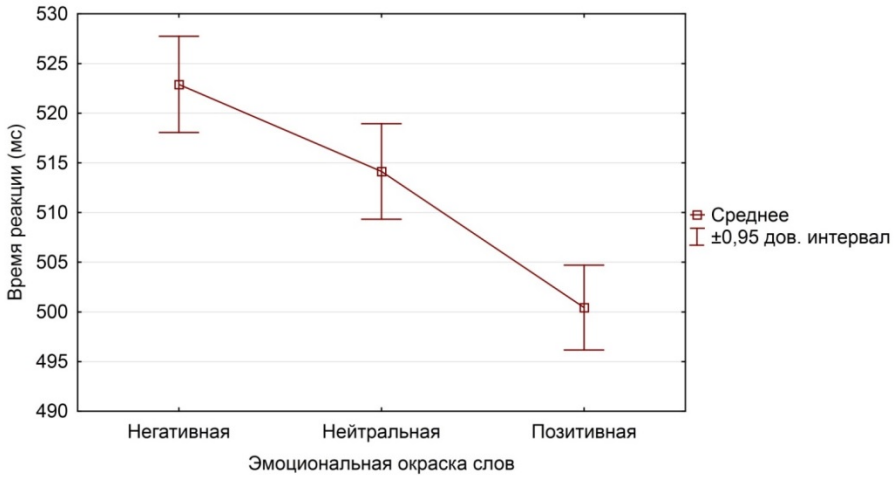

Рис. 4. Время реакции на слова с различной эмоциональной окраской в «go/no-go» эксперименте

Величина эффекта случайных средних по испытуемым находилась в пределах от –146 до 188 мс, что свидетельствует о довольно широком (хотя и меньшем, чем в первом исследовании) диапазоне индивидуальных различий во времени реакции. Величина эффекта случайных средних «по словам» лежит в диапазоне от –39 до 53 мс. Дисперсия, соответствующая случайным факторам (см. табл. 8), также свидетельствует о том, что вклад особенностей слов имеет гораздо меньшую величину, чем вклад индивидуальности испытуемых.

Представленные в табл. 8 корреляции случайных эффектов по испытуемым в основном соответствуют результатам, полученным в первом исследовании. Снова обнаруживается, что обратный эффект частотности на время реакции существенно сильнее проявляется у испытуемых с высоким средним временем реакции, о чем свидетельствует очень сильная корреляция между соответствующими эффектами. Как и в первом исследовании, «медленные» испытуемые склонны медленнее реагировать на слова с нейтральной эмоциональной окраской, о чем свидетельствует умеренная положительная корреляция случайного среднего и эффекта нейтральной

окраски. Кроме того, в данном исследовании обнаружилось, что «медленные» испытуемые склонны быстрее реагировать на слова с позитивной эмоциональной окраской.

Таблица 8

Характеристика случайных эффектов

Категория	Эффекты	Дисперсия	Корреляции эффектов по испытуемым		
			Случайное среднее	Частотность	Нейтральная эмоц. окраска
Слова	Случайное среднее	330,9			
Испытуемые	Случайное среднее	7033,2			
	Частотность	181,9	–0,89		
	Нейтральная эмоциональная окраска	125	0,55	–0,34	
	Позитивная эмоциональная окраска	122,6	–0,42	0,78	–0,04
Остаточная дисперсия		5019,6			

Обратная корреляция частотности и нейтральной эмоциональной окраски в данном исследовании оказалась существенно ниже. Тем не менее по-прежнему обратный эффект частотности сильнее проявляется у испытуемых, склонных медленнее реагировать на нейтральные слова. При этом выше оказалась корреляция между эффектами частотности и позитивной эмоциональной окраски, что подтверждает вывод о том, что у лиц, склонных медленнее реагировать на позитивные слова, эффект частотности отсутствует или даже проявляется противоположным образом. Единственным существенным отличием стало то, что в этом исследовании не было обнаружено корреляции между эффектами позитивной и нейтральной эмоциональной окраски.

Заключение

Оба исследования подтвердили гипотезу о влиянии эмоциональной окраски слов на время реакции: самая быстрая реакция наблюдается на слова с позитивной эмоциональной окраской, самая медленная – на слова с негативной эмоциональной окраской.

Таким образом, установлено, что на материале имен существительных русского языка проявляется механизм воздействия эмоциональной окраски слов на их узнавание и время реакции в задаче лексического решения. Это хорошо согласуется с результатами нашего прошлого исследования [50], а также с выводами, полученными на материале английского языка [35]. При этом обнаруженное в исследовании Купермана и др. взаимодействие эмо-

циональной окраски и частотности не удалось выявить в первом исследовании, но удалось во втором. Такое взаимодействие проявляется в том, что эффект эмоциональной окраски слов (более быстрая реакция на позитивно окрашенные слова в сравнении с негативно окрашенными) сильнее проявляется на словах с низкой частотностью.

Полученный эффект позитивной окраски слова согласуется с результатами не только поведенческих, но и окулографических исследований. И.В. Блинниковой с соавторами был установлен эффект позитивной окраски слова в парадигме эмоционального прайминга, влияющий как на эффективность зрительного поиска слова, так и на увеличение времени фиксаций и их количества, а также количества регрессивных саккад в целевых зонах интереса [51].

В нашем исследовании связь эмоциональных свойств и состояний личности со временем реакции на эмоционально окрашенные слова оказалась довольно слабой и нестабильной. Если в первом исследовании обнаружился статистически значимый эффект позитивного аффекта, то во втором он оказался незначимым, однако на уровне тенденции проявился противоположный эффект негативного аффекта. Кроме того, в первом исследовании были отмечены не достигающие статистической значимости тенденции к эффекту личностной тревожности и взаимодействию позитивной эмоциональной окраски слов с позитивным аффектом.

Модели, полученные в описанных выше исследованиях, позволяют объяснить довольно скромную долю дисперсии ВР, что в целом соответствует результатам аналогичных исследований. В наших моделях всеми фиксированными факторами объясняется 4,9–5,8% дисперсии ВР, в то время как по данным Купермана и др. эмоциональная окраска слов объясняет около 2% дисперсии [35]. При этом вклад случайных эффектов (в первую очередь эффекта случайного среднего по испытуемым) существенно выше, благодаря чему общая объясняемая дисперсия в наших моделях достигает 49 и 53%. Это может означать, что, несмотря на наличие значимых эффектов отдельных лингвистических и психологических факторов, время реакции в задачах лексического решения в основном определяется неучтенными стабильными или ситуативными особенностями испытуемых.

Для дальнейших поведенческих исследований эффектов эмоциональной окрашенности лексических единиц представляется целесообразным детализировать не только такой значимый эффект, как эффект частотности слова, но и другие «неэмотивные» эффекты (например, возраст усвоения слова, количество орфографических соседей). При анализе результатов теста LDT важным представляется учет случайных факторов испытуемого и времени предыдущей реакции. Кроме того, выявленные на уровне тенденций связи скорости распознавания слов с разной эмоциональной окраской и личностных характеристик испытуемых позволяют говорить о перспективности подобных поведенческих исследований с использованием разных экспериментальных парадигм.

Литература

1. *Величковский Б.М.* Когнитивная наука: основы психологии познания : в 2 т. М. : Смысл: Издательский центр «Академия», 2006. Т. 2. 448 с.
2. *Grainger J., Ziegler J.C.* A dual-route approach to orthographic processing // Frontiers in psychology. 2011. № 2. P. 54–60.
3. *Измалкова А.И.* Задача визуального распознавания слов при чтении на родном и иностранном языке // Вестник МГЛУ. Серия Психологические науки. 2014. Т. 7. С. 37–52.
4. *Hino Y., Lupker S.J.* The effects of word frequency for Japanese Kana and Kanji words in naming and lexical decision: can the dual-route model save the lexical-selection account? // Journal of Experimental Psychology: Human Perception & Performance. 1998. № 24. P. 1431–1453.
5. *Forster K.I.* Accessing the mental lexicon // New approaches to language mechanisms / R.J. Wales & E.W. Walker (Eds.). Amsterdam : North-Holland, 1976. P. 257–287.
6. *Gordon B.* Lexical access and lexical decision: mechanisms of frequency sensitivity // Journal of Verbal Learning & Verbal Behavior. 1983. № 22. P. 24–44.
7. *Grainger J., Jacobs A.M.* Orthographic processing in visual word recognition: A multiple read-out model // Psychological Review. 1996. № 103. P. 518–565.
8. *McClelland J.L., Rumelhart D.E.* An interactive activation model of context effects in letter perception: an account of basic findings // Psychological Review. 1981. № 88. P. 375–407.
9. *Paap K.R., Newsome S.L., McDonald J.E., Schvaneveldt R.W.* An activation-verification model for letter and word recognition: the word superiority effect // Psychological Review. 1982. № 89. P. 573–594.
10. *Morton J.* Interaction of information in word recognition // Psychological Review. 1969. № 76. P. 165–178.
11. *Becker C.A.* Semantic context effects in visual word recognition: an analysis of semantic strategies // Memory & Cognition. 1980. № 8. P. 493–512.
12. *Balota D.A.* The role of meaning in word recognition // Comprehension processes in reading / D.A. Balota, G.B. Flores d`Arcais, & K. Rayner (Eds.). Hillsdale : Lawrence Erlbaum Associates, 1990. P. 9–32.
13. *Yap M.J., Lim G.Y., Pexman P.M.* Semantic richness effects in lexical decision: the role of feedback // Memory & Cognition. 2015. № 43 (8). P. 1148–1167.
14. *Balota D.A., Chumbley J.I.* Are lexical decisions a good measure of lexical access? The role of word frequency in the neglected decision stage // Journal of Experimental Psychology: Human Perception & Performance. 1984. № 10. P. 340–357.
15. *Balota D.A., Chumbley J.I.* Where are the effects of frequency in visual word recognition tasks? Right where we said they were! Comment on Monsell, Doyle, and Haggard (1989) // Journal of Experimental Psychology: General. 1990. № 119. P. 231–237.
16. *Coltheart M., Rastle K., Perry C., Langdon R., Ziegler J.* DRC: A Dual Route Cascaded Model of Visual Word Recognition and Reading Aloud // Psychological Review. 2001. № 108 (1). P. 204–256.
17. *Palazova M.* Where are emotions in words? Functional localization of valence effects in visual word recognition // Frontiers in Psychology. 2014. № 5. P. 1105.
18. *Grainger J., O' Regan J.K., Jacobs A.M., Seguí J.* On the role of competing word units in visual word recognition: The neighborhood frequency effect // Perception & Psychophysics. 1989. № 45. P. 189–195.
19. *Perea M., Rosa E., Gomez C.* Is the go/no-go lexical decision task an alternative to the yes/no lexical decision task // Memory & Cognition. 2002. № 30 (1). P. 34–45.
20. *Pachella R.G.* The interpretation of reaction time in information processing research // Human information processing: Tutorials in performance and cognition / B. Kantowitz (Ed.). Potomac, MD : Erlbaum, 1974. P. 41–81.

21. *McClelland J.L.* On the time relations of mental processes: an examination of systems of processes in cascade // Psychological Review. 1979. № 86. P. 287–330.
22. *Gordon B., Caramazza A.* Lexical decision for open- and closed-class words: failure to replicate differential frequency sensitivity // Brain & Language. 1982. № 15. P. 143–160.
23. *Measso G., Zaidel E.* Effect of response programming on hemispheric differences in lexical decision // Neuropsychologia. 1990. № 28. P. 635–646.
24. *Chiarello C., Nuding S., Pollock A.* Lexical decision and naming asymmetries: influence of response selection and response bias // Brain & Language. 1988. № 34. P. 302–314.
25. *Abrams R.A., Balota D.A.* Mental chronometry: beyond reaction time // Psychological Science. 1991. № 2. P. 153–157.
26. *Balota D. A., Spieler D.H.* Word frequency, repetition, and lexicality effects in word recognition // Journal of Experimental Psychology: General. 1999. № 128. P. 32–55.
27. *Forster K.I., Veres C.* The prime lexicality effect: form-priming as a function of prime awareness, lexical status, and discrimination difficulty // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, & Cognition. 1998. № 24. P. 498–514.
28. *Lesch M.F., Pollatsek A.* Evidence for the use of assembled phonology in accessing the meaning of printed words // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, & Cognition. 1998. № 24. P. 573–592.
29. *Gibbs P., Van Orden G.C.* Pathway selection' s utility for control of word recognition // Journal of Experimental Psychology: Human Perception & Performance. 1998. № 24. P. 1162–1187.
30. *Hino Y., Lupker S.J.* The effects of word frequency and spelling-to-sound regularity in naming with and without lexical decision // Journal of Experimental Psychology: Human Perception & Performance. 2000. № 26. P. 166–183.
31. *Pexman P.M.* Meaning-based influences on visual word recognition // Visual word recognition: Meaning and context, individuals and development / J.S. Adelman (ed.). Hove, UK : Psychology Press, 2012. P. 24–43.
32. *Pexman P.M., Hargreaves I.S., Siakaluk P.D., Bodner G.E., Pope J.* There are many ways to be rich: effects of three measures of semantic richness on visual word recognition // Psychonomic Bulletin & Review. 2008. № 15. P. 161–167.
33. *Balota D.A. Ferraro F.R., Connor L.T.* On the early influence of meaning in word recognition: a review of the literature // The psychology of word meanings. Hillsdale : Erlbaum, 1991. P. 187–218.
34. *Yap M.J., Seow C.S.* The influence of emotion on lexical processing: Insights from RT distributional analysis // Psychonomic Bulletin & Review. 2014. № 21 (2). P. 526–533.
35. *Kuperman V., Estes Z., Brysbaert M., Warriner A.B.* Emotion and language: valence and arousal affect word recognition // Journal of Experimental Psychology: General. 2014. № 143 (3). P. 1065–1081.
36. *Bar-Haim Y., Lamy D., Pergamin L., Bakermans-Kranenburg M.J., Van Ijzendoorn M.H.* Threat-related attentional bias in anxious and nonanxious individuals: a meta-analytic study // Psychological bulletin. 2007. № 133 (1). P. 1–24.
37. *Wadlinger H.A., Isaacowitz D.M.* Positive mood broadens visual attention to positive stimuli // Motivation and emotion. 2006. № 30 (1). P. 87–99.
38. *Люсин Д.В., Сысоева Т.А.* ENRuN: база данных с нормативными оценками эмоциональной окраски существительных русского языка // Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований. М. : Институт психологии РАН, 2016. С. 126–131.
39. *Carreiras M., Perea M., Grainger J.* Effects of orthographic neighborhood in visual word recognition: cross-task comparisons // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 1997. № 23 (4). P. 857–871.
40. *Jiang N.* Conducting Reaction Time Research in Second Language Studies. N.Y. : Routledge, 2012. 282 p.

41. *Rayner K., Pollatsek A., Ashby J., Clifton C.J.* Psychology of Reading. 2nd Edition. N.Y. & London : Psychology Press, Taylor & Francis Group, 2012. 496 p.
42. *Ханин Ю.Л.* Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера. Л. : ЛНИИФК, 1976. 18 с.
43. *Осин Е.Н.* Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9, № 4. С. 91–110.
44. *Baayen R.H., Milin P.* Analyzing reaction times // International Journal of Psychological Research. 2015. № 3 (2). P. 12–28.
45. *Ляшевская О.Н., Шаров С.А.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М. : Азбуковник, 2009. 1087 с.
46. *Митина О.В., Михайловская И.Б.* Факторный анализ для психологов. М. : Учеб.-метод. коллектор «Психология», 2001. 169 с.
47. *Rastle K., Harrington J., Coltheart M.* 358,534 nonwords: the ARC Nonword Database // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2002. № 55 (4). P. 1339–1362.
48. *Matzke D., Wagenmakers E.-J.* Psychological interpretation of the ex-Gaussian and shifted Wald parameters: A diffusion model analysis // Psychonomic Bulletin & Review. 2009. № 16 (5). P. 798–817.
49. *Nakagawa S., Schielzeth H.* A general and simple method for obtaining R^2 from generalized linear mixed-effects models // Methods in Ecology and Evolution. 2013. № 4 (2). P. 133–142.
50. *Власов М.С., Сычев О.А.* Влияние эмоциональной окраски слов русского языка на их визуальное узнавание в задании на лексическое решение // Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований. М. : Институт психологии РАН, 2016. С. 544–551.
51. *Blinnikova I., Izmalkova A., Marchenko O.* How do emotions affect visual semantic search? // Perception. 2015. № 44 (1). P. 33–1P1M123.

Приложение 1

Список эмоционально окрашенных имен существительных, извлеченных из базы *ENRuN*

Слово	Частотность (ipm)	Кол-во букв	Кол-во слогов	Средние оценки эмоциональной окраски по шкалам				
				Радость	Грусть	Злость	Страх	Отвращение
Положительно окрашенные								
Радость	137,2	7	2	4,83	0,34	0,06	0,06	0,04
Веселье	14,2	7	3	4,66	0,49	0,11	0,19	0,06
Оптимизм	13,2	8	3	4,66	0,26	0,13	0,11	0,23
Счастье	149,2	7	2	4,66	0,40	0,23	0,19	0,17
Восторг	56,2	7	2	4,64	0,15	0,04	0,11	0,04
Отпуск	44,8	6	2	4,64	0,60	0,04	0,19	0,09
Победа	124	6	3	4,62	0,55	0,21	0,34	0,17
Свобода	174,9	7	3	4,57	0,66	0,13	0,68	0,13
Успех	149,5	5	2	4,55	0,34	0,09	0,23	0,17
Отдых	57,6	5	2	4,55	0,85	0,06	0,28	0,06
Смех	74,6	4	1	4,49	0,36	0,42	0,36	0,26
Удача	41,3	5	3	4,49	0,25	0,09	0,21	0,04
Молодость	43,1	9	3	4,49	1,28	0,26	0,72	0,02
Триумф	9,3	6	2	4,49	0,21	0,15	0,28	0,17
Дружба	59	6	2	4,47	0,77	0,23	0,51	0,06
Чудо	85,4	4	2	4,45	0,23	0,02	0,32	0,17
Семья	276,6	5	2	4,43	0,66	0,28	0,51	0,15
Талант	62	6	2	4,40	0,36	0,17	0,36	0,11
Юность	36	6	2	4,40	1,43	0,32	0,70	0,15
Сюрприз	16,6	7	2	4,40	0,23	0,30	0,83	0,08
Бодрость	5,9	8	2	4,38	0,17	0,02	0,04	0,09
Улыбка	98,1	6	3	4,38	0,51	0,13	0,15	0,25
Блаженство	9,6	10	3	4,36	0,51	0,17	0,17	0,06
Подарок	75,4	7	3	4,36	0,51	0,09	0,13	0,04
Юмор	33	4	2	4,36	0,30	0,17	0,21	0,38
Любовь	323,9	6	2	4,34	1,64	0,53	1,49	0,25
Мечта	57	5	2	4,34	1,34	0,11	0,47	0,06
Праздник	115	8	2	4,34	0,72	0,09	0,30	0,26
Доброта	16,8	7	3	4,30	0,38	0,06	0,09	0,13
Награда	34,7	7	3	4,28	0,28	0,13	0,23	0,09
Солнце	165,2	6	2	4,26	0,60	0,11	0,21	0,09
Поцелуй	21,1	7	3	4,23	0,49	0,06	0,49	0,23
Шутка	62,7	5	2	4,23	0,34	0,26	0,19	0,32
Нежность	23,3	8	2	4,19	0,72	0,08	0,26	0,28
Торжество	29	9	3	4,17	0,40	0,10	0,58	0,23
Сладость	7,9	8	2	4,17	0,36	0,13	0,21	0,26
Верность	20,5	8	2	4,15	0,68	0,17	0,45	0,26
Доход	103,6	5	2	4,15	0,19	0,13	0,30	0,11
Красота	94,7	7	3	4,13	0,85	0,15	0,45	0,19
Здоровье	106	8	3	4,11	0,55	0,15	0,77	0,15
Отрицательно окрашенные								
Утрата	15,7	6	3	0,04	4,38	2,70	3,23	0,83

Скорбь	11,3	6	1	0,11	4,28	1,17	1,74	0,55
Грусть	14,9	6	1	0,26	4,17	0,85	1,00	0,59
Горе	48,3	4	2	0,06	4,13	1,85	2,75	1,58
Траур	3,5	5	2	0,04	4,09	1,43	2,66	1,06
Потеря	69,7	6	3	0,04	3,96	2,62	3,40	0,85
Тоска	48,5	5	2	0,09	3,86	1,01	1,35	1,28
Печаль	19,4	6	2	0,06	3,75	1,02	0,96	1,19
Война	425,9	5	2	0,28	3,74	3,45	3,98	3,09
Разлука	10,3	7	3	0,04	3,72	1,36	2,47	0,72
Несчастье	27,7	9	3	0,06	3,62	1,49	2,89	0,87
Гроб	50	4	1	0,11	3,57	1,02	3,04	1,40
Смерть	284,1	6	1	0,15	3,55	1,94	3,36	1,04
Гибель	51	6	2	0,09	3,55	1,96	3,30	0,94
Калека	4,7	6	3	0,09	3,55	0,77	1,87	1,26
Убийство	65,1	8	3	0,17	3,38	2,96	3,13	2,66
Беда	7,3	4	2	0,04	3,36	1,91	2,75	1,57
Инфаркт	11,6	7	2	0,02	3,34	1,28	3,51	0,79
Болезнь	109,6	7	2	0,08	3,34	1,68	3,00	1,96
Старость	29,5	8	2	0,62	3,28	0,58	2,64	1,21
Развод	22,1	6	2	0,15	3,28	2,42	2,42	1,60
Плач	12,2	4	1	0,06	3,26	1,13	1,68	0,85
Больница	96,6	8	3	0,26	3,17	1,19	2,49	2,23
Мертвец	8,8	7	2	0,28	3,13	0,87	2,57	2,94
Ссора	13,8	5	2	0,19	3,09	2,98	1,81	1,66
Терроризм	28,2	9	3	0,02	3,06	3,85	3,36	2,79
Проигрыш	5,3	8	3	0,15	3,00	3,00	2,19	1,09
Измена	13,9	6	3	0,02	2,92	3,30	2,68	3,11
Опухоль	9	7	3	0,09	2,91	1,74	3,15	2,51
Расстрел	16,8	8	2	0,19	2,87	2,74	3,47	2,28
Обида	43,4	5	3	0,13	2,87	2,32	1,00	1,66
Труп	42,5	4	1	0,12	2,86	1,04	3,02	3,19
Уродство	3,7	8	3	0,04	2,85	0,91	2,25	2,94
Обман	19,1	5	2	0,17	2,81	2,94	2,02	2,89
Разруха	4,5	7	3	0,02	2,72	1,83	2,38	1,49
Тюрьма	75,4	6	2	0,28	2,66	2,32	2,87	2,36
Травма	19,6	6	2	0,15	2,66	1,98	2,68	1,58
Пессимизм	2,8	9	3	0,11	2,66	1,36	1,19	1,55
Слабость	34,1	8	2	0,23	2,64	1,89	1,75	2,11
Провал	22,7	6	2	0,06	2,62	2,23	2,47	1,11

Приложение 2

Список имен существительных с нейтральной эмоциональной окраской, извлеченных из базы *ENRuN*

Слово	Частотность (ipm)	Кол-во букв	Кол-во слогов	Средние оценки эмоциональной окраски по шкалам				
				Радость	Грусть	Злость	Страх	Отвращение
Чашка	33,3	5	2	1,47	0,26	0,06	0,04	0,00
Вывод	111,8	5	2	1,19	0,36	0,11	0,26	0,02
Крыло	67,6	5	2	1,72	0,53	0,02	0,62	0,04
Блокнот	12,8	7	2	0,55	0,34	0,04	0,04	0,04
Паркет	8,4	6	2	0,66	0,15	0,02	0,26	0,04
Словарь	23,9	7	2	1,21	0,36	0,06	0,04	0,06
Колонка	10,9	7	3	1,60	0,36	0,19	0,11	0,06
Равнина	9,3	7	3	1,49	0,68	0,09	0,17	0,06
Адрес	92,7	5	2	0,55	0,34	0,08	0,26	0,08
Проспект	30,4	8	2	1,77	0,57	0,17	0,45	0,08
Балкон	28,2	6	2	1,92	0,66	0,04	0,89	0,08
Зерно	30,3	5	2	1,45	0,15	0,02	0,02	0,09
Клавиша	10,1	7	3	1,06	0,38	0,09	0,13	0,09
Буква	63,5	5	2	1,17	0,25	0,15	0,13	0,09
Сумка	55,5	5	2	1,68	0,30	0,06	0,30	0,09
Минута	344,2	6	3	1,11	0,81	0,25	0,85	0,09
Куртка	41	6	2	1,09	0,30	0,04	0,04	0,11
Метод	197	5	2	0,51	0,04	0,02	0,09	0,11
Полотно	19,4	7	3	1,77	0,30	0,04	0,13	0,11
Железо	28,6	6	3	0,72	0,23	0,30	0,32	0,11
Улица	337,8	5	3	2,00	0,83	0,11	0,51	0,11
Резерв	25,9	6	2	1,34	0,28	0,28	0,53	0,11
Полюс	15,7	5	2	1,02	0,60	0,06	0,42	0,11
Ледник	4,8	6	2	0,87	0,60	0,17	0,79	0,11
Обувь	25	5	2	1,87	0,21	0,04	0,04	0,13
Рюкзак	17,2	6	2	1,45	0,43	0,11	0,09	0,15
Нагрев	4,2	6	2	1,21	0,30	0,09	0,19	0,15
Башня	39,4	5	2	1,53	0,82	0,12	1,06	0,15
Квадрат	16,9	7	2	0,49	0,25	0,04	0,02	0,15
Длина	67,7	5	2	0,81	0,34	0,19	0,26	0,15
Комната	310,7	7	3	1,53	0,85	0,19	0,30	0,15
Наклон	5,9	6	2	0,74	0,28	0,19	0,51	0,17
Настил	3,9	6	2	0,28	0,11	0,04	0,09	0,17
Монитор	9,7	7	3	0,83	0,47	0,23	0,23	0,17
Спина	183,1	5	2	0,96	0,51	0,21	0,47	0,17
Ковер	29,5	5	2	0,87	0,43	0,02	0,06	0,19
Забор	48,3	5	2	0,49	0,40	0,26	0,49	0,19
Халат	36,1	5	2	1,21	0,21	0,04	0,21	0,19
Комод	5,2	5	2	0,57	0,43	0,04	0,23	0,19
Весло	9,9	5	2	0,91	0,30	0,26	0,43	0,19

Примечание. В экспериментальном исследовании использовались первые 40 единиц в упорядоченном по выраженности эмоции ряду слов: лексические единицы, получившие максимальную оценку по шкалам «Радость» (позитивно окрашенные), «Грусть» (негативно окрашенные), а также минимальные оценки эмоциональной окрашенности по всем шкалам (слова с нейтральной эмоциональной окраской). Подробное описание базы данных ENRuN представлено в работах Д.В. Люсина и Т.А. Сысоевой [38]).

Приложение 3

Список неслов, используемых в экспериментальном исследовании

№ п/п	Неслово	№ п/п	Неслово	№ п/п	Неслово
1	гхвилдге	41	гхворч	81	гхвауш
2	цвовтхе	42	сцвурлт	82	сцкрулм
3	сцванч	43	сквеигхце	83	гхвисп
4	сцквулпх	44	сцквилн	84	сцкрурк
5	гхвурр	45	гхваляуе	85	гхрултх
6	сквеигхг	46	гхвовге	86	квеуве
7	гхросяуе	47	сцкварлте	87	гхвилтч
8	сцваугхнч	48	сцкелге	88	гхвеитх
9	сцквафф	49	сцкваитч	89	сцвоафф
10	сцквуиве	50	гхвасцк	90	сцкреняуе
11	сцквуиг	51	сцвиенн	91	гхвалце
12	гхвовт	52	сцвопе	92	сцкрарв
13	гхвоуче	53	сцваисе	93	гхлелмб
14	клулч	54	сцваич	94	гхвемф
15	цвундге	55	сцкрилб	95	гхвеиг
16	гхвумпх	56	гхлуилт	96	гхлаутхе
17	сцквоапх	57	гхвиегг	97	сцкоундге
18	гхвоугхб	58	сквуитхе	98	гхвултч
19	гхвантч	59	гхлурке	99	гхвулл
20	скриелте	60	сцквигхтхе	100	сцкрурлт
21	цвоутх	61	гхвигхб	101	сквысцк
22	сквуиг	62	сцвисе	102	гхвилге
23	клуилте	63	клигхнт	103	цвомф
24	сцвилтх	64	гхвоилл	104	гхрелф
25	гхвие	65	сцвугг	105	сцвоурнч
26	гхвуш	66	гхверсе	106	сцвоне
27	цвув	67	гхвар	107	гхлилдге
28	гхлирш	68	сцкресп	108	сцквоаг
29	гхлоугхнч	69	квуич	109	цвуитч
30	гхронк	70	сцкысцк	110	гхвеуцк
31	гхрулге	71	клигхлт	111	гхвенте
32	сцвоагн	72	гхлоряуе	112	гхлерле
33	гхвоагуе	73	гхвоисе	113	сквуин
34	сцвипе	74	сцваигуе	114	гхвалч
35	сцкерлт	75	гхрелце	115	сцквеидге
36	сцваце	76	гхвавце	116	сквигхлт
37	сцквылпх	77	сцквуиф	117	гхволп
38	цвалн	78	гхлелц	118	гхваугхнч
39	гхвеуяуе	79	сцквалте	119	крулмн
40	сквоатх	80	сцвеиф	120	гхвелп

INTERACTION OF EMOTIONAL AND LINGUISTIC FACTORS IN LEXICAL PROCESSING: EVIDENCE FROM RUSSIAN NOUNS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 52. 18–52. DOI: 10.17223/19986645/52/2

Mikhail S. Vlasov, *Oleg A. Sychev*, Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk, Russian Federation). E-mail: vlasov_mikhailo@mail.ru / osn1@mail.ru

Keywords: visual word recognition, emotional valence, positive affect, negative affect.

A great number of modern behavioral studies postulate the idea that the emotional content of verbal stimuli affects the speed of visual word recognition in different cognitive tasks, but emotional factors (e.g., *emotional valence*) are still not verified in current models of word recognition. Several studies were conducted on the material of English, but there is lack of experimental studies on the material of other languages.

The present study aimed to reveal a word's emotional valence effect in automatic lexical processing using Russian lexical database *ENRuN* generated by D.V. Lyusin and T.A. Sysoeva. Two lexical decision tasks were conducted in 92 Russian speakers (N=44 in yes/no LDT; N=48 in go/no-go LDT). The experimental blocks were equal in two studies and comprised 120 Russian emotional nouns retrieved from the *ENRuN* database that were either positive (N=40), negative (N=40) or neutral (N=40), and 120 non-words.

Using mixed-effects models a significant effect of a word's emotional valence was obtained: positive words were processed much faster than negative and neutral ones and negative words were processed much slower than positive and negative ones. This result could be interpreted in terms of attentional vigilance: heightened and/or extended attention to negative stimuli which would slow any decision (such as lexical decisions) on other aspects of the stimuli. The slight effects of emotional valence × word frequency and emotional valence × subjects' affectivity were also obtained. Positive emotional valence had stronger effect on low-frequency words than on high-frequency words. Subjects with positive affectivity had slower responses to positive words than subjects with negative affectivity. These results are close to the study conducted by V. Kuperman, Z. Estes, M. Brysbaert and A.B. Warriner on the material of English words, and give some empirical evidence from affective word processing in language other than English. Further behavioral studies of emotional valence effects could be aimed at verification of emotional valence × word frequency effects as well as other non-emotional effects in visual word recognition (e.g., age-of-acquisition, number of orthographic neighbors).

References

1. Velichkovsky, *B.M.* (2006) *Kognitivnaya nauka: osnovy psikhologii poznaniya* [Cognitive science: Foundations of epistemic psychology]. Vol. 2. Moscow: Smysl: Izdatel'skiy tsentr "Akademiya".

2. Grainger, J. & Ziegler, J.C. (2011) A dual-route approach to orthographic processing. *Frontiers in psychology*. 2. pp. 54–60.

3. Izmalkova, A.I. (2014) *Zadacha visual'nogo raspoznavaniya slov pri chtenii na rodnom i inostrannom yazyke* [The task of visual word recognition in reading in native and foreign language]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya Psikhologicheskiye nauki. Vestnik of Moscow State Linguistic University*. 7. pp. 37–52.

4. Hino, Y. & Lupker, S.J. (1998) The effects of word frequency for Japanese Kana and Kanji words in naming and lexical decision: can the dual-route model save the lexical-selection account? *Journal of Experimental Psychology: Human Perception & Performance*. 24. pp. 1431–1453. DOI: 10.1037/0096-1523.24.5.1431

5. Forster, K.I. (1976) Accessing the mental lexicon. In: Wales, R.J. & Walker, E.W. (eds) *New approaches to language mechanisms*. Amsterdam: North-Holland.

6. Gordon, B. (1983) Lexical access and lexical decision: mechanisms of frequency sensitivity. *Journal of Verbal Learning & Verbal Behavior*. 22. pp. 24–44. DOI: http://dx.doi.org/10.1016/S0022-5371(83)80004-8

7. Grainger, J. & Jacobs, A.M. (1996) Orthographic processing in visual word recognition: A multiple read-out model. *Psychological Review*. 103. pp. 518–565. DOI: 10.1037/0033-295X.103.3.518

8. McClelland, J.L. & Rumelhart, D.E. (1981) An interactive activation model of context effects in letter perception: an account of basic findings. *Psychological Review*. 88. pp. 375–407. DOI: 10.1037/0033-295X.88.5.375

9. Paap, K.R., Newsome, S.L., McDonald, J.E. & Schvaneveldt, R.W. (1982) An activation-verification model for letter and word recognition: the word superiority effect. *Psychological Review*. 89. pp. 573–594.

10. Morton, J. (1969) Interaction of information in word recognition. *Psychological Review*. 76. pp. 165–178. DOI: http://dx.doi.org/10.1037/h0027366

11. Becker, C.A. (1980) Semantic context effects in visual word recognition: an analysis of semantic strategies. *Memory & Cognition*. 8. pp. 493–512. DOI: http://dx.doi.org/10.3758/BF03213769

12. Balota, D.A. (1990) The role of meaning in word recognition. In: Balota, D.A., Flores d'Arcais, G.B. & Rayner, K. (eds) *Comprehension processes in reading*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates.

13. Yap, M.J., Lim, G.Y. & Pexman, P.M. (2015) Semantic richness effects in lexical decision: the role of feedback. *Memory & Cognition*. 43(8). pp. 1148–1167. DOI: 10.3758/s13421-015-0536-0

14. Balota, D.A. & Chumbley, J.I. (1984) Are lexical decisions a good measure of lexical access? The role of word frequency in the neglected decision stage. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception & Performance*. 10. pp. 340–357.

15. Balota, D.A. & Chumbley, J.I. (1990) Where are the effects of frequency in visual word recognition tasks? Right where we said they were! Comment on Monsell, Doyle, and Haggard (1989). *Journal of Experimental Psychology: General*. 119. pp. 231–237.

16. Coltheart, M., Rastle, K., Perry, C., Langdon, R. & Ziegler, J. (2001) DRC: A Dual Route Cascaded Model of Visual Word Recognition and Reading Aloud. *Psychological Review*. 108(1). pp. 204–256. DOI: 10.1037/0033-295X.108.1.204

17. Palazova, M. (2014) Where are emotions in words? Functional localization of valence effects in visual word recognition. *Frontiers in Psychology*. 5. pp. 1105. DOI: 10.3389/fpsyg.2014.01105

18. Grainger, J., O' Regan, J.K., Jacobs, A.M. & Seguí, J. (1989) On the role of competing word units in visual word recognition: The neighborhood frequency effect. *Perception & Psychophysics*. 45. pp. 189–195.

19. Perea, M., Rosa, E. & Gomez, C. (2002) Is the go/no-go lexical decision task an alternative to the yes/no lexical decision task. *Memory & Cognition*. 30(1). pp. 34–45.

20. Pachella, R.G. (1974) The interpretation of reaction time in information processing research. In: Kantowitz, B. (ed.) *Human information processing: Tutorials in performance and cognition*. Potomac, MD: Erlbaum.

21. McClelland, J.L. (1979) On the time relations of mental processes: an examination of systems of processes in cascade. *Psychological Review*. 86. pp. 287–330.

22. Gordon, B. & Caramazza, A. (1982) Lexical decision for open- and closed-class words: failure to replicate differential frequency sensitivity. *Brain & Language*. 15. pp. 143–160. DOI: 10.1016/0093-934X(82)90053-0

23. Measso, G. & Zaidel, E. (1990) Effect of response programming on hemispheric differences in lexical decision. *Neuropsychologia*. 28. pp. 635–646. DOI: 10.1016/0028-3932(90)90118-8

24. Chiarello, C., Nuding, S. & Pollock, A. (1988) Lexical decision and naming asymmetries: influence of response selection and response bias. *Brain & Language*. 34. pp. 302–314.

25. Abrams, R.A. & Balota, D.A. (1991) Mental chronometry: beyond reaction time. *Psychological Science*. 2. pp. 153–157. DOI: http://dx.doi.org/10.1111/j.1467-9280.1991.tb00123.x

26. Balota, D.A. & Spieler, D.H. (1999) Word frequency, repetition, and lexicality effects in word recognition. *Journal of Experimental Psychology: General*. 128. pp. 32–55. DOI: 10.1037/0096-3445.128.1.32

27. Forster, K.I. & Veres, C. (1998) The prime lexicality effect: form-priming as a function of prime awareness, lexical status, and discrimination difficulty. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, & Cognition*. 24. pp. 498–514.

28. Lesch, M.F. & Pollatsek A. (1998) Evidence for the use of assembled phonology in accessing the meaning of printed words. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, & Cognition*. 24. pp. 573–592. DOI: 10.1037/0278-7393.24.3.573

29. Gibbs, P. & Van Orden, G.C. (1998) Pathway selection' s utility for control of word recognition. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception & Performance*. 24. pp. 1162–1187.

30. Hino, Y. & Lupker S.J. (2000) The effects of word frequency and spelling-to-sound regularity in naming with and without lexical decision. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception & Performance*. 26. pp. 166–183.

31. Pexman, P.M. (2012) Meaning-based influences on visual word recognition. In: Adelman, J.S. (ed.) *Visual word recognition: Meaning and context, individuals and development*. Hove, UK: Psychology Press.

32. Pexman, P.M., Hargreaves, I.S., Siakaluk, P.D., Bodner, G.E. & Pope J. (2008) There are many ways to be rich: effects of three measures of semantic richness on visual word recognition. *Psychonomic Bulletin & Review*. 15. pp. 161–167.

33. Balota, D.A. Ferraro, F.R. & Connor, L.T. (1991) On the early influence of meaning in word recognition: a review of the literature. In: Schwanenflugel, P.J. (ed.) *The psychology of word meanings*. Hillsdale: Erlbaum. pp. 187–218.

34. Yap, M.J. & Seow, C.S. (2014) The influence of emotion on lexical processing: Insights from RT distributional analysis. *Psychonomic Bulletin & Review*. 21(2). pp. 526–533.

35. Kuperman, V., Estes, Z., Brysbaert, M. & Warriner, A.B. (2014) Emotion and language: valence and arousal affect word recognition. *Journal of Experimental Psychology: General*. 143(3). pp. 1065–1081. DOI: 10.1037/a0035669

36. Bar-Haim, Y et al. (2007) Threat-related attentional bias in anxious and nonanxious individuals: a meta-analytic study. *Psychological bulletin*. 133(1). pp. 1–24. DOI: 10.1037/0033-2909.133.1.1

37. Wadlinger, H.A. & Isaacowitz, D.M. (2006) Positive mood broadens visual attention to positive stimuli. *Motivation and emotion*. 30(1). pp. 87–99. DOI: 10.1007/s11031-006-9021-1

38. Lyusin, D.V. & Sysoeva, T.A. (2016) [ENRuN: a database with normative values of emotional coloring of Russian nouns]. *Protsedury i metody eksperimental'no-psikhologicheskikh issledovaniy* [Procedures and methods of experimental psychological research]. Proceedings of the conference Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences. pp. 126–131. (In Russian).

39. Carreiras, M., Perea, M. & Grainger, J. (1997) Effects of orthographic neighborhood in visual word recognition: cross-task comparisons. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 23(4). pp. 857–871. DOI: 10.1037/0278-7393.23.4.857

40. Jiang, N. (2012) *Conducting Reaction Time Research in Second Language Studies*. NY: Routledge.

41. Rayner, K., Pollatsek, A., Ashby, J. & Clifton, C.J. (2012) *Psychology of Reading*. 2nd ed. NY & London: Psychology Press, Taylor & Francis Group.

42. Khanin, Yu.L. (1976) *Kratkoye rukovodstvo k primeneniyu shkaly reaktivnoy i lichnostnoy trevozhnosti Ch.D. Spilbergera* [A brief guide for using reactive and personal anxiety scale of Ch.D. Spielberger. Leningrad: LNIIFK.

43. Osin, E.N. (2012) Measuring Positive and Negative Affect: Development of a Russian-language Analogue of PANAS. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 9(4). pp. 91–110. (In Russian).

44. Baayen, R.H. & Milin P. (2015) Analyzing reaction times. *International Journal of Psychological Research*. 3(2). pp. 12–28. DOI: 10.21500/20112084.807

45. Lyashevskaya, O.N. & Sharov, S.A. (2009) *Chastotny slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka* [Frequency dictionary of modern Russian language (on materials of the Russian National Corpus)]. Moscow: Azbukovnik.

46. Mitina, O.V. & Mikhailovskaya, I.B. (2001) *Faktorny analiz dlya psikhologov* [Factor analysis for psychologists]. Moscow: Uchebno-metodicheskiy kollektor "Psikhologiya".

47. Rastle, K., Harrington, J., & Coltheart, M. (2002) 358,534 nonwords: the ARC Nonword Database. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 55(4). pp. 1339–1362. DOI: 10.1080/02724980244000099

48. Matzke, D. & Wagenmakers, E.-J. (2009) Psychological interpretation of the ex-Gaussian and shifted Wald parameters: A diffusion model analysis. *Psychonomic Bulletin & Review*. 16(5). pp. 798–817. DOI: 10.3758/PBR.16.5.798

49. Nakagawa, S. & Schielzeth, H. (2013) A general and simple method for obtaining R^2 from generalized linear mixed-effects models. *Methods in Ecology and Evolution.* 4(2). pp. 133–142. DOI: 10.1111/j.2041-210x.2012.00261.x

50. Vlasov, M.S. & Sychev, O.A. (2016) [Influence of emotional coloring of Russian words on visual word recognition in lexical decision task]. *Protsedury i metody eksperimental'no-psikhologicheskikh issledovaniy* [Procedures and methods of experimental psychological research]. Proceedings of the conference Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences. pp. 544–551. (In Russian).

51. Blinnikova, I., Izmalkova, A. & Marchenko, O. (2015) How do emotions affect visual semantic search? *Perception.* 44(1). pp. 33–1P1M123.

УДК 81'34
DOI: 10.17223/19986645/52/3

С.И. Гусева, Ю.П. Иванашко

АЛЛОФОННОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ В СПОНТАННОЙ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА МАТЕРИАЛЕ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ)

Изучаются характеристики сегментных единиц немецкого и английского языков на участках разной информативной нагруженности. На основе использования методик компьютерного анализа речи исследуются акустические параметры согласных и гласных в континууме спонтанной речи. Проведенное экспериментальное исследование подтвердило выдвинутую гипотезу о семантических основаниях варьирования сегментных единиц. Проверка гипотезы на материале разных языков и подгрупп фонем, реализованных в различных типах дискурса, позволяет говорить о существовании рассмотренного явления на уровне тенденции.

Ключевые слова: *английский язык, немецкий язык, монологическая речь, тема-рематическая структура высказывания, аллофонное варьирование, смычно-взрывные согласные, монофтонги.*

Введение

Варьирование как онтологическое, сущностное свойство языка присуще единицам всех языковых уровней. В наибольшей степени оно проявляется в реализации фонем. Это свойство постоянной изменчивости вытекает из материальной природы звуков вообще и звуков речи в частности. Звуковой характер языка в совокупности с большой разрешающей способностью артикуляционного аппарата обеспечивает звукам речи их практически неограниченную вариативность.

Несмотря на то, что представители одного лингвосоциума используют в процессе речепроизводства примерно одинаковый для всех набор артикуляций, варьирование звуков настолько значительно, что представляет одну из главных проблем при создании систем автоматического анализа и синтеза речи. Изучая причины, влияющие на вариативность речевого сигнала, разработчики автоматических диалоговых систем выделяют две группы факторов – долговременные и кратковременные [1. С. 5]. Первая группа включает анатомические особенности речевого тракта (объем грудной клетки; длина голосового тракта; объем и вес губ, языка; другие параметры, характеризующие форму речевого тракта), социолингвистические факторы (приобретенные в процессе общения диалектные особенности, стиль речи и т.д.), нарушения в речи (афазия, заикание, другие болезни). Группа кратковременных факторов учитывает различные состояния диктора[1]:

[1] В экспериментальной фонетике диктором называют носителя определенного языка, речь которого записывается в студийных условиях в экспериментальных целях.

эмоциональное (радость, скука, подавленность, волнение и др.), физиологическое (простуда, анестезия речевой полости, интоксикация и др.). Наряду с долговременными и кратковременными факторами принимаются во внимание свойства канала приема и передачи сигнала (тип микрофона, удаленность от микрофона, помехи в канале передачи сигнала), а также свойства окружающей обстановки (уровень внеречевого шума, число участников общения и др.) [1. С. 5–6]. Эти внешние по отношению к языковой системе факторы, безусловно, важны при решении прикладных задач, однако не они являются определяющими в процессе аллофонного варьирования.

Характеристики аллофонов на синтагматической оси – это прежде всего функция комбинаторно-позиционных условий, коартикуляции и других, хорошо известных и описанных в литературе внутриязыковых факторов. Важную роль играет также положение аллофона в информационной (темарематической) структуре высказывания [2. С. 32].

Гипотеза нашего исследования заключается в том, что наличие семантических оснований в реализации фонетических единиц имеет универсальный характер. В этой связи в качестве материала исследования выбраны не только разные подгруппы фонем – согласные и гласные, реализованные в различных типах дискурса, но и разные языки (немецкий и английский).

В настоящей статье рассмотрены характеристики немецких смычно-взрывных (эксплозивных) согласных, расположенных на участках разной коммуникативной нагруженности в континууме спонтанной разговорной речи, и английских ударных монофтонгов, отсегментированных с участков темы и ремы аудиозаписей выступлений британских политиков.

Эксперимент

Программа экспериментального исследования состояла из двух частей. Каждая часть получила условное обозначение: «немецкая программа» и «английская программа». Рассмотрим материал и методику исследования в рамках каждой из программ.

Немецкая программа: материал и методика исследования

Подвергнутый экспериментально-фонетическому анализу корпус звучащей речи был получен в студии звукозаписи Боннского университета. Дикторами выступили носители орфоэпического стандарта немецкого языка. Им предлагалось высказаться без подготовки на темы повседневной жизни («Учеба», «Университет», «Свободное время», «Город», «Каникулы» и т.д.). Таким образом, были получены спонтанные монологические высказывания общей продолжительностью звучания около трех часов.

На первом этапе исследования проводился аудиторский эксперимент по восприятию ремы – наиболее важной, ключевой информации высказыва-

ний. В качестве аудиторов выступили носители немецкого языка, студенты и сотрудники Боннского университета (15 человек). Поскольку понятие «рема» большинству «наивных» носителей языка, не знакомых с теорией актуального членения, неизвестно, при постановке задачи эксперимента по определению ремы нами использовались обозначения «наиболее важная, ключевая информация фразы», «информативно нагруженные участки высказывания» и т.п. Участникам аудиторского эксперимента была дана установка прослушать записанный на электронный носитель текст спонтанной монологической речи и выделить в каждой фразе информативно нагруженные участки. Работа с аудиторами проводилась индивидуально, время прослушивания текстов не ограничивалось. Полученные данные были проиндексированы, наиболее частотные слова и выражения составили информативный каркас высказываний[2].

На следующем этапе изучались акустические характеристики сегментных единиц в словах, расположенных на участках разной информативной нагруженности. В связи с тем, что аллофонное варьирование определяется влиянием комбинаторных условий, было решено обратиться к анализу реализации фонем в одинаковых словах или идентичных звукосочетаниях из разных слов (например, расположенные на участках ремы и темы слова jades и jeder, schade и gerade, в которых согласный d употребляется в одинаковом фонетическом контексте). Отобранные слова и звукосочетания подвергались акустической обработке при помощи программ компьютерного анализа речевого сигнала. Акустические параметры аллофонов, реализованных на участках ремы и темы, сравнивались с акустическими характеристиками эталонов – идентичных аллофонов из картотеки пособия по постановке стандартного немецкого произношения [5].

Английская программа: материал и методика исследования

Материалом для исследования послужила монологическая речь троих политиков Великобритании – носителей орфоэпической нормы британского варианта английского языка: D1 – Дэвид Кэмерон, D2 – Тони Блэр, D3 – Гордон Браун.

Членение текстов на участки темы и ремы осуществлялось на основе слухового и инструментального анализа с учетом просодического и семантического критериев. Так, если группа слов или слово не заключали в себе новую информацию и в меньшей степени были выделены просодическими средствами, то такой участок считался малоинформативным. Если же группа слов (слово) были просодически маркированными и несли новую,

[2] Информативный каркас текста, получаемый на основе использования метода индексирования, отражает иерархию рем в анализируемом тексте. Словам или словосочетаниям, которые отмечены как информативно нагруженные всеми аудиторами (100%), присваивается индекс 1,0. Нижний порог при выборе ответов как информативно нагруженных, руководствуясь логикой квалифицированного большинства, представляется возможным ограничить индексом 0,6 [3. С. 16; 4].

важную информацию, то такой участок речи признавался информативно важным [6].

На рис. 1 представлен интонационный контур фразы *Asserting that they are not Western, but global values* (нижний контур – частота основного тона (ЧОТ), верхний – интенсивность). К рематическим участкам фразы были отнесены слова *Western* и *global* как просодически маркированные по сравнению с другими словами, которые соответственно были отнесены к участкам темы.

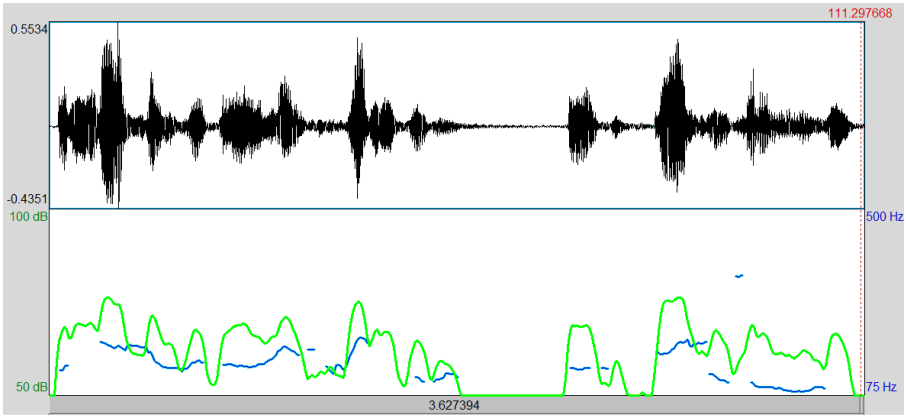

Рис. 1. Интонационный контур фразы
Asserting that they are not Western, but global values (D1)

Как известно, характеристики аллофонов зависят от комбинаторно-позиционных условий, в которых находятся [7], поэтому для получения фонетически корректных и наиболее достоверных данных монофтонги для исследования отбирались из одинаковых слов с участков темы и ремы. В случае невозможности подобрать такие слова или при их незначительном количестве, недостаточном для проведения статистических подсчетов, исследовались монофтонги, отсегментированные из одинаковых слогов типа CV и CVC. При этом подбирались такие фонетические слова, в которых количество безударных слогов, следовавших за исследуемым ударным гласным, совпадало.

Результаты акустического анализа

Немецкая программа эксперимента

Рассмотрим в сравнении с эталоном результаты акустического анализа реализации немецких фонем на примере согласного /d/ как одного из наиболее высокочастотных в речи. В таблице рангов частотности немецких фонем в речи, по данным Г. Линднера [8], этот согласный занимает 4-й (по нашим данным – 5-й) ранг, «пропуская вперед» согласные /n/ и /t/, относящиеся, как и /d/, к наиболее активной переднеязычной артикуляции, а

также согласный /r/, имеющий три консонантных аллофона – переднеязычный, заднеязычный и увулярный. На шкале рангов частотности наивысший ранг, равный 1, соответствует наиболее частотному согласному /n/, второй ранг присваивается следующему по частотности согласному /r/ (по нашим данным – /t/) и т.д. (табл. 1). Некоторое отличие наших данных от данных Г. Линднера может быть вызвано как особенностями проанализированного речевого материала, так и объемом выборки.

Таблица 1

Частотность немецких согласных в речи

Согласный	Частотность согласного в % от всех согласных			
	Данные Линднера	Ранг частотности	Наши данные	Ранг частотности
n	15,12	1	18,08	1
r	12,64	2	12,27	3
t	12,31	3	14,65	2
d	6,98	4	8,27	5
s	6,63	5	8,60	4
l	5,35	6	5,89	6
m	5,13	7	3,82	8
v	3,68	8	2,71	12
f	3,53	9	4,78	7
z	3,42	10	2,71	13
g	3,35	11	2,86	11
ʃ	3,33	12	2,71	14
b	3,25	13	3,18	9
ʒ	3,14	14	2,38	15
k	2,61	15	3,03	10
h	1,96	16	2,07	16
x	1,65	17	1,11	20
p	1,49	18	1,75	18
ŋ	0,81	19	1,27	19
j	0,62	20	1,79	17

Следует упомянуть, что переднеязычные как наиболее частотные согласные не только широко варьируются в речи, но и чаще других согласных подвергаются эллиптированию [9. С. 10].

В потоке речи согласный /d/, находясь в интервокальной позиции, нередко спирантизуется. Механизм спирантизации заключается в ослаблении смычного элемента согласного под влиянием «боковых артикуляций» соседних гласных. В спонтанной речи довольно много примеров реализации согласного /d/ в интервокальной позиции, провоцирующей ослабление смычки согласного. Однако нередко этот согласный реализуется в сильной позиции начала ударного слога (например, be'dingen, be'dauern, Be'dürfnis и т.п.), которая, естественно, оказывает сдерживающее влияние на коартикуляторное взаимопроникновение звуков и ограничивает влияние на согласный соседних гласных. Тем не менее встречаются и реализации со спирантизованным переднеязычным. Рассмотрим их более подробно.

Реализацию интервокального согласного /d/ в словах jedes (рема), jeder (тема) и jede (эталон) иллюстрирует рис. 2. Анализ шумовых составляющих на сонограммах не оставляет сомнений в том, что на участке темы имеет место спирантизация переднеязычного смычного: наблюдаются полное раскрытие смычки и «размытость» акустико-артикуляторных характеристик под влиянием соседних гласных; шум равномерно распределяется по всему спектру согласного, включая смычную и взрывную фазы.

Хотя на участке ремы согласный и содержит следы интервокального контекста, тем не менее рефлекс смыкания органов артикуляции наличествует, что подтверждается данными об интенсивности: в интервале смычки в диапазоне частот от 1 500 до 2 000 Гц интенсивность понижается до 0. Амплитудные характеристики на границе согласного с гласным свидетельствуют о полном раскрытии смычки на участке темы и наличии смычного элемента согласного в рематическом фрагменте.

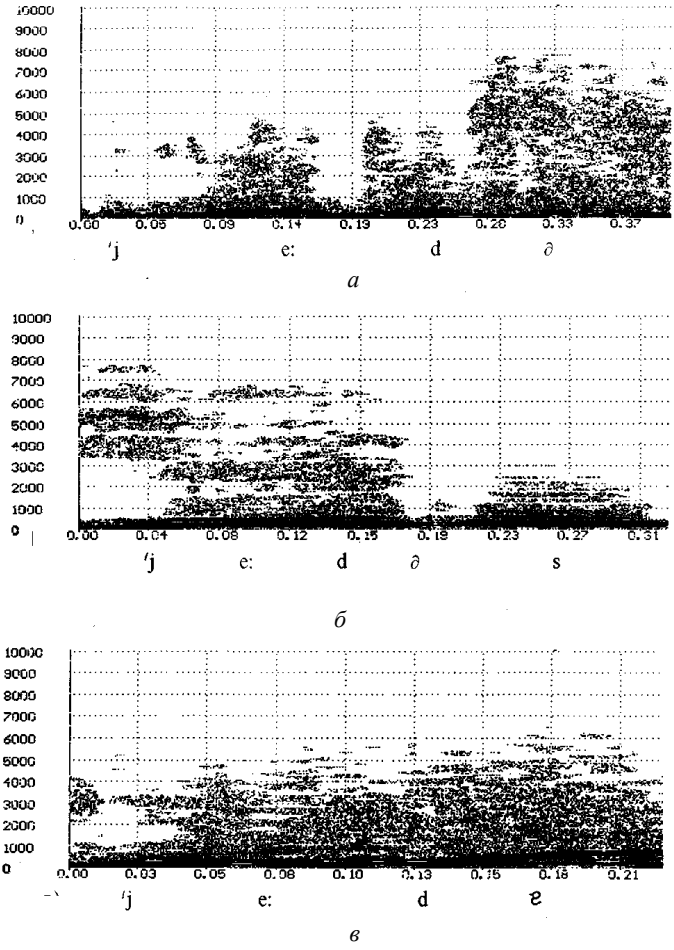

Рис. 2. Согласный /d/ в звукосочетании [eːdə]: *а* – эталон (jede); *б* – рема (jedes); *в* – тема (jeder)

На рис. 3 представлены сонаграммы сочетания /a:de/ из слов schade (рема), gerade (тема) и соответствующего эталона.

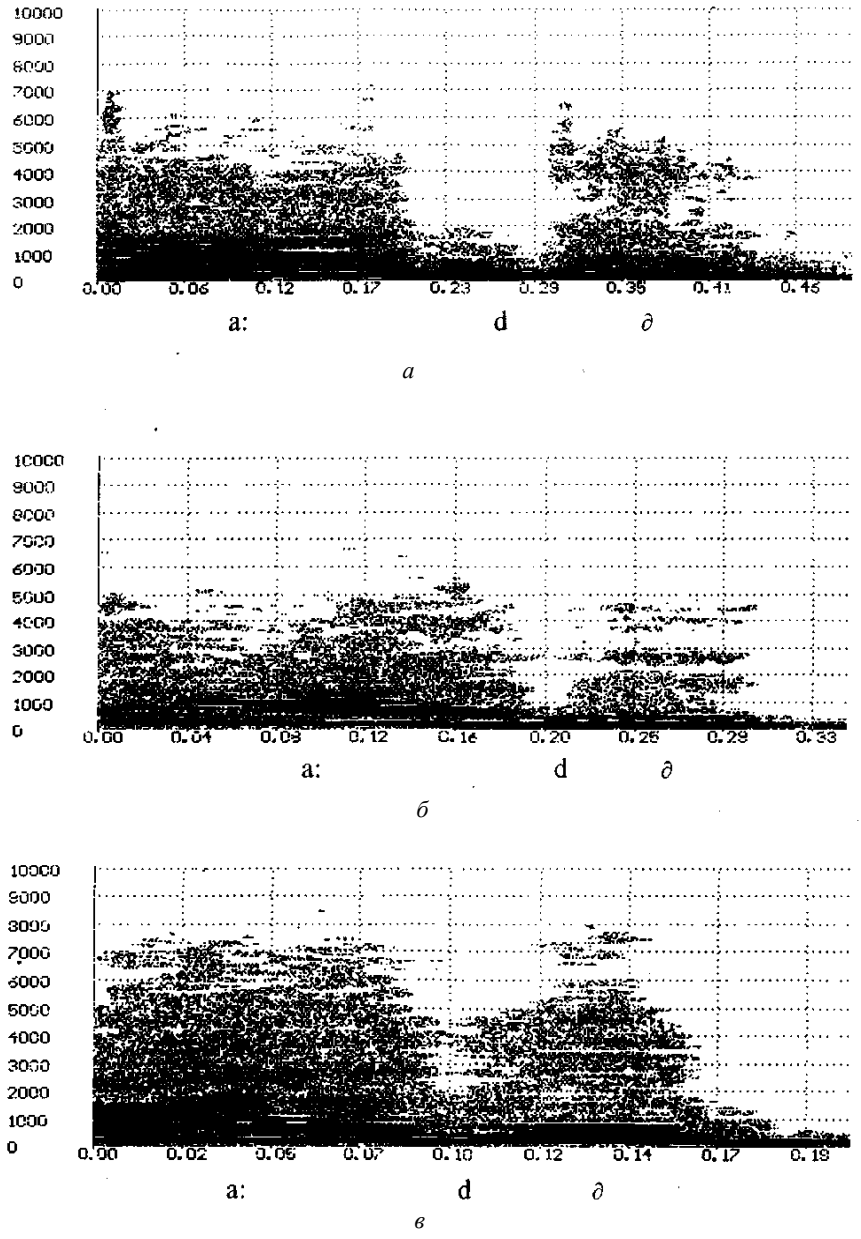

Рис. 3. Согласный /d/ в звукосочетании ['a:də]:
а – эталон; *б* – рема (schade); *в* – тема (gerade)

Реализация /d/ в сочетании ['a:də] характеризуется на участках ремы и темы ослаблением смычки согласного по сравнению с эталоном, однако, как показывает анализ акустических параметров, ослабление смычно-взрывного в слове gerade (тема) выражено значительно сильнее, чем в слове schade (рема), что подкрепляется также данными слухового анализа.

Рассмотрим пример реализации в интервокальной позиции согласного /g/, спектральные характеристики которого представлены на рис. 4, иллюстрирующем акустические параметры сочетания [i:gə] в словах richtige (рема), einige (тема) в сравнении с эталоном.

Заднеязычный шумный смычный /g/ характеризуется весьма слабой смычкой, по этой причине он довольно часто спирантизуется в потоке речи. По нашим данным, полученным в ходе исследования немецкой спонтанной монологической речи, на этот согласный приходится 26% всех смычно-взрывных с ослаблением смычного элемента звука.

Спектральные характеристики сочетания /igə/, представленные на сонаграмме (рис. 4), свидетельствуют о спирантизации интервокального /g/ на участке темы и наличии сходства в акустических картинах согласного ремы и эталона. Сходство обнаруживается в расположении верхней границы шума взрывной фазы. Четкая и достаточно продолжительная смычка согласного на участке ремы и в эталоне нейтрализует влияние на взрывную фазу левостороннего контекста.

Иная картина наблюдается на участке темы. Анализ сонаграммы свидетельствует в пользу ослабления смычки заднеязычного согласного, обусловленного влиянием соседних гласных. Уместно напомнить, что в ряде районов Германии, в частности в нижненемецком языковом ареале, спирантное произнесение /g/ является хотя и не санкционированным прескрипциями кодифицированного стандартного произношения, но достаточно распространенным в речевом узусе. Как видно на сонаграмме, имеет место также сонантизация согласного, что является косвенным подтверждением спирантного произнесения /g/, так как сонантизация характерна для щелевых согласных. Она объясняется «расширением щели согласного и уменьшением его воздушности под влиянием аналогичных особенностей смежных гласных, свойственных им по самой их природе» [10. С. 228].

Наряду со спирантизацией и сонантизацией заднеязычного /g/ наблюдается также его назализация, что подтверждается наличием носовой форманты в диапазоне 240–250 Гц, появление которой обусловлено дистантным воздействием находящегося в препозиции носового сонанта /n/.

Таким образом, в процессе экспериментального изучения аллофонного варьирования немецкой спонтанной речи, некоторые результаты которого представлены в настоящей статье, получены многочисленные примеры ослабления согласных на малоинформативных участках высказывания по сравнению с участками ремы и соответствующим эталоном.

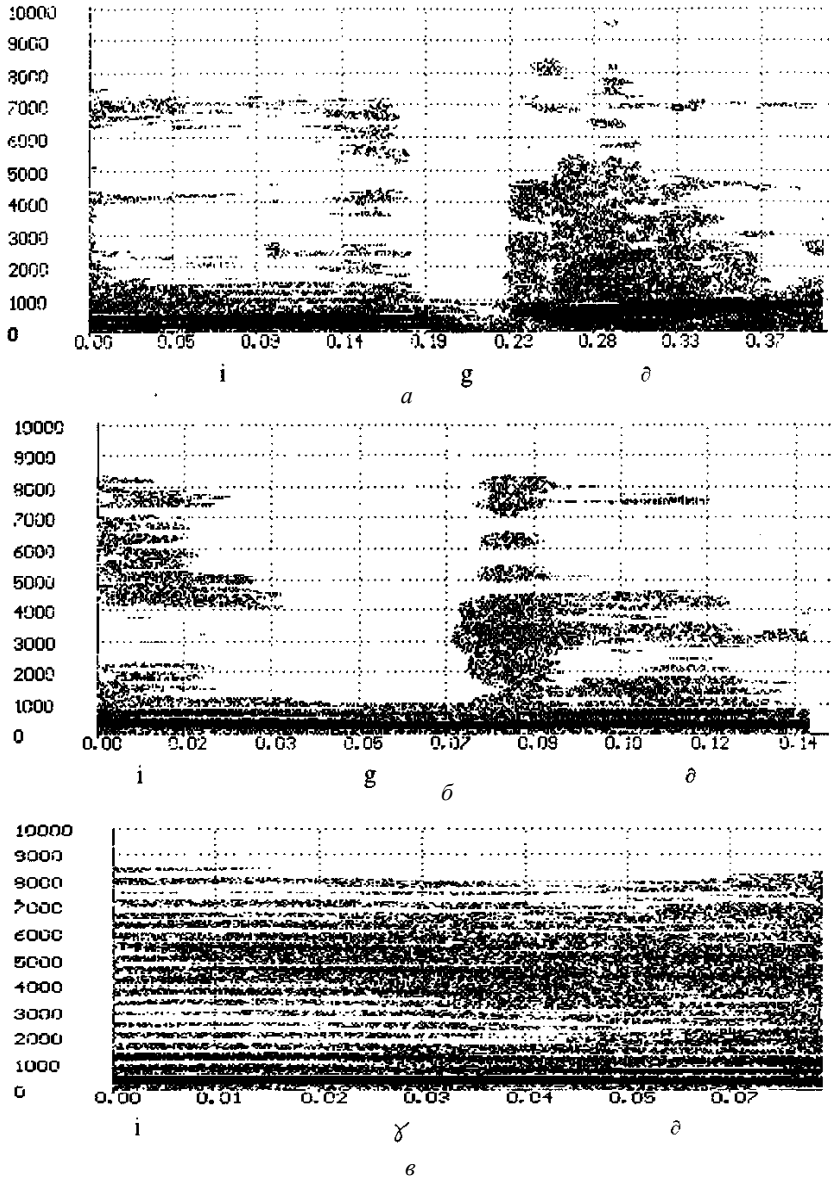

Рис. 4. Согласный /g/ в сочетании [i:gə]: *а* – эталон; *б* – рема (richtige); *в* – тема (einige)

Английская программа эксперимента

Результаты измерения длительности гласных на участках разной информативной нагруженности представлены в табл. 2 [11].

Оценка количественных характеристик ударных гласных на участках темы и ремы позволяет сделать вывод, что в целом монофтонги, располо-

женные на участках ремы, имеют бо́льшую длительность по сравнению с гласными на теме.

Таблица 2

Абсолютные средние значения длительности гласных на участках ремы и темы

Гласный	Средняя длительность гласных на участках ремы, мс			Средняя длительность гласных на участках темы, мс		
	D1	D2	D3	D1	D2	D3
ɪ	70	54	60	70	55	70
iː	96	118	98	90	102	82
e	75	77	70	70	68	70
æ	87	90	120	80	84	104
ʌ	60	70	98	50	64	70
ɑː	140	137	120	110	110	111
ɒ	86	55	125	63	55	69
ɔː	165	144	130	135	117	120
ʊ	87	95	66	55	76	53
uː	80	98	132	58	65	94
ɜː	130	132	–	127	110	99

В табл. 3 приведены данные о длительности гласных на участках ремы в сравнении с длительностью гласных малоинформативных участков.

Таблица 3

Количество случаев увеличения длительности гласных на реме в сравнении с длительностью гласных на теме

Диктор	Количество случаев увеличения длительности гласных на реме, %
D1	91
D2	82
D3	80

Данные табл. 3 свидетельствуют о наличии ярко выраженной тенденции к увеличению длительности гласных на информативно нагруженных участках политического дискурса. Отмеченная тенденция иллюстрируется рис. 5, на котором представлены результаты сопоставительного анализа количественных характеристик английских монофтонгов на рематических и тематических участках в речах D1, D2, D3.

Как показал анализ, наименьшая разница между гласными ремы и темы по параметру длительности характерна для гласных переднего и центрального ряда, максимальная – для гласных заднего ряда. В среднем монофтонги на рематических участках в речах D1, D2, D3 оказались на 17% длительнее аналогичных аллофонов с участков темы, что можно рассматривать как существенный показатель.

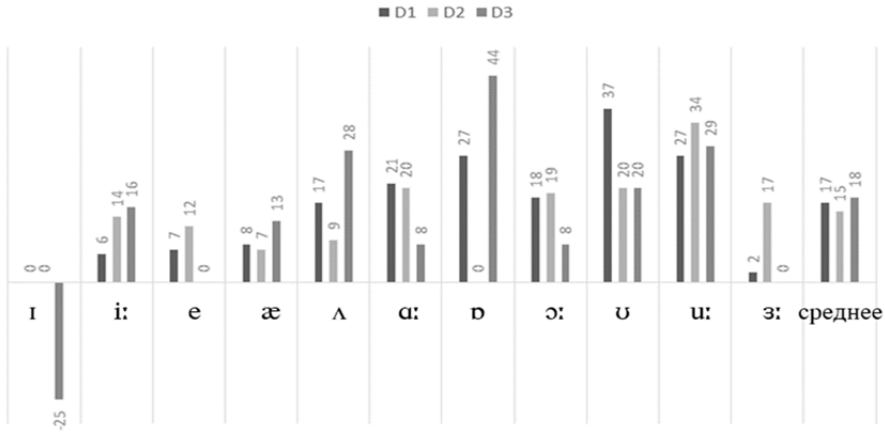

Рис. 5. Увеличение длительности монофтонгов на участках ремы, %

Рис. 6 и 7, на которых представлены осциллограммы и сонаграммы слова *summit* (D1), иллюстрируют отличия количественных характеристик монофтонгов на участках разной информативной нагруженности.

Длительность монофтонга [ʌ], расположенного на малоинформативном участке, значительно меньше длительности аналогичного аллофона, расположенного на участке ремы (44 и 64 мс соответственно).

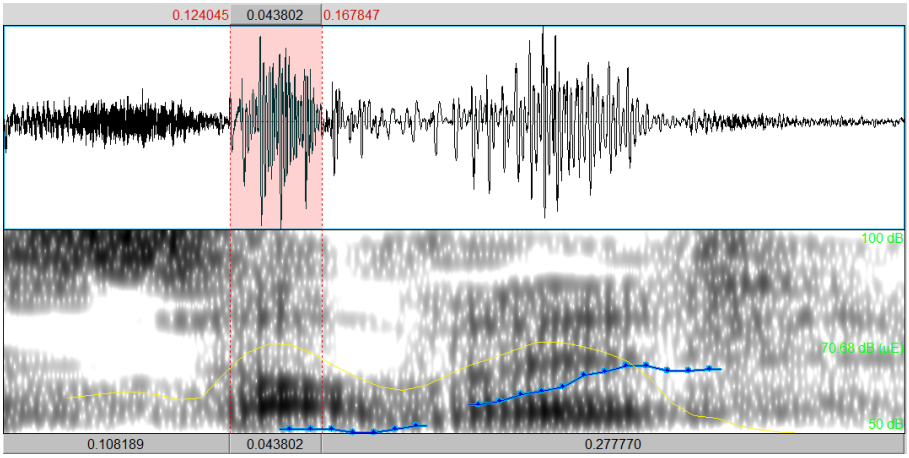

Рис. 6. Реализация монофтонга [ʌ] (выделен темным цветом) на участке темы в слове *summit* (D1)

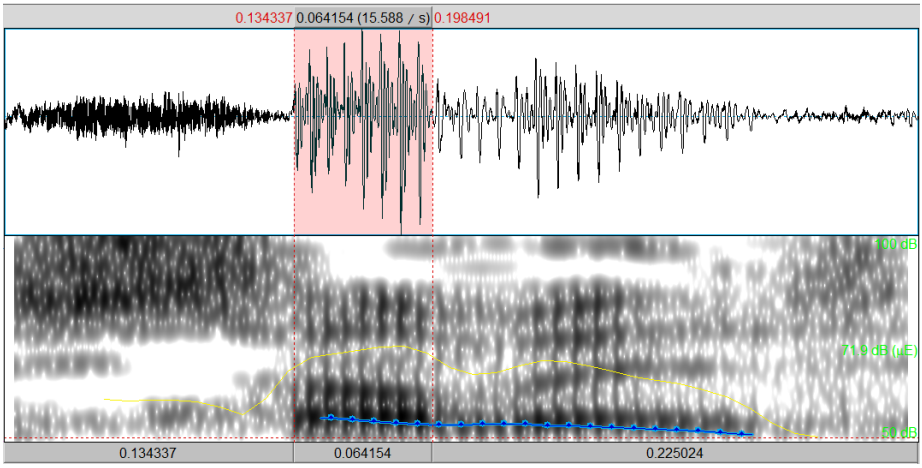

Рис. 7. Реализация монофтонга [ʌ] (выделен темным цветом)
на участке ремы в слове *summit* (D1)

Исключение составили монофтонги [e] (D3), [ɪ] (D1, D2), [ɒ] (D2), средняя длительность которых на рематических и тематических участках полностью совпала, а в случае с гласным [ɪ] у D3 оказалась даже несколько большей на участке, не несущем главной или новой информации. Аналогичные результаты, полученные другими авторами, интерпретируются как функционально зависимые от позиции слова во фразе [12].

Проведенный на следующем этапе инструментальный анализ английских монофтонгов показал, что количественные изменения исследуемых аллофонов на участках разной информативной нагруженности коррелируют с их качественными изменениями. В табл. 4 содержатся сведения о значениях формант гласных. Они свидетельствуют о том, что формантные характеристики монофтонгов на рематических участках в значительной степени отличаются от спектральных характеристик аллофонов, расположенных на участках темы.

Согласно данным спектрального анализа значения F1 монофтонгов [ɪ] (D1, D2), [iː], [e] (D1, D2), [æ], [ɒ] на участках ремы выше значений, полученных при измерении тех же гласных на тематических участках (см. табл. 4). Это указывает на их реализацию в первом случае как более открытых. Гласные [ʌ], [ɑː] (D1, D2), [ɔː] (D2, D3), [ʊ] (D2, D3), [uː] (D1, D2, D3) и [ɜː] (D1, D2), отсегментированные с участков ремы, напротив, реализовались как более закрытые, особенно это относится к монофтонгам [ɜː] и [ʊ], где разница в значениях F1 в большинстве случаев составила более 100 Гц.

Таблица 4

Средние значения F1 и F2 монофтонгов в зависимости от позиции в тема-рематической структуре высказывания

Гласный	Средние значения F1 и F2 монофтонгов на участках ремы, Гц						Средние значения F1 и F2 монофтонгов на участках темы, Гц					
	D1		D2		D3		D1		D2		D3	
	F1	F2	F1	F2	F1	F2	F1	F2	F1	F2	F1	F2
ɪ	450	1886	375	1714	420	1700	410	1840	345	1670	430	1542
iː	298	2364	345	2362	295	2093	280	2250	335	2290	280	2010
e	510	1742	621	1794	540	1700	500	1740	560	1780	542	1600
æ	680	1516	722	1514	665	1495	540	1590	584	1515	560	850
ʌ	625	1300	691	1259	628	1275	590	1350	735	1465	665	1155
ɑː	679	1033	697	1110	710	1010	720	1150	725	1190	643	1360
ɒ	640	908	637	892	684	944	610	910	620	925	440	846
ɔː	480	698	470	733	472	723	450	750	510	775	520	825
ʊ	370	1220	367	1197	359	1200	400	1100	470	1500	435	1400
uː	326	1190	367	1067	348	1126	350	1180	390	1490	340	1200
ɜː	468	1405	482	1410	–	–	630	1250	630	1250	583	1340

Что касается ряда гласных, то монофтонги [ɪ], [iː], [e], [ɜː], отсегментированные с участков ремы, реализовались как продвинутые вперед, а монофтонги [ʌ] (D1, D2), [ɑː], [ɒ] (D1, D2), [ɔː], [ʊ] (D2, D3) и [uː] (D2, D3) – как отодвинутые назад.

На рис. 8–10 приведены точечные диаграммы, представляющие пространственные изображения гласных, расположенных на участках темы и ремы.

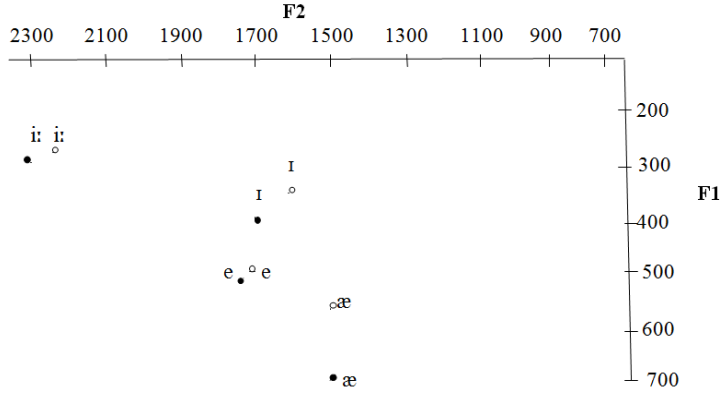

Рис. 8. Спектральные характеристики гласных переднего ряда на участках разной информативной нагруженности (● – рема, ○ – тема)

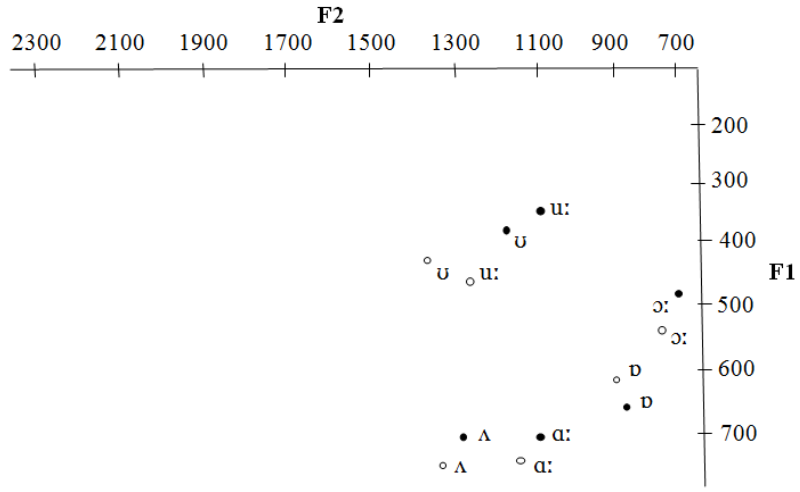

Рис. 9. Спектральные характеристики гласных заднего ряда на участках разной информативной нагруженности (● – рема, ○ – тема)

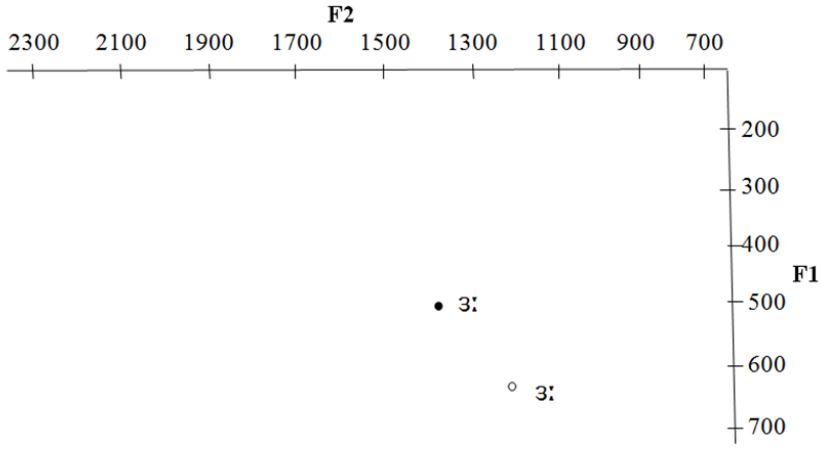

Рис. 10. Спектральные характеристики гласного центрального ряда [ɜː] на участках разной информативной нагруженности (● – рема, ○ – тема)

На рисунках отчетливо видно, что гласные, отсегментированные с участков ремы, в основном занимают наиболее крайние позиции в пространстве формант F1 и F2.

Сравнительный анализ F1 гласных на теме и реме показал наличие тенденции к повышению ее значений у гласных переднего ряда и понижению у гласных заднего и центрального ряда на участках большей информативной нагруженности. Исключение составил монофтонг /ɒ/, частота F1 которого на рематических участках оказалась выше, чем на тематических.

В результате сопоставления значений F2 гласных на участках темы и ремы в последнем случае была отмечена тенденция к продвижению вперед гласных переднего и центрального ряда и смещению назад гласных заднего ряда.

Полученные данные являются свидетельством того, что на участках ремы гласные реализуются в более полном типе.

Заключение

Исследования фонетики спонтанной речи, начало которым было положено в последней трети XX в., получили интенсивное развитие в наше время. Они позволяют, с одной стороны, зафиксировать и описать факты подвижности фонемного состава морфем и слов, обнаружить зарождение новых фонологических противопоставлений и другие фонетические процессы, свойственные связной неподготовленной речи, а с другой – определить факторы, препятствующие «размытости» характеристик аллофонов и поддерживающие устойчивость фонологической системы.

Проведенное нами исследование аллофонного варьирования в спонтанной речи носителей немецкого и английского языков, некоторые результаты которого представлены в настоящей статье, позволяет сделать вывод о важной роли для сохранения признаков фонемы коммуникативно нагруженных участков высказывания.

Анализ реализации немецких эксплозивных согласных показал, что акустические параметры смычной и взрывной фаз согласного в интервокальной позиции на участках ремы сохраняются и приближаются к эталону в отличие от малоинформативных участков, на которых под влиянием коартикуляции согласный не только подвергается спирантизации, но и может приобретать характеристики сонантной реализации.

Установленная на материале немецкой разговорной речи тенденция нашла подтверждение и в процессе анализа аллофонного варьирования английских гласных в континууме британского политического дискурса. Формантные характеристики английских гласных на участках ремы свидетельствуют в большинстве случаев о реализации гласного в полном типе по сравнению с гласными на участках низкой информативной нагруженности, где под влиянием «боковых артикуляций» системные признаки гласного в некотором роде «размываются». На «размытость» фонетических характеристик в ситуации спонтанной речи указывала Л.В. Бондарко, подчеркивая особую роль быстрого темпа и смысловой избыточности, допускающих б*о*льшую вариативность сегментных единиц [13. С. 144].

Проведенное экспериментальное исследование подтвердило выдвинутую нами гипотезу о семантических основаниях варьирования сегментных единиц. Проверка гипотезы на материале разных языков и разных подгрупп фонем, реализованных в различных типах дискурса, позволяет говорить о существовании рассмотренного явления на уровне тенденции.

Литература

1. *Ронжин А.Л.* Особенности автоматического распознавания разговорной русской речи // Труды первого междисциплинарного семинара «Анализ разговорной русской речи» (АР^3 – 2007). СПб., 2007. С. 4–13.

2. *Гусева С.И.* Реализация немецкого вокализма: семантикоцентрический подход // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1, № 1. С. 16–34.

3. *Гусева С.И.* Восприятие спонтанной речи: информационный подход // Филологические науки (Научные доклады высшей школы). 2014. № 3. С. 11–21.

4. *Гусева С.И., Пирогова М.А., Шуйская Т.В.* Методы выделения тематических и рематических участков в спонтанной речи // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 3. С. 148–152.

5. *Ortman D., Quasim E.* Phonothek. 27 Übungslektionen zur deutschen Aussprache. München, 1989.

6. *Абдалина Е.А.* Интонационные средства выражения ремы в простом повествовательном предложении в современном английском языке : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1973.

7. *Иванашко Ю.П.* Реализация аллофонов гласных в ударных слогах в британском политическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». 2010. № 29 (210), вып. 47. С. 65–70.

8. *Lindner G.* Grundlagen und Anwendung der Phonetik. Berlin, 1981.

9. *Андросова С.В., Гусева С.И., Деркач С.В., Морозова О.Н.* К вопросу об эллипсисе и элизии в спонтанной речи // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 5–13.

10. *Зиндер Л.Р.* Общая фонетика. М. : Высш. шк., 1979.

11. *Ivanashko Y.P.* The dependence of vowel duration on the consonant context and informational structure of an utterance // Phonetics without boarders : Proceedings of the 2nd International Conference / ed. by S.V. Androsova. Blagoveshchensk : Amur State University, 2015. P. 26–31.

12. *Gay T.* Effect of speaking rate on vowel formant movements // The Journal of the Acoustical Society of America. 1978. № 2. P. 223–230.

13. *Бондарко Л.В.* Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1981.

ALLOPHONIC VARIATION IN SPONTANEOUS MONOLOGUES (AN EXPERIMENTAL STUDY BASED ON GERMANIC LANGUAGES)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 52. 53–70. DOI: 10.17223/19986645/52/3

Svetlana I. Guseva, Yulia P. Ivanashko, Amur State University (Blagoveshchensk, Russian Federation). E-mail: s_guseva@mail.ru / polia-80@mail.ru

Keywords: English language, German language, spontaneous monologues, theme, rheme, allophonic variation, plosive consonants, monophthongs.

The current paper focuses on the dependence of allophonic variation on the informational structure of an utterance in German and English languages. The experiment includes two parts: the German program and the English program. The German program observes acoustic characteristics of intervocalic plosive consonants /d/ and /g/ in theme and rheme parts of German spontaneous monologues. The English program studies mean duration and F1, F2 frequencies of stressed monophthongs in theme and rheme parts of British political speeches. The subjects are male German and English speakers without any notable features of belonging to a particular dialect within Germany and the UK. The following patterns were found.

The German program: Both intervocalic plosive consonants /d/ and /g/ become spirantized when occur in theme parts of the speech – they lose their closure and change acoustic-

articulatory characteristics as affected by neighboring vowels. Along with spirantization consonant /g/ comes out to be nasalized and sonantized within theme parts of the utterance. Plosive consonants /d/ and /g/ segmented from rheme parts of the speech have some traces of intervocalic context, but save their complete closure.

The attained results show the weakening of consonants in theme parts of the speech in comparison with those in rheme parts.

The English program: The majority of the monophthongs increase their duration within the rheme. At that, the slightest difference in quantity is found among front and central vowels and the greatest among the back ones. At the mean, the monophthongs within the rheme turn out to be 17 % longer than within the theme.

Mean duration of the monophthongs [e] (S3), [ɪ] (S1, S2), [ɒ] (S2) within the rheme and the theme parts concurs. These results can be explained by the position of the words in the utterance and the phonetic context of the mentioned vowels.

The change of vowel duration in relation to their position in the informative structure of the utterance correlates with their formants shifts. According to the spectrographic data mean F1 frequency of [ɪ] (S1, S2), [iː], [e] (S1, S2), [æ], [ɒ] in rheme parts is higher than F1 of those in theme parts. F1 frequency of monophthongs [ʌ], [ɑː] (S1, S2), [ɔː] (S2, s3), [ʊ] (S2, S3), [uː] (S1-S3) and [ɜː] (S1, S2) in rheme parts is lower than F1 of those in theme parts. The analysis of F2 frequency shows that vowels [ɪ], [iː], [e], [ɜː] in rheme parts are more front, and vowels [ʌ] (S1, S2), [ɑː], [ɒ] (S1, S2), [ɔː], [ʊ] (S2, S3), [uː] (S2, D3) are more back.

The data obtained shows that rheme parts play an important role in phoneme features maintenance.

References

1. Ronzhin, A.L. (2007) [Features of automatic recognition of colloquial Russian speech]. *Analiz razgovornoy russkoy rechi* [Analysis of colloquial Russian speech]. Proceedings of the interdisciplinary seminar. St. Petersburg: GUAP. pp. 4–13. (In Russian).

2. Guseva, S.I. (2015) Realization of German vocalism: semantic-centric approach. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika – Theoretical and Applied Linguistics*. 1:1. pp. 16–34. (In Russian).

3. Guseva, S.I. (2014) Perception of spontaneous speech: an information approach. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly – Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*. 3. pp. 11–21. (In Russian).

4. Guseva, S.I., Pirogova, M.A. & Shuyskaya, T.V. (2009) Metody vydeleniya tematicheskikh i rematicheskikh uchastkov v spontannoy rechi [Methods of identifying thematic and rhematic parts in spontaneous speech]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 3. pp. 148–152.

5. Ortman, D. & Quasim, E. (1989) *Phonothek. 27 Übungslektionen zur deutschen Aussprache* [Phonotheque. 27 practical lessons on German pronunciation]. Munich: Finch.

6. Abdalina, E.A. (1973) *Intonatsionnye sredstva vyrazheniya remy v prostom povestvovatel'nom predlozhenii v sovremennom angliyskom yazyke* [The intonational means of expressing the rheme in a simple narrative sentence in modern English]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

7. Ivanashko, Yu.P. (2010) Realizatsiya allofonov glasnykh v udarnykh slogakh v britanskom politicheskom diskurse [The representation of vowel allophones in stressed syllables in the British political discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya. Iskusstvovedenie" – Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Philology. Study of Art*. 29 (210):47. pp. 65–70.

8. Lindner, G. (1981) *Grundlagen und Anwendung der Phonetik* [Basics and application of phonetics]. Berlin: Akad.-Verlag.

9. Androsova, S.V., Guseva, S.I., Derkach, S.V. & Morozova, O.N. (2016) Elision in spontaneous speech (based on English). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 413. pp. 5–13. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/413/1

10. Zinder, L.R. (1979) *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow: Vysshaya shkola.

11. Ivanashko, Y.P. (2015) The dependence of vowel duration on the consonant context and informational structure of an utterance. *Phonetics without borders*. Proceedings of the 2nd International Conference. Blagoveshchensk: Amur State University. pp. 26–31.

12. Gay, T. (1978) Effect of speaking rate on vowel formant movements. *The Journal of the Acoustical Society of America*. 02. pp. 223–230.

13. Bondarko, L.V. (1981) *Foneticheskoe opisanie yazyka i fonologicheskoe opisanie rechi* [Phonetic description of language and phonological description of speech]. Leningrad: Leningrad State University.

УДК 811.161.1’37/42
DOI: 10.17223/19986645/52/4

С.С. Земичева

ОБОЗНАЧЕНИЯ НЕГОЛОСОВЫХ ЗВУКОВ ЧЕЛОВЕКА И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ТЕКСТАХ НОСИТЕЛЯ НАРОДНО-РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ[1]

Статья посвящена анализу обозначений звуков человека в речи носителя сибирского старожильческого говора В.П. Вершининой. Специфика исследуемого семантического поля в идиолекте проявляется, во-первых, в средствах номинации: широко используются звукоподражания, зафиксированы образные единицы и невербальные средства обозначения. Отмечается, что многие звукоподражательные единицы, а также отдельные сравнительные обороты, употребляемые диалектоносителем, отсутствуют в литературном языке. Во-вторых, своеобразно функционирование единиц данного поля. Анализ их использования диалектоносителем позволяет сделать выводы о роли звука в индивидуальной картине мира.

Ключевые слова: *диалектная языковая личность, сибирские старожильческие говоры, звукообозначения, диалектная звуковая картина мира, народно-речевая культура.*

Введение

Обозначения звука в русском языке исследовались в различных аспектах: семантическом [1; 2. С. 401–424; 3], когнитивном [4, 5], семиотическом [6, 7]. В последнее время всё более востребован идиостилевой аспект. Описано использование обозначений звука в прозе Ф.М. Достоевского [8], в поэтических текстах Ф.И. Тютчева [9], Б.Л. Пастернака [10], С.А. Есенина и В. В. Маяковского [1]. В этих работах было показано, что номинации звучания в прямом и переносном значении играют важную роль в конструировании художественного текста, являясь одним из средств репрезентации авторской картины мира.

Функционирование номинаций звука за пределами литературного языка и художественного текста изучено слабее. В частности, анализировались номинации звука (преимущественно глаголы говорения) в городской речи. Сделан вывод, что именно звуковая, а не зрительная модальность является ведущей у носителей просторечия, что обусловлено, предположительно, их слабым знакомством с книжной культурой, преобладанием устной формы коммуникации [11].

Номинации звука на материале диалектной речи рассматривались в небольших статьях в аспекте картографирования [12], исследования звукоизобразительного потенциала [13]. В результате сопоставления звукообо-

[1] Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02043).

значений в литературном языке и диалектной речи было показано, что глаголы звука в диалекте довольно часто имеют более широкую семантику [14][2]. Семиотический аспект исследования звука, его роли в славянской обрядовой культуре представлен в сборнике «Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян» [7].

Цель статьи – описать использование единиц с семантикой «звуки человека» носителем народно-речевой культуры. Заявленная тема является частью исследования лексики чувственного восприятия в речи носителя сибирского старожильческого говора. **Источником материала** стал «Полный словарь диалектной языковой личности» [15], фиксирующий индивидуальный лексикон сибирской крестьянки В.П. Вершининой (1909–2004), русской, малограмотной, коренной жительницы с. Вершинино Томского района Томской области. Привлекались для анализа и расшифровки спонтанной речи информанта, записанной томскими диалектологами в полевых условиях. Специфика избранного подхода состоит в том, что исследуется функционирование как диалектных, так и общерусских звукообозначений в индивидуальной речи носителя традиционной культуры.

Вслед за Н.А. Мишанкиной [5] звуки человека можно разделить на голосовые (*смеяться, стонать*, *петь, говорить*) и неголосовые (*стучать, топать, кашлять*). Материалом для данной статьи стали обозначения звуков второго типа. Отбор языкового материала базировался на семантических критериях: рассматривались единицы, в исходном значении которых сема ‘звук человека’ является ядерной. В исследуемом лексиконе зафиксировано 99 обозначений неголосовых звуков человека (за единицу подсчёта принят лексико-семантический вариант). Для номинации таких звуков носитель диалекта чаще всего использует глаголы и звукоподражания, редко – имена существительные, прилагательные, наречия. Зафиксированы также сравнения (*как гармонь* – ‘о хриплом, прерывистом звуке при дыхании’ [15. Т. 1. С. 117]), метафоры (*забарабанить* – ‘начать часто, с силой стучаться’ [Там же. С. 291]).

По **характеру звука** явно преобладают звуки громкие. Указание на громкость звука, как правило, является компонентом значения слова (*топать* – ‘ходить, громко стуча ногами’ [Там же. Т. 4. С. 191]). Используются также специальные лексические и фразеологические средства номинации громкости звука (*ши'бко, изо всёй силы / со всей силы*).

Неголосовые звуки человека были разделены на 3 группы: звуки-сигналы; звуки, сопровождающие различные действия; физиологические звуки. Отметим, что в первых двух случаях человек выступает каузатором звука, т.е. звук рождается из его взаимодействия с предметами, в третьей группе тело человека является собственно источником звуков.

Проанализировано более 500 контекстов. Чаще всего используются диалектоносителем обозначения звуков-сигналов.

[2] За пределами обзора осталось больше количество статей, в которых анализируются диалектные обозначения речи.

Номинации звуков-сигналов

В эту группу вошли 22 единицы. Внутри неё можно выделить ряд глаголов с общим значением *'ударять (в дверь, окно и т.п.), стуком выражая просьбу впустить куда-либо; стучаться'* [15. Т. 4. С. 143]. Это такие частотные в речи обозначения, как *сту'каться* (74 употребления), *стукать* (55) а также их диалектные синонимы, используемые несколько реже: *зы'кать/зы'чить* (19), *зы'каться/зы'читься* (19). Высокая частотность обусловлена экстралингвистически: распространённостью в сельской жизни ситуации, когда кто-то стучит в дверь, оповещая о своём приходе: *Сту'кат, сту'кат ко мне в ворота*[3]; *Утром ра-ано – ну, де-то начало девятого – она там сту'кается; Как кто-то стукнул? Помаячило [«показалось»]; Он во дверь зы'кал-зы'кал, зы'кал-зы'кал; У меня дверь отходит, а её зы-ык! зык, кто идёт. Я сама-то не зы'чу, я опушшу' это, а ремешок-то он там… не па'дат, зашшо'лка-то, она лёгка.* Тихий стук в дверь обозначается глаголом *царапаться: Слушаю – хто-то цара'пается, Шарик залаял. А я только закрылась, зашла.* Громкий, интенсивный стук – глаголом *забарабанить: А это… у меня как забарабанит [сосед в ворота]!* Ядерные глаголы *стукать, стучать* образуют большое число дериватов со значениями однократности действия (*стукнуть,*), результативности (*досту'каться*), начала действия (*застукать*), периодичности (*постукивать*): *Я-то лежу, чё-то кто-то стукнул ворота'ми; Я зы'калась, зы'калась, в таё дверь и в эту, прямо ничё не могу достукаться; Восьмой час, я пошла ворота' закрыла, и дрова накладываю – кто-то застукал там; А он через горозьбу', там ли ибошёл. И в окошко посту'кыват.*

Диалектная специфика проявляется и в использовании для обозначения звука невербальных средств, зафиксировано два примера. В одном случае жест дополняет вербальное обозначение: *Я стою за ворота'ми, разговариваю с кем-то. А он [больной сын] там зы'кат об стену [стучит, изображая, костяшками пальцев, о буфет]*. Во втором примере невербальная единица употребляется в качестве самостоятельного номинативного средства: *Она [больная сестра В.П.] не разгова'ривать – «А-а-а!» – пальцем опе'ть при'мется об до'ску [стучит, изображая] – доской загорожено, она не ходит…*

Номинации стука могут сочетаться обозначениями мышления, эмоций и оценки. Информант – одиноко проживающая пожилая женщина, поэтому стук в дверь в тёмное время суток вызывает у неё страх: *Давай во дверь*

[3] При цитировании фрагментов речи принята следующая система обозначений: фрагменты связного дискурса отделены точкой с запятой. В квадратных скобках приведены пояснения или вопросы собирателей. Многоточие в угловых скобках указывает на пропуск части текста. Полужирным шрифтом в контекстах маркировалось эмфатическое ударение.

зы'каться [незнакомый мужчина]. Давай во дверь зыкался-зыкался… ой, я до сме'рти боюсь!

Сочетаемость с обозначениями мышления обусловлена сигнальной функцией звуков, благодаря которой слуховое восприятие становится основой для логического вывода: *Слушаю, сту'кается. Думаю: осподи, кто-то приехал?* Повседневные, привычные звуки, окружающие говорящего, могут становиться сигналами, понятными только узкому кругу людей: *Стукнули, двери там [у соседки] стукнули. Я думаю: Гу'тя дома.*

Своеобразной чертой использования звукообозначений в идиолекте можно назвать случаи **ошибок** в определении источника звука. Подобные примеры обычно имеют место, когда источник звука недоступен для зрения. В нескольких случаях звуки животного ошибочно принимаются за звуки человека: *…то Васька [кот] кода' – де-нить тут стукнет, либо сядет на стул да зу'дится – как вроде посту'кат кто. Я сплю, пробужусь… Ой! – думаю, – кто-то сту'кается. Потом спо'мню, что он это, Васька.* Возможна и обратная ситуация: звук, подаваемый человеком в качестве сигнала, не распознаётся и воспринимается как имеющий природный источник: *А я слышу чё-то стукнуло. Раз стукнуло, второй раз… Я думаю: ветерок, наверно. <…> А гляжу – Толя приходит. «Пришлось кругo'м обходить, от там обошёл». Я говорю: А чё, **ты** стукал?*

Выражение оценки в контекстах с глаголами звука связано с тем, что стук в дверь является частью ситуации посещения чужого дома. Приведём фрагмент текста, в котором выражена негативная оценка такого поведения, обусловленная нарушением этических норм. При этом несколько раз используются звуковые глаголы: *А это… у меня как забарабанит! <…> Ну, я не посмотрела, сколько время. Ой, как со всёй силы залезла в садик в окно!.. <…> Ну и, потом это… зы'чится. Я думаю: о'споди, чё-то изде'лалось. Тёмно! <…> Она зы'чит. Я подошла к окошку-то, она: «Открой мне, выдь! Выдь!» <…> я ей говорю: «У меня ничё нету, ни вина, ничё нету, у меня ничё нету». – «Мне ничё не надо. Мне ничё не надо. Только выдь. Мне светы надо. У тебя светы больши', эти до'лги» – каки', то ли на е'ти, ли чё ли? Я говорю: каки' светы, они все итцвели', никого нету у меня! Ничё нету. Я говорю: как не стыдно-то! – взяла да сказала. Я говорю: как не стыдно-то будить ходить старых людей, беспокоить». Ну и ничё, она повернулась и ушла.* В приведённом примере отрицательная оценка поведения односельчанки вызвана несколькими факторами: она приходит с просьбой в неурочное время (поздно вечером), при этом не являясь родственницей или близкой знакомой говорящего, беспокоит по неуважительной причине (просит цветы). Оценка может выражаться и косвенно, с помощью иронии: *[цитирует односельчанку] «Я к тебе стукалась [в 7 часов утра], а у тебя закрыто было». Я думаю: «Здря ты не пришла в шесть часов либо в пять».*

Номинации шумовых звуков человека

Номинации различных звуков и шумов, сопровождающих конкретные физические действия, в речи диалектоносителя довольно разнообразны (27 единиц). Среди подобных звукообозначений можно выделить несколько семантических групп.

Часто обозначаются **звуки, издаваемые при поглощении пищи и напитков.** При этом могут использоваться как глаголы литературного языка с широкой звуковой семантикой (*греметь*), так и диалектные или диалектно-просторечные единицы, обозначающие именно звук, издаваемый во время еды (*хромусте'ть, хру'мкать, хрумото'к* и др.): *Я пять огурцов возьму, разрежу, со'лью натру, малосо'льны – только эти… зубы гремят, ешь; А Гоша гыт: «А мне тоже не раскусить [орех]». А е'тот как начал хромусте'ть, Женечка-то. Ну он переку'сыват [орех] так, хрумусти'т; [Ваши ранетки?] Вася, сосед, кастрюлю припёр мне. Физа – знашь сколько, она штук пять съела сразу, только хрумото'к стоит.* Процесс быстрого поглощения пищи обозначается также фразеологическим оборотом, включающим глагол звука: *А они эти пироги-то горя'чи… О, только за ушами трешшы'т у всех!*

Особая звукоподражательная единица, отсутствующая в литературном языке, используется для номинации процесса поглощения жидкости: *Только ей надо... я опе'ть ей стопку. Ну в о'бшем, она четыре ли пять ли стопок – «бо-бо-бо!» – бутылку она выпила у меня.* Многочисленность номинаций звуков данной группы служит, на наш взгляд, свидетельством важности соответствующего процесса.

Регулярно обозначаются звуки, сопровождающие **физическую работу,** например: *Взял топор, эти колуны здорову'чи! Он взял, бах-бах, бах-бах…; Петру'шенька этот пробо'й вбивал. Долго так стукал!*

Упоминаются также звуки **ударов:** *Кто-то у нас был, дверь открыл, хлопнул и ушёл.* В нескольких примерах обозначены звуки **ходьбы:** *Стукаются, я подошла к окошку, пошла туды', они топ-топ-топ!; Хожу как овечка топаю ногами*. Отметим, что использование сравнения *как овечка* для характеристики громкого звука нетипично и является диалектной особенностью (в литературном языке, по данным Национального корпуса русского языка, оно сочетается только с наречием *тихо*[4], что связано с пред-

[4] *Она казалась волшебным конем из какой-то легендарной сказки благодаря засеребрившемуся ее лунному сиянию. Я не видала более благородного, более красивого животного. – Я сниму седло и посажу вас на лошадь, Люда… Будьте покойны, быстрый, как вихрь, он умеет быть* ***тихим, как овечка!*** *Вы будете сидеть на нем, как в кресле, вам нечего бояться!* [Л.А. Чарская. Записки институтки (1901)]; *Неловким движеньем он повернул мольберт к свету. И, скажу вам, я отступил. Не произнося ни звука, поклонился, вышел в коридор, проследовал через заброшенный сад в город, на вокзал и был таков.* ***Тихо и скромно, как овечка.*** *Проще простого было дождаться, когда Ван-Гог выйдет за чем-нибудь из комнаты, зайти туда на одну минуту и взять, что надо. Никто не стал бы меня останавливать. Но я не мог.* [Север Гансовский. Винсент Ван Гог

ставлением об овце как тихом, кротком животном; этот образ, вероятно, восходит к библейскому). Диалектоноситель, используя сравнение, опирается на собственный жизненный опыт, основанием для сравнения служит наличие у животного копыт, благодаря чему его шаги громче человеческих.

Своеобразно значение глаголов *щелкну'ть*, *подща'лкивать,* толкуемое следующим образом: ‘произвести короткий глухой звук, ударив пальцами по кадыку (жест, употребляемый как просьба о выпивке)’: *Просить надо выписать ли [доски]. А всё скажут: «Есь выпить?», подшша'лкивают все. Шшелкну'т*... [15. Т. 4. С. 343]. В данном случае глаголы звука описывают сопровождаемый звуком специфический жест, значение которого ясно из условий коммуникации.

Подобным же образом используется звукоподражательная единица *тьфу*, имитирующая плевок. Данное действие и, соответственно, звукоподражание являются многозначными. Чаще всего (10 раз) оно употребляется для обозначения символической защиты от сглаза и отражает суеверные представления носителя традиционной культуры: *...мыши-то, кысато. От я не видала, чтоб она хватала их ли чё ли. [И не скребутся?] Нет. [сплёвывает:] Тьфу-тьфу-тьфу; Не пьёт, гыт [муж]. Приходила ко мне, дак: тп-тп-тп! [«сплёвывает» и стучит костяшками пальцев по дереву] – всё. А он дня три не попил, и опе'ть стал; [Племянник: Прошлогодний [телёнок] чё-то это, такой какой-то ма'ленький был… А нынче и на ногах высокий, и так плотненький…] В.П. [сплёвывает] Тьфу-тьфу-тьфу. [Неодобрительно:] Край надо говорить чё попало!* Как ясно из примеров, использование звукоподражания сопровождается специальными жестами. Упоминается этот жест и в ритуале избавления от сглаза: *Мы пришли – а мама у нас регио'зна была! Она её взяла, это… водичкой пошептала чё-то: тьфу-тьфу-тьфу-тьфу – пола'дила [‘избавила от сглаза’].* Подобные контексты свидетельствуют о сохранении в сознании диалектоносителя реликтов архаической картины мира.

Использование этого звукоподражания для выражения уничижения, презрения отмечается реже, как правило – в чужой речи (7 примеров): *Я говорю: «Да нету у меня, Лексей, нету». Он: «Тьфу! Что это за деньги? <…> «Тьфу эти деньги, кого, две тысячи-то?»* В двух случаях междометие указывает на ошибку, ошибочное мнение: *Ей-богу, он сидел − Поля пошла, он: «пойдём-пойдём по Полю», ушёл, я думаю: как его зовут-то? Владимир? нет. Николай? нет. Думаю: тьфу! Василием зовут!*

Используется также звукоподражание, имитирующее сдувание чего-либо: *А станет со стола убирать <…> А Миша, царьство небе'сно, да и говорит: «Катя как всё равно это – фу! дунула со стола».* При этом звукоподражательное междометие, как и глагол *дунуть,* используется в соста-

// Химия и жизнь. 1970]. Примеры из Национального корпуса русского языка http://www.ruscorpora.ru [16].

ве сравнения для описания быстрой уборки, т.е. получает дополнительную смысловую нагрузку.

Звукообозначения *свистеть, насвистывать,* связанные в литературном языке с выражением положительных эмоций, зафиксированы в единичном контексте и имеют коннотацию неодобрения: *Испова'дили его. В автобусе ехали – он свистит во всю силу, насви'стывает.* Неодобрительная оценка вызвана тем, что слишком громкие звуки нарушают нормы поведения в общественном месте.

Относительно **музыкальных звуков** можно отметить следующий факт: хотя в речи диалектоносителя упоминаются некоторые музыкальные инструменты (*балалайка, баян, гармонь*), номинации их *звучания* в текстах отсутствуют, что объясняется вспомогательной ролью музыки в народной культуре.

Номинации физиологических звуков

В микрополе входит 50 единиц. Проанализировано 157 употреблений данных номинаций в текстах диалектоносителя. Чаще всего используется глагол *кашлять* (30 употреблений), отмечены и однокоренные ему лексемы (*закашлять, закашляться*, *закашливаться, кашель, ка'шлянуть, покашливать, прика'шливать, ска'шлянуть*), синонимы (*закатиться, кахы'кать*), звукоподражания для передачи данного процесса (*кахы', кх, кха, кхе, крхо*). Реже используются обозначения других неголосовых звуков (*чихать, сопеть, похрапывать, хрип* и т.п.).

Это микрополе часто пересекается с полем «болезнь», так как наличие физиологических звуков обычно связано с изменением состояния организма человека: *Я говорю: «Саша! Ты ночуй у меня! Таблетки у меня, кислота' [аспирин]» есь – чиха'т, да ка'шлят, да всё; Пока'шливат. Горло болело, гыт, шибко, счас, гыт, получше, гыт, горло; Картошки подбивали, пошла там, искупалась – у ей бронхит признали. Ну лу'чче стало счас. Ну есь, ешо маленько хрыпи'т так вроде.* Для обозначения подобных звуков носитель народно-речевой культуры активно использует звукоподражания: *С Еленой договорилась нашшо'т паласа. «Нам посо'бишь завтра, Катя? Почистить?» – «Пособлю', пособлю'». А сама: [изображает кашель] «Кха! кх!» – ка'шлят; А… спит, а так: «сь-сь-сь-ь!.. сь-сь-сь-сь!» – свистит вроде. Я говорю: однако, у ей чё-то тоже неладно. «У тебя чё-то, – говорю, – свист какой-то».* Зафиксирована также образная номинация: *Прям ты разгова'ривашь, а у тебя там как гармонь [хрипит в груди].*

Звукоподражания могут описывать внутренние ощущения человека, в частности сердцебиение: *Вот итойдёт [сердечный приступ], как это так: «тук!» – сердце как… прямо даже почувствую я. И сразу легче станет.* Многочисленны образные описания болезненного ощущения шума в ушах: *Голова шуми-ит-шумит, болит. [Полежите]. Я это… ну а чё, хоть лежи, хоть ходи.* В данном случае звук является ирреальным (речь идёт о болезненном ощущении, которое субъективно воспринимается как звук).

Попытка передать внутренние ощущения реализуется через использование разнообразных средств – звукоподражаний, сравнений, развёрнутой метафоры: *Всё шумит голова моя. Ой, шумит! Так «у-у-у, у-у-у, у-у-у, у-у-у!»; Звенит в уша'в – у-у! Гудок гудит; Шум прям, как ветер в голове какой-то это, бушует. И такой шум в голове, как бочка кака'-то; Шум! Как всё равно… не знаю, ветер, лес лома'т, наверно, в голове. Кипит, шумит; Шумит прямо в голове! Как кто… ветер рвёт. Тридцать метров в секунду, наверно.* В сравнениях ощущение человека уподобляется сигналу (*гудок*) и природному состоянию (*ветру,* порождающему шум, свист и другие звуки).

В нескольких высказываниях обозначены звуки, издаваемые частями тела человека (как правило, при их повреждении): *Ну у него была, как её называют-то? Саркома, кости'. Нога отпала. Угу, угу. Даже кода' по'мер, прямо гыт слыхать было, как треснула.*

Достаточно редко обозначаются звуки дыхания и других физиологических процессов, не связанных с болезнью. При этом задействуются разнообразные звукоподражательные единицы, отсутствующие в литературном языке: *Ми'трий Миха'лыч-то, гыт, пошёл плясать, плясал-плясал, да «Ух, ух, ух! [изображает глубокие выдохи] – на диван упал!; Лежу но'ччу: «А! А! А! [изображает тяжёлое дыхание больного] Ох! Ой! Пришла бы смерть, и умер бы». А отпустит – опе'ть… [смеётся] неохота; А он поперёк кровати лёг. Володя-то. На стул ноги склал. Гляжу – похра'пывает; «**Ы**-э! **Ы**-э!» – икать [начал]. Она: «Хватит тебе рыгать-то... икать-то!» – она на него.*

Номинации звуков человека в переносном значении

Зафиксировано 8 случаев использования исследуемых звуковых номинаций в метафорических контекстах. Перенос осуществляется обычно на основе характера звука. Так, глагол *свистеть* употребляется для обозначения быстрого действия: *Свистнули, уташшы'ли у неё [деньги], с гаманко'м [кошельком]; Только бутылки свистят, а так-то не ши'бко [помогают] кому надо.* В обоих примерах результирующей сферой является сфера ненормативного поведения, глаголы имеют отрицательную коннотацию.

Метафорическое значение получают глаголы *икать, заикать*: *а радио заикало, заикало, заикало, да так и… не послушала; Радио всё ика'т, ли чё ли?* Трансформация значения основана на сходстве речи, транслируемой с помехами, с речью заикающегося человека. Происходит перенос из сферы «человек» в сферу «артефакты». С помощью глагола *заикаться* обозначается также особое речевое поведение – *‘намекать, делать попытку заговорить о чём-либо’*: *Раз как-то заикалась: «Баба, возьми» [серёжки назад]. А я: «Ладно, носи», – говорю* [15. Т. 1. С. 308].

В пословице краткость звука соотносится с коротким сроком, т.е. осуществляется перенос из сферы «звук» в сферу «временные параметры». При этом столкновение высокой и низкой сфер жизни, а также использование рифмовки создаёт комический эффект: *До смерти'нки две перди'нки.*

Ну, как мне, вот такой… Ми'трию Иванычу, да Моте. Ста-ареньки мы, всё равно.

Звук колокола при использовании фразеологизма становится знаком тревоги, средством привлечь внимание: *А ей не дали отпуск. <…> Ну, они тут <u>били в колокол</u> везде… Дали отпуск.* При этом основой для трансформации значения служит не только характер звука (громкость), но и его особая функция (звук колокола традиционно служит знаком важных событий, например церковной службы или пожара).

При метафоризации звуковой компонент значения может утрачиваться. Так, глагол *досту'каться* имеет значение ‘предосудительным поведением навлечь на себя беду, неприятности’: *Рая гыт, её там выгнали. А потом… А Гутя сама говорила. Это Елена говорит, сноха-то: «Баба Гутя! Вы, пожалуйста, не ходите к нам». Надо же! <u>Достукалась</u> до чё* [15. Т. 1. С. 258]. В данном случае важной является словообразовательная структура глагола (наличие приставки *до-*, выражающей результативность). Метафорическое переосмысление происходит через смещение акцента в сторону негативного полюса оценки (нежелательный результат действия).

Выводы

Специфика исследуемого семантического поля в идиолекте проявляется в средствах номинации звука, их сочетаемости и функционировании в речи. К особенностям номинации можно отнести, во-первых, широкое использование звукоизобразительных средств. С их помощью обозначаются разнообразные действия человека (стук, хруст, топот, плевок и др.), звуки физиологической сферы (кашель, дыхание и др.). Среди звукоподражаний есть отсутствующие в литературном языке – эти единицы относятся к диалектным или, предположительно, к индивидуальным (имитация процесса поглощения жидкости, икоты, дыхания человека). Во-вторых, для обозначения звука задействуются невербальные средства. В-третьих, при использовании образных номинаций звуковой сферы наиболее продуктивной является модель переноса «звуки природы» – «болезненные ощущения человека», актуализируется также взаимосвязь сфер «животные», «артефакты» и сферы «человек» (сравнения *как овечка, как гармонь*). Многие используемые диалектоносителем образные единицы в литературном языке не зафиксированы или имеют семантические отличия.

Диалектная специфика проявляется не только в своеобразных средствах номинации, но и в ряде других аспектов. Звук в картине мира информанта выступает чаще всего как **знак**, сообщающий о событиях и состояниях: стук в дверь как просьба впустить в дом; кашель, хрип как признаки простуды и др. Звук включён в систему суеверных представлений личности и обрядовую деятельность (частое использование звукоподражания, имитирующего «сплёвывание» от сглаза). В то же время обрядовая и «охранительная» функции звука менее важны по сравнению с сигнальной, что свидетельствует о трансформации культурных традиций, а также (косвенно)

указывает на рационально-прагматическую ориентированность мышления информанта.

Анализ использования номинаций семантического поля «Звуки человека» выявляет такие ценностно окрашенные зоны диалектной картины мира, как «Еда», «Работа», «Болезнь». Обнаруживается и этическая доминанта в мировоззрении личности (звуковое поведение, например стук в дверь, свист, оценивается с этических позиций; эта оценка, как правило, негативная). В диалектной звуковой картине мира выявляются лакуны: так, для информанта неактуальна сфера музыки, которой в художественном тексте принадлежит заметное место ([9, 10] и др.). Наконец, можно отметить, что собственно звуковое значение исследуемых номинаций актуализируется намного чаще по сравнению с незвуковым, что также отличает диалектную языковую личность от элитарной.

Литература

1. *Пархоменко И.В.* Лексико-семантическое поле «Звук» и его функционирование в художественном тексте: на материале лирики С.А. Есенина и В.В. Маяковского : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2000. 249 с.

2. *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М. : Языки славянской культуры, 2004. 608 с.

3. *Казарина В.И., Аль-Хаснави А.Р.* Специфическая лексико-грамматическая группа глаголов с семой «звук // Filologos. 2013. № 16 (1). С. 25–31.

4. *Курашкина Н.А.* Семантическое поле «звук» как репрезентация звукосферы в языке (на материале английского, французского и русского языков) // Вестник Башкирского университета. 2007. Т. 12, № 3. С. 78–80.

5. *Мишанкина Н.А.* Феномен звучания в интерпретации русской языковой метафоры : автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2002. 23 с.

6. *Крейдлин Г.Е., Переверзева С.И.* Основные противопоставления на множестве телесных звуков // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. № 11 (73). С. 80–101.

7. *Мир* звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С.М. Толстая. М. : Индрик, 1999. 336 с.

8. *Соловьёв С.М.* Изобразительные средства в творчестве Ф.М. Достоевского. М., 1979. С. 259–347.

9. *Атаманова Н.В.* Семантика звукообозначений в поэзии Ф.И. Тютчева : автореф. дис. … канд. филол. наук. Курск, 2006. 22 с.

10. *Хизниченко А.В.* Образы звучания и их роль в поэтическом творчестве Б. Пастернака // Поэтическая картина мира сквозь призму категории перцептивности / С. Корычанкова, Л. Крюкова, А. Хизниченко. Brno, 2016. С. 131–175.

11. *Лещинская О.Г.* Ситуация слухового восприятия и лексика, её обслуживающая, в языке города // Филология и человек. 2008. № 3. С. 124–132.

12. *Ильина Е.Н., Ганичева С.А.* Проблемы картографирования глаголов звучания в «Лексическом атласе русских народных говоров» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 2, т. 2. С. 85–87.

13. *Вершинина М.Г.* Экспликация фоносферы в русской фоносемантической звуковой картине мира (на материале пермских говоров) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Пермь, 2013. 20 с.

14. *Савельева М.К.* Сравнительно-сопоставительный анализ семантической структуры глаголов звучания в литературном русском языке и севернорусских говорах (ар-

хангельских и камчатских) // Вестник Камчатской региональной ассоциации «Учебно-научный центр». Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 1 (17). С. 152–157.

15. *Полный* словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006–2012. Т. 1–4.

16. *Национальный* корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 29.05.2017).

NOMINATIONS OF NON-VOICE SOUNDS OF A PERSON AND THEIR FUNCTIONING IN THE TEXTS OF A FOLK SPEECH CULTURE REPRESENTATIVE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 52. 71–82. DOI: DOI: 10.17223/19986645/52/4

Svetlana S. Zemicheva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: optysmith@gmail.com

Keywords: dialect language personality, Siberian dialects of Russian, sound nominations, dialect sound worldview, folk speech culture.

The article deals with the analysis of the nominations of non-voice sounds of a person. The study is done on the material of individual speech of a Siberian old-timer. 99 units (a lexical-semantic variant was taken as a unit of calculation) in more than 500 usages were analyzed. For the nomination of a sound, the dialect speaker most often uses verbs and onomatopoeia, and rarely nouns and adjectives. Several comparisons and metaphors were also fixed. as well as some non-verbal units (gestures).

The non-voiced sounds of a person were divided into three groups: signals; sounds accompanying various actions; physiological sounds.

The microfield “Signals” includes 22 units. Most of them are nominations of a knock at the door and their various derivatives. Nominations of this type of sound can be combined with nominations of thinking, emotion and evaluation, and such examples indicate their importance.

The second group of nominations (sounds accompanying various actions) totals to 27 units. Sounds produced when food and drink are consumed are mentioned fairly often, and this fact reflects the importance of the process of eating in the peasant worldview. Sounds accompanying physical work as well as sounds of strokes are also regularly verbalized. The functioning of the onomatopoeic unit imitating spittle is peculiar. This unit, along with the gesture, is polysemantic. Most often it is used to denote a symbolic defense against the evil eye, and such usage reflects the superstitious views of the traditional culture representative. The second meaning is the expression of contempt and the third meaning (or function) is using it as a reaction to one’s own mistake.

The last microfield “Physiological Sounds” includes 50 units. The dialect speaker actively uses onomatopoeia (some of which are not presented in the literary language) to name such sounds. Physiological sounds (coughing, sneezing, snoring, wheezing, etc.) are usually associated with illness. A special group of nominations is that of unreal sound (tinnitus). It is nominated by different ways, including detailed comparisons with a natural phenomenon (wind).

The final part of the article is devoted to the analysis of metaphorical meanings of sound nominations in the idiolect (eight cases).

As a result of the whole analysis, the following conclusions are drawn in the article: 1. The non-voice sound in the worldview of the informant appears most often as a sign informing about different events and states. 2. Sound is included in the system of superstitious representations of the person. 3. The sphere of music which takes an important place in literary texts is not relevant for the informant (it is a lacuna in the dialect sound worldview).

References

1. Parkhomenko, I.V. (2000) *Leksiko-semanticheskoe pole “Zvuk” i ego funktsionirovanie v khudozhestvennom tekste: na materiale liriki S.A. Esenina i V.V. Mayakovskogo* [The lexi-

cal-semantic field “Sound” and its functioning in the artistic text: on the material of the lyrics of S. Esenin and V. Mayakovsky]. Philology Cand. Diss. Saratov.

2. Paducheva, E.V. (2004) *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of vocabulary]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury.

3. Kazarina, V.I. & Al’-Khasnavi, A.R. (2013) Spetsificheskaya leksiko-grammaticheskaya gruppa glagolov s semoy “zvuk” [Specific lexical-grammatical group of verbs with the “sound” seme]. *Filologos*. 16 (1). – pp. 25–31.

4. Kurashkina, N.A. (2007) Semanticheskoe pole “zvuk” kak reprezentatsiya zvukosfery v yazyke (na materiale angliyskogo, frantsuzskogo i russkogo yazykov) [Semantic field “sound” as a representation of the sound field in the language (on the material of English, French and Russian languages)]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bashkir University Bulletin*. 12:3. pp. 78–80.

5. Mishankina, N.A. (2002) *Fenomen zvuchaniya v interpretatsii russkoy yazykovoy metafory* [Phenomenon of sounding in the interpretation of the Russian language metaphor]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.

6. Kreydlin, G.E. & Pereverzeva, S.I. (2011) Corporeal sounds: basic oppositions. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul’turologiya. Vostokovedenie – RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series*. 11 (73). pp. 80–101.

7. Tolstaya, S.M. (ed.) (1999) *Mir zvuchashchiy i molchashchiy: semiotika zvuka i rechi v traditsionnoy kul’ture slavyan* [The sounding and silent world: semiotics of sound and speech in the traditional culture of the Slavs]. Moscow: Indrik.

8. Solov’ev, S.M. (1979) *Izobrazitel’nye sredstva v tvorchestve F.M. Dostoevskogo* [Pictorial means in the works by F.M. Dostoevsky]. Moscow: Sovetskiy pisatel’. pp. 259–347.

9. Atamanova, N.V. (2006) *Semantika zvukooboznacheniy v poezii F. I. Tyutcheva* [The semantics of sound denotation in the poetry of F.I. Tyutchev]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kursk.

10. Khiznichenko, A.V. (2016) Obrazy zvuchaniya i ikh rol’ v poeticheskom tvorchestve B. Pasternaka [Images of sound and their role in the poetic works of B. Pasternak]. In: Korychankova, S., Kryukova, L. & Khiznichenko, A. *Poeticheskaya kartina mira skvoz’ prizmu kategorii pertseptivnosti* [Poetic picture of the world through the prism of the category of perceptivity]. Brno: MUNI PRESS.

11. Leshchinskaya, O.G. (2008) Situatsiya slukhovogo vospriyatiya i leksika, ee obsluzhivayushchaya, v yazyke goroda [The situation of auditory perception and its vocabulary in the language of the city]. *Filologiya i chelovek*. 3. pp. 124–132.

12. Il’ina, E.N. & Ganicheva, S.A. (2012) Problemy kartografirovaniya glagolov zvuchaniya v “Leksicheskom atlase russkikh [Problems of mapping verbs of sound in the “Lexical Atlas of Russian Folk Dialects”]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta – Cherepovets State University Bulletin*. 2:2. pp. 85–87.

13. Vershinina, M.G. (2013) *Eksplikatsiya fonosfery v russkoy fonosemanticheskoy zvukovoy kartine mira (na materiale permskikh govorov)* [Explication of the phonosphere in the Russian phonosemantic sound picture of the world (on the basis of Perm dialects)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Perm.

14. Savel’eva, M.K. (2011) Comparative typological analysis of the verbs of sounding semantic structure in the standard Russian language and Northern Russian idioms (Archangelskiy and Kamchatskiy). *Vestnik Kamchatskoy regional’noy assotsiatsii “Uchebno-nauchnyy tsentr”. Seriya “gumanitarnye nauki” – Bulletin of KRAESC. Humanities*. 1 (17). pp. 152–157. (In Russian).

15. Ivantsova, E.V. (ed.) (2006–2012) *Polnyy slovar’ dialektnoy yazykovoy lichnosti* [A complete dictionary of the dialect language personality]. Vols 1–4. Tomsk: Tomsk State University.

16. Russian National Corpus. [Online] Available from: http://www.ruscorpora.ru. (Accessed: 29th May 2017).

УДК 811.161.1
DOI: 10.17223/19986645/52/5

О.А. Канерва, Й. Виймаранта

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ СО ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫМИ ГЛАГОЛЬНЫМИ МЕЖДОМЕТИЯМИ

Описан лингвистический эксперимент на основе субституитивного теста, цель которого – установить синтаксические функции звукоподражательных глагольных междометий «бац», «плюх» и «звяк» в предложении. Количественный анализ корпусных данных показывает частоту употребления знаков препинания после данных языковых единиц. Функционально-семантический анализ контекстов, отобранных для эксперимента, демонстрирует то, что пунктуация служит маркером синтаксических функций рассматриваемых междометий.

Ключевые слова: *звукоподражательные глагольные междометия, пунктуация, синтаксические функции, русский язык, лингвистические методы.*

Введение

До настоящего момента функции звукоподражательных глагольных междометий русского языка (слова типа «бац», «плюх» и «звяк», с которыми соотносятся глагольные основы «бацать/бацнуть», «плюхать/плюхнуть» и «звякать/звякнуть») не подвергались подробному анализу на основе корпусных данных или другого обширного языкового материала. Однако эта специфическая группа слов упомянута в «Русской грамматике» [1], в работах Т.Г. Орлянской [2], Е.В. Середы [3] и С.В. Воронина [4]. Работы, основанные на информации о других языках, описывают частично схожие единицы под названием «имитативы», «дескриптивные (описательные)» и «звукоподражательные слова». Например, у М. Фидлер [5] о чешском, Ю. Лескинена [6] – прибалтийско-финксих языках, А. Яскеляйнен [7] – финском, Е. Миконе [8] – финском и эстонском, В. Скалички [9] – венгерском. Кроме того, сопоставление некоторых («водных») русских и финских звукоподражаний согласно результатам эксперимента по выявлению ассоциаций на основе просмотра видеоклипов можно найти у Виймаранта и др. [10]. В широкой перспективе учение о звукоподражательных словах связывается с рассмотрением идеофонов [11, 12] и даже с более широким понятием символики звука [13]. Общей для всех этих терминов является идея о том, что даже если основной принцип языка заключается в арбитрарности языкового знака, во всех языках существуют такие элементы, которые не являются произвольными. В них присутствует связь между формальным способом выражения (вербальной оболочной) и действительностью. В этом случае связь реализуется в фонетическом плане.

«Русская грамматика» [1] утверждает, что глагольные и звукоподражательные междометия русского языка выступают преимущественно в функ-

ции сказуемого. Этим они отличаются от других междометий. Эти междометия используются чаще всего вместо однокоренных глаголов совершенного вида [1]. Тем не менее результаты корпусных исследований показывают, что данные междометия редко употребляются таким образом, чтобы их замена однокоренными глаголами не искажала смысла предложений [14]. Функция сказуемого не является для них самой частотной [15]. К тому же их отношение к грамматической категории глагольного вида также неоднозначно [14]. Вместе с тем русские глагольные междометия специфичны именно тем, что они могут применяться как глагольные формы. Это свойство иногда объясняется тем, что исторически они связаны с формами аориста. С точки зрения прагматики употребление именно глагольных и звукоподражательных междометий может быть связано с их функциями в нарративе [16] или способностью выражения эвиденциальности [14].

Мы выбрали для анализа звукоподражательные глагольные междометия «бац», «плюх» и «звяк», руководствуясь результатами лингвистических исследований по звукоподражаниям, которые были посвящены связи между фонетическим выражением и семантикой [17], символикой звука (закрытый vs открытый слог) и аспектуальностью [18], звуковым выражением (повторение слогов) и характеристиками дискурса [19], типами гласных и распознаванием частей речи [20]. Именно эти слова одновременно являются и репрезентативными (фонетические характеристики сходны с целым рядом других звукоподражательных глагольных междометий), и отличаются друг от друга (различные типы гласных и комбинации согласных звуков в корне слова, более частая повторяемость слогов для «звяк» и подобных ему в сравнении с «бац»). В то же время все три выбранные нами междометия имеют закрытый слог, который расценивался как признак завершенности действия [18].

Таким образом, цель данного исследования – обоснование утверждения, что звукоподражательные глагольные междометия русского языка являются словами особого типа. Наша гипотеза состоит в том, что (а) звукоподражательные глагольные междометия русского языка (на примере «бац», «плюх», «звяк») способны выполнять такие же синтаксические функции в предложении, как и знаменательные части речи; (б) расстановка знаков препинания после анализируемых междометий происходит с учетом этих функций и отражает их.

При проверке гипотезы мы используем комплексную методологию, включающую: 1) количественный анализ корпусных данных; 2) лингвистический эксперимент; 3) функционально-семантический анализ контекстов, использованных в эксперименте. В основе количественного анализа корпусных данных лежит частотность употребления знаков препинания после рассматриваемых междометий. Лингвистический эксперимент представляет собой субститутивный тест по подбору эквивалентов замены данных междометий самостоятельными частями речи с целью определения их синтаксических функций и анализа связи между этими функциями и употреблением знаков препинания. Последующий функционально-семан-

тический анализ использованных в эксперименте контекстов применяется для определения роли разноуровневых языковых единиц при передаче экстралингвистической ситуации, парадигмы значений рассматриваемых звукоподражательных глагольных междометий, их функций в предложении и роли пунктуации в выражении синтагматических связей.

Результаты анализа

Количественный анализ корпусных данных

В исследовании использован основной корпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ, www.ruscorpora.ru). Корпус представлен письменными текстами различных жанров и стилей в пропорции, отражающей современный русский литературный язык. На момент проведения исследования (февраль 2016 г.) основной корпус Национального корпуса русского языка содержал 335 076 текстов общим объемом 364 881 378 словоупотреблений. Основной корпус был выбран из многих корпусов НКРЯ, потому что благодаря его большому объему можно получить информацию даже о таких нечастотных словах, как звукоподражания.

Нами осуществлялся поиск по словам «бац», «плюх» и «звяк» с грамматической пометкой «междометие». Поиск по Корпусу выдал 592 описанных контекста с междометием «бац», 89 примеров для «плюх», 104 вхождения для «звяк». Часть полученных контекстов не соответствовала предъявленным к конструкции требованиям и была удалена из совокупности примеров, которые мы использовали в исследовании. Исключенные примеры содержали форму родительного или винительного падежа существительного «плюха», которая является омоформой со звукоподражательным междометием «плюх», в нескольких случаях «звяк» выступало существительным, «Плюх» и «Бац» были фамилиями персонажей. Таким образом, мы получили выборку из 534 примеров для звукоподражательного междометия «бац», 54 для «плюх» и 18 для «звяк». Мы проанализировали употребление знаков препинания после данных междометий. Частотность каждого знака рассчитывается отдельно в процентах от общего количества конструкций (табл. 1).

Результаты, приведенные в табл. 1, показывают, что после звукоподражательного глагольного междометия «бац» наиболее характерным является употребление восклицательного знака (35,8% от общего количества конструкций), после «плюх» – отсутствие знаков препинания (31,5%) и после «звяк» – комбинация знаков препинания (20,4%). Точка и многоточие употребляются реже после «бац», чем после «плюх» и «звяк».

Синтаксический анализ выборки, полученной из Национального корпуса, показывает, что контексты со звукоподражательными глагольными междометиями «бац», «плюх» и «звяк» имеют пунктуационное оформление, свойственное вводным и вставным конструкциям.

Таблица 1

Знаки препинания сразу после звукоподражательных междометий «бац», «плюх», «звяк» в НКРЯ (по данным поиска в феврале 2016 г.)

Знаки препинания	Соотношение отдельно взятых знаков препинания к общему количеству полученных контекстов с междометиями, %		
	бац	плюх	звяк
Точка с запятой	0,2	0	0
Вопросительный знак	0,2	0	0
Двоеточие	2,6	0	5,5
Точка / многоточие	4,4	12,9	16,7
Запятая	8,4	11,1	11,1
Тире	11,2	5,6	0
Восклицательный знак	35,8	18,5	22,2
Нет знака	19,2	31,5	16,7
Комбинация знаков препинания	18	20,4	27,8

К подобным выводам приходит Е.В. Середа [3], утверждая, что в современном русском языке междометия часто употребляются в качестве обособленного компонента, входящего в состав предложения, и по функции сближаются с вводными и вставными конструкциями. По мнению А.И. Германовича, «в составе простого предложения интонационно обособленные междометия имеют функцию модального компонента, т.е. употребляются как вводные и вставные компоненты» [21. С. 93]. Статистический анализ частотности знаков препинания сразу после звукоподражательных междометий «бац», «плюх», «звяк» (табл. 1) показывает, что характерным для них является возникновение делимитативных (связанных с сигнализацией границ предложения) по своей природе знаков препинания (например, точка, вопросительный знак, многоточие или восклицательный знак) не только в конце, но и в середине предложения. Комбинация знаков конца предложения с тире вместе с другими частями речи[2] преобладает в использовании прямой речи, что является характерной чертой пунктуации русского языка. Прямая речь, как известно, не может быть

[1] Все примеры взяты из Национального корпуса русского языка и были использованы в субститутивном тесте.

[2] Под «другими частями речи» подразумеваются имя существительное, имя прилагательное, числительное, глагол, наречие, предлог, союз, частица, местоимение.

членом предложения, так же как и другие вводные и вставные конструкции. В случае звукоподражательных глагольных междометий ситуация обстоит по-другому. Восклицательный знак, точка, многоточие или вопросительный знак в комбинации с тире утрачивают свою делимитативность. В результате тире приобретает функцию синтаксического маркера, указывая на частичную субстантивацию междометных предложений. Это свидетельствует об особом характере звукоподражательных глагольных междометий в качестве лингвистических единиц. По своей сущности глагольные междометия в русском языке находятся между междометиями и глаголами [22. С. 201–202]. Звукоподражательная составляющая рассматриваемых в статье языковых единиц подразумевает наличие звука и указывает возможное проявление субстантивной функции, что и подтверждается результатами нашего экспериментального исследования. Знаки препинания с индивидуальными вариациями их употребления отражают это. С другими словами такого же определяющего значения знаки препинания не имеют.

Анализ результатов лингвистического эксперимента

В русском языке звукоподражательные глагольные междометия уникальны тем, что могут не только имитировать звук в силу своей фонетической составляющей, но и способны брать на себя функции самостоятельных частей речи, в том числе становиться членом предложения, пунктуация служит маркером этих функций.

(1) *Дело в том, что любая война – это невероятная скукотень, и вдруг – бац, что-то происходит* (М. Калужский, Ю. Козырев. Правда хорошего снимка // Русский репортер. 2007. № 1 (1)).

В примере (1) звукоподражательное глагольное междометие «бац» дает характеристику действия, а именно его стремительности или неожиданности. Его можно заменить наречием «неожиданно».

Так как первая часть нашей гипотезы содержит предположение, что звукоподражательные глагольные междометия русского языка способны выполнять такие же синтаксические функции, что и знаменательные части речи, возможность замены анализируемых междометий «бац», «плюх» и «звяк» существительным, глаголом, наречием или целым высказыванием без значительного искажения смысла предложения способна доказать данное утверждение. Исходя из этого, нами был разработан лингвистический эксперимент на основе теста на замену.

В эксперименте приняли участие 30 русскоязычных испытуемых в возрасте от семнадцати до пятидесяти трех лет, которые являются носителями языка. Среди них 16 человек в возрасте 17 лет, учащихся в выпускном классе старшей школы; 11 человек в возрасте от 18 до 35 лет с высшим образованием; 3 человека в возрасте от 36 до 53 лет как с высшим, так и средним образованием.

Процедура эксперимента. Испытуемым были предложены индивидуальные анкеты для заполнения. Каждый эксперимент продолжался около

20 минут. Стимульный материал субститутивного теста состоял из 30 предложений с использованием всей парадигмы знаков препинания после междометий «бац», «плюх» и «звяк» (восклицательный, вопросительный знак, точка, многоточие, двоеточие, запятая, тире, а также без знаков препинания). Эти 30 предложений составляют иллюстративный материал данной статьи и приведены в ней как примеры.

Испытуемые должны были прочитать предложения и предложить свои варианты замены глагольных междометий знаменательными частями речи, а в случае возникновения затруднений – целыми высказываниями.

Задание к анкете было сформулировано следующим образом: «Прочитайте внимательно предложения. Замените слова “бац”, “плюх” и “звяк” по контексту существительным (например: звон, выстрел, всплеск и т.д.), глаголом (например: ударил, звенит и т.д.) или наречием (например: вдруг, неожиданно и т.д.). Если, на ваш взгляд, в некоторых случаях заменить одним словом достаточно сложно, предложите подходящее по содержанию словосочетание».

Полученные результаты опроса мы сгруппировали на основе морфологических признаков предложенных эквивалентов (табл. 2). Нами был рассчитан коэффициент частотности выбора той или иной части речи для замены глагольных междометий, где 1 = 100% предпочтительности.

Таблица 2

Зависимость между коэффициентом предпочтительности замены глагольных междометий глаголами (V), существительными (S) или наречиями (ADV) и знаками препинания[3], которые употребляются после данных междометий

Знаки препинания	Бац			Звяк			Плюх		
	V	S	ADV	V	S	ADV	V	S	ADV
Нет знаков	0,97	0,03	0	0,93	0,07	0	1	0	0
Двоеточие	0,8	0,03	0,17	0,93	0,07	0	–	–	–
Запятая	0,13	0,4	0,47	–	–	–	0,45	0,5	0,05
Тире	0,19	0,55	0,26	0,07	0,93	0	0,37	0,57	0,06
Восклицательный знак	0,16	0,57	0,27	0,07	0,93	0	0,2	0,77	0,03
Точка / многоточие	0,17	0,66	0,17	0,23	0,77	0	0,15	0,77	0,08
Вопросительный знак	0,1	0,77	0,13	–	–	–	–	–	–

[3] Под «–» подразумевается отсутствие данных знаков препинания после исследуемых звукоподражательных глагольных междометий в выборке из Национального корпуса русского языка.

Анализ показал, что глагольное междометие «бац» испытуемые чаще всего заменяли глаголом в предложениях, где функциональная специфика междометий пунктуационно проявлялась в форме двоеточия или при отсутствии знаков препинания; целым высказыванием в случаях, где глагольное междометие бралось в кавычки, существительным в комбинации с делимитативными по своей природе знаками препинания (точка, многоточие, восклицательный знак или вопросительный знак). Тире представляло собой особый случай, так как испытуемые заменяли междометие «бац» существительным (см. примеры 3 и 4), глаголом (7) или наречием (5), что зависело от знаков препинания перед данным междометием. Употребление запятой, как правило, мотивировано наличием однородных членов предложения, выбор части речи для замены междометий в этой позиции детерминирован их окружением (1, 23, 24).

Та же тенденция прослеживалась в предложениях с глагольным междометием «звяк», хотя показатели субстантивности были значительно выше. Испытуемые описывали ощущения с преобладанием звука (14, 15, 16, 17), предлагая заменить данное междометие словами «звон», «дребезжание», «звук упавшего металлического предмета». При этом ни один из предложенных испытуемыми вариантов замены данного междометия не предусматривал использования наречия, на основе чего можно сделать предварительный вывод об отсутствии способности давать характеристику действию в семантике глагольного междометия «звяк».

Для глагольного междометия «плюх» предлагались следующие варианты: глагол (отсутствие знаков препинания (22), существительное (точка, многоточие, восклицательный знак (27, 28, 29) или целое высказывание (чаще всего делимитативные знаки препинания, если междометие было взято в кавычки (30). Адвербиальность проявлялась в меньшей степени в сравнении с глагольным междометием «бац».

Функционально-семантический анализ контекстов

В данном разделе мы рассматриваем каждое междометие в отдельности, интерпретируя полученные результаты опроса и корпусное исследование. Поскольку восклицательный знак в большинстве случаев утрачивает свою делимитативную функцию и не выступает эксплицитным признаком количественно-временного предела действия, а главным образом служит проявлением интонационной выразительности, его присутствие в анализируемых структурах будет рассматриваться только с учетом экспрессивности (примеры 3, 4, 6, 20, 21, 25, 26, 30).

Глагольное междометие **«бац»** в случае *отсутствия знаков препинания* проявляет предикативность, как в примере (2), где оно употребляется как полноценный предикат с прямым дополнением.

(2) – *Винни, ты живой, Винни, скажи что-нибудь! – Тот, приподнявшись, бац Пятачка промеж ушей: – На тебе!* (Коллекция анекдотов: Винни-Пух (1970–200)).

При употреблении *тире* возможны три сюжета. В первом случае, если прослеживается смещение семантического значения в сторону субстантивности, а звукоподражательная природа междометия «бац» проявляется в большей мере, так как можно предположить именно определенный звук битого стекла (3) или выстрела, иногда многократного (4), перед звукоподражательным междометием употребляются запятая, двоеточие или многоточие:

(3) *Увесистый булыжник из ограждения клумбы в руке. Оглядываюсь по сторонам, БАЦ! – крошево стекла на сиденье и на асфальт* (Олег Гладов. Любовь стратегического назначения (2000–2003).

(4) *Но Веселкин уже держал пистолет в руке и нажал на спуск: бац! бац! – две пули в сердце знатоку рукопашного боя* (Владимир Черкасов. Черный ящик (2000).

Во втором случае, если прослеживается смещение глагольных значений в сторону либо адвербиальности (5), которая выражает неожиданность действия, итог или уточнение, либо субстантивности (6), междометие отделяется с двух сторон тире:

(5) *А потом, но опять же не вдруг, а через уточнения, дополнения – бац – начиналась съемка* (Людмила Гурченко. Аплодисменты (1994–2003).

(6) – *Срывает винтовку с плеча – бац! бац! – добил…* (Сергей Бабаян. Господа офицеры (1994).

В третьем случае отсутствие знаков препинания перед междометием детерминировано сохранением его предикативности с возможной заменой данного глагольного междометия глаголом в той же форме (используя тот же вид, лицо, время, число и т.д.), что и сказуемое:

(7) *Жду… И вдруг бац – женский голос. От изумления обернулась* (Эдвард Радзинский. Наш Декамерон (1980–1990).

Трансформированные предложения (5–7) согласно вариантам, предложенным испытуемыми, например, выглядели следующим образом:

А потом, но опять же не вдруг, а через уточнения, дополнения наконец/снова/неожиданно начиналась съемка. / – Срывает винтовку с плеча – выстрел/грохот/хлопок – добил… / Жду… И вдруг звучит/слышу/раздается женский голос. От изумления обернулась.

Следующее после *двоеточия* высказывание служит пояснением к впереди идущему междометию, которое проявляет свою предикативность и может быть заменено глаголом, в том числе глаголами «спросил», «подумал», «задался вопросом» в примере (8), согласно вариантам, предложенными испытуемыми:

(8) *Должны считать за счастье!.. А тот дернулся и бац: – Почему же за счастье?* (И.С. Шмелев. Человек из ресторана (1911).

Точка является делимитативным знаком препинания, выступающим эксплицитным показателем количественно-временного предела действия. В большинстве случаев именно в присутствии точки глагольное междометие «бац» представляется возможным заменить существительным, как в примере (9) словом «удар/грохот»:

(9) *Будильник летит в сторону мусорных баков. Бац. Нет больше будильника* (Олег Гладов. Любовь стратегического назначения (2000–2003).

В присутствии таких знаков препинания, как многоточие, восклицательный и вопросительный знак, субстантивная функция междометия «бац» преобладала. Для восклицательного знака также более характерна большая вариативность значений в сравнении с «плюх» и «звяк», так как испытуемые предлагали заменить его глаголом или наречием значительно чаще, а также предоставляли такие необычные варианты, как «осенило», «эврика»:

(10) *В общем, он блажит, а я как обухом по голове. И тут, бац! Дошло до меня!* (Татьяна Соломатина. Акушер-ХА! Байки (2009).

Многоточие имеет значение недосказанности, что также оставляет пространство для многозначности. Испытуемые заменяли его такими словами, как «боль», «момент» в примере (11):

(11) – *Да так… этакая воистину царская милость: излюбленный суд бессудной земле, и бац…* (Н.С. Лесков. Божедомы (1868).

Вопросительный знак выражает сомнение говорящего по отношению к происходящему, в комбинации с другими знаками препинания он приобретает дополнительные оттенки значения, о чем свидетельствуют такие варианты замены, как «получите», «точка» для примера (12):

(12) *Тошнота? Или просто – бац? – и полная тьма!* (В.В. Набоков. Подлец (1927–1929).

Кавычки обусловлены иконичностью языкового знака, окказионально употребляются для создания определенного стилистического эффекта. В примере (13) междометие «бац» может нести большую семантическую нагрузку, как результат испытуемые предлагали варианты замены, которые описывали возможную ситуацию целиком (например, «сюрприз», «переломный момент», «срыв»):

(13) – *Будем ждать, пока у Тяжлова произойдет этот «бац»* (Н. Леонов, А. Макеев. Гроссмейстер сыска (2003).

Звукоподражательное междометие **«звяк»** тяготеет в сторону субстантивности. В большинстве случаев прослеживается доминирование именно звука (звон, лязг) особенно в случае с тире (включительно с употреблением в позиции перед «звяк»), при этом междометие выполняет функцию либо подлежащего, либо прямого дополнения и является значимым членом предложения:

(14) *В собственной хибаре на Раевского он различал каждый шорох, бряк-звяк – это у соседей, это вентиль булькнул, это лифт, это телефон, а это – в дверь* (Андрей Измайлов. Трюкач (2001).

Точка, восклицательный знак (отображает силу звука), многоточие (подчеркивает замирание, растворение звука) выступают делимитативными знаками препинания, разделяющими отдельные синтагмы или целые предложения (15, 16, 17). Именно в присутствии этих знаков препинания субстантивная функция доминирует.

(15) *Что это? Звяк… звяк… звяк… звяк… звяк… Он сел на кровати, с силой потер лицо, медленно приходя в себя (Дина Рубина. Белая голубка Кордовы* (2008–2009).

(16) – *и прыгает вниз, пересчитывая каждую из стеклянных полок – звяк! звяк! звяк! Он открыл глаза… Легкое колыхание ангельски-белого крыла на широком окне, белые ризы мадонны, палома бланка…* (Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008–2009).

(17) *Потом он аккуратно кладет ложечку на блюдце – звяк* (Грэй Ф. Грин. Кетополис – Киты и броненосцы (2001).

Знаки препинания отсутствуют, если междометие «звяк» выполняет предикативную функцию:

(18) *Влетела – птицей с морозного воздуха, впустив за собою запах зимы, лисий хвост волос разметался по воротнику дорогой шубы, черные глаза под черными дугами бровей сверкают, как о том в жестоких романсах поется надтреснутым голосом (а монетки-то звяк, звяк, звяк в драную шапку: благослови вас боги, господа милостивые!)* (Елена Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона / Прах (1997).

Та же ситуация прослеживается с двоеточием:

(19) *Я хотел бы отдохнуть, Полежать или чихнуть, Но пружинки – звяк да звяк: «Ох, не любим мы зевак!»* (Валентин Постников. Приключения Карандаша и Самоделкина (1992), – двоеточие употребляется перед прямой речью по стандартным правилам синтаксиса, междометие «звяк» можно заменить на «(пружинки) издают звон/пропели/позвякивают».

Кавычки обусловлены иконичностью конструкции с междометием «звяк». Часть предложения после тире дает описание всей языковой ситуации:

(20) *Это я уже слышал в Берлине. «Звяк!» – упал мне под ноги брошенный сверху каким-то ребенком колокольчик* (Валерий Панюшкин. Ветер с Востока (1997) // Столица. 1997. 17 февр.).

(21) *Маленький поднялся, застыдился и бросил в шляпу монетку. «Звяк!» – прозвенела монетка, да уже не так, как бескорыстный колокольчик в Амстердаме* (Валерий Панюшкин. Ветер с Востока (1997) // Столица. 1997. 17 февр.).

Само же междометие «звяк» в примере (20) испытуемые предлагали заменить такими выражениями, как «послышался звук упавшего небольшого металлического предмета/звон/раздался веселый звон/лови!», а в примере (21) вариантами типа «раздался плоский глухой звон/не поймаешь».

Звукоподражательное глагольное междометие **«плюх»** даже при условии полного проявления предикативности всегда сопровождается звуковыми ощущениями всплеска. Примечательным является употребление восклицательного знака, который обусловлен силой звукового эффекта, отображаемого междометием «плюх».

Отсутствие знаков препинания почти всегда мотивировано предикативностью глагольного междометия «плюх». Оно, как правило, заменяется глаголом в функции сказуемого:

(22) *А он умылся – и плюх на диван* (Т.В. Хоботов. Основы построения алгоритмов. Глава 7. Ма-а-аленький такой барабанчик // Трамвай. 1991).

Запятая мотивирована итеративным (требующим повторения) характером языкового знака, который отделяет повторяющиеся однородные члены

предложения. Междометие «плюх» в примере (23) проявляет предикативность, указывая на возможность своей замены глаголом в функции однородного сказуемого к следующему за ним глаголу, а в примере (24) ярко выражена субстантивность, что детерминировано окружающими его существительными:

(23) *Как стянул ее дед по лесенке на дебаркадер, тут же на бок – плюх, завалилась, подергалась четырьмя, поикала немного – и кранты ей завинтились* (Александр Иличевский. Бутылка (2005) // Зарубежные записки. 2008).

(24) *Море, водичка, плюх, плях, рыбки, чайки, р-русалочки* (Юрий Дружков (Постников). Волшебная школа (1984).

Употребление тире обусловлено проявлением субстантивности, междометие выполняет функцию подлежащего:

(25) – *...раздалось со всех сторон. Плюх! – раздалось совсем близко впереди* (В.В. Бианки. Лесные были и небылицы (1923–1958).

Тем не менее полная редукция глагольных значений и приобретение субстантивности встречаются значительно реже, чем в аналогичных синтаксических позициях с «бац» и «звяк». В примере (26) звукоподражательное глагольное междометие «плюх» внутри синтагмы не только описывает звук всплеска воды, но и выражает действие.

(26) *И только было покатился по дорожке, – лиса его тихонечко, одними коготками, толк в канаву! Колобок – плюх! – в воду* (В.В. Бианки. Лесные были и небылицы (1923–1958).

В конце предложения в присутствии таких знаков препинания, как точка (27), многоточие (28) или восклицательный знак (29), за междометием «плюх» ощущается звук («всплеск», «бульканье», «удар об воду»), отчетливо проявляется его звукоподражательная природа и происходит смещение в сторону субстантивности:

(27) *Я просунул между прутьями булыжник и отпустил его в свободный полет. Раз… два… три… плюх. Метров сорок – и вода* (Андрей Лазарчук. Все, способные держать оружие... (1995).

(28) *Вдруг: …плюх… Будто бросили бревно в реку* (С.И. Гусев-Оренбургский. Багровая книга. Погромы 1919–20 гг. на Украине (1922).

(29) *Вахмурка вскочил, но опять поскользнулся и грохнулся на голубой лед. Плюх! Трах!* (Валентин Постников. Приключения Вахмурки и Мухмурки (1997).

Как и в случае с другими междометиями, кавычки мотивированы иконичностью языкового знака:

(30) *Пруте было очень весело. Он подпрыгивал: «Плюх! Плюх! Плях!» Рядом бежал Веня Кашкин* (Юрий Дружков (Постников). Приключения Карандаша и Самоделкина (1964).

Трансформированное предложение выглядело следующим образом:

«Пруте было очень весело. Он подпрыгивал: “Всплеск/брызги летели в разные стороны/не догонишь!” Рядом бежал Веня Кашкин».

Неясной остается разница между наличием или отсутствием кавычек, выбор многоточия вместо точки или восклицательного знака. Языковые

ситуации не соотносятся со смысловой нагрузкой знаков препинания для выражения интенсивности звука. Падение бревна в воду явно громче, чем падение человека на лед или звук от прыжков по лужам.

Итак, знаки препинания могут в значительной мере зависеть от того, интерпретируется ли междометие как: 1) имеющее то же значение, что и однокоренной глагол; 2) другое действие, прямо или метафорически связанное с происхождением сходного звука; 3) слово, которое функционально сближаются с существительным, обозначающим подобный звук. Возможное употребление звукоподражательных междометий вместо существительных и в позициях, в которых различие между этими категориями колеблется, обусловлено тем, что эти междометия по форме похожи на существительные мужского рода. Некоторые из них и зафиксированы в словарях в качестве и междометий и существительных. Несклоняемость междометий предоставляет говорящим также возможность использовать их намеренно как многозначные формы.

Выводы

Результаты анализа показали, что если рассматриваемые междометия выступают в форме сказуемого, они, как правило, пунктуационно не отделяются от остальной части предложения. В то же время в случае проявления субстантивности междометие всегда пунктуационно обособлено, даже если оно выступает в роли подлежащего, т.е. главные члены предложения не опущены, и по правилам пунктуации знаки препинание могут отсутствовать.

Отдельно от контекста звукоподражательные глагольные междометия несут семантическую нагрузку, которая эквивалентна звукоподражательным глаголам совершенного или несовершенного вида, либо существительными, выступающими референтами ситуации, описываемой звукоподражанием. Хотя междометия являются неизменяемыми словами, форма которых не отражает ни синтаксическую позицию, ни дейктических отношений, результаты нашего исследования показали, что они способны выполнять функции сказуемого, подлежащего, прямого дополнения, обстоятельства, нести смысловую нагрузку целой синтагмы. Пунктуация выступает проявлением вышеперечисленных синтаксических функций, расстановка знаков препинания после анализируемых междометий происходит с учетом этих функций и отражает их.

Литература

1. *Русская* грамматика. М. : Институт русского языка РАН, 1980. 783 с.

2. *Орлянская Т.Г.* Звукоподражание и звуковой символизм (на материале японского, русского и английского языков). Лингвистика и межкультурная коммуникация // Вестник Московского университета. 2006. Сер. 19: 07/2006. № 3. С. 83–99.

3. *Середа Е.В.* Морфология современного русского языка: Место междометий в системе частей речи : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2005.

4. *Воронин С.В.* Основы фоносемантики. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1982.

5. *Fidler M.U.* Onomatopoeia in Czech: a conceptualization of sound and its connections to grammar and discourse. Bloomington, IN : Slavica Publishers, 2014.

6. *Leskinen J.* (ed.) Itämerensuomalaista ekspressiivisanaston tutkimusta. Jyväskylä : Jyväskylän yliopisto, 2001.

7. *Jääskeläinen A.* Todisteena äänen kuva. Suomen kielen imitatiivikonstruktiot. Helsinki : Unigrafia, 2013.

8. *Mikone E.* Deskriptiiviset sanat. Määritelmät, muoto ja merkitys. SKS : Helsinki, 2002.

9. *Скаличка В.* Исследование венгерских звукоподражательных выражений // Пражский лингвистический кружок : сб. ст. / пер. с чеш. Г.Я. Романовой. М. : Прогресс, 1967.

10. *Виймаранта Й., Александрова А.А., Богомолов А.С., Пасмор Е.С., Тикканен Л.* «Водные» звукоподражания в финском и русском языках // Язык и культура. 2016. № 1 (33). С. 6–24.

11. *Voeltz E.F.K., Kilian-Hatz C.* (ed.) Ideophones. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2001.

12. *Katsuki-Pestemer N.* An Introduction to Japanese Ideophones. Muenchen : Lincom, 2014.

13. *Hinton L., Nichols J., Ohala J.J.* Sound Symbolism. Cambridge : Cambridge University Press, 1994.

14. *Viimaranta J.* Verbal aspect in onomatopoeic interjections in Russian // Paper presented on 13.12.2015 at Slavic Cognitive Linguistics Conference. Oxford, 2015.

15. *Nikitina T.* Russian verboids: A case study in expressive vocabulary // Linguistics. 2012. Vol. 50, № 2. P. 165–189.

16. *Кор Шайн И.* Плюх! – плюх – плюхнуть(ся) : К вопросу об эволюции нарративных предикатов в свете корпусных данных // Инструментарий русистики: корпусные подходы / A. Mustajoki, M.V. Kopotev, L.A. Birjulin, E.Ju. Protasova, eds. Helsinki : Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures, 2008. P. 152–162.

17. *Bolinger D.* Rime, assonance and morpheme analysis, 1950. Word 6: 113–136.

18. *Nuckolls J.B.* The case for sound symbolism // Annual review of anthropology. 1999. № 28. P. 225–252.

19. *Jakobson R.* Closing statement: Linguistics and poetics // Style in language / ed. by T. Sebeok. N.Y. : Wiley, 1960. P. 350–377.

20. *Sereno J.A.* Phonosyntactics // Sound Symbolism / ed. by L. Hinton, J. Nichols, J.J. Ohala. Cambridge : Cambridge University Press, 1994. P. 263–265.

21. *Германович А.И.* Междометия русского языка : пособие для учителя. Киев : Радянська школа, 1966.

22. *Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И.* Современный русский язык : учеб. / под ред. Н.С. Валгиной. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Логос, 2002. URL: https://www.myfilology.ru/media/tutor/Sovremenny_russkiy_yazyk_Rozental_i_Valgina.pdf

FUNCTIONAL MOTIVATION OF PUNCTUATION WITH ONOMATOPOEIC VERBAL INTERJECTIONS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 52. 83–97. DOI: 10.17223/19986645/52/5

Oksana A. Kanerva, Johanna Viimaranta, University of Turku (Turku, Finland). E-mail: oksana.kanerva@utu.fi / johanna.viimaranta@utu.fi

Keywords: onomatopoeic verbal interjections; punctuation; syntactic functions; Russian; linguistic methods.

Russian onomatopoeic interjections and their grammatical functions have not yet been described on the basis of large empirical materials or experimental methods, and the peculiarities in the use of punctuation with them has not been studied at all. The article presents findings of a linguistic substitution test of onomatopoeic verbal interjections with verbs, nouns,

adverbs or syntactic clauses depending on the context of the sentences, which are offered as stimulus material. The result of the experiment makes it possible to demonstrate correlation between syntactic functions of verbal onomatopoeic interjections and the punctuation marks used with them.

The significance of the article lies in a systematic attempt to find principles of punctuation usage in connection with onomatopoeic verbal interjections. The Russian interjections "bats", "plyukh" and "zvyak" are used as examples. The research aims to identify the syntactic functions of these linguistic signs and to determine how the use of punctuation marks correlates with these functions.

The methodological framework consists of three kinds of research methods. The first of these is quantitative corpus analysis of data from the Russian National Corpus, which demonstrates the frequency of punctuation marks in connection with the onomatopoeic verbal interjections under consideration. The second method involves a linguistic experiment based on an open-ended substitution questionnaire. There were 30 respondents, all of whom were native speakers of Russian, divided into three groups of ten. The stimulus material consisted of 30 sentences taken from the National Corpus. These sentences are used as illustrative material for the article. The aim of the substitution test was to investigate the syntagmatic relationship of "bats", "plyukh", and "zvyak" to other classes of words, as well as the syntactic functions of these onomatopoeic verbal interjections in a sentence. The third research method involved semantic/functional analysis of selected contexts with the aim of establishing correlations between the functions of these linguistic units and the use of punctuation.

The research results show that verbal onomatopoeic interjections are able to fulfil the syntactic functions of predicate, subject, direct object, and adverbial modifier. They may also be semantically equivalent to a complete syntactic unit. Punctuation serves as a marker of these functions.

The article contains 2 tables, 22 reference sources, and 30 illustrative examples from the Russian National Corpus.

References

1. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow: Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences.

2. Orlyanskaya, T.G. (2006) Onomatopoeia and Sound Symbolism (in the Japanese, Russian and English Languages). *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 19 – Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication*. 3. pp. 83–99. (In Russian).

3. Sereda, E.V. (2005) *Morfologiya sovremennogo russkogo yazyka. Mesto mezhdometiy v sisteme chastey rechi* [Morphology of the Modern Russian Language. The place of interjections in the system of parts of speech]. Moscow: Flinta: Nauka.

4. Voronin, S.V. (1982) *Osnovy fonosemantiki* [Fundamentals of phonosemantics]. Leningrad: Leningrad State University.

5. Fidler, M.U. (2014) *Onomatopoeia in Czech: a conceptualization of sound and its connections to grammar and discourse*. Bloomington, IN: Slavica Publishers.

6. Leskinen, J. (ed.) (2001) *Itämerensuomalaista ekspressiivisanaston tutkimusta* [Baltic-Finnish expressive vocabulary research]. Jyväskylä: Jyväskylän yliopisto.

7. Jääskeläinen, A. (2013) *Todisteena äänen kuva. Suomen kielen imitatiivikonstruktiot* [Evidence of sound image. Finnish imitative constructions]. Helsinki: Unigrafia.

8. Mikone, E. (2002) *Deskriptiiviset sanat. Määritelmät, muoto ja merkitys* [Descriptive words. Definitions, form and meaning]. Helsinki: SKS.

9. Skalichka, V. (1967) Issledovanie vengerskikh zvukopodrazhatel'nykh vyrazheniy [The study of Hungarian onomatopoeic expressions]. In: Kondrashov, N.A. (ed.) *Prazhskiy lingvisticheskiy kruzhok* [Prague linguistic circle]. Translated from Czech by G.Ya. Romanova. M: Progress.

10. Viymaranta, Y. et. al. (2016) Interjections pertaining to sounds of water in Finnish and Russian. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture.* 1 (33). pp. 6–24. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/33/1

11. Voeltz, E.F.K. & Kilian-Hatz, C. (ed.) (2001) *Ideophones*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.

12. Katsuki-Pestemer, N. (2014) *An Introduction to Japanese Ideophones*. Munich: Lincom.

13. Hinton, L., Nichols, J. & Ohala, J.J. (1994) *Sound Symbolism*. Cambridge: Cambridge University Press.

14. Viimaranta, J. (2015) Verbal aspect in onomatopoeic interjections in Russian. *Slavic Cognitive Linguistics Conference*. 9–13 December *2015*. Oxford.

15. Nikitina, T. (2012) Russian verboids: A case study in expressive vocabulary. *Linguistics.* 50:2. pp. 165–189. DOI: 10.1515/ling-2012-0007

16. Kor Shayn, I. (2008) "Plyukh! - plyukh - plyukhnut'(sya). K voprosu ob evolyutsii narrativnykh predikatov v svete korpusnykh dannykh [Splash! – Splash – flop. On the evolution of narrative predicates in the light of corpus data]. In: Mustajoki, A., Kopotev, M.V. Birjulin, L.A. & Protasova, E.Ju. (eds) *Instrumentariy rusistiki: korpusnye podkhody* [Tools of Russian Studies: corpus approaches]. Helsinki: Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures.

17. Bolinger, D. (1950) Rime, assonance and morpheme analysis. *Word.* 6. pp. 113–136.

18. Nuckolls, J. B. (1999) The case for sound symbolism. *Annual review of anthropology*. 28. pp. 225–252.

19. Jakobson, R. (1960) Closing statement: Linguistics and poetics. In: Sebeok, T. (ed.) *Style in language*. New York: Wiley. pp. 350–377.

20. Sereno, J.A. (1994) Phonosyntactics. In: Hinton, L., Nichols, J. & Ohala, J.J. (eds) *Sound Symbolism.* Cambridge: Cambridge University Press.

21. Germanovich, A.I. (1966) *Mezhdometiya russkogo yazyka: posobie dlya uchitelya* [Interjections of the Russian language: manual for the teacher]. Kiev: Radyans'ka shkola.

22. Valgina, N.S., Rozental', D.E. & Fomina, M.I. (2002) *Sovremennyy russkiy yazyk: Uchebnik* [Modern Russian: a textbook]. 6th ed. Moscow: Logos. [Online] Available from: https://www.myfilology.ru/media/tutor/Sovremenny_russkiy_yazyk_Rozental_i_Valgina.pdf.

УДК 81’42
DOI: 10.17223/19986645/52/6

А.В. Ленец, Д.С. Сергеева

ЯЗЫКОВАЯ МАНИФЕСТАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ ДИСКРЕДИТАЦИИ КАК СПОСОБА КОНСТРУИРОВАНИЯ ИМИДЖА ПОЛИТИКА В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДВЫБОРНЫХ ТВИТОВ Д. ТРАМПА)[1]

Представлен анализ языковых средств в сообщениях социальной сети Twitter кандидата на пост президента США Д. Трампа. Выявленные языковые средства используются для реализации тактик коммуникативной стратегии дискредитации, которая активно применяется в конструировании негативного имиджа конкурентов в предвыборной кампании. Стратегия дискредитации реализуется с помощью тактик инкриминирования, инвектива, интимидации и императива. Наиболее используемыми тактиками в твитах Д. Трампа являются тактика инвектива и тактика инкриминирования.

Ключевые слова: *имидж политика, виртуальное пространство, твит, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика.*

Введение

Изменения в общественно-политической жизни – важнейший фактор языкового развития. Выборы политического лидера – это время, когда происходит переоценка социальных ценностей жизни общества, возникает необходимость в осмыслении общественных реалий и способов их представления в языке. Неотъемлемой частью общественно-политической жизни является имидж государственных деятелей, их образ, формируемый в массовом сознании. Именно этим фактом объясняется изучение имиджа в социологии, теории и практике связей с общественностью [1. С. 16–27; 2. С. 215], а также в лингвистических исследованиях [3. С. 88–125], в том числе и с позиции современной лингвопрагматики [4. С. 1834–1842]. С имиджем вынуждены считаться все политики, желающие прийти к власти или удержаться у неё [5. С. 89–94].

Сегодня победить в борьбе за власть, не имея доступа к медийным средствам, невозможно. Оперативность и динамичность преподнесения информации позволяют СМИ эффективно воздействовать на формирование воззрений общества и на сознание широких масс населения. Они во многом способствуют активизации общественного обсуждения политических кандидатов и поддержки того или иного лидера. В то же время СМИ

[1] Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-34-00014а1 «Коммуникативное взаимодействие в современном медийном пространстве как способ конструирования имиджа».

способствуют политической раскрутке, демонстрации уже готового имиджа политика, а также конструированию имиджа политической личности через освещение её деятельности. Коммуникация посредством СМИ – это не только один из методов обмена политической информацией, но и возможность распространения позитивной или деструктивной информации о кандидате через печатные издания, телевидение и радиоканалы.

Однако опыт избирательных кампаний в США и на Западе показывает, что есть и новые дистанционные способы манипулирования мнением электората, а именно через сеть Интернет [6. С. 530–539]. При этом внимание политических лидеров привлекают возможности Интернета, например социальных сетей (Facebook, Twitter и др.), как универсального инструмента в формировании и своего, и чужого имиджа. Активное использование сети Twitter не только электоратом, но и кандидатами, партиями привело к увеличению исследований, посвящённых данной тематике [7. С. 671–688; 8. С. 108–123]. Так, роль сети Twitter в предвыборных кампаниях исследуется с позиции политологии [9. С. 72–91], лингвистики [8. С. 108–123], психологии [10. С. 78–86]. Социальные сети имеют ряд преимуществ, главными среди которых являются информирование целевой аудитории, установление контакта с ней, скорость публикации необходимой информации, отсутствие пространственно-временных границ, а также возможность создания положительного имиджа политика и повышение уровня участия потенциальных избирателей в политических процессах [11. С. 849–855]. Сеть Twitter представляет собой сервис микроблогинга, в котором каждый зарегистрировавшийся может писать короткие сообщения (твиты). Под твитом понимается короткое информативное сообщение, где основным критерием был ответ на вопрос «что ты сейчас делаешь?». Сетевые технологии социальной сети позволяют взаимодействовать политикам и электорату напрямую. Отсюда удельный вес виртуальной информационной составляющей в политике имеет устойчивую тенденцию к возрастанию. Всё вышесказанное определяет *актуальность* исследования стратегий и тактик конструирования имиджа политика в современном виртуальном пространстве.

Целью настоящей *статьи* является анализ языковых средств коммуникативной стратегии дискредитации как способа конструирования имиджа политика в ходе предвыборной кампании в современном виртуальном пространстве (в социальной сети Twitter). Мы остановимся на языковых средствах реализации коммуникативной стратегии дискредитации, используемых избранным президентом США – Дональдом Трампом (ноябрь 2016) (@realDonaldTrump). Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) определить роль коммуникативной стратегии дискредитации в создании имиджа политика; 2) выявить коммуникативные тактики, способствующие реализации данной стратегии и используемые политиком в сети Twitter; 3) установить языковые средства реализации данной стратегии.

Стратегии конструирования имиджа в социальной сети Twitter

Современная политика представляет собой «борьбу за власть», которая осуществляется при помощи имиджей политических деятелей, тем самым происходит «борьба имиджей», при которой сама личность политика играет большую роль, чем его идеи [12. С. 58–83]. Сегодня имидж является эффективным средством управления умами и мыслями людей. Поэтому власть имущие прилагают огромные усилия по созданию собственного позитивного имиджа. Зарубежные исследователи определяют имидж как представление о самом себе, которое общественный деятель стремится создать [13. С. 323]. Такая дефиниция имиджа основывается на концепции имиджелогии, разработанной американским экономистом К. Боулдингом, который особое значение придаёт поведенческой роли отдельной личности, влияющей на поступки других лиц, группы лиц или целой нации. Принимая на себя определённую роль в политической и социальной жизни, каждый человек строит своё поведение в соответствии с ней [14. С. 34–58].

Имидж относится к «превращённой форме сознания», в которой истинные, действительные отношения скрываются за явлениями случайными, несущественными, выступающими в качестве конечных и существенных причин [15. С. 580]. Поэтому мнение о политическом деятеле или отношение к нему формируется на основе не реальных качеств, а созданного им имиджа.

Заметным явлением сегодняшнего политического дискурса стало формирование имиджа политика при помощи социальных сетей, например сети Twitter – удобного практического инструмента для организации общения между индивидуальными пользователями, между пользователями и организациями, а также между организациями. К сети Twitter обращаются СМИ, современные общественные деятели, здесь общаются звёзды шоу-бизнеса, представители больших и малых компаний. На данный момент уже представлено множество исследований, в которых Twitter становится источником информации о поведении пользователей [16. С. 113–128], основой для составления репутационной модели нового продукта [1. С. 16–27], банком предсказаний результатов выборов [17], материалом для изучения наиболее обсуждаемых пользователями актуальных тем [18. С. 1–12].

Активными пользователями сети Twitter являются и политики, которые стремятся не только представить себя в выгодном свете, но и дискредитировать своих оппонентов. В предвыборной гонке 2016 г. на пост президента США социальная сеть Twitter была признана эффективным оружием в «битве имиджей» [19]. Этот факт подтверждается американскими специалистами по интернет-технологиям, исследующими силу влияния блогов как средства политической агитации [20], и американскими социологами, которые в ходе исследования обнаружили, что твиты членов американского Конгресса представляют собой средство самопрезентации («vehicles of self-promotion») [21. С. 1612–1621]. Самопрезентация оценивается учёными в целом как положительная стратегия, используемая коммуникантами

при создании собственного положительного имиджа и впечатления о себе, которые демонстрируются окружающим.

Полярной стратегией является стратегия дискредитации. Так, исследователями коммуникативного взаимодействия в сети Twitter отмечается растущая агрессия, которая используется для дискредитации оппонентов за счёт высмеивания их личных качеств, политической позиции или даже принадлежности к определённой партии [22. С. 748–754]. Внимание исследователей в этом случае привлекает влияние негативной риторики на мнение электората [23. С. 45–54] и его окончательный выбор [24. С. 851–875]. В связи с вышесказанным представляется справедливым мнение о том, что стратегии самопрезентации и дискредитации являются ведущими в политической коммуникации, поскольку позволяют создать собственный положительный имидж и отрицательный имидж конкурента, тем самым заручиться поддержкой избирателей и одержать победу [25. С. 79–102].

Понятия стратегии и тактики заимствованы из военного дискурса, где основное внимание уделяется победе. Стратегия понимается как результативное воздействие на слушателя, как трансформация его модели мира в желательном для отправителя направлении. В основе любой стратегии и тактики, в том числе и коммуникативных, лежат мотивы, потребности и установки коммуникантов. Первым, кто дал глубокое научное обоснование стратегии в речи говорящего, был американский социолог Э. Гоффман, который утверждал, что любое словесное взаимодействие является стратегическим [2. С. 215]. Схожей точки зрения придерживался Р. Блакар, по мнению которого невозможно выразиться нейтрально, поскольку любое высказывание указывает на наличие стратегической цели у говорящего [3. С. 88–125]. Поскольку современная лингвистика ориентирована на коммуникативные стратегии, остановимся на её понятии более подробно.

Коммуникативные стратегии рассматриваются как «правила использования языка или правила общения» [26. С. 26–31], «максимы» [27. С. 41–58], «стилистические стратегии» [28. С. 64–79]. Как правило, под коммуникативной стратегией понимают специфические способы речевого поведения говорящего, осуществляемые под контролем глобального намерения и для достижения определённых коммуникативных целей в речевом взаимодействии. Известно, что коммуникативные стратегии реализуются при помощи коммуникативных тактик, которые детерминируются как речевые ходы, используемые отправителем в соответствии с набором собственных речевых интенций и применяемых в процессе речевого взаимодействия и воздействия для достижения конкретных целей в конкретной ситуации и в рамках общей стратегии. Так, предвыборная гонка – это стратегический процесс, решаемый с помощью тактических ходов, базисом для которого является выбор оптимальных речевых актов – высказываний, порождаемых и произносимых с определенной целью и вынуждаемых определенным мотивом для совершения практического или предполагаемого действия с помощью речи [29. С. 216].

Материал и методы исследования

Материалом настоящего исследования являются твиты Дональда Трампа, опубликованные в социальной сети Twitter в ходе предвыборной гонки. Аудитория сервиса микроблогов достигла 313 миллионов активных пользователей по всему миру. Наибольшую часть пользователей данной сети составляет молодое поколение избирателей (возрастная группа от 18 до 29 лет) [30]. Twitter используется практически во всех странах и 21% от общего числа жителей США [31]. При этом 36% пользователей посещают социальную сеть ежедневно. Значимость сети в современном виртуальном взаимодействии подтверждается тем, что свои аккаунты здесь имеют главы государств, политические деятели и публичные персоны (Б. Обама, Д. Кэмерон, Д. Медведев). Всё вышесказанное объясняет обращение политических лидеров, а именно Д. Трампа, к своим потенциальным избирателям посредством Twitter.

Мгновенные сообщения сети характеризуются краткостью, измеряемой не только количеством используемых символов, но и крайне коротким сроком существования – от одного часа до одной недели, т.е. времени, в течение которого пользователи сети имеют возможность отвечать на посты. Наличие специальных внешних сервисов позволяет осуществить поиск в базах сообщений. Процедура последовательного лингвистического анализа любой интеракции требует установления минимальной длины высказывания. Длина высказывания, а именно ограничение по количеству используемых знаков (140 символов), заранее установлена в сети Twitter. Такое ограничение обусловлено необходимостью передать публичное SMS небольшому количеству участников группы, которым данное сообщение предназначается. Для объективного, систематического и количественного описания коммуникации в виртуальном пространстве применялся контент-анализ, который позволил выявить общую дискредитивную направленность твитов. Зафиксированные языковые единицы в ходе контент-анализа позволили определить коммуникативные тактики.

Для чистоты анализа использования твитов нами было выбраны «чистые» твиты, под которыми понимаются сообщения, написанные Д. Трампом, т.е. возможность ретвита исключена (сообщения, которое было создано другим пользователем и скопировано политиком на личную страничку). В ходе пилотного исследования методом сплошной выборки нами было отобрано 300 твитов из личной странички Д. Трампа, отправленных им в период с января по ноябрь 2016 г. В социальных сетях Д. Трамп опередил своих конкурентов (Х. Клинтон, Б. Сандерс) и по числу, и по активности подписчиков, т.е. по числу лайков, комментариев и репостов. У Д. Трампа 25,6 млн подписчиков в Twitter (ср. у Б. Сандерса – 5,68 млн; у Х. Клинтон – 13,4 млн).

В ходе исследования применяются методы семантико-стилистического и контекстологического анализа, сочетание которых позволяет выявить актуальный смысл твитов и установить их различные стилистические функции. Семантико-стилистический метод основывается на изучении

смысловых нюансов лексемы в различных контекстах. Контекстологический анализ использовался для исследования языковой единицы в развёрнутом контексте. Для достоверности полученных результатов применялся также метод количественного подсчёта.

Стратегия дискредитации в предвыборной кампании

Общая направленность президентской гонки США 2016 г. определяется желанием подорвать доверие к оппоненту. В политической коммуникации, где ведётся борьба за власть, сталкиваются интересы сторон, подтасовываются факты, стратегия дискредитации является предпочтительной прежде всего потому, что создание положительного образа «своих» через компрометирование «чужих» считается традиционным приёмом, позволяющим достичь желаемых результатов. Кандидаты на пост президента, которые используют дискредитацию для получения поддержки собственной позиции, не являются исключением. Проведённый анализ обосновывает выбор стратегии дискредитации как способа конструирования имиджа политического лидера в современном виртуальном пространстве.

Под ***дискредитацией*** понимается негативное воздействие на достоинство личности, подрыв доверия к ней, умаление её авторитета и значения и т.п. Дискредитация трактуется нами как одна из основных стратегий предвыборной кампании, коммуникативной задачей которой является отрицательное воздействие на чувства электората, намерение унизить, выставить в смешном виде оппонента. Дискредитация предполагает публичность речевых действий и рассчитана на реакцию электората [25. С. 79–102]. Однако сегодня в эпоху политкорректности стратегия дискредитации не сводится только к тому, чтобы открыто опорочить, унизить или оскорбить оппонента. В современном политическом мире выработаны разнообразные речевые тактики, позволяющие дискредитировать оппонента, создав при этом собственный положительный имидж. Реализующие обозначенную стратегию дискредитации тактики группируются вокруг основных четырёх: инкриминирование, инвектив, интимидация и императив (стратегия четырёх «И»). Выявленный набор языковых средств, используемых при реализации тактик и речевых ходов, будет представлен ниже.

Тактики стратегии дискредитации

Коммуникативные тактики – это совокупность приёмов осуществления коммуникации и линия поведения участников речевого общения в определённой ситуации. Коммуникативные тактики представляют собой систему речевых приёмов, в совокупности выполняющих ту или иную функцию, служащую наряду с другими реализации коммуникативной стратегии. Языковые средства, с помощью которых реализуется та или иная тактика, направлены на достижение её основной цели (например, обвинение, оскорбление, приказ, запугивание и др.). Так, целью ***тактики инкрими-***

нирования является предъявление конкретному лицу обвинения в совершении правонарушения. Данная тактика реализуется с использованием судебной терминологии (*to slander, to charge, to commit a crime, to condemn, to be guilty*), глагольных конструкций со значением осуждения / обвинения (*to make an unprecedented attack on democracy*; *took millions from countries; told 137 lies; has spread the racist lie*), указанием на причастность к преступным организациям (*has funded ISIS*). Вышеприведённые глаголы с отрицательной семантикой и словосочетания демонстрируют их значение инкриминирования. В некоторых случаях данная тактика строится на основе обвинений морального характера (*disrespects us; doesn`t see us as human beings*; *demonizes Latinos*). В подавляющем количестве примеров обвинения направлены на основного конкурента Д. Трампа – Х. Клинтон. В ходе исследования было выявлено использование данной тактики в 35,66% проанализированных примеров. Реализация данной тактики представлена в следующих примерах:

№ 1. *Hillary says this election is about judgment. She's right. Her judgement has killed thousands, unleashed ISIS and wrecked the economy.*

№ 2. *@HillaryClinton's Careless Use Of A Secret Server Put National Security At Risk*

Также следует упомянуть случаи манипуляции с информацией, а именно искажение информации, приёмы создания контраста между информацией и ситуацией, приёмы создания информационной неопределённости, двусмысленности. Реализация данной тактики осуществляется с привлечением статистики, количественных данных, информации, которую невозможно проверить. Так, Д. Трамп бездоказательно утверждает, что Х. Клинтон получает большие суммы в свой фонд, а её предложения по улучшению экономической ситуации в Америке не являются действенными:

№ 3. *Crooked Hillary "was at center of negotiating $12M commitment from King Mohammed VI of Morocco" to Clinton Fdn.*

Следующая установленная тактика стратегии дискредитации – ***тактика инвектива***. Ее цель – оскорбить, унизить противника. При этом данная тактика отличается явной эмоциональной окраской и заменяет использование фактов и доказательств. Для нанесения оскорбления в речевом общении употребляют лексику, прагматической функцией которой являются публичное распространение сведений, порочащих соперника (*unfit to serve; too weak to lead; lightweight*), подчёркнутая демонстрация своего превосходства над оппонентом и различная степень негативной оценки соперника по интеллектуальным (*dumb; puppet), (jimbo, (сленг)*), моральным (*demonic, crooked; rattled; unethnical; immoral; unclean*), профессиональным (*least qualified person*; *unqualified; raw; unfitted; un-skilled*) и другим признакам. Твиты Д. Трампа крайне эмоциональны, он нелестно отзывается о своем сопернике – Х. Клинтон. В приведённых ниже твитах он называет Клинтон «коррумпированной марионеткой» магнатов с Уолл Стрит, не отстаивающей интересы своей страны. Так, за счёт лексических единиц с негативной

коннотацией политик стремится приуменьшить значимость и шансы своего главного оппонента на победу:

№ 4. *Hillary Clinton is the vessel for all of the global, special interests seeking to run our government and our lives.*

№ 5. *Crooked Hillary is nothing more than a Wall Street PUPPET.*

Реализация данной тактики при помощи негативно окрашенных слов, приуменьшающих достоинства личности, обнаружена нами в 47,67% твитов Д. Трампа.

Тактика интимидации заключается не только в намеренном запугивании оппонента, но и в преувеличении вероятных негативных последствий в будущем для всех граждан страны (в случае выбора другого претендента). Интимидация проявляется в коммуникативном терроре и психологическом запугивании избирателя, что вызывает у слушающего страх перед будущим с другим кандидатом. Мотивом доверия к кандидату в период избирательной кампании становится его положительный имидж. Данная тактика реализуется за счёт использования глаголов преимущественно в настоящем и будущем времени (*a threat to democracy; will be the destruction of civilization*), условных предложений II типа (*What it might be...; What could be*), которые выражают нереальность или совершенно малую вероятность осуществления действия, и модального глагола might, который используется для выражения возможности и предположения. Кроме того, активно используются негативные лексемы, указывающие на вероятность возникновения войны (*to prepare for battle*; *to launch a nuclear weapon*; *to threaten security*), а также метафоры (*ISIS has infiltrated countries; terror threat will reach the highest level*). Будущее изображается в преувеличивающем негативные последствия, предельно заостренном виде, а категорическая форма высказывания (в основном это заявления) не допускает иного варианта развития событий. Так, Д. Трамп в своих твитах утверждает, что в случае победы на выборах Х. Клинтон жителей ждут катастрофические последствия, делает неутешительные прогнозы относительно развития страны (хаос, гражданская война, потеря независимости, распад страны и т.д.):

№ 6. *Clinton has "big business" and "elite donors" who know she will keep our rigged system in place. They are throwing money at her because they have total control over every single thing that she does. She is their puppet, and they pull the strings;*

№ 7. *If we let Crooked run the govt, history will remember 2017 as the year America lost its independence!*

Помимо «тёмного будущего» Д. Трамп создаёт мрачное настоящее, которое заключается в отрицательно изображаемой модели современного американского общества, причиной чему стал Б. Обама. Политика Б. Обама, по мнению Д. Трампа, привела к разделению нации в США.

№ 8. *Look what is happening to our country under the WEAK leadership of Obama and people like Crooked Hillary Clinton. We are a divided nation!*

Реализация данной тактики обнаружена нами в 12% твитов Д. Трампа.

Реже всего Д. Трамп прибегает на своей странице в Twitter к ***тактике императива*** (всего 4,67%), цель которой – указать на желание отправителя добиться от получателя определённых действий в соответствии со своими желаниями. Лозунги всегда служили для того, чтобы в краткой и афористической форме реализовать воздействующий эффект. Позиции участников приказа являются несимметричными: отправитель ставит себя в более сильную позицию и обладает полномочиями требовать от получателя исполнения определённых действий. При этом нами обнаружены как прямые императивные требования (*delete your account*; *mind your own business*), так и косвенные (*please clarify the facts*; *you should better apologize… / you'd better go to*). Приведём примеры из твитов Д. Трампа, где призывы с внутритекстовой манифестацией образа врага особенно часто используются в конце предвыборной кампании, когда прессинг избирателей ведётся с особым нажимом:

№ 9. *Paul Ryan should spend more time on balancing the budget, jobs and illegal immigration and not waste his time on fighting Republican nominee;*

№ 10. *Looking at Air Force One @ MIA. Why is he campaigning instead of creating jobs & fixing Obamacare? Get back to work for the American people!*

С помощью реализуемых тактик коммуникативной стратегии дискредитации политик успешно решает задачу негативного конструирования имиджа своего оппонента. Так, в ходе анализа 300 твитов Д. Трампа было установлено, что активнее всего политиком использовалась тактика инвектива (47,67 %), а меньше всего – тактика императива (4,67 %). Конечной целью конструирования негативного имиджа конкурента явилось формирование неуверенности в правоте соперника у избирателей и обеспечение негативного к нему отношения.

Заключение

В ходе предвыборной кампании политик стремится не только улучшить свой имидж, но и одновременно ухудшить имидж соперника. Отсюда современные стратегии по формированию имиджа политика в виртуальном пространстве зиждутся на двух основных: самопрезентации, с помощью которой создаётся привлекательный собственный образ политика, и дискредитации, цель которой – негативно представить конкурентов по предвыборной кампании. В ходе предвыборной кампании стратегия дискредитации позволяет политику подорвать доверие к оппоненту, настроить избирателей против него. Компетентное и своевременное использование коммуникативных тактик данной стратегии обеспечивает высокую эффективность политической коммуникации в виртуальном пространстве. Стратегия дискредитации реализуется в социальной сети Twitter в тактиках инвектива, императива, интимидации и инкриминирования.

Анализ языковых средств вербализации стратегии дискредитации в социальной сети Twitter показал, что исследуемую стратегию Д. Трамп часто

реализует не через отдельные языковые средства, а через целый комплекс таковых. Следует заключить, что:

– тактики дискредитации манифестируются комплексом лингвистических средств и приёмов, особое место среди которых занимают маркеры правонарушений, оскорблений, запугивания и призыва;

– в основе стратегии дискредитации в речи Д. Трампа лежит акцентирование внимания аудитории на коррумпированности политических оппонентов, поэтому ведущей тактикой является тактика инвектива;

– в твитах Д. Трамп активно использует оценочную лексику с отрицательной коннотацией и такие приёмы и средства, как интенсификация, метафоричность высказываний, сравнительные обороты, императивные конструкции.

Наиболее используемой Д. Трампом тактикой является тактика инвектива, которая даёт негативную оценку дискредитируемого объекта (Х. Клинтон), принижает не только профессиональные качества, но и интеллектуальные способности оппонента. Используя коммуникативную стратегию дискредитации в социальной сети Twitter, Д. Трамп отождествляет себя с избирателями, а Х. Клинтон – с потенциальной угрозой для будущего США. Стратегия дискредитации в социальной сети Twitter является одной из самых действенных стратегий для подрыва имиджа оппонента, умалении его достижений и заслуг в глазах электората и, как следствие, для эффективного речевого воздействия на избирателей.

Литература

1. *Abdel-Hafez A., Xu Y., Tjondronegoro D.* Product Reputation Model: An Opinion Mining Based Approach. Queensland University of Technology, Australia, 2012. P. 16–27.

2. *Goffman E.* The presentation of self in everyday life. Garden City : Doubleday Anchor Books, 1959. 215 p.

3. *Блакар Р.М.* Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 88–125.

4. *Golev N.D., Yakovleva O.E.* Manipulative Strategies and Tactics of Mass Media Communication (on the example of «The Name of Russia» television project) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2012. Is. 12 (5). P. 1834–1842.

5. *Куру К.В.* Политический текст: средства речевого воздействия на электоральное поведение // Текст и дискурс : тезисы научной конференции в МГУ. Секция 6. М., 2004. С. 89–94.

6. *Shim M., Park S.H., Lee-Won R.J.* The self on the Net: The joint effect of self-construal and public self-consciousness on positive self-presentation in online social networking among South Korean college students // Computers in Human Behavior. 2016. P. 530–539. DOI: http://dx.doi.org/10.1016/j.chb.2016.05.054

7. *Gökçe O.Z., Hatipoglu E., Saygin Y., Göktürk G., Luetgert B.* Twitter and Politics: Identifying Turkish Opinion Leaders in New Social Media // Turkish Studies. 2014. Is. 15 (4). P. 671–688. DOI: http://dx.doi.org/10.1080/14683849.2014.985425

8. *Olmo F.J., Diaz J.B.* From tweet to photography, the evolution of political communication on Twitter to images // The case of the debate on the State of the Nation in Spain. 2015. 2016. P. 108–123. DOI: http://dx.doi.org/10.4185/RLCS-2016-1086en

9. *Jungherr A.* Twitter use in election campaigns: A systematic literature review // Journal of Information Technology & Politics. 2016. P. 72–91. DOI: http://dx.doi.org/10.1080/19331681.2015.1132401

10. *Trub L.* A Portrait of the Self in the Digital Age: Attachment, Splitting, and Self-Concealment in Online and Offline Self-Presentation // Psychoanalytic Psychology. 2016. P. 78–86. DOI: http://dx.doi.org/10.1037/pap0000123

11. *Lee J., Lim Y.* Gendered campaign tweets: The case of Hillary Clinton and Donald Trump // Public Relation Rewiev. 2016. P. 849–855. DOI: http://dx.doi.org/10.1016/j.pubrew.2016.07.004

12. *Boorstin D.* The Image of What Happenend to the American dream. Harmondsworth : Penguin books, 1963. P. 58–83.

13. *Safire W.* Political Dictionary. N.Y., 1978. P. 323.

14. *Boulding K.* The Image. Knowledge in Life and Society. Ann Arbor, 1961. P. 34–58.

15. *Marx K.* Theories of Surplus Value contained in the Collected Works of Karl Marx and Frederick Engels. International Publishers: New York, 1989. Vol. 31. P. 580.

16. *Sanchez H., Kumar Sh.* Twitter Bullying Detection. UC Santa Cruz, 2010. P. 113–128.

17. *Chrzanowski M., Levick D.* Using Twitter to predict voting behavior. Stanford. December, 2012.

18. *Cheong M.* 'What are you tweeting about?': A survey of Trending Topics within Twitter. Clayton School of Information Technology, Australia, 2010. P. 1–12.

19. *McCabe D.* Welcome to the social media election. The Hill. Retrieved 17 August 2015. URL: http://thehill.com/policy/technology/251185-welcome-to-the-social-media-election

20. *Shirky C.* How The Internet Will Change Government. TED. Retrieved 9 February 2013. URL: http://www.ted.com/talks/clay_shirky_how_the_internet_will_one_day_transform_government/transcript?language=en

21. *Golbeck J., Grimes J.M., Rogers A.* Twitter use by the US Congress // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2010. № 61 (8). P. 1612–1621.

22. *Gross J.H., Johnson K.T.* Twitter Taunts and Tirades // Negative Campaigning in the Age of Trump. 2016. Vol. 49, is. 4 (Elections in Focus). P. 748–754. DOI: http://dx.doi.org/10.1017/S1049096516001700

23. *Peterson D.A., Djupe P.A.* When Primary Campaigns Go Negative: The Determinants of Campaign Negativity // Political Research Quarterly. 2005. P. 45–54.

24. *Lau R., Siegelman L., Rovner I.B.* The Effects of Negative Political Campaigns: A Meta-Analytic Assessment // The American Political Science Review. 2007. P. 851–875.

25. *Матвеева Г.Г., Ленец А.В., Самарина И.В. и др.* Коммуникативный феномен лжи в политическом дискурсе // Диагностирование языковой личности и речевое поведение политика. Ростов н/Д, 2009. С. 79–102.

26. *Hymes D.* Models of the interaction of language and social life // J.J. Gumperz, D. Hymes (eds.). Directions in sociolinguistics: The Ethnography of Communication. Basil Blackwell, 1986. P. 26–31.

27. *Grice P.* Logic and Conversation // P. Cole, J. Morgan (eds.) Syntax and Semantics, Vol. 3: Speech Acts. N.Y. : Academic Press, 1975. P. 41–58.

28. *Lakoff R.* Language and woman's place. N.Y. : Harper and Row, 1975. P. 64–79.

29. *Формановская И.Н.* Речевое общение. М. : Рус. яз., 2002. 216 с.

30. *Duggan M., Ellison N., Lampe C., Lenhart A., Madden M.* Demographics of key social networking platforms. Retrieved from Pew Research Center. 2015. URL: http://www.pewinternet.org/2015/01/09/demographics-of-key-social-networking-platforms-2/

31. *Твиттер.* Статистика. URL: https://about.twitter.com/company

LANGUAGE MANIFESTATION OF THE DISCREDITING COMMUNICATIVE STRATEGY AS A WAY OF POLITICAL IMAGE FORMATION IN THE VIRTUAL SPACE (AS EXEMPLIFIED IN PRE-ELECTION TWEETS BY D. TRUMP)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 52. 98–111. DOI: 10.17223/19986645/52/6

Anna V. Lenets, Diana S. Sergeeva, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: annalenets@mail.ru / dinusik61@yandex.ru
Keywords: image of politician, virtual space, tweet, communicative strategy, communicative tactics.

Communicative strategies politicians choose during election campaigns are becoming a successful image tool to impact electorate in modern virtual communication. In the research, image in virtual communication is understood as a representation of a politician which s/he constructs by means of two strategies: self-presentation and discredit. The aim of the article is to analyze the language means of the discredit communicative strategy as a means of political image formation during the election campaign. The discredit strategy allows to create a positive image of a politician against the background of the opponent's negative image. The communicative strategy of discredit promotes implementation of negative notions about the election opponent in the electorate consciousness. The present article considers the tactics of the discredit strategy in detail. These tactics are: the tactics of incrimination, the tactics of invective, the tactics of intimidation and the tactics of imperative. Their purposes are also determined (accusation of the opponent of the breach of law; belittling his/her competitive qualities, intimidation of the voter, ordering the voter and the opponent to do necessary actions). A successful instrument to form a desirable political image is short messages on the social network Twitter.

The examples of D. Trump's statements (tweets) taken from Twitter, which is considered to be an effective tool in the image struggle, have served as data for the study. The total number of the studied material is 300 tweets selected during the 2016 campaign. Research methods of semantic-stylistic analysis and context analysis, which contributed to the identification of the actual meaning of the tweets and their stylistic functions, were applied. The method of quantitative calculation was used to establish the reliability of the obtained results.

The use of modern social networks during the election campaign allows to reduce the time frame of the politician's negative image formation and to have an active influence on voters. The research showed that D. Trump tends to use the tactics of invective (47.67%) and the tactics of incrimination (35.66%) more often. D. Trump frequent uses these tactics because they are effective in making voters doubt the rightness of the rival in the campaign.

In conclusion, the authors state that tactics of the discredit communicative strategy represented by the markers of offenses, insults, intimidation and conscription allowed the politician to successfully solve the problem of the opponent's negative image formation. The basis of the strategy of discredit is words with negative connotations, as well as metaphorical statements, intensification, simile and imperative constructions. The strategy of discredit on Twitter is a high-quality optimization of linguistic manipulation of voters.

References

1. Abdel-Hafez, A., Xu, Y. & Tjondronegoro, D. (2012) *Product Reputation Model: An Opinion Mining Based Approach.* Queensland University of Technology, Australia. pp. 16–27.

2. Goffman, E. (1959) *The presentation of self in everyday life*. Garden City: Doubleday Anchor Books.

3. Blakar, R.M. (1987) Yazyk kak instrument sotsial'noy vlasti [Language as a Means of Social Power]. Translated from English. In: Petrov, V.V. (ed.) *Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeystviya* [Language and modeling of social interaction]. Moscow: Progress.

4. Golev, N.D. & Yakovleva, O.E. (2012) Manipulative Strategies and Tactics of Mass Media Communication (on the example of "The Name of Russia" television project). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Issue.* 12 (5). pp. 1834–1842.

5. Kiuru, K.V. (2004) [Political text: means of speech influence on electoral behavior]. *Tekst i diskurs* [Text and discourse]. Abstracts of the conference at Moscow State University. Session XVI. Moscow: Moscow State University. pp. 89–94. (In Russian).

6. Shim, M., Park, S.H. & Lee-Won, R.J. (2016) The self on the Net: The joint effect of self-construal and public self-consciousness on positive self-presentation in online social networking among South Korean college students. *Computers in Human Behavior*. 63. pp. 530–539. DOI: http://dx.doi.org/10.1016/j.chb.2016.05.054

7. Gökçe, O.Z. et al. (2014) Twitter and Politics: Identifying Turkish Opinion Leaders in New Social Media. *Turkish Studies*. 15 (4). pp. 671–688. DOI: http://dx.doi.org/10.1080/14683849.2014.985425

8. Olmo, F.J. & Diaz, J.B. (2016) From tweet to photography, the evolution of political communication on Twitter to images. The case of the debate on the State of the Nation in Spain 2015. *Revista Latina de Comunicación Social*. 71. pp. 108–123. DOI: http://dx.doi.org/10.4185/RLCS-2016-1086en

9. Jungherr, A. (2016) Twitter use in election campaigns: A systematic literature review. *Journal of Information Technology & Politics*. 13:1. pp. 72–91. DOI: http://dx.doi.org/10.1080/19331681.2015.1132401

10. Trub, L. (2016) A Portrait of the Self in the Digital Age: Attachment, Splitting, and Self-Concealment in Online and Offline Self-Presentation. *Psychoanalytic Psychology*. 34(1). pp. 78–86. DOI: http://dx.doi.org/10.1037/pap0000123

11. Lee, J. & Lim, Y. (2016) Gendered campaign tweets: The case of Hillary Clinton and Donald Trump. *Public Relation Review*. 42(5). pp. 849–855. DOI: http://dx.doi.org/10.1016/***j***.pubrev.2016.07.004

12. Boorstin, D. (1963) *The Image of What Happenend to the American dream*. Harmondsworth: Penguin books. pp. 58–83.

13. Safire, W. (1978) *Political Dictionary*. New York: Random House. pp. 323.

14. Boulding, K. (1961) *The Image. Knowledge in Life and Society*. Ann Arbor, MI: University of. Michigan. pp. 34–58.

15. Marx, K. (1989) *Theories of Surplus Value contained in the Collected Works of Karl Marx and Frederick Engels*. Vol. 31. New York: International Publishers. pp. 580.

16. Sanchez, H. & Kumar, Sh. (2010) *Twitter Bullying Detection*. UC Santa Cruz. pp. 113–128.

17. Chrzanowski, M. & Levick, D. (2012) *Using Twitter to predict voting behavior*. CS229. December. Stanford.

18. Cheong, M. (2010) *'What are you tweeting about?': A survey of Trending Topics within Twitter*. Tech. Rep. 2009/251. Clayton School of Information Technology, Australia. pp. 1–12.

19. McCabe, D. (2015) *Welcome to the social media election*. [Online] Available from: http://thehill.com/policy/technology/251185-welcome-to-the-social-media-election. (Accessed: 17 August 2015).

20. Shirky, C. (2012) *How the Internet will (one day) transform government.* [Online] Available from: http://www.ted.com/talks/clay_shirky_how_the_internet_will_one_day_transform_government/transcript?language=en. (Accessed: 9th February 2013).

21. Golbeck, J., Grimes, J.M. & Rogers, A. (2010) Twitter use by the US Congress. J*ournal of the American Society for Information Science and Technology*. 61(8). pp. 1612–1621. DOI: https://doi.org/10.1002/asi.21344

22. Gross, J.H. & Johnson, K.T. (2016) Twitter Taunts and Tirades: Negative Campaigning in the Age of Trump. *PS: Political Science & Politics*. 49(4). pp. 748–754. DOI: http://dx.doi.org/10.1017/S1049096516001700

23. Peterson, D.A. & Djupe, P.A. (2005) "When Primary Campaigns Go Negative: The Determinants of Campaign Negativity. *Political Research Quarterly*. 58(1). pp. 45–54.

24. Lau, R., Siegelman, L. & Rovner, I.B. (2007) The Effects of Negative Political Campaigns: A Meta-Analytic Assessment. *The Journal of Politics*. pp. 1176–1209. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1468-2508.2007.00618.x

25. Lenets, A.V. (2009) Kommunikativnyy fenomen lzhi v politicheskom diskurse [Communicative phenomenon of lies in political discourse]. In: Matveeva, G.G. et al. *Diag-*

nostirovanie yazykovoy lichnosti i rechevoe povedenie politika [Diagnosis of the language personality and speech behavior of politicians]. Rostov-on-Don: IPO PI YuFU.

26. Hymes, D. (1986) Models of the interaction of language and social life. In: Gumperz, J.J. & Hymes, D. (eds) *Directions in sociolinguistics: The Ethnography of Communication.* Basil Blackwell.

27. Grice, P. (1975) Logic and Conversation. In: Cole, P. & Morgan, J. (eds) *Syntax and Semantics.* Vol. 3. New York: Academic Press.

28. Lakoff, R. (1975) *Language and woman's place.* New York: Harper and Row. pp. 64–79.

29. Formanovskaya, I.N. (2002) *Rechevoe obshchenie* [Speech communication]. Moscow: Russkiy yazyk.

30. Duggan, M. et al. (2015). *Demographics of key social networking platforms*. [Online] Available from: http://www.pewinternet.org/2015/01/09/demographics-of-key-social-networking-platforms-2/.

31. Twitter.com. (n.d.) *Tvitter. Statistika* [Twitter. Statistics]. [Online] Available from: https://about.twitter.com/company.

УДК 811.112.2
DOI: 10.17223/19986645/52/7

В.А. Собянина, И.В. Хохлова

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТАФОР ПРЕДМЕТНОЙ СФЕРЫ «ИММИГРАЦИЯ» В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ ГЕРМАНИИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПРОГРАММЫ MAXQDA

Представлен метод исследования метафор предметной сферы «иммиграция» на примере дискурса СМИ Германии. В первой части статьи описан алгоритм работы с программой контент-анализа данных MAXQDA, позволяющий более эффективно исследовать различные лингвистические аспекты при анализе дискурса. Рассмотрены основные функции программного обеспечения: кодирование элементов в тексте, редактирование системы кодов, графическое выделение фрагментов, автоматический поиск, создание графиков и др. Во второй части статьи проанализированы метафорические модели предметной сферы «иммиграция» с использованием данной программы, а также описан прагматический потенциал их использования в дискурсе СМИ об иммигрантах.

Ключевые слова: *метафора, метафорические модели, дискурс СМИ, дискурс предметной сферы «иммиграция», MAXQDA, компьютерные методы, фрейм, слот.*

Появление современных информационных технологий и новых средств коммуникации (Интернет, блоги, социальные сети и др.) в значительной степени повлияло на развитие лингвистической науки и определило актуальность некоторых направлений исследований, с одной стороны, а с другой – многократно увеличило объем и сложность информации, которую необходимо переработать. Этот технологический вызов поставил перед лингвистикой задачу разработать новые методы и методики, позволяющие исследовать аспекты взаимодействия языка и общества на более продвинутом уровне.

Немаловажную роль в этом процессе играют современные технические средства и компьютерные программы, позволяющие оперировать большим количеством информации, охватывать значительные пласты языкового материала. Одним из таких инструментов является современная компьютерная программа MAXQDA, предназначенная для контент-анализа и позволяющая работать с корпусом текстов, созданным специально для исследования. Таким образом, междисциплинарные исследования на стыке лингвистики и компьютерной лингвистики имеют в этой связи большую перспективу.

В статье описываются основные функции и возможности вышеназванной программы, использование которой позволяет более структурированно и глубоко исследовать некоторые языковые явления, в частности метафоры предметной сферы «иммиграция» в медийном дискурсе Германии. В связи с большим притоком мигрантов в Германию данная тематика весьма актуальна и интересна в лингвистическом отношении.

Метафоры образуют системы и группы, формирующие *метафорическую модель*, которая, по словам А.П. Чудинова, представляет собой «существующее в сознании носителей языка типовое соотношение семантики находящихся в отношениях непосредственной мотивации первичных и вторичных значений, являющееся образцом для возникновения новых вторичных значений» [1. С. 35]. В основе метафоризации лежит процесс взаимодействия структур знаний двух концептуальных доменов: сферы-источника и сферы-мишени. Тематика исследования определила сферу-источник – иммиграцию в медийном дискурсе Германии. Дальнейшая классификация метафор производилась на основе сферы-источника метафорического переноса, которая была положена в основу ряда научных исследований [1–3]. Метафорическая модель понимается как система, которая обладает структурой, включающей в себя фреймы. Они, по мнению В.З. Демьянкова, представляют собой «…единицу знаний, организованную вокруг некоторого понятия… Фрейм организует наше понимание мира в целом… Фрейм – структура данных для представления стереотипной ситуации» [4. С. 188].

Объектом анализа выступают метафорические модели медийного дискурса Германии об иммигрантах. Под медийным дискурсом как одной из разновидностей дискурса, связанной со сферой массовой коммуникации, прежде всего с Интернетом, понимается сеть высказываний, реализованных в корпусе текстов СМИ, объединенных семантическими и тематическими связями [5. С. 463]. При исследовании дискурса, как известно, особое внимание уделяется его неразрывной связи с внешними, внедискурсивными и экстралингвистическими факторами [6. С. 379–380; 7. С. 136–137]. Предметная сфера «иммиграция» рассматривается в рамках исследования как совокупность явлений, событий и лиц, их свойств и отношений, находящихся под влиянием иммиграции или в тесной взаимосвязи с ней.

Предметом исследования являются возможности анализа метафорических моделей при помощи программы MAXQDA на примере дискурса предметной сферы «иммиграция».

Основная **цель** работы – выявить и проанализировать метафорические модели дискурса названной предметной сферы с применением программы MAXQDA.

Задачи исследования:

– разработать методику анализа метафоры и алгоритм исследования дискурса об иммигрантах при помощи данной программы;

– описать основные этапы анализа метафоры при помощи доступных функций программы;

– выявить наиболее частотные метафорические модели, использующиеся в дискурсе предметной сферы «иммиграция», и рассмотреть особенности их употребления.

Цель и задачи исследования определили структуру статьи, которая состоит из двух разделов: методологического и лингвистического. В первом

разделе представлены основные функции программы и возможности их использования в лингвистических исследованиях (на примере выбранной предметной сферы). Второй раздел посвящен описанию основных результатов анализа метафорических моделей, полученных в ходе применения программы.

Раздел первый: возможности программы MAXQDA для лингвистических исследований (на примере исследования метафор предметной сферы «иммиграция»)

MAXQDA – это программное обеспечение для качественных и смешанных исследований. Автором программы является профессор, доктор Удо Кукарц. Сегодня разработкой программного обеспечения и его совершенствованием занимается компания Die VERBI Software – Consult – Sozialforschung GmbH. Программа разработана для анализа неструктурированных письменных и устных данных и доступна как платное лицензированное приложение как для Windows, так и для Mac OS X (доступна бета-версия для бесплатного 14-дневного тестирования). К основным функциям программы относится возможность импорта данных различного порядка (текст, фото, таблицы, опросы и т.д.), их чтение, редактирование и систематизация при помощи функций кодирования и автокодирования, фиксация основных мыслей во время анализа данных в виде заметок, визуализация результатов и их экспорт в проекты, транскрибирование аудио- и видеофайлов. Среди основных особенностей программы стоит отметить возможность работы над одним проектом группы исследователей, а также полный перевод интерфейса программы на 12 языков, среди которых основные европейские языки, а также китайский и японский. Дополнительная информация о программе представлена на официальном сайте разработчика (http://www.maxqda.de/).

Прежде чем перейти к описанию алгоритма работы с программой, необходимо остановиться подробнее на ее интерфейсе, который представлен на рис. 1.

Панель инструментов с основными функциями программы расположена вверху рабочего окна. Оформление рабочей зоны определяется самим исследователем, который может добавить или убрать доступные для выбора рабочие области в верхней панели задач под функцией *Окно*, а также разместить их в удобном для себя порядке, что позволяет сделать работу в программе максимально комфортной. Программа предоставляет несколько вариантов макетов общего вида рабочей зоны. В данном случае были выбраны такие рабочие зоны, как *список документов* в левом верхнем углу, *список кодов* под ним и *окно*, отражающее сам документ (правая часть экрана) (см. рис. 1).

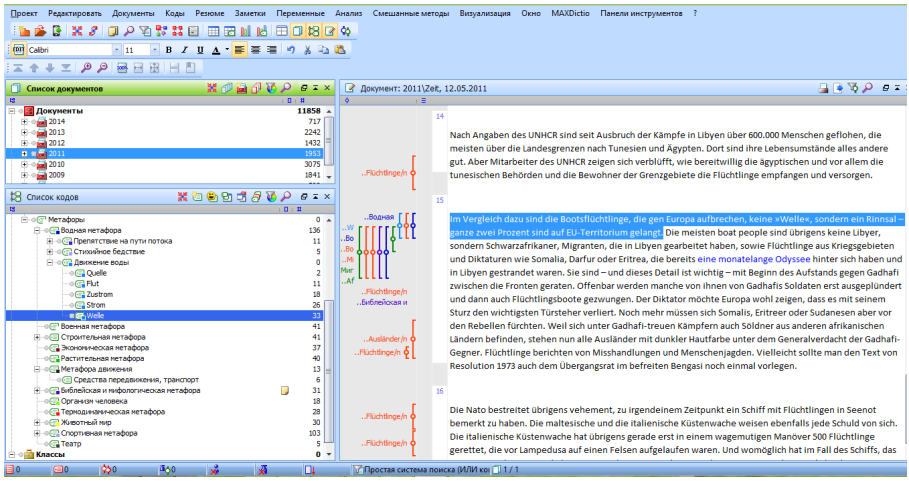

Рис. 1. Интерфейс программы и рабочие окна программы MAXQDA при исследовании метафор

Остановимся подробнее на алгоритме исследования дискурса с использованием данной программы на примере метафорических моделей.

1. *Первый этап исследования дискурса в программе MAXQDA 11: создание проекта и систематизация материла.*

Данный этап работы заключается в том, что, прежде чем приступить к работе над материалом, необходимо при запуске программы выбрать функцию *Создать проект* и дать ему название. После этого можно перейти непосредственно к наполнению проекта контентом (в данном случае все статьи, найденные на сайтах изданий и соответствующие критериям отбора, были загружены в программу MAXQDA 11). Для этого необходимо нажать на вкладку *Документы* в панели задач и выбрать *Вставить документы*, загрузив нужный файл. Далее все документы могут быть сгруппированы на основе релевантных для исследования критериев. Список документов доступен для просмотра в поле *Список документов* в верхней правой части рабочего окна программы (рис. 1).

В ходе работы все добавленные документы были сгруппированы нами по годам. Всего было создано 6 групп документов, так как исследование метафоры проводилось на материале опубликованных в СМИ Германии статей в период с 2009 по 2014 г.

2. *Второй этап исследования дискурса в программе MAXQDA 11: идентификация релевантных для исследования единиц (в нашем случае метафор) и их кодирование.*

После того как корпус исследования сформирован, можно начинать непосредственную работу с текстами. При двойном нажатии на текст в окне *Документы* в основном рабочем окне программы открывается текст. Затем необходимо нажать правой кнопкой мыши на иконку *EDIT* в правом верхнем углу программы (рис. 1), которая позволяет редактировать текст, а

именно изменять цвет шрифта, что дает возможность в дальнейшем быстрее и легче найти метафору в тексте. После этого контекст, содержащий метафору и необходимый для исследования, можно кодировать.

Работа в программе MAXQDA 11 основывается на категории кодирования [8. С. 8], при помощи которой автор может выделять элементы текста, представляющие интерес для исследования (текстовые метафоры), присваивать им имя – название кода – и сохранять в списке кодов для дальнейшей систематизации. Чтобы закодировать нужный фрагмент, его необходимо выделить так же, как это делается в программе *Word*, затем, нажав на правую кнопку мыши в появившемся окне, выбрать функцию *Кодировать новым кодом*. После этого в центре экрана появится окно, где можно ввести название кода, выбрать его цвет, а также сделать заметку. Кнопка *ОК* внизу окна подтверждает сохранение кода, который после этого доступен в левом нижнем окне программы *Список кодов* (рис. 1).

При выборе названия кода необходимо учитывать некоторые аспекты: код должен быть максимально просто и понятно сформулирован и содержать в названии основную закодированную информацию, а количество кодов должно быть таким, с которым автору в дальнейшем будет удобно работать. Важно отметить, что объем закодированного текста (лексическая единица, предложение или абзац) определяет сам исследователь. Рядом с названием кода можно оставить комментарий: описать контекстуальные особенности использования метафор, оставить заметку любого важного для исследования содержания, что очень удобно.

Так, например, обнаруженные нами в тексте метафоры были закодированы на основе сферы-источника метафорического переноса. Идентифицированные в процессе прочтения текстов метафоры легли в основу названий кодов. По мере прочтения текстов появлялись такие коды, как «*Welle*» (волна), «*Flut*» (поток), «*Stamm*» (ствол), «*Wurzel*» (корень) и др. Таким образом, была создана система кодов, отражающая все найденные метафоры в исследуемом дискурсе.

3. *Третий этап исследования дискурса в программе MAXQDA 11: редактирование системы кодов.*

После этого система кодирования может быть подвергнута редактированию и систематизации. Немаловажной является возможность редактирования системы кодов (добавление, удаление или переименование кодов) на любом этапе работы, для чего необходимо нажать правой кнопкой мыши на поле *Список кодов* и выбрать из списка необходимую функцию. Система кодов обладает древовидной структурой, что позволяет иерархически структурировать материал, создавать подкоды. Правильно подобранное название кода и логическая структура системы кодов позволяют исследователю в дальнейшем быстро работать с материалом, находить необходимую информацию, нужный контекст и языковое явление. Именно поэтому очень важно тщательно работать с материалом на данном этапе исследования.

Так, при помощи программы были выявлены и закодированы различные метафоры (п. 2). После этого все выделенные метафоры были класси-

фицированы в соответствии с понятийной сферой-источником метафорической экспансии. Так, все метафоры водной сферы образовали группу «Водная метафорическая модель». Названием для группы кодов в данном случае послужили названия метафорических моделей, а названиями подкодов – выявленные в метафорической модели фреймы. Например, код «Водная метафорическая модель» имеет несколько подкодов – фреймов: «Движение воды», «Стихийное бедствие» и др., которые, в свою очередь, содержат более мелкие подкатегории, названные на основе слотов: «Поток», наполнением которого служат такие метафоры, как «*Flut*» (поток), «*Strom»* (поток) и «*Zustrom»* (приток). Таким образом, систематизация лингвистического материала при помощи древовидной системы кодов отражает структуру метафорической модели и служит основой для дальнейшего описания материала.

4. *Четвертый этап исследования дискурса в программе MAXQDA 11: (полу-) автоматический поиск метафор.*

После кодирования и систематизации релевантных для исследования слов и фрагментов на следующем этапе уточняется частотность выявленных языковых единиц. Для этого в панели задач сверху (рис. 1) надо выбрать функцию *Анализ*, затем *Лексический поиск*. В окне следует напечатать слово или словосочетание, которое необходимо найти. После этого все случаи использования этого слова в корпусе текстов будут отражены в новом окне. Нажимая на каждую строку, исследователь может прочитать контекст использования слова и определить, насколько важным он является для анализа.

В нашем случае особое внимание уделялось исследованию контекста использования слова и его идентификации как метафоры, что невозможно без участия исследователя. После проверки всех случаев использования искомой лексической единицы те из них, которые являлись метафорами, были закодированы. Таким образом, функция автоматического поиска позволила выявить все возможные случаи использования того или иного слова в дискурсе, исключая возможность пропустить какой-либо контекст.

5. *Пятый этап исследования дискурса в программе MAXQDA 11: статистическая обработка и визуализация результатов.*

На следующем этапе, после того как найдены и закодированы все случаи употребления исследуемых единиц в дискурсе, возможно рассмотреть статистику использования кодов при помощи функции *Статистика подкодов* (вкладка *Коды* в панели задач – рис. 1). На экране появляется окно, в котором необходимо выбрать двойным нажатием код, статистику которого необходимо получить, и нажать кнопку *ОК*, после чего программа выдает в виде таблицы статистические данные по запрашиваемому коду. Там же можно выбрать *Вид диаграммы*, изменить цветовую схему, а затем экспортировать диаграмму, сохранив ее в нужном месте на персональном компьютере. Таким образом, программа обладает возможностями статистической обработки информации и ее визуально-графического изображения, что важно для научного анализа.

Результаты анализа метафор с использованием этой функции представлены в разделе 2.

На заключительном этапе возможен экспорт всех найденных контекстов и случаев употребления метафор с исходными данными в текстовый документ для их дальнейшего анализа и интерпретации.

Раздел 2. Результаты исследования метафоры предметной сферы «иммиграция» с применением программы MAXQDA

Материалом для исследования послужили тексты периодических печатных онлайн-изданий ФРГ. Общий объем исследовательского материала составили 649 статей указанной предметной сферы, вышедших в 2009–2014 гг. Из всех представителей медиаландшафта были выбраны наиболее популярные СМИ, а именно *Spiegel*, *Zeit* и *Bild*. Данные периодические издания представляют интерес с точки зрения обширности аудитории и политической направленности (еженедельный журнал *Spiegel* и газета *Zeit* позиционируют себя как леволиберальные СМИ, а газета *Bild* – консервативное издание). Таким образом, было достигнуто некоторое равновесие мнений и точек зрения, необходимых для получения максимально репрезентативных результатов.

Итак, в ходе исследования было выявлено 660 случаев метафорических словоупотреблений, объединенных в группы на основе сферы-источника. Всего было выявлено 12 метафорических моделей, представляющих предметную сферу «иммиграция» в медийном дискурсе Германии за рассматриваемый период. Воспользовавшись функцией *Статистика кодов*, мы создали диаграмму, которая визуализирует частотность использования метафорических моделей в дискурсе (рис. 2).

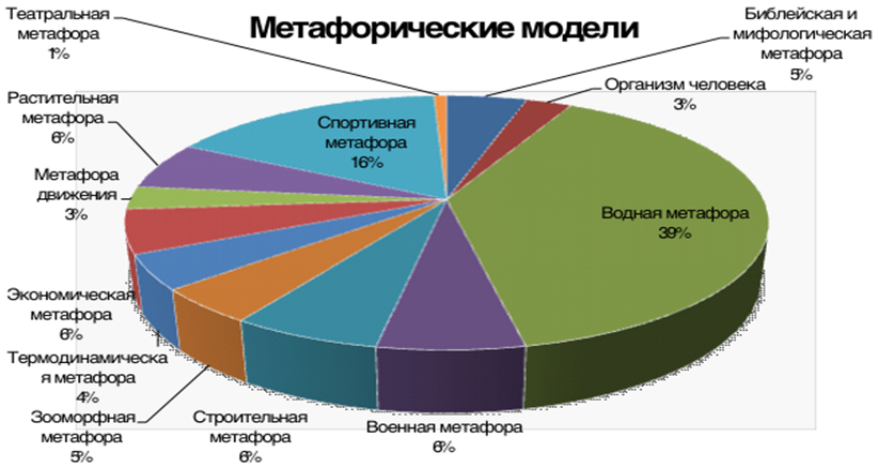

Рис. 2. Метафорические модели в медийном дискурсе об иммигрантах

Рассмотрим некоторые из представленных метафорических моделей более подробно.

В медийном дискурсе за исследуемый период отмечается активное употребление **водных метафор**, которые являются прототипическими метафорами в дискурсе такого рода и отмечены в ряде исследований ученых из разных стран [2, 3, 9]. Из области природных явлений именно водные метафоры занимают лидирующее положение.

Этот тип метафорической модели, наиболее часто встречающийся в иммиграционном дискурсе, раскрывает несколько особенно популярных метафорических фреймов: «миграция – движение воды», «миграция – стихийное бедствие» и др.

В дискурсе об иммигрантах фрейм «миграция – движение воды» представлен несколькими слотами. Слот *Welle* (волна) самый частотный из данной тематической области. Активность употребления метафоры обусловлена необходимостью проиллюстрировать внезапный и интенсивный рост числа иммигрантов [10. С. 178]. В большинстве случаев она употребляется в отношении беженцев из стран Северной Африки в период арабских революций: *Berlin fürchtet* ***Flüchtlingswelle*** *aus Italien* (Spiegel, 10.04.2011) *(Берлин опасается* ***волны беженцев*** *из Италии)*; ***Flüchtlingswelle*** *schreckt Europa auf* (Spiegel. 14.02.2011) *(****Волна беженцев*** *пугает Европу)*.

Метафорическая единица (далее МЕ) *Welle* используется в отношении не только беженцев из африканских стран, но и иммигрантов из других европейских стран, подчеркивая при этом временный характер этого процесса. Волна иммигрантов с Балкан и из юго-восточной Европы объясняется включением некоторых стран в ЕС (Болгария и Румыния в 2007 г.), а также отменой Германией в 2011 г. ограничений на трудоустройство граждан из стран ЕС, вступивших в его состав в 2004 г.: *Droht also eine* ***Welle*** *von Billig-Jobbern, die alle mühsam erreichten Standards auf dem deutschen Arbeitsmarkt hinwegspült?* (Spiegel, 26.04.2011) *(Угрожает ли нам* ***волна дешевой рабочей силы****, которая смоет все с трудом достигнутые стандарты на немецком рынке труда?)*.

Слот *«поток»* представлен такими метафорами, как *Strom* и *Zustrom.* Активное использование этих МЕ отмечается в периоды массовой иммиграции, такой как миграция беженцев в Европу в начале Арабской весны. Именно в это время тексты СМИ (прежде всего, статьи журнала *Spiegel)* пестрят метафорами, среди которых лидирующую позицию занимают именно эти метафорические единицы, о чем свидетельствуют следующие примеры: *Betroffen von dem* ***Flüchtlingsstrom*** *ist vor allem Lampedusa* (Spiegel. 08.04.2011) *(****Поток беженцев*** *коснулся прежде всего острова Лампедуза)*; *Die Regierung in Paris fürchtet einen* ***Flüchtlingsstrom****… Frankreich fürchtet* ***Flüchtlingsstrom*** (Spiegel. 10.04.2011) *(Правительство в Париже опасается* ***потока беженцев****... Франция опасается* ***потока беженцев****)*.

Метафора *Flüchtlingsstrom (поток беженцев)*, как один из способов репрезентации миграции при помощи водной метафоры в данный период,

является прототипической. Метафоричность высказывания подчеркивается в некоторых случаях также глаголами из сферы водных стихий (например, *anschwellen – прибывать*). Такое сочетание метафор в рамках одного высказывания делает еще больший акцент на опасности иммиграции как природной стихии. Бессилие и опасение властей различных европейских стран также вербализованы в контекстах. Такие слова, как *fürchten (опасаться)*, усиливают осознание того, что власти бессильны. Для усиления негативного восприятия происходящего авторы прибегают к эпитетам, описывающим масштабы потока: *Wir müssen den riesigen* ***Strom*** *von dort ankommenden Flüchtlingen gerechter in Europa verteilen* (Bild. 05.10.2013) *(Мы должны справедливее распределять огромный* ***поток*** *прибывающих оттуда беженцев в Европе)*.

Так, некоторые привычные метафоры (в основном водные), которые со временем потеряли образность, используются в сочетании с атрибутивными конструкциями, гиперболизирующими события. Эпитеты *riesig (огромный), massenhaft (массовый)* и композитное образование с компонентом *Massen- (массовый)* гиперболизируют проблему и опасность, исходящую от иммигрантов.

Еще одним примером метафорической репрезентации иммиграции в рамках слота «иммиграция – поток» является метафорическая единица *Flut* (и ее производные), которая употребляется в большинстве случаев в негативных контекстах: *Manche befürchten, dass Europa dann von Einwanderern* ***überflutet*** *wird.* (Spiegel. 14.10.2013) *(Некоторые опасаются, что Европа в таком случае будет* ***наводнена*** *иммигрантами)*.

Использование этих метафор способствует восприятию иммигрантов как массы, а не как отдельных личностей и создает впечатление об иммигрантах как об угрозе.

Метафорический фрейм «*путь / движение потока*» представлен также слотом «*препятствие на пути потока*», который на лексическом уровне в рамках исследуемого дискурса заполнен МЕ *eindämmen (ограничивать, отгораживать дамбой)*: *So könne illegale Zuwanderung* ***eingedämmt*** *werden* (Spiegel. 16.04.2011) *(Таким образом, нелегальная иммиграция может быть* ***ограничена****)*.

Метафора встречается в контекстах о нелегальной миграции, а также в тех случаях, когда численность иммигрантов достигает критической отметки.

Рассматриваемый слот представлен также метафорой *Schleuse (шлюз)*: *Konservative sprechen gerne über offene* ***Schleusen****, Wellen von Migranten und einer entstehenden Sogwirkung* (Spiegel. 18.04.2011) *(Консерваторы охотно говорят об открытых* ***шлюзах****, волнах иммигрантов и возникающем действии подсоса)*. Так, открытие шлюзов, через которые прорываются волны иммигрантов, становится предметом дискуссий. Появляется еще одна авторская метафора – *Sogwirkung (эффект всасывания)*, океанографический термин, который усиливает метафорический образ иммиграции как водной стихии.

Фрейм *«иммиграция – стихийное бедствие»* представлен одной яркой авторской метафорой – *Tsunami (цунами)*, которая характеризует иммиграцию как опасное и разрушительное явление. Некоторые политические деятели (бывший итальянский президент Сильвио Берлускони) говорят об иммиграции как о «людском цунами»: *Bei einem Besuch der Insel am Samstag bezeichnete Berlusconi die Flüchtlingskrise als "**menschlichen Tsunami**" und rief die EU zur Hilfe auf* (Zeit. 10.04.2011) *(Во время визита на остров в субботу Берлускони описал кризис беженцев как **«людское цунами»** и призвал ЕС на помощь)*. Таким образом, на первый план выдвигаются масштабы иммиграции и ущерб, который она может нанести.

Водная метафора, являясь наиболее частотной и продуктивной в исследуемом дискурсе, служит для репрезентации иммиграции как потенциальной угрозы. Водные метафоры в сочетании с лексикой с семантикой угрозы особенно активно используются для ассоциативной репрезентации иммигрантов-беженцев из африканских стран и экономических беженцев.

Следующая по популярности метафорическая модель в дискурсе об иммигрантах – **спортивная метафорическая модель.** Спорт, как неотъемлемая часть жизни немецкого общества, стал активной сферой-источником для метафор в дискурсе об иммигрантах. При рассмотрении общих характеристик метафор из данной сферы, стоит отметить, что большинство из них встречается в контекстах, репрезентирующих положительное отношение к иммигрантам.

Фрейм *«спортивное состязание / соревнование»* представлен несколькими слотами. Слот *«соревнование»* с одноименной метафорой *Wettbewerb* (*соревнование*) является наиболее популярным, отражает борьбу за главный приз – квалифицированных иммигрантов – и представляет их как ценность: "*Wir benötigen nicht weniger, sondern erheblich mehr gesteuerte Zuwanderung. Der **Wettbewerb** um die klügsten Köpfe muss endlich ernst genommen werden", sagte Vogel* (Zeit. 12.10.2010) *(«Нам нужно не меньше, а значительно больше контролируемой миграции. **Соревнование** за умнейшие головы должно восприниматься, наконец, серьезно»)*.

Иммиграция представлена как необходимое для страны и ее экономики явление, что служит аргументом в пользу легальной иммиграции.

Также отмечаются менее эксплицитные высказывания, аргументирующие пользу иммигрантов и свидетельствующие о хороших шансах Германии в соревновании за квалифицированных иммигрантов: *Der **Wettbewerb** um die "neuen", gut qualifizierten Gastarbeiter, wie diese Generation genannt wird, hat begonnen*. (Zeit. 22.07.2013) *(**Состязание** за «новых», высококвалифицированных гастарбайтеров, как называют это поколение, уже началось)*.

Масштабы соревнования характеризуются при помощи эпитетов *international (интернациональный)*, *global (глобальный)* и *weltweit (всемирный)*. При этом в контекстах подчеркивается, что соревнование проходит только за квалифицированных (*gut qualifizierte Gastarbeiter, hochqualifizierte Ausländer*) и образованных (*ausgebildete Arbeitnehmer*) иммигрантов, а также за

умные или лучшие головы (*die klügsten Köpfe, die klugen Köpfe, die besten Köpfe aus aller Welt*). Такое представление об иммигрантах позволяет политикам подчеркнуть желание увеличить приток квалифицированных и ограничить поток нелегальных иммигрантов.

Слот *«спортивные препятствия»* выражает критику существующих бюрократических сложностей на пути иммигрантов в страну, реализуя положительный прагматический потенциал дискурса: *bürokratische / unüberwindbare / hohe Hürden (бюрократические / непреодолимые / высокие барьеры); Hürden (ab)sinken (опустить планку)*.

Среди основных препятствий трудоустройства иммигрантов называют недостаточное знание немецкого языка, а также непризнание зарубежных дипломов: *...dann liegt hier die erste* ***Hürde*** *auf dem Weg in den Arbeitsmarkt: die deutsche Sprache* (Zeit. 01.06.2011) *(...тогда первым* ***препятствием*** *на пути на рынок труда является немецкий язык)*; *Die Anerkennung ihrer akademischen Zeugnisse stellt eine oft unüberwindbare* ***Hürde*** *dar* (Zeit. 03.08.2009) *(Признание их дипломов о высшем образовании представляет собой непреодолимое* ***препятствие****)*.

Процедуру признания в Германии могут пройти далеко не все иностранные дипломы (*akademische Zeugnisse, ausländische Abschlüsse*), что значительно сокращает шансы иммигрантов на трудоустройство и может стать непреодолимым препятствием (*unüberwindbare Hürde*) на пути к счастливой жизни. Знание немецкого языка становится камнем преткновения при трудоустройстве, а также в других сферах человеческой жизни. Языковой барьер создает сложности как детям в школе, так и взрослым.

Еще одной метафорой из сферы-источника «спорт», которую необходимо отметить, является метафора *Sprung (прыжок)*, представляющая слот *«преодоление препятствий»* и репрезентирующая иммигрантов исключительно с положительной стороны. Как и в спорте, где прыжок характеризует быстрое перемещение из одной точки в другую, так и в дискурсе об иммигрантах эта метафора служит для описания быстрого прогресса в различных сферах деятельности. Чаще всего она встречается в контексте школьных успехов детей иммигрантов и репрезентирует их неожиданные успехи и переход на новый уровень: *Noch größer sind die* ***Sprünge*** *der Kinder, deren Eltern beide im Ausland geboren sind", „Migrantenkinder sind in die erste Liga aufgestiegen* (Spiegel. 08.12.2010) *(Еще большие* ***прыжки*** *совершили дети, чьи родители родились за границей, Дети иммигрантов перешли в первую лигу)*.

Так, успехи детей иммигрантов характеризуются как большие (*große*) и как огромный прыжок (*Riesensprung, ein enormer Sprung*). Гиперболизации этих достижений способствует еще одна спортивная метафора, а именно переход в первую лигу (*sind in die erste Liga aufgestiegen*), которая в сочетании с первой метафорой способствует восприятию достижений детьми иммигрантов как качественно новой реалии.

Итак, спортивная метафорическая модель в большинстве случаев служит для положительной оценки иммиграции, а спортивная метафора – для

критики бюрократических трудностей на пути иммигрантов, она концептуализирует старания и успехи иммигрантов в образовании и представляет их как «приз» в борьбе за хороших специалистов.

Военная метафорическая модель пользуется популярностью в любом политическом дискурсе, встречается в экологическом, спортивном и медицинском дискурсах [11]. Метафорическая модель военной тематики также представлена в дискурсе СМИ об иммигрантах и реализована несколькими фреймами.

Иммиграция, особенно нелегальная, вызывает ответную реакцию со стороны государств-целей, она представлена метафорически в СМИ фреймом «*борьба*»: *Seit unter dem Banner des* ***Kampfes*** *gegen illegale Migration« Einreiseregelungen verschärft worden sind, haben Flüchtlinge aus Diktaturen und Kriegsgebieten kaum mehr eine Chance, nach Europa zu kommen, jedenfalls nicht legal* (Zeit. 29.09.2009) *(С тех пор как правила въезда в страну были ужесточены под знаменем* ***борьбы*** *с нелегальной миграцией, у беженцев из регионов с диктаторской властью и войной нет больше шансов попасть в Европу, во всяком случае легально)*.

Как видно из контекста, под прикрытием такой борьбы происходит ужесточение правил въезда в страну, что неизбежно ведет к ухудшению положения легальных беженцев.

Фрейм *«Активные военные действия»* состоит из следующих слотов: *«нападение», «захват», «оборона»* и др. Слот *«нападение»* наполнен несколькими синонимичными метафорами, выражающими активное передвижение мигрантов вглубь страны: ***Einmarsch*** *der Italiener* (Spiegel. 27.09.2010) *(Вторжение итальянцев)*. Очевидно, что речь идет о «вторжении» итальянских иммигрантов в Германию. Использование метафоры военной тематики способствует негативному восприятию иммигрантов из Италии.

Метафора *Ansturm (атака)* достаточно активно участвует в метафорической репрезентации иммигрантов в роли агрессоров: ***Ansturm*** *aus Tunesien: Flüchtlingswelle schreckt Europa auf* (Spiegel. 14.02.2011) *(****Атака*** *из Туниса: волна беженцев пугает Европу)*.

Примечательно употребление данной метафоры в отношении беженцев из стран Африки. Негативный потенциал метафоры дополнительно раскрывается за счет использования ее в контекстуальном окружении с такими словами, как *aufschrecken (испугать)*, *stoppen (остановить)*, и в сочетании с метафорой водных стихийных бедствий *strömen (течь)* и *Flüchtlingswelle (волна беженцев)*.

Данный слот представлен еще одной МЕ, а именно *Invasion*, обозначающей не что иное, как военное вторжение на территорию: *Beides weckte neue Ängste vor einer* ***Masseninvasion****...* (Zeit. 15. 10. 2013) *(И то и другое вызвало новые страхи перед* ***массовым вторжением****...)*.

Речь в данной статье идет о беженцах из стран Африки и Южной Европы, приток которых настолько велик, что представлен как «военное вторжение» на территорию остальной Европы, что выдвигает на первый план

угрожающий потенциал миграционных потоков. Таким же потенциалом обладает и другая метафора в этом слоте – *erobern* – метафора, создающая образ иммигрантов-захватчиков новых территорий: *...dass die Türken Deutschland mit ihrer Geburtenrate* ***eroberten****, genauso wie die Kosovaren das Kosovo (Sarrazin)* (Zeit, 25.10.2009) *(...что турки с их рождаемостью* ***захватывают*** *Германию так же, как косовары Косово (Саррацин)*.

Высказывание известного своими скандальными заявлениями бывшего немецкого политика, утверждающего, что высокая рождаемость турок в Германии ведет к «захвату» страны, способствует восприятию иммигрантов как потенциальной угрозы.

Оборона (*Abwehr)* в военной терминологии считается военным действием, которое также нашло метафорическое отражение в дискурсе об иммигрантах. *Soll heißen: seit die* ***Abwehr*** *von Flüchtlingen zum ideologischen Kern der Migrationspolitik geworden ist und eben diese* ***Abwehr*** *den Mitgliedsländern am Rande Europas aufgebürdet worden ist* (Zeit. 12.05.2011). Понятие «*оборона*» стало ключевым в миграционной политике Германии с тех пор, как беженцы «хлынули» в страну, и часто подвергается критике со стороны различных политических сил.

В исследуемом дискурсе используются и другие метафоры, распределение которых в материале является более или менее равномерным (рис. 2): **строительные, экономические, растительные** и др. Так, принимающее общество репрезентировано с помощью **строительных метафор**, акцентирующих внимание на желании защититься от вторжения иммигрантов: *Europa-Festung (Европа-крепость), Brücken / Mauern hochziehen (поднимать мосты / возводить стены)*, что укрепляет оппозиционный характер отношений между коренным населением и «новыми» иммигрантами: *Statt sich der neuen Migranten anzunehmen und sich mit deren Integration auseinanderzusetzen <...> werden die* ***Mauern*** *eher höher gezogen* (Spiegel. 16.04.2012) *(Вместо того, чтобы принимать новых мигрантов и заниматься их интеграцией <...>* ***стены*** *возводятся еще выше)*.

Положительное и отрицательное отношение общества к иммигрантам представлено в метафорах **библейской, мифологической, зоологической** и иной тематики (примерно по 5%, рис. 2). Так, мифологическая метафорическая модель репрезентирует трудности на пути иммигрантов к успешному достижению цели и дальнейшей интеграции (*monatelange Odyssee*) *(Одиссея длиной в несколько месяцев)*. Стереотипизированный образ иммигранта как человека, стремящегося к выгоде и легкой жизни, создается при помощи концептуализации принимающего государства через библейские метафоры. Германия предстает как рай (*Paradies*) или как Земля обетованная (*das Gelobte Land*), а иммиграция как массовый исход (Massenexodus). Так, «исход» иммигрантов из Северной Африки становится массовым (*Massenexodus*), но итальянские политики решили еще больше усилить метафорический образ иммиграции как исхода: *Die italienische Regierung rechnet bereits mit einem* ***Massenexodus*** *"biblischen Ausmaßes"* (Zeit. 28.02.2011) (*Итальянское правительство ожидает уже массового исхода*

беженцев «библейского масштаба»). Этот авторский вариант метафоры, особенно популярный в период переворотов в арабских странах, призван создать еще более яркий образ масштабной иммиграции.

Зооморфная метафора как средство эмоционально-оценочной характеристики окружающей действительности достаточно популярный прием в текстах СМИ, однако в дискурсе об иммигрантах данная метафорическая модель является низкочастотной. Среди метафор животного мира, использованных в рамках дискурса об иммигрантах, можно выделить некоторые отдельные фреймы.

При рассмотрении фрейма *«состав животного мира»* удалось выявить только один слот – *«паразиты»*, что свидетельствует о слабой активности данной сферы-источника в современном дискурсе об иммигрантах. Данный слот представлен метафорой *Schmarotzer (паразит)*, которая легла в основу его выделения. Потребительский подход к жизни в новой стране присущ, по мнению журналистов, многим иммигрантам. Именно использование социальных гарантий страны легло в основу образования метафорического композита *Sozialschmarotzer,* создающего образ иммигранта-тунеядца, живущего за счет немецких налогоплательщиков. Данное качество приписывается разным группам иммигрантов, в том числе и европейским: *Entsteht gerade ein neues Feindbild? Der* ***schmarotzende*** *Südosteuropäer* (Zeit. 13.01.2014) *(Появляется новый образ врага?* ***Паразитирующий*** *юго-восточный европеец.)*

Данное высказывание способствует восприятию иммигрантов как непрошеных гостей, пользующихся благами страны.

Метафоры фрейма *«отношение к животным»* создают образ иммигранта-животного, с которым плохо обращаются другие люди. Чаще всего эти действия оказываются агрессивными или манипулятивными.

В основе метафорического переноса лежит отношение к иммигрантам как к животным и соответствующее обращение с ними. При разговоре об образованных иммигрантах, в которых заинтересована страна, используется глагольная метафора *herausfischen (вылавливать)*. Она подчеркивает преимущество этих иммигрантов на фоне массы других, не представляющих интереса для страны: *...wie man aus dem Strom der globalen Völkerwanderung die klügsten, besten und reichsten Migranten* ***herausfischt*** (Spiegel. 24.01.2011) *(...как* ***выловить*** *из потока глобального переселения народа самых умных, лучших и богатых мигрантов)*.

Использование метафоры в сочетании с такими словами, как *Strom*, *die globale Völkerwanderung,* отражает сложность процесса по отбору «лучших» иммигрантов. Превосходная степень эпитетов (*die klügsten, besten und reichsten*), характеризующих иммигрантов, дополнительно акцентуирует внимание на желании принимать только умных и образованных.

Низкую частотность и продуктивность зооморфной метафоры можно объяснить необходимостью политкорректно высказываться об иммигрантах, ведь метафорический перенос «животное – человек» отличается особенной негативной коннотативной нагрузкой. Цель зооморфных метафор

заключается в основном в желании «приписать человеку некоторые признаки, которые всегда или почти всегда имеют оценочный смысл, так как перенос на человека признаков животных подразумевает оценочные коннотации» [12. С. 59].

Одна из популярных метафорических моделей в дискурсе об иммигрантах – модель **растительной метафоры**. Слот *«дерево и его строение»* раскрывается при помощи таких слов, как *Wurzel (корень)* и *Stamm (ствол)*, и производных от них, например *türkischstämmig (турецкого происхождения)*. Рассмотренные МЕ являются в основном стертыми метафорами и не воспринимаются как выразительное средство языка. Однако есть и исключения.

Слот *«среда произрастания»* раскрывается при помощи МЕ *Biotop (биотоп)*, которая обладает негативной коннотацией в следующих контекстах: *"Islamische Parallelgesellschaften" hätten sich zudem als "ideales **Biotop**" für Terrorplanungen erwiesen* (Spiegel. 01.09.2010) *(«Исламские параллельные общества» оказались бы «идеальным **биотопом**» для планирования терактов)*. В данном контексте метафора используется в отношении исламских параллельных обществ, которые, по мнению автора, могут являться средой для развития терроризма, что репрезентирует мусульманских иммигрантов как угрозу.

Таким образом, предметная сфера «иммиграция» концептуализирована при помощи метафорических моделей, большая часть из которых (водная, военная, строительная и др.) направлена на создание негативного образа иммигрантов как бедствия, угрозы и служит аргументацией против иммигрантов в стране. Некоторые метафорические модели отражают трудности на пути иммигрантов в страну (спортивная, библейская и мифологическая), репрезентируют их успехи в образовании и на пути к интеграции (спортивная), создавая положительный образ иммигранта. Проведенный анализ подтвердил нашу гипотезу об использовании метафор для создания в большей степени негативного образа иммигрантов и аргументации против массовой иммиграции в немецком медийном дискурсе на примере исследуемой предметной группы.

Представленный в работе алгоритм анализа метафор в дискурсе предметной сферы «иммиграция» при помощи программы MAXQDA продемонстрировал некоторые из доступных функций программного обеспечения для лингвистических исследований и позволил выявить основные преимущества ее применения. К ним относятся в первую очередь удобство, скорость работы с большим количеством текстового материала за счет категории кодирования и разметки текста, а благодаря наличию различных способов цветовой разметки текста кодирование метафор происходит более наглядно. Использование заметок во время работы с текстом позволяет фиксировать основные мысли, релевантные для дальнейшего анализа или описания результатов. Древовидная система кодов помогает четко структурировать собранный материал (систематизировать фреймы и слоты метафорических моделей), а возможность ее редактирования на любом этапе кодирования является преимуществом в сравнении с ручной разметкой.

Автоматический поиск позволил быстро найти в большом корпусе исследования случаи употребления искомого слова и проанализировать найденные контексты на предмет использования в них слова в метафорическом значении. Благодаря этой функции невозможно пропустить метафору, что нередко случается при ручной разметке большого объема текста. Несмотря на несомненные плюсы данной функции, использование ее без активного участия исследователя представляется невозможным. Данная функция может быть применена более успешно при исследовании частотности употребления какого-либо слова, морфемы, устойчивой конструкции или словосочетания. В таком случае программа может автоматически производить кодирование найденных элементов без необходимости дополнительного анализа данных исследователем.

Программа позволяет осуществить удобный экспорт найденных метафор с релевантной исходной информацией (такой информацией является, например, название печатного издания и год выпуска, а также номер строки) в текстовый документ для дальнейшей работы с ними, что значительно экономит время исследователя.

Несомненным достоинством работы является полный перевод интерфейса на 12 языков, а также возможность работать с языковым материалом из списка доступных языков.

Проведенный анализ метафор позволил описать алгоритм исследования дискурса предметной сферы «иммиграция» с применением современной компьютерной программы и продемонстрировать возможности современного программного обеспечения, позволяющего более глубоко и в то же время довольно быстро исследовать большие объемы языкового материала, статистически обрабатывать и визуализировать результаты лингвистического анализа. Данная программа может найти применение при анализе других языковых явлений на базе различных языков.

Литература

1. *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

2. *Веснина Л.Е.* Метафорическое моделирование миграции (по материалам российских печатных СМИ и данным ассоциативного эксперимента) : дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2010. 250 с.

3. *Santa Ana O.* Immigration as Dangerous Waters: The power of metaphor. Brown tide rising: metaphors of latinos in contemporary public discourse. University of Texas Press, 2002. 405 p.

4. *Демьянков В.З.* Фрейм // Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина ; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996. С. 187–189.

5. *Jung M.* Linguistische Diskursgeschichte // Öffentlicher Sprachgebrauch. Praktische, theoretische und historische Perspektiven. Georg Stötzel zum 60. Geburtstag gewidmet. Opladen, 1996. S. 453–472.

6. *Серио П.* Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла / под ред. П. Серио. М., 1999. С. 379–380.

7. *Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 136–137.

8. *Kuckartz U., Grunenberg H., Lauterbach A.* Qualitative Datenanalyse computergestützt. Methodische Hintergründe und Beispiele aus der Forschungspraxis. Wiesbaden : VS Verlag, 2004. 263 S.

9. *Dervinyte I.* Conceptual Emigration and Immigration Metaphors in the Language of the Press a Contrastive Analysis // Kalbų studijos. Studies about languages. 2009. № 14. P. 49–55. URL: www.kalbos.lt/zurnalai/14_numeris/09.pdf (21.02.2016).

10. *Böke K.* Die „Invasion" aus den „Armenhäusern Europas." Metaphern im Einwanderungsdiskurs // Die Sprache des Migrationsdiskurses. Das Reden über „Ausländer" in Medien, Politik und Alltag. Opladen : Westdeutscher Verlag, 1997. S. 164–193.

11. *Собянина В.А.* Использование военной метафоры в различных видах немецкоязычного дискурса // Новое слово в науке: перспективы развития : материалы 5-й Междунар. науч.-практ. конф., Чебоксары, 21 авг. 2015 г. / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары, 2015. № 3 (5). С. 223–227.

12. *Вольф Е.М.* Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 52–64.

ANALYSIS OF IMMIGRATION DISCOURSE METAPHORS IN GERMAN MASS MEDIA USING THE MAXQDA SOFTWARE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 52. 112–129. DOI: 10.17223/19986645/52/7

Valentina A. Sobyanina, Irina V. Khokhlova, Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: valensob@mail.ru / irinachochlova@gmail.com

Keywords: metaphors, metaphorical models, mass media discourse, qualitative content analysis, migration discourse, MAXQDA, computer methods, frame, slot.

The article presents a modern method of metaphor analysis in media discourse using the potential of content analysis software program MAXQDA. The article demonstrates possibilities and limits of the novel technique developed in an attempt to improve the existing methods of discourse analysis. The main aim of this article is to detect metaphors in the mass media discourse of Germany and to analyze the typical metaphorical models using MAXQDA, the innovative program software. The aim was reached in two steps described in the methodological and practical parts of the article.

The article focuses on the description of an approach of systematic metaphors analysis in the discourse step by step, beginning with explaining the specialties of the program and demonstrating possibilities to systemize the prepared corpus for a research. It shows how the software MAXQDA can help to identify metaphorical models in the discourse, systemize and analyze them by coding and diverse analysis procedures. The algorithm of the program usage for discourse analysis targets was developed and the basic principles are explained (e.g. units of analysis, working with coding, available editing and graphic changes function for the text analyze, working with coded categories, organization of coding system, demonstration and visualization of the results) in the article. The article contains a lot of snapshots of the program interface, which are very helpful for understanding the main function of them. So fundamental and typical metaphorical models (like water, sport, war and building metaphorical models) were detected in the discourse and thoroughly analyzed; their pragmatic role by creating of a negative picture of migration and the explicit argumentation with metaphors was revealed.

The article considers key aspects related to the use of the existing metaphorical models of the modern discourse about immigrants in Germany and the character of the discussion, and how a combination of traditional methods and modern computer technologies can pave the way for further research. The article describes an approach which preserves some methodological strengths of quantitative content discourse analysis and extends them to a concept of qualitative procedure.

References

1. Chudinov, A.P. (2001) *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in the metaphorical mirror: the cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

2. Vesnina, L.E. (2010) *Metaforicheskoe modelirovanie migratsii (po materialam rossiyskikh pechatnykh SMI i dannym assotsiativnogo eksperimenta)* [Metaphorical modeling of migration (based on the materials of Russian printed media and data of an associative experiment)]. Philology Cand. Diss. Ekaterinburg.

3. Santa Ana, O. (2002) Immigration as Dangerous Waters: The power of metaphor. In: *Brown tide rising: metaphors of Latinos in contemporary public discourse*. Austin, TX.: University of Texas Press.

4. Dem'yankov, V.Z. (1996) Freym [Frame]. In: Kubryakova, E.S. (ed.) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A Brief Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow: Philological Faculty of Moscow State University.

5. Jung, M. (1996) Linguistische Diskursgeschichte [Linguistic Discourse History]. In: Böke, K. v., Jung, M. & Wengeler, M. (eds) Öffentlicher Sprachgebrauch. Praktische, theoretische und historische Perspektiven. Georg Stötzel zum 60. Geburtstag gewidmet [Public speech. Practical, theoretical and historical perspectives. Dedicated to Georg Stötzel on his 60th birthday]. Opladen: Westdeutscher.

6. Seriot, P. (1999) Kak chitayut teksty vo Frantsii [How they read texts in France]. In: Seriot, P. (ed.) *Kvadratura smysla* [Quadrature of meaning]. Moscow: Progress, pp. 379 –380.

7. Arutyunova, N.D. (1990) Diskurs [Discourse]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sov. entsiklopediya.

8. Kuckartz, U., Grunenberg, H. & Lauterbach, A. (2004) *Qualitative Datenanalyse computergestützt. Methodische Hintergründe und Beispiele aus der Forschungspraxis* [Qualitative computer-aided data analysis. Methodological backgrounds and examples from research practice]. Wiesbaden: VS Verlag.

9. Dervinyte, I. (2009) Conceptual Emigration and Immigration Metaphors in the Language of the Press a Contrastive Analysis. *Kalbų studijos. Studies about languages*. 14. pp. 49–55. [Online] Available from: www.kalbos.lt/zurnalai/14_numeris/09.pdf. (Accessed: 21st February 2016).

10. Böke, K. (1997) Die "Invasion" aus den "Armenhäusern Europas." Metaphern im Einwanderungsdiskurs [The "invasion" of the "poor houses of Europe." Metaphors in the immigration discourse]. In: Jung, M., Wengeler, M. & Böke, K. (eds) Die Sprache des Migrationsdiskurses. Das Reden über „Ausländer" in Medien, Politik und Alltag [The language of migration discourse. Talking about "foreigners" in the media. Politics and everyday life]. Opladen: Westdeutscher.

11. Sobyanina, V.A. (2015) [Use of military metaphor in various types of German-language discourse]. *Novoe slovo v nauke: perspektivy razvitiya* [New word in science: development prospects]. Proceedings of the V international conference. Cheboksary. 21 August 2015. Vol. 3 (5). Cheboksary: TsNS "Interaktiv plyus". pp. 223–227. (In Russian).

12. Vol'f, E.M. (1988) Metafora i otsenka [Metaphor and assessment]. In: Teliya, V.N. (ed.) *Metafora v yazyke i tekste* [Metaphor in Language and Text]. Moscow: Nauka.

УДК 81’322
DOI: 10.17223/19986645/52/8

А.А. Степаненко, К.С. Шиляев, З.И. Резанова

АТРИБУЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ» НА ОСНОВЕ ТЕКСТОВ ТЕМАТИЧЕСКИХ ГРУПП И ПЕРСОНАЛЬНЫХ СТРАНИЦ[1]

Исследование выполнено в рамках междисциплинарного проекта, посвященного разработке системы прогнозирования профессиональных интересов абитуриентов на основе данных социальных сетей. Автоматические методы анализа и классификации текстов на основе специальных тематических тезаурусов применяются для проверки гипотезы, согласно которой тексты персональной страницы могут выражать научные и профессиональные интересы абитуриента в рамках противопоставления «гуманитарный, естественнонаучный или математический профиль».

Ключевые слова: *обработка естественного языка, компьютерная лингвистика, классификация текстов, профориентация, социальная сеть.*

Введение

Бурное развитие социальных сетей, являющихся площадкой разноаспектного выражения знаний, интересов, мнений, оценок представителей практически всех социальных групп населения, обусловливает вовлечение их контента в современные исследования широкого спектра гуманитарных наук: социологии, психологии, культурологии, политологии и др. Один из актуальных вопросов, разрешаемых при привлечении эмпирического материала текстов социальной сети «ВКонтакте», – моделирование психологических, социальных и других аспектов личностей, формирующих данный контент.

Современная лингвистика вовлекается в исследование текстов социальных сетей как с целью рефлексии появляющихся новых дискурсов, жанров, особенностей реализации единиц всех языковых уровней в новых условиях коммуникации, так и для решения проблем, формируемых в предметном поле смежных гуманитарных наук. В таком случае наряду с лингвистическим инструментарием зачастую используются методы и данные других наук.

Работа выполнена в логике междисциплинарных исследований, объединяющих усилия социологов, лингвистов, математиков и программистов, и представляет результаты одного из этапов реализации комплексного междисциплинарного проекта. Его конечная цель – разработка системы прогнозировании профессиональной ориентации потенциальных абитури-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-16-70004.

ентов на основе автоматического анализа текстов открытого тематически немаркированного общения выпускников школ в социальных сетях. Прогнозирование профессиональной ориентации осуществляется в соответствии со сложившейся системой противопоставления направлений подготовки студентов (гуманитарный, естественно-научный и математический профиль)[2].

Решение этой задачи позволит на ранних этапах их профессионализации выявлять абитуриентов для дальнейшей работы с ними в центрах профориентации и довузовской подготовки. Таким образом, научная проблема формируется в предметном поле социологии, а ее решение ставит перед исследователями междисциплинарной команды ряд конкретных задач, решаемых при использовании теоретико-методоло-гического аппарата отдельных наук [1–3].

В данной статье представлены результаты первого этапа выполнения проекта с использованием лингвистических методов анализа текста, результаты которого применяются в методиках автоматической обработки текстовых массивов, в первую очередь – через создание автоматических классификаторов текстов личных страниц «ВКонтакте» по трём группам интересов их авторов: гуманитарное, естественное и математическое.

Разработка данного этапа является проверкой исследовательской гипотезы о том, что пользовательские данные потенциальных абитуриентов в социальной сети «ВКонтакте» содержат сведения об их интересах к той или иной предметной области и о том, что эти сведения могут быть формализованы и в конечном итоге станут основой автоматических моделей определения направлений профессиональной ориентации исследуемых текстов.

При выдвижении данной гипотезы и при определении способов и этапов ее проверки мы опирались на ряд предшествующих социологических исследований интересов пользователей социальных сетей [4–7], на лингвистические работы, посвященные анализу дискурсивно-жанрового своеобразия анализируемых текстов и лингвистическому моделированию языковой дискурсивной личности [8]. Кроме того, был использован опыт применения междисциплинарного использования методов лингвистического анализа текста, автоматической обработки значительных текстовых массивов и статистической проверки лингвистических гипотез [9–11].

---

[2] Отметим, что в ситуации нарастающей потребности в междисциплинарности при подготовке ряда современных профессий в системе современного вузовского образования уровня бакалавриата доминирует определяемый госстандартами внутридисциплинарный подход, например направление «Филология» и под. Процессы междисциплинарной интеграции, как правило, реализуются на следующих уровнях современной системы российского образования – магистратуры и аспирантуры.

Материал и источники анализа

Основным источником данных для лингвистического портретирования абитуриента явилась *стена* персональной интернет-страницы пользователя социальной сети «ВКонтакте».

Стена персональной страницы как одно из средств конструирования и отражения интернет-идентичности пользователя исследовалась в работах Т.В. Алтуховой, Л.И. Ермоленкиной, Е.А. Костяшиной, З.И. Резановой, А.В. Щекотурова [12–15] и др. Исследователи характеризуют различные речевые жанры в текстовом пространстве стены личных страниц в социальных сетях: поздравление, реклама, информационные и развлекательные сообщения [16, 17], среди которых преобладают ссылки на другие интернет-ресурсы и репосты новостей, развлекательных видеороликов, вербальных и визуальных мемов. В целом стена отражает выделенные многочисленными исследователями особенности виртуальной коммуникации [18, 19]: гипертекстуальность и интерактивность медийной среды (наличие комментариев и репостов, причем последние составляют преимущественное наполнение стен многих пользователей); интенсивность использования мультимедиа (наличие мультимедиа-контента, нередко в составе репоста); нарастающее присутствие элементов невербального общения (высокий процент сообщений, содержащих изображение либо состоящих из одного изображения). Клиповый и преимущественно визуальный характер содержимого стены, краткость и репродуктивный характер ее текстового содержимого ограничивают применимость эффективных в других случаях традиционных методов анализа текста: грамматико-синтаксического, лексического, прагматического, фреймового и т.п. Однако при дополнении их другими методами, в том числе, как мы попытаемся показать далее на примере лексического анализа, математического моделирования с использованием автоматических классификаторов текстов, они могут продемонстрировать свою эффективность.

Все традиционно выделяемые в составе стены речевые жанры могут быть разделены на два функциональных типа, противопоствляемых по отношению к создателю страницы: **посты** содаются автором страницы, **репосты** представляют собой копии чужих постов, распространяемых автором страницы вследствие совпадения интересов и точки зрения автора и транслятора репоста. Именно эта особенность явилась основанием включения в анализ при моделирования профессиональных направленностей пользователей социальной сети «ВКонтакте» **текстовых материалов постов и репостов**. Большинство постов и репостов, составивших материал автоматизированного контент-анализа, представляют собой краткое (300 знаков) сообщение научно-популярного или развлекательного характера, как правило, снабженное фотографией или изображением иного рода (рисунок, инфографика), передающее в доступной форме актуальные события и новости научного направления, которому посвящено сообщество.

В качестве конкретного материала анализа нами были привлечены следующие:

1. На первом этапе исследованы посты и репосты стен *профессионально ориентированных* сообществ «ВКонтакте», соответствующие трем научным направлениям: математическое, гуманитарное и естественное. К анализу привлекались: тексты стен сообществ, сгруппированные по отнесенности к тематическим группам, были исследованы тексты 22 стен групп математического направления – «Роботы и робототехника», «МЕХатроника и BIOS», «Информационные технологии и системы» и др.; 14 стен групп естественного направления – «Клуб National Geographic Россия», «Добрая Экология» и др.; 48 стен групп гуманитарного – «Латынь – это интересно!», «Лучшие стихи великих поэтов» и др.

Привлечение к лингвистическому анализу данного типа текстов создало основание для определения состава лексических маркеров их тематической дифференциации. Статистический анализ выделенных групп маркеров позволил обосновать возможность атрибуции текстов.

2. На втором этапе мы изменили принципы отбора материала: к анализу был привлечен весь текстовый контент открытых стен пользователей социальной сети «ВКонтакте», являющихся студентами первого курса Томского государственного университета. Были изменены и принципы организации первичных текстовых источников – они также были разделены в соответствии с тремя направлениями образования. Принципиально важным был отбор текстов всего контента стены пользователя: на данном материале проверялась гипотеза о том, что выделенный на первом этапе состав лексических маркеров может стать основой классификации текстов тематически неориентированного общения пользователей социальной сети «ВКонтакте».

Анализ и обсуждение результатов

Как уже было отмечено ранее, на первом этапе с целью выявления маркеров профессиональных интересов абитуриентов ализировались тексты тематических групп, относящихся к одной из предметных областей знаний. Поскольку стена является отражением виртуального самопозиционирования абитуриента, мы склонны считать, что встречаемость релевантных лингвистических маркеров демонстрирует интерес к предметной области.

Для выявления ключевых слов мы намеренно не использовали терминологические словари, ориентированные на профессиональных пользователей, но предпочли выбирать лексику путем контент-анализа сообществ. Основой создания тематических тезаурусов стал частотный анализ лексических единиц, использованных в текстах стен сообществ: общий объем всех стен различных сообществ составил 1254 Мб (114 592 246 слов), в том числе стен математического направления – 217 Мб (16752913 слов), естественного – 428 Мб (28 533 920 слов) и гуманитарного – 609 Мб (69 305 413 слов).

Анализ проводился на лемматизированном программой «MyStem 3.0» [20] текстовом материале. Предварительный этап анализа текста включал также приведение всех лексических единиц к единому формату (индексация), а также исключал из анализа служебные части речи (предлоги, союзы, частицы), знаки препинания, не несущие смысловой нагрузки. Все эти действия позволили представить исследуемые тексты (стены пользователей) в виде вектора. Другими словами, каждый текст был представлен как набор лексических единиц (атрибутов), приведенных к единому формату (нормализация текста), что позволило осуществить более точный формально-количественный анализ. Нормализация включала лингвистические компоненты: лемматизацию (приведение всех словоформ к начальной форме) и редуцирование так называемых «стоп-слов» (служебных частей речи), а также технические: удаление знаков препинания и фиксацию единого регистра (нижнего) для всех слов в тексте. Тем самым исключается влияние на относительную частоту маркеров неинформативных признаков и повторяющихся лексем.

Далее слова в нормализованных текстах были выбраны вручную по принципу «один список – несколько сообществ по одной теме». Например, список слов по биологический тематике был составлен на основе сообществ «Клуб National Geographic Россия», «Экология | Пермакультура | ЭКО-Поселения Природа», «Углубленный биолог» и др. Затем списки были укрупнены: объединенные списки по философии, социологии, филологии и лингвистике, журналистике, юридическим наукам, истории составили гуманитарный тезаурус; списки по физике, химии, биологии, химии – тезаурус естественных наук; по математическим дисциплинам – математический тезаурус.

Отбор лексических единиц по критерию частотности осуществлялся следующим образом: при включении слова в тезаурус относительная частотность слов должна превышать 0,001% и быть меньше 0,01%. В случае сдвига диапазона в сторону увеличения в выборку попадает большое количество общеупотребительных слов, не связанных с конкретной предметной областью. При сдвиге диапазона в сторону более низких значений из выборки начинают исчезать наиболее популярные слова, относящиеся к тематическим группам, важным для идентификации научной ориентации абитуриента[3]. В тезаурус для последующего автоматического анализа текста были отобраны слова, отвечающие следующим критериям: а) терминологический характер или соотнесенность с определенной предметной областью (*аминокислота, биоразнообразие, гоминид, ихтиология, геоинформационный, картографический, космосъемка, герундий, безударный, зарисовка, аллегория, великокняжеский, воцарение, априорный, идеалистический, вменять, дознание* и т.п.); б) принадлежность к классу имен соб-

[3] Указанный диапазон был установлен эмпирически для конкретной выборки текстов и не может быть использован в качестве безусловного ориентира для решения подобных задач.

ственных, связанных с данной областью знания (*Альтюссер, Вундт, Гуссерль, Бэкон, Геродот* и т.п.), более характерные для гуманитарных наук. В случае затруднений при классификации лексики для справки использовались терминологические и энциклопедические словари различных областей знания, а также тезаурус WordNet (привлекался иностранный эквивалент). В данном исследовании использовались укрупненные тематические группы (деление на гуманитарные, естественные и математические науки), что позволило снизить остроту проблемы вхождения некоторых лексем-терминов в несколько тематических групп одновременно (например, *атом, давление, площадь* и т.п.).

Неспецифическая и общенаучная лексика (такие слова, как *анализ, исследование, разработка* и т.п.), интернет-сленг и молодежный сленг, попавшие в выборку, отсеивались вручную. Получившиеся в результате словари содержали лексику, демонстрирующую низкий уровень полисемии и омонимии, что способствовало снижению количества ложных срабатываний алгоритма и уточнению вектора слов. В то же время эта лексика обладала достаточной частотой встречаемости в сообществах, подвергшихся контент-анализу, чтобы присутствовать на странице в форме репостов.

В результате был составлен словарь ключевых слов, включающий 432 лексических единицы по гуманитарным направлениям, 120 единиц – по естественным и 126 – математическим. Примеры выявленных лексических маркеров (по 5 слов, относящихся к числу наиболее частотных, занимающих срединное положение и наименее частотных), приведены в табл. 1.

Таблица 1

Примеры лексических маркеров, используемых в атрибуции текстов

Естественный	**Гуманитарный**	**Математический**
Состав – 0,00165	Древний – 0,0744	Высота – 0,00168
Реактив – 0,00163	Империя – 0,0721	Множество– 0,00150
Химик – 0,00143	Дворянство – 0,0048	График – 0,00146
Химический – 0,00130	Анализ – 0,0048	Луч – 0,00016
Бензол – 0,00029	Граница – 0,0214	Квантовый – 0,00016

С целью проверки корректности выбора маркеров (признаков), которые в дальнейшем служат для классификации стен пользователей, был предложен тест для определения уровня значимости по критерию Стьюдента, выявляющий различия использования лексических единиц тематического тезауруса в естественных и математических стенах сообществ, и тест Краскела – Уоллиса – для гуманитарных. В результате статистического анализа было установлено, что использование лексических единиц отличается в естественных и математических тезаурусах со значением p-value: 0,004247 естественного тезауруса и со значением p-value: 0,004323 для математического. Что касается критерия значимости гуманитарного тезауруса, то уровень значимости p-value составил 0,4232. Так как для принятия гипотезы о значимости был выбран стандартный порог 0,05 (означающий,

что с вероятностью 95% данный результат не является случайным), мы принимаем альтернативную гипотезу для математического и естественного тезаурусов. Другими словами, разработанные тезаурусы действительно влияют на классификацию текстов.

Визуально различия дисперсий частот маркеров тематических тезаурусов относительно текстов стен сообществ можно представить в виде диаграмы размаха (рис. 1).

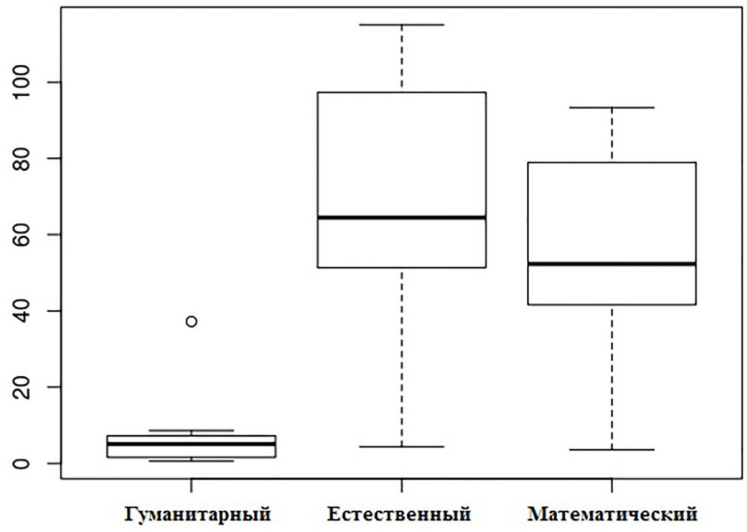

Рис. 1. Диаграмма размаха частот лексических единиц тематических тезаурусов относительно стен групп «ВКонтакте»

На оси ординат представлены данные о средней частоте использования лексических единиц по тематическим тезаурусам, на оси абсцисс – тезаурусы.

Значение p-value по критерию Стьюдента в постах естественных и математических сообществ позволило сделать вывод, что тематические тезаурусы могут быть использованы при классификации текстов стен пользователей по исследуемым аспектам. Однако было замечено, что уровень значимости маркеров тезауруса гуманитарного направления превышает допустимый порог p = 0,05, т.е. вероятность того, что маркеры гуманитарного тезауруса являются уникальными относительно маркеров других научных направлений, меньше стандартных 95%, что может повлиять на точность работы классификатора.

2. **На втором этапе** к анализу были привлечены тексты персональных страниц пользователей социальной сети «ВКонтакте», обучающихся в Томском государственном университете на факультетах трех основных направлений – гуманитарного, естественно-научного и математического

профилей. Основная цель данного анализа – проверить возможность использования маркеров, выделенных на первом этапе, в процедурах автоматической классификации текстов по установленным параметрам.

Как было отмечено ранее, в анализируемый материал были включены все публикации от имени автора и репосты стен пользователей. Минимальный объем текста одной стены составил 20 Кб (около 1 600 слов). Тексты стен персональных страниц были разделены на три группы по признаку обучения студента на факультете одного из трех направлений. Основная процедура анализа на данном этапе – расчет частотности единиц выделенных тезаурусов в текстах каждого из направлений.

Частотный анализ лексических единиц рассчитывался по классической формуле определения вероятности $P = \frac{m}{n}$, где P – вероятность использования лексики, принадлежащей определенной тематической группе тезауруса; m – абсолютная частота термина; n – сумма частот всех лексических единиц в словаре.

Таким образом, редуцируя абсолютные частоты лексических единиц, мы исключили возможность влияния объема текста на значимость атрибутов (единиц тематических тезаурусов).

Каждый атрибут a (лексическая единица тематического тезауруса), представленный в тексте $a_i \in T$ (T – совокупность всех текстов), имеет вес w_{ij} по отношению к тематически направленному документу $d_j \in D$ (D – совокупность всех документов). Таким образом, каждый текст T_i представлен в виде вектора весов его атрибутов $d_j = < p_{1j} \ldots p_{|T|j} > \in D$.

Пример представления вычислений объединенных векторов слов, взятых случайным образом из матрицы, но относящихся к разным предметным сферам, представлен в табл. 2. Строки представляют тексты персональных страниц студентов с указанием направления подготовки, в столбцах представлены значения относительных частот атрибутов (лексем).

Нами была проведена валидизация тезаурусов методами статистики: использован непараметрический критерий Краскела – Уоллиса ($p = 0{,}0456$), что говорит о значимом различии текстов по исследуемому параметру, т.е. тезаурусы различают тексты персональных страниц пользователей социальной сети «ВКонтакте», противопоставленные по направлениям обучения.

Различия использования тематических маркеров наглядно отображает диаграмма размаха частот (рис. 2): на оси ординат представлена средняя частота использования лексических единиц по тематическим тезаурусам на страницах пользователя социальной сети «ВКонтакте», на оси абсцисс – тезаурусы.

Таким образом, статистический анализ свидетельствует о возможности использования маркеров в процессе атрибуции текстов персональных страниц в соответствии с профессиональными интересами их авторов.

Таблица 2

Относительные частоты использования маркеров в текстах персональных страниц студентов трех направлений подготовки

Направление подготовки пользователей	Атрибуты текстов (лексемы)			
	Мысль	Ферма	Процессор	Трек
Текст 1(d_1), гуманитарное	0.0416	0.042	0	0
Текст 2 (d_2), гуманитарное	0	0	0	0
Текст 3(d_3), гуманитарное	0.222	0	0	0
Текст 4(d_4), гуманитарное	0.667	0	0	0
Текст 5(d_5), естественное	0	0	0	0
Текст 6(d_6), естественное	0	0	0	0
Текст 7(d_7), естественное	0.143	0.429	0	0
Текст 8(d_8), естественное	0	0	0	0
Текст 9(d_9), естественное	0.008	0	0.008	0.038
Текст 10(d_{10}), естественное	0.045	0	0.045	0.136
Текст 11(d_{11}), математическое	0.143	0	0	0
Текст 12(d_{12}), математическое	0.032	0.032	0	0
Текст 13(d_{13}), математическое	0.143	0.429	0	0
Текст 14(d_{14}), математическое	0.008	0	0.008	0.038
Текст 15(d_{15}), математическое	0.045	0	0.045	0.136
Текст 16(d_{16}), математическое	0	0	0	0

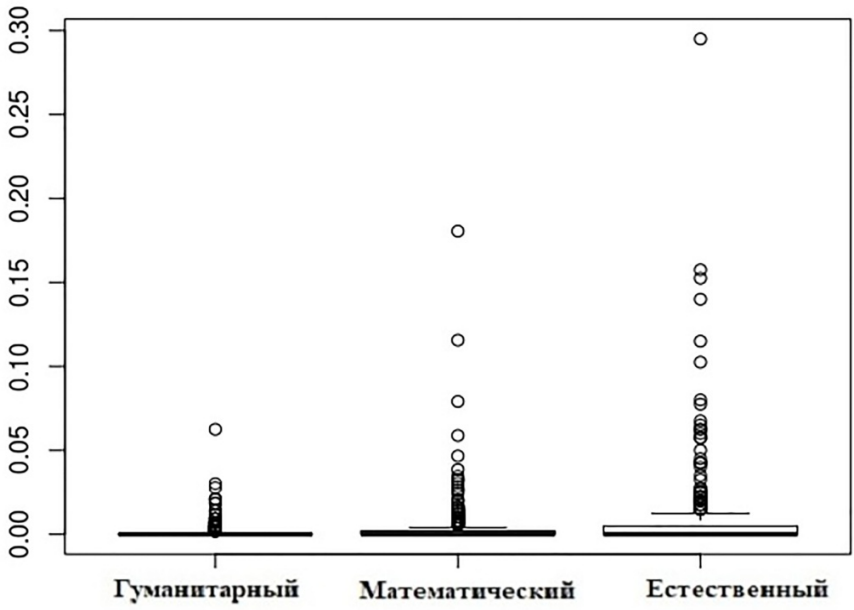

Рис. 2. Диаграмма размаха частот лексических единиц по тематическим тезаурусам относительно стен пользователей «ВКонтакте»

На следующем этапе исследования был осуществлен поиск наиболее точного классификатора текстов по заданным маркерам (в терминологии статистического анализа – атрибутам)[4].

При построении алгоритма машинного обучения на вышеуказанной формальной модели текстов пользователей «ВКонтакте» с заранее известным классом (факультет обучения: гуманитарный, естественный, математический) весь массив текстов был разбит на две непересекающиеся части 70:30%: «Обучающую» (Tr) и «Тестовую» (Te), где «Обучающая» – $Tr = \{d1 \dots d|Tr|\}$, по которой создается классификатор Ф', а также «Тестовая» ($Te = \{d|Tr|+1 \dots d|Q|\}$) – массив стен пользователей, на которых производится качество работы классификатора. Обе группы текстов (X) содержат вектор атрибутов с относительной частотой лексических единицм(x_i), сохраненных в тезаурусе $X \rightarrow \{x_1, x_2, \dots x_i\}$.

Для классификации текстов нами использовались следующие виды классификаторов: линейный дискриминантный анализ (LDA), метод опорных векторов (SVM), логистическая регрессия (LR), деревья решений (Trees), случайный лес (RF). Данные виды классификаторов были выбраны, так как эффективность их использования была установлена при решении задачи классификации текстов по лексическим маркерам в ряде предшествующих работ (см., например: [21, 22]).

В табл. 3 представлены результаты классификации текстов (Tr_{acc} обозначает точность работы классификатора обучающей выборки, Te_{acc} – точность работы классификатора тестовой выборки).

Таблица 3

Оценка точности классификации текстов на основе группы классификаторов

Классификатор	Tr_{acc}	Te_{acc}
LDA	62,67	60,71
LR	65,33	64,29
SVM	64	60,71
Trees	49,33	50
RF	65,33	57,14

Как видно из таблицы, наиболее успешный классификатор – LR (Логистическая регрессия), показывающий стабильный результат распределения стен пользователей. На рис. 2 представлены результаты использования данного классификатора.

[4] Алгоритм классификатора текстов: задано конечное множество сущностей (атрибутов) $C = \{c1 \dots c|C|\}$, конечное множество стен пользователей $D = \{d1 \dots d|D|\}$ и неизвестная функция Ф, которая определяет, соответствуют ли они друг другу: Ф: D×C $\rightarrow$ {0,1}. Задача состояла в том, чтобы найти максимально близкую к функции Ф функцию Ф'.

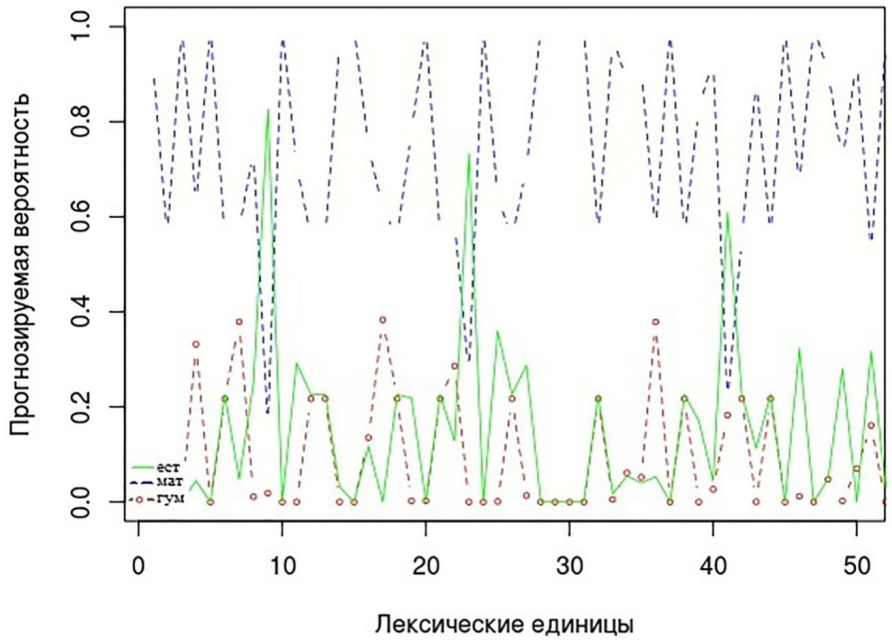

Рис. 3. Прогнозируемая вероятность лексических единиц по научным направлениям на основе логистической регрессии

Как показывает график классификации, все тексты разделяются на три класса: гуманитарный, естественный и математический, что свидетельствует о корректности работы составленных нами тезаурусов. Однако погрешности анализа вызывают тексты, относящиеся к гуманитарному научному направлению. Полагаем, что это обусловлено наличием большого количества лексических единиц в гуманитарном тезаурусе, которые также встречаются в постах (или стенах) пользователей социальных сетей двух других научных направлений, об этом свидетельствует и вышеописанный критерий проверки уровня значимости гуманитарного тезауруса относительно стен сообществ ($p = 0{,}4232$). Подобный результат требует более детального изучения атрибутов тезауруса (в частности, гуманитарного направления), поиска оптимальных моделей классификации и применения методов мультиколлинеарности.

Данную проблему можно объяснить тем что количество наблюдений (текстов) меньше числа атрибутов. Главная задача мультиколлинеарности – выявить наиболее информативные атрибуты, влияющие на классификацию текстов, что позволит найти более подходящие признаки для гуманитарного тезауруса и улучшить точность работы классификатора.

Таким образом, исходная гипотеза о возможности формализации сведений об интересах пользователей социальной сети «ВКонтакте» к той или иной предметной области и об их использовании в системах автоматиче-

ской классификации текстов была подтверждена. Проведенный анализ свидетельствует, во-первых, о результативности автоматической классификации текстов тематически свободного общения в социальной сети «ВКонтакте» с использованием в качестве атрибутов выделенных на первом этапе ключевых слов текстов групп профессионально ориентированного общения; во-вторых, о меньшей степени релевантности в рассматриваемом аспекте данных гуманитарного блока профессионализации. В последнем случае необходимо работать в направлении как уточнения состава маркеров, так и поиска более точных систем автоматической обработки текста. Однако уже на этом уровне можно говорить о возможности применять данную модель классификации к текстам других групп пользователей социальной сети «ВКонтакте», что предполагается осуществить на следующем этапе работы.

Литература

1. *Можаева Г.В., Слободская А.В., Фещенко А.В.* Информационный потенциал социальных сетей для выявления образовательных потребностей школьников // Открытое и дистанционное образование. 2017. № 3 (67). С. 25–30. DOI: 10.17223/16095944/67/4

2. *Feshchenko A., Goiko V., Stepanenko A.* Recruiting university entrants via social networks // EDULEARN17 Proceedings 9th International Conference on Education and New Learning Technologies. P. 6077–6082. DOI: 10.21125/edulearn.2017.2375

3. *Feshchenko A., Goiko V., Mozhaeva G., Shilyaev K., Stepanenko A.* Analysis of user profiles in social networks to search for promising entrants // INTED2017 Proceedings, 11th International Technology, Education and Development Conference. March 6th–8th, 2017. P. 5188–5194. DOI: 10.21125/inted.2017.1203

4. *Коршунов А.В.* Задачи и методы определения атрибутов пользователей социальных сетей // Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции. Ярославль, 2013. С. 380–390.

5. *Kim J. et al.* Extracting User Interests on Facebook //International Journal of Distributed Sensor Networks. 2014. Vol. 10, №. 6. P. 1–5.

6. *Ahmed A. et al.* Scalable distributed inference of dynamic user interests for behavioral targeting // Proceedings of the 17th ACM SIGKDD international conference on Knowledge discovery and data mining. ACM, 2011. P. 114–122.

7. *Michelson M., Macskassy S.A.* Discovering users' topics of interest on twitter: a first look // Proceedings of the fourth workshop on Analytics for noisy unstructured text data. ACM, 2010. P. 73–80.

8. *Резанова З.И., Скрипко Ю.К.* Личность в среде дискурса: языковая репрезентация социально-психологических типов (на материале дискурса виртуальных фансообществ музыкальной направленности) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 3 (41). DOI: 10.17223/19986645/41/4

9. *Резанова З.И., Романов А.С., Мещеряков Р.В.* Задачи авторской атрибуции текста в аспекте гендерной принадлежности (к проблеме междисциплинарного взаимодействия лингвистики и информатики) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 370. С. 24–28.

10. *Резанова З.И., Романов А.С., Мещеряков Р.В.* О выборе признаков текста, релевантных в автороведческой экспертной деятельности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 6 (26). С. 38–52.

11. *Степаненко А.А.* Гендерная атрибуция текстов компьютерной коммуникации: статистический анализ использования местоимений // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 17–25. DOI: 10.17223/15617793/415/3

12. *Алтухова Т.В.* Социальная компьютерная сеть «ВКонтакте»: жанровая характеристика // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4 (52), т. 3. С. 21–25.

13. *Ермоленкина Л.И., Костяшина Е.А.* Коммуникативно-языковые механизмы формирования этнокультурной идентичности в дискурсивном пространстве интернета // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 3 (11). С. 5–15.

14. *Щекотуров А.В.* Конструирование виртуальной гендерной идентичности подростков на страницах социальной сети «ВКонтакте» // Женщина в российском обществе. 2012. № 4 (65). С. 31–43.

15. *Резанова З.И.* Институциональная и личностная презентация национально-культурной идентичности в интернет-коммуникации: жанровые формы и дискурсивные стратегии // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 33–41.

16. *Алтухова Т.В.* Электронные и рукописные жанры естественной письменной речи: сопоставительный аспект (на примере граффити и записей на электронной стене) // Вестник Кемеровского государственного университета.. 2012. № 2 (50). С. 110–116.

17. *Марковская А.С.* Особенности поздравления с днем рождения в социальных сетях // Вестник Московского государственного университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 4. С. 153–159.

18. *Горошко Е.И., Полякова Т.Л.* К построению типологии жанров социальных медий // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 119–127.

19. *Горошко Е.И.* Современные интернет-коммуникации: структура и основные параметры // Интернет-коммуникации как новая речевая формация. М., 2012. С. 9–52.

20. *MyStem* // Яндекс. 2014–2017. URL: https://tech.yandex.ru/mystem/ (дата обращения: 1.11.2017).

21. *Sheshasaayee A., Thailambal G.* Comparison of Classification Algorithms in Text // International Journal of Pure and Applied Mathematics. 2017. Vol. 116, № 22. P. 425–433.

22. *Singhal A., Gopalakrishnan K., Khaitan S.K.* Predicting Budget from Transportation Research Grant Description: An Exploratory Analysis of Text Mining and Machine Learning Techniques // Journal of Soft Computing in Civil Engineering. 2017. № 1–2. P. 89–102.

ATTRIBUTION OF PROFESSIONAL INTERESTS OF SOCIAL NETWORK USERS BASED ON SUBJECT-ORIENTED GROUPS AND PERSONAL PAGES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 52. 130–144. DOI: 10.17223/19986645/52/8

Andrey A. Stepanenko, Konstantin S. Shilyaev, Zoya I. Rezanova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: stepanenkone@mail.ru / shilyaevc@gmail.com / rezanovazi@mail.ru

Keywords: natural language processing, computational linguistics, text classification, vocational training, social network.

The present study is part of an interdisciplinary project that unites the efforts of sociologists, linguists, mathematicians and IT specialists. The authors' ultimate aim is to create a system for predicting the career choice of prospective students that would use automatic text analysis of freely available and topically unconstrained data produced by school leavers in social networks.

The current stage presents the testing of a hypothesis that user data of prospective students in the social network VKontakte contain information about their interests for a certain subject, and this information can be formalized and become the basis of automatic models for determining the career choice of text producers.

The main source of data for the prospective student's linguistic portrayal is the wall of the personal profile which contains both original posts and reposts that are shared by the page owner.

The first stage of analysis consists in studying posts and reposts on the walls of subject-oriented communities in VKontakte which were matched to three subject areas: mathematics, humanities and natural science. This content was used to determine which lexical markers could differentiate between texts of different subject areas and serve as their markers.

At the second stage of analysis, the authors used the textual content of freely available user walls that belonged to TSU first-year students. The principles of organizing primary textual sources consisted in dividing them into the three aforementioned subject areas. Downloading all the texts from a user's wall was highly important, since the material was used to test the hypothesis that the set of lexical markers discovered at the first stage could be used to automatically classify the texts of thematically unconstrained communication of VKontakte users.

The statistical analysis showed that it was possible to apply the markers in text attribution tasks according to the three subject areas the prospective student might be most interested in. Among the classifiers tested using the markers derived in the first stage, Logistic Regression proved to be the most successful in dividing the texts into three classes: humanitites, natural science and mathematics; this also proves that the subject-area thesauri used functioned correctly.

Overall, the study shows the effectiveness of using automatic text classification of thematically unconstrained communication in VKontakte with keywords derived from texts belonging to particular subject areas. The problem that awaits its resolution is the relatively low discriminatory power of humanities keywords, probably due to their widespread usage in social network communication on the whole.

References

1. Mozhaeva, G.V., Slobodskaya, A.V. & Feshchenko, A.V. (2017) Informational potential of social networks for revealing pupils educational needs. *Otkrytoe i distantsionnoe obrazovanie – Open and distance education*. 3(67). pp. 25–30. DOI: 10.17223/16095944/67/4

2. Feshchenko, A., Goiko, V. & Stepanenko, A. (2017) Recruiting university entrants via social networks. *EDULEARN17*. Proceedings 9th International Conference on Education and New Learning Technologies. pp. 6077–6082. DOI: 10.21125/edulearn.2017.2375

3. Feshchenko, A. et al. (2017) Analysis of user profiles in social networks to search for promising entrants. *INTED2017*. Proceedings, 11th International Technology, Education and Development Conference. 6–8 March 2017. pp. 5188–5194. DOI: 10.21125/inted.2017.1203

4. Korshunov, A.V. (2013) Problems and methods for attribute detection of social network users. *Elektronnye biblioteki: perspektivnye metody i tekhnologii, elektronnye kollektsii* [Electronic libraries: promising methods and technologies, electronic collections]. Proceedings of the conference. Yaroslavl: Yaroslavl State Technical University. pp. 380–390.

5. Kim, J. et al. (2014) Extracting User Interests on Facebook. *International Journal of Distributed Sensor Networks*. 2. pp. 1–5. DOI: 10.1155/2014/146967

6. Ahmed, A. et al. (2011) Scalable distributed inference of dynamic user interests for behavioral targeting. *Proceedings of the 17th ACM SIGKDD international conference on knowledge discovery and data mining*. ACM. pp. 114–122.

7. Michelson, M. & Macskassy, S.A. (2010) Discovering users' topics of interest on twitter: a first look. *Proceedings of the fourth workshop on analytics for noisy unstructured text data*. ACM. pp. 73–80.

8. Rezanova, Z.I. & Skripko, Yu.K. (2016) Personality in the medium of discourse: linguistic representation of psychological types (based on the discourse of virtual music fan communities). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (41). pp. 37–56. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/41/4

9. Rezanova, Z.I., Romanov, A.S. & Meshcheryakov, R.V. (2013) Tasks of author attribution of text in the aspect of gender (on interdisciplinary interaction of linguistics and

computer science). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State Universi-University Journal*. 370. pp. 24–28. (In Russian).

10. Rezanova, Z.I., Romanov, A.S. & Meshcheryakov, R.V. (2013) Selecting text features relevant for authorship attribution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6 (26). C. 38–52. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/26/4

11. Stepanenko, A. A. (2017) Gender attribution in social network communication: the statistical analysis of pronouns frequency. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 415. pp. 17–25. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/415/3, pp. 17-25.

12. Altukhova, T.V. (2012) Sotsial'naya komp'yuternaya set' "VKontakte": zhanrovaya kharakteristika [Social computer network "VKontakte": genre characteristics]. *Vestnik KemGU – Bulletin of Kemerovo State University*. 4 (52):3. pp. 21–25.

13. Ermolenkina, L.I. & Kostyashina, E.A. (2013) Communicative and linguistic mechanisms of ethnic and cultural identity in the discourse space of the Internet. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 3 (11). pp. 5–15. (In Russian).

14. Shchekoturov, A.V. (2012) Konstruirovanie virtual'noy gendernoy identichnosti podrostkov na stranitsakh sotsial'noy seti "VKontakte" [Construction of virtual gender identity of adolescents on the pages of social network "VKontakte"]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. 4 (65). pp. 31–43.

15. Rezanova, Z.I. (2013) Institutional and personal presentation of national and cultural identity in Internet communication: genre forms and discursive strategies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 375. pp. 33–41. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/375/6

16. Altukhova, T.V. (2012) Elektronnye i rukopisnye zhanry estestvennoy pis'mennoy rechi: sopostavitel'nyy aspekt (na primere graffiti i zapisey na elektronnoy stene) [Electronic and hand-written genres of natural written speech: a comparative aspect (on the example of graffiti and posts on an electronic wall)]. *Vestnik KemGU – Bulletin of Kemerovo State University*. 2 (50). pp. 110–116.

17. Markovskaya, A.S. (2013) Osobennosti pozdravleniya s dnem rozhdeniya v sotsial'nykh setyakh [Features of birthday greetings in social networks]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication*. 4. pp. 153–159.

18. Goroshko, E.I. & Polyakova, T.L. (2015) The construction of genre typology of the social media. *Zhanry rechi – Speech Genres*. 2 (12). pp. 119–127. (In Russian).

19. Goroshko, E.I. (2012) *Sovremennaya internet-kommunikatsiya: struktura i osnovnye parametry* [Modern Internet communication: structure and basic parameters]. Moscow: Flinta. pp. 9–52.

20. Yandex. (2014–2017) *MyStem* [Online] Available from: https://tech.yandex.ru/mystem/. (Accessed: 1st November 2017)

21. Sheshasaayee, A. & Thailambal, G. (2017) Comparison of Classification Algorithms in Text. *International Journal of Pure and Applied Mathematics*. 116(22). pp. 425–433.

22. Singhal, A., Gopalakrishnan, K. & Khaitan, S.K. (2017) Predicting Budget from Transportation Research Grant Description: An Exploratory Analysis of Text Mining and Machine Learning Techniques. *Journal of Soft Computing in Civil Engineering*. 1–2. pp. 89–102. DOI: 10.22115/scce.2017.49604

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09
DOI: 10.17223/19986645/52/9

Е.Е. Завьялова

«КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИЕ» ПРИЁМЫ В «СВОБОДНОЙ ФАНТАЗИИ» Ф.Н. ГОРЕНШТЕЙНА

Выявляются способы «кинематографического» изображения в романе, который писатель первоначально планировал создать в форме сценария: особенности графического оформления текста, ремарки, фрагментарность, монтажный принцип соположения частей, раскадровка, специфические ракурсы, визуализация образов, световые и звуковые эффекты, особая цветовая палитра, контрастность и др. Доказывается, что интенсивность использования сценарной техники постепенно снижается.

Ключевые слова: *Ф.Н. Горенштейн, «кинематографические» приёмы, монтаж, визуализация, ракурс, контраст, цвет, лейтмотив, символ.*

Проблеме соотношения словесных и кинематографических образов посвящено множество исследований (см. работы Ю.М. Лотмана, Ю.Г. Цивьяна, М.Б. Ямпольского, В.П. Руднева, И.А. Мартьяновой, Е.К. Соколовой и др.). Большинство используемых на экране техник повествования существовало до появления «движущихся изображений». Доминирование специфических «киноприёмов» в тексте, частота их повторения способствовали формированию особого типа литературных произведений, который с годами приобрёл широкую популярность.

Ф.Н. Горенштейн имел к кино самое непосредственное отношение, написал 17 сценариев, среди которых такие шедевры, как «Солярис», «Раба любви» и «Седьмая пуля». Сценарий о жизни М.З. Шагала был создан для А.Е. Зельдовича (и при его участии [1]). А.Н. Митта рассказывал, что «несколько режиссёров пытались его [фильм] снять, но никто не смог подступиться» [2]. В 1994 г. появился роман «Летит себе аэроплан», жанр которого писатель определил как «свободную фантазию по мотивам жизни и творчества Марка Шагала». Характер взаимодействия в произведении литературной техники с кинематографической представляет несомненный научный интерес. Выявление способов «кинематографического» изображения в романе стало целью настоящей работы.

Начнём с наиболее очевидных случаев.

1. Графическое оформление текста

«Летит себе аэроплан» написан на основе автобиографического романа М.З. Шагала «Моя жизнь» – это становится понятно при сопоставлении произведений. Примечательно отличие в разделении на главы. В первоис-

точнике каждая часть имеет название, которое дублирует её начало: «Корыто – первое, что увидели мои глаза…», «Сердце моё всегда сжимается…», «Рядом с мамой на кладбище…» [3] и т.д. Ф.Н. Горенштейн избегает традиционного для литературы деления текста, отрывки не маркированы графически как главы; сравнительно небольшие законченные смысловые отрезки просто отделены друг от друга абзацными отступами.

Ощутимый визуальный эффект достигается с помощью намеренной тавтологии. В этом плане показательно описание пасхального седера:

«– …Всё это на врагов наших, – произносит Пинхас...

...произносит Эля...

...произносит Захария...

...произносят все» [4. С. 20].

Повтор, графическая сегментация, многоточия и строчные буквы в начале абзацев подчёркивают синхронность происходящего. Писатель не просто сообщает, что слова общей молитвы говорятся в одно и то же время в разных домах еврейского предместья, – он визуализирует информацию.

На уровне синтаксиса и пунктуации кинематографические приёмы проявляются в употреблении «коротких, прерывистых предложений, в постановке точек на месте запятых» [5. С. 119]. См. примеры парцелляции у Ф.Н. Горенштейна: «Вышли в коридор. Коридор был полон звуков. Плакали, смеялись, играли на гитаре» [4. С. 62]. «Звучал Интернационал. Октябрьские колонны демонстрантов шли мимо трибуны. Вожди города приветствовали их» [Там же. С. 99]. Повествование предельно чётко, конкретно; происходящее как бы делится на кадры.

2. Ремарки

С киносценарием «свободную фантазию» сближают и уточняющие замечания автора. В начале главок, как правило, сообщается о времени и месте, часто обговаривается световое оформление эпизода. Всё это напоминает предваряющие действия ремарки. Например: «Предпасхальная лунная ночь. Тени мечутся по стене. Марк лежит, глядя на тени, рядом сопит во сне брат Давид» [Там же. С. 13]; «Ясное петербургское утро. Продавцы газет выкрикивают последние новости…» [Там же. С. 48]; «Марк и Аня сидят вечером на берегу реки. На голове Ани шапка Марка. Тишина, вокруг никого» [Там же. С. 32]. У экспликаций краткая, сжатая форма, констатирующий характер.

В ряде случаев описания чуть более подробны. Например, в следующем отрывке: «Голубой свет проникал в комнату с холма, на котором стояла церковь. Комната была небольшая, на стенах картины, единственный стул, колченогий стол, железная кровать. Белла лежала обнажённая на кровати, и Марк её рисовал» [Там же. С. 86]. Все эти факты (церковь на холме, холсты по стенам, «убогий» [3] стул, обнажённая натурщица на кровати) почерпнуты писателем из автобиографии М.З. Шагала, из главы «Моя мастерская…». Ф.Н. Горенштейну важно изобразить всё достоверно, особенно когда речь идёт о поворотных моментах в жизни героя. Вместе с тем автор романа опускает нюансы, которые могут нарушить романтическую атмосферу (в частности, замечание «везде пылища» [Там же]).

Помимо предваряющих, в произведении есть идентичные ремаркам интроспективные и финальные (т.е. завершающие главки) авторские замечания: «Наступает неловкая пауза в сопровождении оркестровой увертюры из балета “Видение Розы”» [4. С. 75]; «Убаюкивающе стучит в окно дождь. Тихо. Все в доме спят» [Там же. С. 24]. Визуальную точность повествованию придают соматические характеристики, описания мимики и жестов. Так, диалог Марка с матерью сопровождается комментарием: «Одна мамина рука на столе, другая на животе. <…> И рукой, лежащей на столе, поправляет свою высокую причёску» [Там же. С. 23]. Для читателя несущественно, какой именно рукой героиня поправляет свои волосы; здесь проявляется установка Ф.М. Горенштейна на организацию зрительского восприятия.

В контексте рассматриваемой проблемы особую ценность представляет наличие в романе «настоящих» ремарок: тех, что помещены внутрь реплик в круглые скобки. Это указания на ответную реакцию слушателей, они появляются в эпизодах, которые объединяет проблема манипуляции массовым сознанием. Предельная упрощённость такой реакции (как у марионеток) выказывает запрограммированность поведения толпы.

Большинство подобных замечаний содержится в сцене диспута Шагала и Малевича (в переполненном зале витебской академии искусств): «В зале раздались нестройные хлопки» [Там же. С. 102]; «Раздались бурные аплодисменты почти всего зала» [Там же]; «(Аплодисменты.)» [Там же. С. 104]; трижды «(Бурные аплодисменты.)» [Там же. С. 102, 103, 104]; «(Смех.)» [Там же. С. 103]. До этого Ф.Н. Горенштейн включает в текст «настоящие» ремарки, когда изображает антисемитское собрание на Байеришерплатц. Отмечается реакция аудитории на речи депутата бундестага Бёкля и профессора венской академии: «Наш кайзер Вильгельм сказал: я не знаю партий, есть только немцы. (Аплодисменты.) Я рад видеть здесь среди собравшихся художников только немецкие, арийские лица. (Аплодисменты.)» [Там же. С. 81]; «Расовый характер наисильнейшим образом определяет свойство национальной культуры, здоровой, ясной, лишённой еврейского гнилостного разложения. (Аплодисменты.)» [Там же]. Привнесение в указанные фрагменты романа элементов пьесы (сценария) позволяет Ф.Н. Горенштейну подчеркнуть типологическое сходство большевистской агитации и нацистской пропаганды.

3. Конкретность и зримость

В кинематографе объект показывается с внешней стороны. Это, по словам Т.Г. Можаевой, «позволяет исключить из действительности всякую двусмысленность и изобразить материальные явления с точностью, наглядностью» [6. С. 8]. В литературе для поддержания у читателя иллюзии реальности в повествование вводятся конкретные детали.

Описываемый в начале «свободной фантазии» предпасхальный завтрак завершается дотошным перечислением яств, подлежащих ритуальному уничтожению: «Струдель, пирог с творогом, печенье, рогалики уже лежат на жертвенном подносе посреди стола, рядом с хлебными корочками, пти-

чьим пером и деревянной ложкой» [4. С. 15–16]. Читатель воочию представляет ценность угощения (роскошного для бедной семьи Шагалов) и сочувствует детям, которые думают о его скорой утрате. Ниже повествуется о том, как жена встречает Марка, едва не погибшего на улице во время погрома: «Белла подала махровое полотенце, поставила на стол стакан чая с клубничным вареньем» [Там же. С. 88]. Полотенце махровое, варенье клубничное, в стакане чай. Эти частности – олицетворение домашнего уюта, они приводят художника в замешательство, поскольку только что он воочию видел страшные картины грабежей и убийств. В отрывке, посвящённом жизни семьи Шагалов в деревне, трижды использована лексема ‘деревянный’: «Усевшись за деревянный стол…» [Там же. С. 113]; «…сидя с Беллой на деревянной скамье за деревянным столом перед домом…» [Там же. С. 111]. Содержательная избыточность объясняется стремлением Ф.Н. Горенштейна выделить в данном фрагменте черты пасторали.

Подробнее всего в романе описывается комната следователя витебского НКВД: «В спальне на широкой никелированной кровати с шишечками спал, распахнув на груди шёлковую пижаму, Виленский рядом с толстой женой в бигуди» [Там же. С. 133]. Детали в этой зарисовке характеризуют эпоху, социальный статус героя и даже характер взаимоотношений супругов. Писатель множит подробности: «Как во всяком приличном доме, вокруг были ковры, стоял диван с кистями, шкаф красного дерева, туалетный столик с зеркалом, на котором расположились слоники и пупсики, однако тут же лежали “Капитал” Маркса и какая-то брошюра Осоавиахима» [Там же]. Довольство, мещанская ограниченность, плотский эгоизм и лицемерие работника ЧК показываются через окружающие его предметы.

4. Специфика портретов

Установка на зрительное восприятие даёт о себе знать и в описании персонажей. Эпизодические герои часто не называются по имени, их характеристика сводится к упоминанию одной-двух деталей внешности: «взлохмаченный юноша» [Там же. С. 102], «белобровый парень» [Там же. С. 11], «толстомордый лакей» [Там же. С. 69, 70], «седой пан» [Там же. С. 44] и т.п. Из совокупности подобных признаков вырисовывается типаж: «Высокий детина с растрёпанной копной волос» [Там же. С. 61] (свободный художник Иван Петухович); «Набриолиненные волосы, жёлтый бумажный цветок в петлице фрака» [Там же. С. 40] (магнетизёр Василий Мекгольд); «Шутовские усики, на пальце перстень. Похоже, шулер или вор» [Там же. С. 39] (незнакомец из Пантелеймоновского парка).

Часто портретирование ограничивается перечислением деталей костюма, достаточных для характеристики эпохи, социального статуса, уровня достатка персонажа. Например: «Остановился извозчик, сошла пара. Он – скрипя английскими жёлтыми крагами, в кожаном кепи и сером плаще. Она – завитая, в обтягивающем гибкую фигуру пальто» [Там же. С. 106–107]. Так рисуются обеспеченные и успешные посетители кофейни Гуревича, оазиса дореволюционного благополучия в голодном Витебске. Проверяющий документы чекист на Брянском вокзале – «…мужчина

в кофейном пальто и кофейной шляпе» [4. С. 124]. Чекисты – «люди в кожанках» [Там же. С. 109]. И т.п. Знаком определённой должности (звания) оказывается соответствующий аксессуар: карандаш за ухом приказчика из парижского магазина, маленькая лакированная сумочка у кондуктора из немецкого поезда, каска с шишаком у германского майора, белая лайковая перчатка у русского офицера, канты на форменных галифе у работника НКВД.

Описывая жесты, позы, движения, писатель опосредованно передаёт эмоции и мысли персонажей. Так, в ожидании машины, которая, быть может, перевезёт семью через оккупированный город, Шагал уверяет домашних: «Я спокойней вас всех», но поправляет «дрожащей рукой растрёпанные волосы» [Там же. С. 134]. Узнав о смерти отца, Марк опускается на железную койку. Выслушав поставленный Белле страшный диагноз, он сидит «неподвижно, словно окаменев» [Там же. С. 137], а затем повторяет слова врача «деревянными губами» [Там же. С. 138].

Изменения во внешности персонажей, как правило, свидетельствуют о пережитых страданиях. Героев, чьи портреты показываются в романе несколько раз, немного. Это сам Марк: грациозный и кудрявый мальчик, потом – исхудавший, в повисшей одежде юноша, далее – «осунувшийся, побледневший» [Там же. С. 139] мужчина и, наконец, старик «с живыми шагаловскими глазами и шагаловской улыбкой на пергаментном, высушенном лице» [Там же. С. 140]. Подруга художника Анна Литвак: «красивая, подтянутая» [Там же. С. 120], спортивная, в застенках НКВД изображается измученной, исхудавшей, после допроса её «с чёрным вспухшим лицом» [Там же. С. 133] везут на расстрел. Друг детства Шагала Аминодав Шустер: высокий, молодцеватый парень, позже – одетый с иголочки коммерсант с тростью, а в последней части романа – «седой, сгорбленный старик» [Там же. С. 139]. Портрет у Ф.Н. Горенштейна, как у Л.Н. Толстого, подаётся «на людях», сопряжён с реакцией других персонажей на его восприятие, а динамика изменений во внешности оказывается показателем положительности героев.

5. Ракурс

В киноискусстве ощущение подлинности происходящих событий создаётся, помимо прочего, за счёт сенсорного характера построения плана изображения. Правда, объективность взгляда мнима, поскольку, по словам Б. Балажа (Балаша), «любое изображение показывает не только кусок действительности, но и точку зрения. Ракурс камеры отражает также и внутренний ракурс» [7. С. 42].

Описания в романе часто даются глазами действующих лиц, о чём свидетельствует, например, ограниченность угла обзора: «Аминодав и Зуся тоже махали, пока телега не скрылась за поворотом» [4. С. 37]; «Дега достиг наконец противоположной стороны, свернул за угол и исчез» [Там же. С. 67]; «Вышли за кулисы, откуда видна была сцена, разрисованная красным и розовым» [4. С. 73]. Сходный вариант – замутнённость, нечёткость показываемого (автор часто повторяет лексему ‘мелькали’): «Возле

дома слышались сопение и крики, мелькали палки и кулаки» [4. С. 66]; «Далеко внизу мелькали огни автомобиля у подъезда и силуэты в плащах» [Там же. С. 134]; «В комнатном полумраке по-ангельски белоснежное лицо Беллы, казалось, светилось. Мелькали вокруг неясные людские силуэты» [Там же. С. 138]. После удара в глаз у Шагала сыплются искры и плывут «радужные пятна» [Там же. С. 66]. Дважды используется популярный в кинематографе приём взгляда «сквозь слёзы», замутняющие изображение; в обоих случаях на объект смотрит главный герой: «Марк подходит к забору и слезящимися от холода глазами читает объявления» [Там же. С. 38]; «…глаза Марка застилают слёзы, он ничего не видит, все слилось в сплошное пятно» [Там же. С. 30]. Читатель (зритель) отождествляет себя с персонажем, постигает его ощущения и эмоции.

Периодически эпизоды в романе заканчиваются смещением направления «взгляда» – с объекта изображения «в сторону»; в кинематографе подобный приём называется боковым движением камеры. Так, описание детей, которых тошнит у забора, сменяется в романе картиной неба с ярко светящим солнцем (как пишут Ю.М. Лотман и Ю.Г. Цивьян, «вертикаль – наиболее этическое измерение» [8. С. 180]). В конце рассказа о профсоюзном собрании витебских парикмахеров говорится о высунувшейся из часов кукушке. А повествование о хасидских похоронах в Ялте завершается «кадром» с лающим вслед катафалку шпицем.

6. План

Выбор плана – крупного, среднего, дальнего – оказывает ощутимое воздействие на субъект перцепции. И литература и кино тесно связаны с проксемикой – наукой, изучающей восприятие расстояния [Там же. С. 99].

Панорамы Ф.Н. Горенштейн чаще использует в массовых сценах: тушение пожара в еврейском предместье, подготовка к встрече Николая II в Витебске, прибытие мобилизованных солдат на Берлинский вокзал и т.д. Как правило, такого типа картины посвящены эпохальным событиям, по сути – олицетворяют саму историю.

Массовки включают динамический видеоряд, и Ф.Н. Горенштейн обычно прибегает к перечислительной интонации. Вот как описывается Малаховская трудовая колония: «В доме и во дворе перед домом кипела жизнь, стучали молотки, звенели пилы, на кухне варился суп в большом котле, девочки чистили картошку, стирали бельё» [4. С. 117]. Сравним с отрывком из автобиографии М.З. Шагала: «Дети всё делали сами, по очереди стряпали, пекли хлеб, рубили и возили дрова, стирали и чинили одежду» [3]. Ф.Н. Горенштейн явно ориентируется на книгу «Моя жизнь», излагаются те же сведения, но перцептуальные пространство, время повествователя и читателя в «свободной фантазии» сближены, а в первоисточнике – нет.

Приведём ещё два примера массовых сцен в романе. На свадьбе в зале общины «старики и старухи, девицы и парни, нищие и богачи – все притоптывают ногами, хлопают в ладоши, скрещивают руки, кружатся в хороводе» [4. С. 28]. По площади движется шествие, посвящённое первой го-

довщине Октября; в нём участвуют «несколько легковых и грузовых автомобилей, телеги, запряжённые лошадьми, всадники» [4. С. 99]; идут «рабочие с молотами, крестьяне с серпами» [Там же], парикмахеры с бритвами и помазками; поют песни марширующие физкультурники, стреляют в воздух чеканящие шаг красноармейцы. Подобного типа зрелища производят сильное впечатление, а их постановка позволяет использовать разнообразные спецэффекты.

Периодически автор романа «Летит себе аэроплан» сосредоточивает внимание читателей на отдельных деталях, подробно прорисовывает их. В этих случаях целесообразно вести речь о крупном – точнее, сверхкрупном – плане. Прощаясь, Захария обнимает сына и плачет, по его бороде текут слёзы; он видит Марка в последний раз, предчувствует свою скорую смерть. В эпизоде, посвящённом встрече государя в Витебске, «снег покрывает фуражку царя» [Там же. С. 30] (предложение выделено в самостоятельный абзац). В сочетании с рядом подробностей в портрете самодержца («бледный, одетый в солдатскую форму» [Там же], «печаль… на лице» [Там же]) данная деталь, на наш взгляд, содержит намёк на горькую участь Николая II (вспомним распространённые метафоры: снег-венец, снег-риза, снег-саван). Шагал перед смертью оставляет на запотевшем окне автограф, который исчезает под растекающимися каплями воды: «…начавшийся дождь размыл буквы. Надпись потекла по стеклу» [Там же. С. 142]. Этот завершающий «кадр» символизирует хрупкость, мимолётность жизни и оттеняет спокойную лёгкость, с которой покидает мир 97-летний (у Ф.Н. Горенштейна 98-летний) художник. Любопытно, что все «частности» в указанных примерах, так или иначе, отсылают к мотиву смерти.

7. Внутренняя фокализация

В кино больше, чем в других искусствах, возможностей для отождествления зрителя с персонажем – за счёт «сиюминутности» происходящего на экране, правдоподобия композиции, ракурса, смены планов и проч. Всеведущий рассказчик отсутствует (за исключением редких случаев), наблюдатель многого не знает о героях, «вездесущая» камера не может дать им исчерпывающую характеристику.

В «свободной фантазии» Ф.Н. Горенштейна встречаются замечания, сопряжённые с внутренним типом фокализации (по Ж. Женетту). Например, когда сообщается, что суетящийся возле загоревшегося дома «очень худой маленький» [Там же. С. 9] человек – это «очевидно сам Локшинзон» [Там же]. Или когда из окна поезда Шагал видит рядом с Вальденом «какую-то женщину» [Там же. С. 127]. Интерпретация событий неполная.

О предстоящем рождении главного действующего лица читатель узнаёт исподволь, из разговора эпизодических персонажей: «“Я слышал, у грузчика селёдочной лавки Шагала жена на сносях”, – произнёс портной Шустер. “Я видела, как в дом к Шагалам шла повитуха”, – сказала Двойра. “Нашла время рожать”, – сказала Хая” [Там же. С. 10]. Подаваемая порционно информация вызывает интерес. Когда приятели Марк, Зуся и Аминодав едут на подводе, таким же окольным путём, из рассказа Аминодава,

читатель выясняет цель их путешествия: «Один умный человек, с которым я познакомился в Витебске на фондовой бирже и к которому мы сейчас едем на ярмарку в Краков, господин Симич, мне говорил…» [4. С. 36]. В машине, после продолжительного молчания, Луначарский извещает Шагала, куда они направляются (хотя должен был поведать об этом заранее): «…я повезу вас к Горькому» [Там же. С. 94] и т.п.

Многие персонажи вводятся в действие после чужой предваряющей характеристики. Например, про семью биндюжника Виленского рассказывает Хая: «Его жена из-под полы торгует водкой, сам биндюжник всегда пьян, а у сына их всегда сопли через губу висят» [Там же. С. 27]. Перед приходом наставника взгляды Бакста обсуждают в мастерской его ученики. Историю появления Малевича в академии искусств Шагал излагает Жигареву; тот спрашивает: «А кто этот, в костюме авиатора?» [Там же. С. 100]. Марк отвечает: «Это Казимир Малевич» [Там же] и поясняет детали.

Оптимальный способ реалистической передачи чувств и мыслей персонажей – в доверительных беседах, из первых уст. Так, из разговоров Шагала с подругой, Анной Литвак, становятся понятны его сокровенные переживания. Например, когда он вспоминает про смерть матери: «На похороны мамы я просто не приехал. Я не мог это видеть. Потерять последнюю иллюзию» [Там же. С. 121].

8. Звук

Важная роль в кино отводится звукам, они выполняют типологическую, репрезентирующую, характерологическую, композиционную, символическую и другие функции. Выразительные возможности звука активно использует и Ф.Н. Гореншейн.

Существенный элемент поэтики «свободной фантазии» составляют шумы, ими буквально переполнен художественный мир романа. Например, в сцене пожара описание страшного зрелища дополняется замечанием «уже трещало и шипело вовсю» [Там же. С. 11]. Многоголосица – неотъемлемый элемент наблюдаемой Марком картины будничного города: «Идут прохожие, грохочут телеги, лают собаки, каркают вороны» [Там же. С. 21]. Об отправлении поезда в романе дважды говорится опосредованно – путём указания на специфические сигналы: «Ударил вокзальный колокол, засвистел оберкондуктор» [Там же. С. 59]; «Ударил колокол, засвистел кондуктор» [Там же. С. 124]. Подчас звук становится в романе ключевой формой передачи событий. Например, когда измученный нищетой, близкий к отчаянию Марк слышит, как «в дверь застучали, похоже, тростью» [Там же. С. 71]. Трость – аксессуар, демонстрирующий солидность и достаток её обладателя. Шагал, узнавший о возможности продажи одной из своих картин, с нетерпением ждёт потенциального покупателя и угадывает «богатого господина» [Там же] по характерному стуку.

Достаточно часто Ф.Н. Гореншейн использует приём несовпадения звука и «изображения», типичный для киноискусства. С его помощью достигается объективность повествования: читатель (зритель), как и персо-

нажи, не видит, что происходит за пределами обозреваемого пространства. Сидя «с намыленной щекой в опустевшей парикмахерской» [4. С. 99], Шагал слышит залп: у Николаевского собора публично казнят контрреволюционера – поручика Закоржицкого. Попавшие в перестрелку Марк и Анна укрываются в яме: «Выстрелы затихали. Слышны были лишь крики и матерщина. Кого-то с сопением проволокли» [Там же. С. 123]. Похожий пример: осаждённый портовый город во Франции, Марк с дочерью, запершись в номере отеля, ждут Беллу. Они с ужасом прислушиваются к звукам: немецкая речь на улице, а затем в коридоре, хохот, женский голос, хлопанье дверей, тяжёлые шаги и проч. Чаще такого типа аудиовизуальный эффект повторяется в сценах, где фигурирует главный герой.

Звуковые явления могут выполнять символическую функцию. Так, в беседе с Нюшей Марк излагает теорию безгрешности искусства, повествует об «эротике грусти и боли» [Там же. С. 45]. При этом дважды упоминается скрип кровати: сначала квартирная хозяйка меняет постельное бельё, потом, восхищённая умными речами постояльца, садится рядом, продавливая матрас тяжестью своего тела. Нюша явно симпатизирует привлекательному юноше, и его слова пробуждают в ней отнюдь не платонические чувства. Другой пример – звуковой фон в эпизоде убийства Локшинзона. Пьяные Петруха и Тренька настигают ювелира в степи. Разочарованные незначительностью поживы, бандиты принимаются издеваться над Элей, заставляют «Иуду» [Там же. С. 25] целовать нательный крест, а потом сжигают мужчину заживо на глазах у сына. Действия мучителей сопровождает отдалённый колокольный звон, он подчёркивает несоответствие между нарочитой набожностью грабителей-антисемитов и их изуверскими поступками.

Ближе к концу романа Ф.Н. Горенштейн помещает немую сцену. Марк пытается догнать только что попрощавшегося с ним друга: «Шагал стоял у витрины магазина электротоваров. Мигали беззвучно телевизоры. Вдруг Шагал почти бегом поспешил к углу. Шли прохожие по улице, Аминодава среди них не было. Тогда он опять вернулся к витрине. Беззвучно мигали телевизоры» [Там же. С. 140] (обратим внимание на повторение: второе и шестое предложения в отрывке отличаются только порядком слов). Мельтешащая картинка за витриной знаменует суетность благ современного мира, общества потребления, подчёркивает душевную опустошённость одинокого героя. Его отгороженность символизирует не пропускающее звуки стекло.

9. Световые эффекты, цвет

По словам Ю.М. Лотмана и Ю.Г. Цивьяна, возможность выбора атмосферы и настроения кадра создаёт «антитеза “нормального” (“спокойного”) освещения, исходящего якобы от естественных источников, и резкого, колеблющегося, “аномального” света с подчёркнуто искусственными источниками» [8. С. 182]. С другой стороны, контрастность световых отношений характерна для живописи М.З. Шагала.

В романе «Летит себе аэроплан» часто изображается огонь: отблески пламени в эпизоде рождения Марка, покачивающаяся лампа в сцене ночных видений, горящая свеча в ритуальной бане на бат-мицву и др. Неодно-

кратно писатель использует так называемое «рембрандтовское освещение», когда «луч выхватывает из темноты отдельные детали картины» [8. С. 182]. Например, в следующем фрагменте: «...в углу мрачно темнеет диван, таинственно блестит зеркало» [4. С. 23]. Лексема ‘блестеть’ (‘блистать’) повторяется в тексте шесть раз, а ‘сверкать’ – восемь раз.

«Свободная фантазия» посвящена художнику, прославившемуся поразительной трактовкой цвета, неудивительно, что особое внимание Ф.Н. Горенштейн уделяет краскам. Бесспорное лидерство здесь принадлежит всем оттенкам синего, это один из ключевых цветов в палитре М.З. Шагала. Небо (называется пять раз синим, дважды голубым и единожды лиловым), голубое и серо-фиолетовое освещение, замёрзший синий квас, серовато-синие глаза отца Марка и т.д. Часто упоминается белый цвет: борода и рубаха Захарии, лицо и платье Белы, одежда нищего, окрас шпица. И красный: вино, которое «напоминает о крови» [Там же. С. 19], косоворотка, флаги, банты.

Зрительная доминанта даёт о себе знать в сцене свадьбы Гуревича, когда «высоко в воздух взлетает конфетти, цветные обрезки бумаги» [Там же. С. 27], в повествовании о «салюте» из картофеля, поднявшегося в воздух после взрыва, в описании трамвая, рассыпающего «из-под дуги цветные искры» [Там же. С. 38] и др.

На контрастном сопоставлении цветов построен эпизод гибели отца Шагала. Раздавленный грузовиком, он умирает на улице: «Белая борода его окрасилась кровью, и мука из лопнувшего мешка размокала в кровавой луже» [Там же. С. 117]. Белый – красный, белый – красный. По словам Ф. Феллини, «цвета любого кадра как бы заражаются друг от друга, между ними происходит обмен флюидами, в результате чего во время просмотра замечаешь, что какие-то светлые участки непонятно почему оказались затемнёнными, на каких-то других появились неожиданные отсветы, происходит постоянное размывание границ предметов» [9. С. 230]. Тем значимее начало следующей главки: «У входа в старинный дом <…> полоскался по ветру красный флаг с надписью: “РСФСР”» [4. С. 117].

10. Симметрия

Соразмерность частей порождает красоту формы, эта аксиома применима ко всем видам искусства. Одним из типов симметрии является композиционное равновесие. Ф.Н. Горенштейн склонен сопрягать эпизоды, выстраивая чреду отражений и возвращений. В «кинематографическом» романе этот метод обретает особую наглядность.

В произведении много рифмующихся событий. Вот только некоторые примеры. Два визита Аминодава к другу в оперный театр: парижский и, через десятилетия, нью-йоркский. Две свадьбы: еврейской знати в танцевальном зале Витебска и польских холопов в шинке села Освенцим. Две неудачные попытки главного героя обрести поддержку в лице богатого мецената: у Герценштейна в Петербурге, у Дусэ в Париже. Две бани: Белла участвует вместе с другими девочками в микве, омовении, знаменующем наступление совершеннолетия, а через несколько лет та же героиня, уже с

мужем, преодолевая стыд, по мандату отправляется в общественную баню. Две телеграммы: первую, с известием о смерти брата, художник получает в «Улье», вторую, в которой сообщается о гибели отца, приносят Шагалам в Малаховскую колонию. Два производящих осмотр доктора: один выстукивает грудную клетку Марка (диагноз – воспаление лёгких), другой склонился над Беллой (эхинококкоз). Два сна с ангелом: в первый раз сияющее существо является Шагалу на чердаке у Пантелеймона Пантелеевича, затем – в коридоре Наркомпроса и т.д.

Ряд образов повторяется в «свободной фантазии» с особой регулярностью. Например, вокзал. В Петербурге (Шагал впервые уезжает из Витебска, а потом впервые отправляется за границу). Далее – в Париже, Берлине, ещё дважды в Витебске (Марк возвращается из Франции с попутчицей Вивьен, потом Захария провожает семью Шагалов в Москву). В Брянске (Анна Литвак ждёт Марка, чтобы уехать из Советский России). Снова в Берлине, куда художник приезжает с женой и дочерью. Вокзал передаёт идею скитальчества и бесприютности Марка, его современников, живущих в эпоху бурных потрясений, гонимого еврейского народа и, наконец, всего обречённого на поиск человечества.

Несколько раз в произведении появляется не менее символичный образ перекрытой дороги. Сначала из-за крестного хода городовой задерживает на перекрёстке телегу, в которой на ярмарку едет с отцом Зуся Локшинзон. Затем в Петербурге конка с сидящими в ней Марком, Захарией и Степаном останавливается, тоже на перекрёстке, из-за торжественной встречи австрийского эрцгерцога. В Берлине трамвай, везущий Марка на вокзал, задержан, опять-таки на перекрёстке, для обеспечения прохода войск. И наконец, в портовом городке Франции заказанное Шагалами такси не приходит, потому что из-за оккупации нарушено транспортное сообщение. Во всех перечисленных случаях герои погружены в тревожное ожидание, поскольку помехи грозят им серьёзными неприятностями.

Помимо этого, в романе «Летит себе аэроплан» имеются лейтмотивы, среди которых наиболее показательными, на наш взгляд, являются огонь (пожар, сожжение), вода (водоём, омовение), небо (полёт). Они помогают интегрировать составленное из разрозненных фрагментов произведение и выделить сквозные идеи.

11. Контрастность

Активное сравнение подчёркивает разные пространственные и временные качества («одновременный» и «последовательный» контраст) [10. С. 111]. Резко выраженное противопоставление отдельных художественных форм повышает их художественную выразительность и выразительность произведения в целом.

В «свободной фантазии» многие фрагменты стыкуются по принципу антитезы: безоблачный Крым – «серый берлинский вокзал» [4. С. 77]; многолюдное собрание в академии искусств – пустынная улица; богемная атмосфера в немецком «Романише кафе» – картины истязаний в застенках витебского НКВД и т.п.

Контрастны образы, составляющие отдельные эпизоды. С крыши Шагал замечает, что возле забора долговязый гимназист заигрывает с горничной. Переведя взгляд, он видит, как во дворе селёдочного склада отец Марка ворочает бочки, различает напряжённое от тяжести лицо. И вновь возвращается к сцене флирта. Такая перебивка позволяет острее прочувствовать бремя нелёгкого труда Захарии – в сравнении с беззаботностью молодой пары.

Описание происходящего в Ялте начинается с реминисценции на известный чеховский рассказ: солнечная набережная, толпа гуляющих, молодая дама с белым шпицем, её галантный спутник… Диссонанс в эту идиллическую (пусть и внешне, памятуя о проблематике «Дамы с собачкой») картину вносит появляющаяся траурная процессия: Захария хоронит своего сына.

Внимание реципиента обостряется под влиянием неожиданности раздражителей и их контраста. Внезапные события усиливают динамизм произведения. Лексема ‘вдруг’ повторяется писателем в романе 24 раза: «Вдруг мама прерывает песню и начинает плакать» [4. С. 23]; «…попугай вдруг захлопал крыльями» [Там же. С. 76]; «Вдруг двери кофейни резко распахнулись, и вошли люди в кожанках…» [Там же. С. 109]; «Вдруг слышен топот» [Там же. С. 32]; «Вдруг Давид вскакивает и, выпучив глаза, бежит во двор» [Там же. С. 15]; «Вдруг какой-то взлохмаченный, с густой седой шевелюрой человек оттолкнул охранника и побежал по скользким ступеням» [Там же. С. 94]; «Вдруг выбежал седой старик с развевающейся бородой…» [Там же. С. 101]; «Вдруг грохнул взрыв» [Там же. С. 123]. И т.п.

Некоторые сцены содержат в конце сюжетный поворот. В киноиндустрии такие финалы именуются «крючками», поскольку призваны заинтересовать зрителя и побудить его к продолжению просмотра сериала. Вероятно, Ф.Н. Горенштейн строит повествование, ориентируясь на это правило. Например, когда в конце диалога домочадцев мать Шагала резюмирует: «…наш Марк будет встречать царя» [Там же. С. 29]. Когда юноша заявляет своему наставнику Баксту: «Я, витебский провинциал, всё-таки поеду в Париж» [Там же. С. 59]. Или когда Анна уговаривает Шагала бежать за границу и назначает ему время встречи: «В пять на Брянском вокзале» [Там же. С. 123].

12. Фрагментарность

Сюжетная многолинейность «свободной фантазии» ведёт к активному использованию монтажного принципа, который, в свою очередь, обусловливает фрагментарный, обрывочный характер повествования.

День празднования Песаха (Пасхи) описывается достаточно подробно, поскольку для Ф.Н. Горенштейна важно воспроизвести соответствующие тому или иному моменту ритуалы. Поэтому время, в которое совершаются обряды, знаменует динамический пейзаж: «Предпасхальная лунная ночь» [Там же. С. 13]; «Окна уже освещены первыми лучами солнца» [Там же. С. 14]; «Солнечное утро» [Там же. С. 15]; «Светит пасхальное солн-

це…» [Там же]; «Близится пасхальный вечер, загораются звёзды» [Там же. С. 16]; «Загораются пасхальные свечи во всех еврейских домах» [Там же]; «Бледнеют звёзды, кончается пасхальный седер» [Там же. С. 20]. Течение времени в этой части произведения визуализируется.

Небольшой разрыв хронологической последовательности, типичный для кинематографического монтажа, обнаруживаем в следующем отрывке: «Пограничники стали, загораживая вагонные подножки, чтобы кто-нибудь не вскочил в последний момент в вагон без проверки. Анна с тоской посмотрела вслед огням последнего вагона» [Там же. С. 124]. То есть поезд трогается – и через секунду показывается удаляющийся последний вагон (сочетание «вслед огням» обозначает значительность расстояния).

Компрессия событийности характерна для монтажного кинематографа. В романе Ф.Н. Горенштейна она используется очень часто. Например, после диспута художников «Шагал трясущимися руками собирает бумаги в портфель» [Там же. С. 104] – и тут же передаётся разговор Марка с женой, в котором он выражает своё отношение к произошедшему: «“Вот благодарность людей”, – мрачно говорил Шагал, идя по улице рядом с Беллой…» [Там же. С. 105]. Белла просит мужа пожить в деревне –после чего сразу следует реплика Марка: «Наконец мы одни в деревне» [Там же. С. 111]. В потасовке между рабочими с боен и художниками из «Улья» Шагал получает удар в глаз; действие обрывается, а следующий абзац начинается с вопросов французского собрата Марка: «Что вы наделали, Шагал? – сказал Конюдо, увидав синяк под глазом. – Как же я буду вас рисовать?» [Там же. С. 66]. Ремарка, которая должна была бы предварять разговор, помещена уже после процитированной реплики: «В освещённом утренним солнцем кафе от свежего ветра пузырились занавески, шелестели за окном каштаны» [Там же]. Писателю важен эффект неожиданности при переходе от одной сцены к другой.

Ф.Н. Горенштейн нарушает линейную последовательность повествования, противопоставляет разнородные элементы текста, опираясь на ассоциативный принцип.

13. Подхваты

Часто фрагменты романа сталкиваются, выражаясь словами И.А. Мартьяновой, «в парадоксальном монтажном сопряжении» [11. С. 9]. Соединяя отрывки, автор выстраивает в «свободной фантазии» своеобразные мостики. Приведём наиболее показательные примеры.

Зима, у Марка воспаление лёгких; в бреду он произносит: «Солнца... Я хочу солнца...» [4. С. 119]. Далее следует описание: «Весеннее солнце светит с ясного голубого неба» [Там же].

Марк и Белла провожают батальон немецких солдат, останавливавшихся на привал в деревне, машут им вслед платками. А потом показывается сцена на вокзале в Витебске. Теперь уже Захария Шагал провожает сына со снохой и внучкой в Москву.

Получив известие о смерти брата, Марк сокрушается: «Теперь будет покоиться под кипарисом в далёкой Ялте» [4. С. 77]. И тут же действие

переносится в Крым: «В Ялте было солнечно, волны били о набережную» [4. С. 77]. Анадиплосис (повтор последнего слова первой части отрезка речи в начале следующей части) рассчитан на читателя, поскольку новый фрагмент начинается с предваряющей ремарки. Но экранизированный вариант представляется не менее эффектным: экзотический пейзаж как бы иллюстрирует последние слова героя из предыдущего кадра (тем более что может появляться надпись, обозначающая место действия).

Горький плач на похоронах ювелира Локшинзона сменяется ритуальным плачем на свадьбе сына владельца кофейни Гуревича: «На кладбище читали над могилой заупокойную молитву. Все плакали.

Общий плач продолжался, но это уже не похороны, а свадьба» [Там же. С. 26]. С помощью такой стыковки передаётся идея диалектического взаимодействия жизни и смерти.

Вслед за описанием грузовика-полуторки, на котором везут на расстрел «врагов народа», в том числе Анну Литвак, изображается «тяжёлый, тупорылый, немецкий» [Там же. С. 133] грузовик, на нём Зусю и Аминодава вместе с другими евреями доставляют в концлагерь Аушвиц. Незначительная в данном контексте разница («среди другого пейзажа другой грузовик» [Там же]) лишь подчёркивает сходство соседних эпизодов. Ф.Н. Горенштейн сопоставляет большевистскую диктатуру с национал-социалис-тической, раскрывает страшную сущность тоталитарного террора как такового – вне зависимости от особенностей, накладываемых спецификой конкретного государства.

14. Зрелищная драматургия

Е.Ю. Ермакова пишет, что «литературный (драматический) герой в современном кинематографе начинает трансформироваться в некую визуализацию определённых состояний физических динамических объектов. То есть зрителю кинозрелища предлагают не логическую (сюжетную) драматургию, а зрелищную, основанную на деформациях реального мира, отдельных его предметов и их состояний» [12. С. 36]. Такие, выражаясь современным языком, виртуальные перемещения совершает читатель в самом начале романа «Летит себе аэроплан». Этот отрывок рассмотрим подробнее.

1. В первом эпизоде произведения изображается пожар на краю еврейского квартала. Из центра событий взгляд повествователя перемещается в камеру находящейся поблизости тюрьмы («“Евреи горят”, – говорили арестанты, весело теснясь у зарешёченных тюремных окон» [4. С. 11]), происшествие начинает описываться с нового ракурса через субъективное восприятие («Ишь как шевелятся, как тараканы, разбегаются» [Там же]). Потом показывается другое место, тоже находящееся неподалёку: церковная ограда, священнослужитель, наблюдающий за происходящим.

2. Далее следует подхват: предшествующее слово (и образ) «а за церковью» соединяет предыдущие картины с совершенно иной: «А за церковью тихо журчит речка, шелестят камыши, и в камышах кто-то шепчет на два голоса: “Ох, милый, ох, хорошо... ох, сладко”» [Там же]. Умиротворение в «райском месте» контрастирует с суматохой на пожаре, огонь – с водой, тишина – с криками, страдание – с негой. Не останавливаясь на идилличе-

ской зарисовке, Ф.Н. Горенштейн переходит к следующим картинам, каждая из которых составляет контраст предыдущей.

3. «А на кладбище бродяги устраиваются на ночлег, раскрывают котомки, кладут на могилы газеты, а на газеты сухари да сало» [4. С. 11]. Берег реки – кладбище, влюблённые – бродяги, ласки – еда.

4. «А в раскрытое окно виден солдат, который пьёт чай» [Там же]. Вновь подхват, теперь основанный на ассоциации с вечерней трапезой. И опять противопоставление: бесприютности – домашнему уюту. Крупный план сменяется другим крупным (остаётся непонятным, где находится этот дом с окном).

5. «Козы и коровы беспокойно мычат в хлевах» [Там же]. От одного помещения – ко многим, явно менее комфортным, от человека к копытным, от умиротворённой тишины – к шумной колготне.

6. «Пьяный биндюжник Хаим Виленский идёт со своей толстобрюхой лошадью и пытается петь, но издаёт лишь лошадиное ржание» [Там же]. Очередное укрупнение плана; картина как бы суммирует предыдущие: животное и мужчина, травестированный кентавр.

7. «Темнеет на горе огромный заброшенный польский замок» [Там же]. В кинематографе кадры, демонстрирующие место действия, называют «адресным планом» («адресником»). В конце перенасыщенного визуальными образами абзаца взгляд наблюдателя обращается вдаль, наверх. Пауза позволяет читателю (зрителю) отдохнуть от серии телепортаций. Переведение камеры в конце съёмки с движущихся объектов на что-нибудь статичное обеспечивает удобство монтажа.

8. Следующий абзац содержит ключ к пониманию разрозненных и слабо связанных с основным действием романа сценок. «И над всем этим, под большими, как серебряные рубли, звёздами летят огненные ангелы, рождённые из пламени, вьются вольно и свободно, ещё не схваченные кистью художника, ещё не застывшие на шагаловских полотнах» [Там же]. Упоминание о бесплотных существах, которые впоследствии обретут жизнь на картинах М.З. Шагала, позволяет заключить, что и предыдущие набросанные Ф.Н. Горенштейном зарисовки – прообразы будущих шедевров художника.

Практически к каждой из них можно найти эквиваленты в наследии прославленного авангардиста. Ниже мы приводим лишь некоторые из возможных вариантов:

1) «Горящий дом» 1913;

2) «Двое с рыбой» 1967, «Влюблённые в сирени» («Любовники в сирени») 1930, «Концерт» 1957, «Композиция» 1976;

3) «Ворота кладбища» 1917, «Старый Витебск» 1914, «Вечный жид» 1923–1925;

4) «Солдат пьёт» («Солдатское чаепитие») 1910;

5) «Коровник» 1917, «Корова с зонтиком» 1946, «Коровы над Витебском» 1966;

6) «Жизнь крестьянина» 1925, «Продавец скота» («Скотопромышленник») 1912;

7) дальний план на холстах «Окно» 1924, «Сельская мадонна» 1938–1942;

8) «Ангел над Витебском» 1977, а также «Обручённые и Эйфелева башня» 1913, «Венчание» (Свадьба») 1918, «Три свечи» 1938–1940, «Лестница Иакова» 1973.

Динамичность, многоплановость и сюжетность зарисовок, выполненных писателем, характерны для кисти М.З. Шагала. Как и любимый художником ночной колорит. В тексте романа в общую картину сценки соединяются с помощью аналогичной (уподобляющей) синтаксической структуры. Четырежды повторяется конструкция с союзом *а*:

«А» + обстоятельство места + субъект и его действие.

Создаётся инерция восприятия. В результате достигается эффект наслоения одних изобразительных элементов на другие, аналогичный шагаловскому палимпсесту.

Остаётся только догадываться, как планировал экранизировать данный отрывок Ф.Н. Горенштейн. Возможно, предполагалось наложение на перечисленные бытовые сценки кадров с изображением соответствующих полотен художника. Писатель помещает эту «презентацию» в самое начало произведения, сразу после рассказа о появлении Марка на свет. Получается своеобразная ретроспектива наоборот – демонстрация будущих работ мастера.

* * *

«Кинематографические» приёмы в романе «Летит себе аэроплан» используются с разной степенью интенсивности и в неодинаковой пропорции. Их бóльшая часть приходится на первую треть произведения. Постепенно Ф.Н. Горенштейн отходит от сценарной техники и кадровки, всё более склоняясь к стандартной прозаической форме.

Во второй части «свободной фантазии» больше тактильных характеристик («холодная вода» [4. С. 93], «прохладные пальцы» [Там же. С. 119], «тёплая ладонь» [Там же. С. 141]), субъективных показателей состояния героев («от запаха супа у Шагала закружилась голова» [Там же. С. 91], «от запаха живых цветов тошнило» [Там же. С. 138]), авторских замечаний в непрямой, образной форме («краски словно вопили» [Там же. С. 79], «Остроумова технически заплакала» [Там же. С. 91], «немцы шли как-то не по-немецки» [Там же. С. 112]). Всё это невозможно непосредственно показать на экране.

Появляются фрагменты, в которых промежутки времени между эпизодами не отмечены графически. Например, не отделены интервалами от предыдущих абзацев предложения: «Пошли в расположенную рядом галерею “Штурм”» [Там же. С. 79]; «Поезд подошёл к витебскому вокзалу» [Там же. С. 85]; «Подходя к дому, Шагал увидел…» [Там же. С. 105]; «Стемнело» [Там же. С. 126] и т.п.

Больше становится замечаний сугубо повествовательного характера. Например: «Майской тёплой ночью грузовик-полуторка <…> свернул с дороги и поехал лесной грунтовкой к огороженному в чаще леса пространству, где расстрельная команда уже стояла у края ямы» [4. С. 133]. Роману-сценарию присущ иной способ подачи информации – порциями. Процитированный отрывок в «кинематографической» интерпретации выглядел бы примерно так: «Майская тёплая ночь. Грузовик-полуторка сворачивает с дороги и едет лесной грунтовкой. Впереди, в чаще леса, виднеется огороженное пространство. Там, у края ямы, стоит расстрельная команда».

В последнем фрагменте произведения отчётливо звучит голос повествующего субъекта – посредника между изображённым миром и миром читателя: «…за окнами богатого особняка, впрочем, нередкого здесь, в Сан-Польде-Ванэ, маленьком городке миллионеров, туристов с тугими кошельками, дорогих ресторанов, престижных картинных галерей, теннисных кортов и бесчисленных цветочных клумб» [Там же. С. 140]. Вводное слово ‘впрочем’ ограничивает высказанную ранее мысль. Характеристика городка слишком аналитична и собирательна для «кинематографического» текста.

Нагляднее всего динамика изменений прослеживается при сравнении похожих сцен. Симптоматичны отличия в описании Рош-Ашана (Рош ха-Шана). Праздник урожая показывается писателем дважды: в Витебске в начале романа и в Нью-Йорке в конце. В первый раз даются пояснения касательно времени, места действия, пейзажных деталей: «Сентябрь. Деревья роняют листву на землю. Листья сдувает ветер, они плывут по Двине. На берегу собираются кучки евреев» [Там же. С. 33]. Зарисовка отличается лаконичной выразительностью линий: «Мужчины с развевающимися бородами наклоняются к воде, выворачивают, вытряхивают карманы. Всё летит в воду. Крошки, носовые платки, бумажки – всё плывет по воде, разбухает» [Там же]. Картина очень динамична: листья падают, бороды развеваются, «всё» летит, плывёт и т.д. «Видеоряд» отчётливо сегментирован, планы постепенно укрупняются. Подробности живописны, установка на зрительское восприятие не вызывает сомнений. Во второй раз тот же ритуал описывается иначе: «Кучки людей собрались на берегу Гудзона. <…> Мужчины выворачивали карманы, низко склоняясь над водой. Носовые платки, бумажки, крошки – всё летело в воду» [Там же. С. 138–139]. Глаголы стоят в прошедшем времени. Нет указания на время событий, нет пейзажных деталей, не сообщается о «судьбе» брошенных предметов. Действия людей не воспроизведены поэтапно: в первом случае «наклоняются», потом «выворачивают», затем «вытряхивают»; теперь – «выворачивали… склоняясь». Теряется эффект сиюминутности происходящего.

То же с праздничной молитвой. В начале романа Ф.Н. Горенштейном предусмотрен монтаж, демонстрирующий синхронность произношения: «“Дай Бог нам сладкого нового года”, – говорят евреи. Захария, Марк, Зуся, Пинхас, Аминодав... Все евреи просят сладкого нового года...» [Там же. С. 33]. В конце «свободной фантазии» слова молитвы повторяются, однако комментарий носит собирательный характер: «Рош-Ашана, – гово-

рили люди, – святой праздник. Дай Бог нам сладкого нового года» [4. С. 138]. Читателю рисуется абстрактная картина, слишком обобщённая для прямой экранизации.

Ещё один пример для сравнения: два описания кафе – сначала в Витебске, потом в Берлине. В первый отрывок Ф.Н. Горенштейн вводит много типичных деталей: «Женщины были с большими декольте, мужчины курили толстые папиросы, официанты носили на подносах кофейники, чашки, булочки, печенье. Сквозь приоткрытую дверь доносились звуки аргентинского танго» [Там же. С. 106]. Во втором автор в большей степени опирается на опыт читателя, предоставляя ему возможность самостоятельно дорисовать соответствующую обстановке картину: «В “Романише кафе” певец и певица, оба в чёрных фраках и цилиндрах, пели модный шлягер “Шварце Сония”. За столиками сидели мужчины и женщины богемного вида. Трудно было понять, кто из них писатель или художник, а кто просто спекулянт или проститутка» [Там же. С. 129]. Вслед за несколькими точными деталями (фраки, цилиндры, песня) следуют расплывчатые описания, завершающиеся неопределённым «трудно было понять», не характерным для «кинематографического» текста.

Быть может, когда отпала необходимость скорейшего создания сценария, Ф.Н. Горенштейн стал меньше думать о киноадаптации каждого конкретного эпизода. Или писатель в конечном итоге взял верх над кинематографистом. Ведь, по словам А.С. Кончаловского, кино Ф.Н. Горенштейн «обожал, радостно сочинял для него», а «литература была для него главным видом творчества» [13].

Литература

1. *Шарый А.В.* Евангелие от Горенштейна // Радио Свободы. 2015. 4 февр. URL: http://www.svoboda.org/a/26828176.html (дата обращения: 14.06.2017).

2. *Галицкая О.Н.* Гори, гори, его звезда: интервью с А. Миттой // Московский комсомолец. 2013. 2 февр. (№ 26153). URL: http://www.mk.ru/culture/2013/02/01/806676-gori-gori-ego-zvezda.html (дата обращения: 14.06.2017).

3. *Шагал М.З.* Моя жизнь / послесл. и коммент. Н.В. Апчинской. М. : Эллис Лак, Международный фонд «Культурная инициатива», 1994. 204 с. URL: http://www.m-chagall.ru/library/Moja-zhizn1.html (дата обращения: 14.06.2017).

4. *Горенштейн Ф.Н.* Летит себе аэроплан: Свободная фантазия по мотивам жизни и творчества Марка Шагала. М. : СЛОВО/SLOVO, 2003. 144 с.

5. *Савинова М.Н.* Приёмы литературной кинематографичности в «Ледяном походе» Р. Гуля // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2014. № 3. С. 116–120.

6. *Можаева Т.Г.* Языковые средства реализации кинематографичности в художественном тексте: на материале произведений Г. Грина, Э. Хемингуэя, М. Этвуд : дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 167 с.

7. *Балаш Б.* Кино: становление и сущность нового искусства. Der Film / пер. с нем. М. : Прогресс, 1968. 328 с.

8. *Лотман Ю.М.*, *Цивьян Ю.Г.* Диалог с экраном. Таллин : Александра, 1994. 144 с.

9. *Феллини Ф.* Делать фильм / пер. с ит. и коммент. Ф.М. Двин. М. : Искусство, 1984. 287 с.

10. *Кузнецов А.В.* Фигуры контраста и их функции в творчестве М.Ю. Лермонтова : дис. … канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1998. 158 с.

11. *Мартьянова И.А.* Кинематограф русского текста. СПб. : Своё издательство, 2011. 240 с.

12. *Ермакова Е.Ю.* Практическая магия кинематографа. Ч. 1: Мультимедийность как пространство кинообраза. М. : Московский городской психолого-педагогический университет, 2013. 252 с.

13. *Кончаловский А.С.* Горенштейн и кино // Сеанс. 2015. 2 февр. URL: http://seance.ru/blog/chtenie/gorenshtejn-i-kino/ (дата обращения: 14.06.2017).

“CINEMATOGRAPHIC” TECHNIQUES IN A “FREE FANTASY” BY FRIEDRICH GORENSTEIN

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 52. 145–164. DOI: 10.17223/19986645/52/9

Elena E. Zavyalova, Astrakhan State University (Astrakhan, Russian Federation). E-mail: zavyalovaelena@mail.ru

Keywords: F.N. Gorenstein, “cinematographic” techniques, editing, visualization, foreshortening, contrast, color, leitmotif, symbol.

The aim of the work was to identify the ways of “cinematographic” depiction in Friedrich Gorenstein’s novel *Letit sebe aeroplan* [The Airplane Keeps Flying], the genre of which the writer defined as a “free fantasy based on the life and work of Marc Chagall”.

The author of the article writes that Gorenstein avoids division of the text, traditional for the literature: excerpts are not marked graphically as chapters. Relatively small finished semantic segments are separated by indentations. The narrative is very clear and specific. What happens is divided into separate frames. At the beginning of the small chapters, as a rule, the time and place of events are reported, the lighting of the episode is often described. This is followed by introspective and final comments. In several fragments of the novel there are “real” remarks, which are placed inside the speech lines in parentheses. Instructions on the response of listeners often appear in episodes united by the problem of manipulation of mass consciousness.

It is proved that focus on visual perception is manifested in certain details and in the features of portraying. Reasons for the writer’s interest in details are established. It is emphasized that the descriptions are periodically given through the eyes of the actors. This is evidenced, in particular, by the limited viewing angle. Gorenstein uses panoramas in mass scenes which necessarily include a dynamic video sequence. The most frequent colors, episodes with the image of fire are listed. The writer’s inclination to contrast the conventional normal light and the “anomalous” light is mentioned.

Noises are noted as an essential element of the poetics of a “free fantasy”. The idea that the sound in the novel sometimes becomes a key form of perception of events is substantiated. For example, when there is a mismatch of sound and “image”, the objectivity of the narrative is achieved: the reader (the viewer), like the characters, does not see what is happening outside the visible space.

Further, the plot multi-linearity of the “free fantasy”, which contributes to the active use of the editing principle, is described. Arguments are given in favor of the idea that Gorenstein tends to match the episodes, building up a series of reflections and returns. Besides this, leitmotifs are revealed in the novel. Among them, the most revealing are: fire (burning), water (ablution), sky (flight). It is pointed out that the leitmotifs help to integrate the work composed of isolated parts and highlight the recurring ideas.

The final part of the article is devoted to determining the degree of intensity of the use of “cinematographic” techniques in the novel. It is concluded that gradually the writer changes the script technique and framing and uses the standard prosaic form.

References

1. Sharyy, A.V. (2015) Evangelie ot Gorenshteyna [The Gospel of Gorenstein]. *Radio Svobody*. 4 february. [Online] Available from: http://www.svoboda.org/a/26828176.html. (Accessed: 14th June 2017).

2. Galitskaya, O.N. (2013) Gori, gori, ego zvezda: interv'yu s A. Mittoy [His star sparkle: an interview with A. Mitta]. *Moskovskiy komsomolets*. 2 February (26153). [Online] Available from: http://www.mk.ru/culture/2013/02/01/806676-gori-gori-ego-zvezda.html. (Accessed: 14th June 2017).

3. Chagall, M.Z. (1994) *Moya zhizn'* [My life]. Moscow: Ellis Lak, Mezhdunarodnyy fond "Kul'turnaya initsiativa". [Online] Available from: http://www.m-chagall.ru/library/Moja-zhizn1.html. (Accessed: 14th June 2017).

4. Gorenshteyn, F.N. (2003) *Letit sebe aeroplan. Svobodnaya fantaziya po motivam zhizni i tvorchestva Marka Shagala* [An airplane is flying. A free fantasy based on the life and work of Marc Chagall]. Moscow: SLOVO.

5. Savinova, M.N. (2014) Literary cinematographic techniques in the book "The Ice March" by R. Gul. *Vestnik MGOU. Seriya "Russkaya filologiya" – Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*. 3. pp. 116–120. (In Russian).

6. Mozhaeva, T.G. (2006) *Yazykovye sredstva realizatsii kinematografichnosti v khudozhestvennom tekste: na materiale proizvedeniy G. Grina, E. Khemingueya, M. Etvud* [Language tools for the representation of cinematography in an artistic text: on the basis of works by G. Green, E. Hemingway, M. Atwood]. Philology Cand. Diss. Barnaul.

7. Balash, B. (1968) Kino: stanovlenie i sushchnost' novogo iskusstva. Der Film [Cinema: the formation and essence of the new art. Der Film]. Translated from German. Moscow: Progress.

8. Lotman, Yu.M. & Tsiv'yan, Yu.G. (1994) *Dialog s ekranom* [Dialogue with the screen]. Tallinn: Aleksandra.

9. Fellini, F. (1984) *Delat' fil'm* [To make a film]. Translated from Italian by F.M. Dvin. Moscow: Iskusstvo.

10. Kuznetsov, A.V. (1998) *Figury kontrasta i ikh funktsii v tvorchestve M.Yu. Lermontova* [Figures of contrast and their functions in works by M.Yu. Lermontov]. Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.

11. Mart'yanova, I.A. (2011) *Kinematograf russkogo teksta* [Cinematography of the Russian text]. St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo.

12. Ermakova, E.Yu. (2013) *Prakticheskaya magiya kinematografa* [Practical magic of cinematography]. Pt. 1. Moscow: Moscow City Psychological and Pedagogical University.

13. Konchalovskiy, A.S. (2015) Gorenshteyn i kino [Gorenstein and cinema]. *Seans*. 2 February. [Online] Available from: http://seance.ru/blog/chtenie/gorenshtejn-i-kino/. (Accessed: 14th June 2017).

УДК 821.161.1
DOI: 10.17223/19986645/52/10

В.С. Киселев, Т.Л. Владимирова

ЖУКОВСКИЙ, РЕВОЛЮЦИЯ В ГЕРМАНИИ И ИНСТИТУТЫ ИМПЕРСКОЙ ПРОПАГАНДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ НЕОПУБЛИКОВАННОЙ ПЕРЕПИСКИ С ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ АЛЕКСАНДРОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ)

Описываются формы взаимодействия политической публицистики В.А. Жуковского с институтами имперской пропаганды. Освещение в российской прессе революции в Германии находилось под жестким идеологическим контролем, что требовало высочайшей санкции для публикации статей Жуковского, первоначально представлявших собой письма к цесаревичу. Поэт стремился расширить пространство публицистической свободы, используя более независимые каналы коммуникации. Дается новая датировка статьи Жуковского «По поводу нападок немецкой прессы на Россию». В приложении публикуются два ранее неизвестных в печати письма Жуковского к великому князю.

Ключевые слова: *Жуковский, великий князь Александр Николаевич, революция в Германии 1848 г., имперская пропаганда, политическая публицистика.*

За последние десятилетия много сделано в плане изучения государственной идеологии Российской империи первой половины XIX в., как официальных концепций, исходящих из придворно-бюрократической среды, так и идеологических программ, выдвигаемых отдельными группами элиты – либеральными или консервативными (см., в частности: [1–7]). Однако существенно меньше привлекает к себе внимание институциональный аспект, связанный с каналами распространения и функционирования идеологии. Это касается и института официальной пропаганды, описанного достаточно бессистемно и с большими лакунами (например: [6]). Наша статья не претендует на сколько-нибудь развернутое рассмотрение данной темы и имеет целью проанализировать один из репрезентативных эпизодов ее развития на материале неопубликованной переписки 1848 г. В.А. Жуковского с великим князем Александром Николаевичем.

До второй четверти XIX в. официальную российскую пропаганду вряд ли можно считать регулярным институтом, хотя ее значимость для консолидации общественного мнения и легитимации правительственной политики продемонстрировали события Отечественной войны 1812 г., эпохи пропагандистского взлета, когда сошлись в одном фокусе усилия придворных идеологов, составителей высочайших манифестов, авторов Военно-походной типографии, отдельных пропагандистов, вроде Ф.В. Ростопчина, и журналистики в лице «Русского вестника», «Сына Отечества», «Русского инвалида» [1. С. 15–38; 2. С. 239–266; 8–13]. Тем не менее в послевоенные годы государственная пропаганда, становым хребтом которой в европейских странах выступили официозные журналы и газеты, потеряла внут-

реннюю цельность, не имея, кроме высочайших манифестов, сколько-нибудь постоянных печатных органов.

Этот «кризис» отражал переходное институциональное состояние словесности в целом. Система литературного патронажа, органичная для самодержавно-сословного государства, организовывала общение узкого круга субъектов власти и культурной элиты [14. С. 389–394]. Процесс нациестроительства, подстегнутый александровскими реформами и отражавший общеевропейское движение, предполагал вовлечение в коммуникацию больших масс населения и учет их интересов. Полнее всего эти задачи решала профессиональная литература, еще не сформировавшаяся в России. Ее функции частично приняла на себя система кружковой коммуникации [15], в рамках которой определенные группы дворянства, более или менее замкнутые, вырабатывали культурно-идеологические программы развития, но востребованность и влиятельность им придавала уже не только власть, но и общество, где крепли стремления к национальному единству, к полноценному нациестроительству, выразившиеся, в том числе и в настойчивом обсуждении проблемы национальной самобытности.

Выработка единой идеологической программы так называемой «официальной народности» способствовала консолидации пропагандистских усилий в николаевское царствование, программа была концептуально заявлена в высочайшем манифесте 13 июля 1826 г. и донесении Следственной комиссии, авторами которых явились М.М. Сперанский и Д.Н. Блудов, и развита в цельную доктрину с историософским и политическим обоснованием С.С. Уваровым в начале 1830-х гг. [2. С. 337–374; 6]. Инструментами ее пропагандистского распространения и утверждения стали четыре основных канала (не включая в это число систему образования): 1) прямые выступления двора в официальных материалах и манифестах; 2) информационная политика проправительственных журналов и газет, получавших одобрение на публикацию идеологически актуальных материалов («Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», «Русский инвалид», «Северная пчела», в 1840-е гг. выборочно «Москвитянин»); 3) поддержка пропагандистской деятельности конкретных идеологов из литературной и научной среды; 4) цензура как инструмент контроля над альтернативными идеологическими программами.

Концепция «семейственной монархии» В.А. Жуковского, сложившаяся во второй половине 1820-х гг., была во многом близка положениям «официальной народности». Как справедливо констатировал Тимур Гузаиров, «в своей педагогической и идеологической практике поэт придерживался общей официальной линии, развивал ее смысловые интенции, подчеркивая вместе с тем ключевые для себя, но ушедшие для других в тень идеи. Не случайно в дневнике Жуковский позволял себе критические высказывания, разрушавшие ту государственную мифологию, в строительстве которой он сам участвовал» [16. С. 14]. Подобные аберрации отражали двойственный институциональный статус писателя. С одной стороны, он ощущал себя человеком, близким к императорской семье и связанным ритуалами при-

дворной жизни, в том числе в плане публичных идеологических высказываний, с другой – оставался представителем дружеской культурной среды, хранителем единства постарзамасского круга литераторов, что делало его глашатаем лояльной, но идеологически независимой дворянской элиты. В этих условиях наиболее приемлемым для Жуковского каналом обращения к широкой аудитории по общественно важным вопросам был третий, являвшийся в русской культуре рудиментом системы патронажа и предполагавшим прямое санкционирование двором или лично императором тех или иных публикаций.

Переписка Жуковского с великим князем Александром Николаевичем 1848 г. и комплекс связанных с ней материалов позволяют проследить перипетии и следствия подобного высочайшего патронажа. Письма поэта к наследнику престола были предоставлены некой «царственной рукой» и впервые опубликованы П.И. Бартеневым в журнале «Русский архив» в 1883 г. (до 1847 г.) и в 1885 г. (1848–1850 гг.), где они сопровождались краткими комментариями [17. № 1. С. 1–32; № 3. С. 33–56; 18. № 1. С. 7–19; № 2. С. 243–272; № 4. С. 526–540; № 7. С. 337–370]. В том же виде письма были перепечатаны П.А. Ефремовым в составе шестого тома Сочинений 1885 г. [19. С. 375–599]. Их общий корпус включал около 100 писем. В процессе подготовки материалов для эпистолярных томов Полного собрания сочинений и писем нами были найдены автографы практически всех опубликованных писем (за исключением двух: от 17 февраля и 13 марта 1848 г.). Большая их часть хранится в собрании Зимнего дворца Государственного архива РФ. Обнаруженные рукописи имеют следы редакторской правки Бартенева, осуществлявшего разбор текста. Как выяснилось, письма публиковались с большими купюрами (в рукописи отмечены карандашными отчеркиваниями), в отдельных случаях превращавшими развернутый текст в короткую записку. Самому значительному сокращению подверглись фрагменты с описанием бытовых ситуаций из жизни Жуковского и его многочисленных просьб к великому князю, однако были и пропуски, имеющие идеологический характер. Кроме того, многие письма остались неопубликованными (всего 40 автографов), в частности 15 писем за период от 12 ноября 1850 г. до 1 января 1852 г. [20].

Обнаруженные материалы проливают новый свет на творческую историю политических статей Жуковского 1848 г., в том числе на авторские стратегии их донесения до публики и высочайшую селекцию применительно к официальным идеологическим установкам. Как заметил Бартенев в кратком послесловии к начальным письмам 1848 г., «русской политической печати в то время почти не существовало, и от читающего люда тщательно скрывались эти подробности. Тем более было простору ужасающим толкам, и можно судить, какое впечатление так называемые мартовские Берлинские события должны были произвести на двор наш и на тогдашних правящих людей» [18. № 1. С. 19]. Комментатор, безусловно, преувеличил степень информационной блокады: с ходом событий во Франции и Германии рядовой русский читатель, не говоря уже о придворной среде, мог

ознакомиться из достаточно оперативных газетных сообщений «Русского инвалида», «Санкт-Петербургских ведомостей», «Московских ведомостей», «Северной пчелы» и даже провинциальных органов вроде «Одесского вестника», доступными были и парижские, берлинские, лондонские издания. Вместе с тем материалы российской печати были вторичны и в большинстве представляли собой компиляцию из иностранных газет, прошедшую через жесткую цензуру и сопровожденную официальной интерпретацией. Она имела истоком высочайший манифест от 14 марта, где революция называлась «смутами, грозящими ниспровержением законных властей и всякого общественного устройства», «мятежом и безначалием», «разрушительным потоком», которому противостоит «Святая Русь», воплощение патриархального единства верноподданного народа и государя [21. С. 181–182].

Не будучи единственным или главным источником освещения германских событий, Жуковский обладал особым преимуществом и широко им пользовался для формирования высочайшего мнения: он находился в эпицентре событий, многому был непосредственным свидетелем, внимательно читал сообщения в немецкой прессе и хорошо ориентировался в установках тех или иных изданий, предлагая использовать их великому князю в качестве надежного источника («Советую Вашему Высочеству выписать Die Neue Preußische Zeitung; он весьма в хорошем смысле», неопубликованное письмо от 22 августа 1848 г. [22. Л. 232 об.]). Это положение «на кратере волкана» было осмыслено писателем не только как историософская или экзистенциальная метафора, но и как информационная позиция «летописца европейского хаоса» [23. С. 241], подразумевающая быстрое, однако взвешенное и концептуальное осмысление происходящего, извлечение из него нравственно-политических уроков. Облекаясь в письма к наследнику престола, такая рефлексия продолжала «царскую педагогику» Жуковского.

Она далеко не во всем совпадала с мнением адресата и тем более подходила целям официальной пропаганды: фактически все политические статьи писателя первоначально представляли собой письма наследнику престола, не исключая обширного очерка «Иосиф Радовиц», но в русской прессе появился только один материал, первоначально не мыслившийся публичным – «Письмо русского из Франкфурта» [24] представлявшее собой начало письма от 17 февраля 1848 г. По поводу этой неожиданной публикации Жуковский писал в марте наследнику престола: «В “Северной пчеле” напечатан отрывок письма моего к Вашему Высочеству: это порадовало меня, потому что я из этого мог заключить, что я угадал отчасти мысли нашего Государя» (не опубликовано) [22. Л. 209 об.]. Очевидно, эта статья должна была предварить публикацию высочайшего манифеста от 14 марта (в «Северной пчеле» он был напечатан в № 59 от 15 марта), являя собой «глас русского» из самого центра событий, из опасного «кратера вулкана», где единственным спасением виделось хранительное самодержавие:

> Самодержавие неограниченное, отеческое самодержавие, хранящее Божию правду, исполняющее ее для всех и каждого, берегущее все законное, все, на что дано от Богу неотъемлемое право всем и каждому, самодержавие, некогда создавшее, а теперь хранящее и одно могущее сохранить сильную самобытность русского царства; им одним и во дни всемирных бедствий сохранится наше великое отечество [24. С. 225–226].

Еще одним одобренным для публикации текстом стало письмо к П.А. Вяземскому о его стихотворении «Святая Русь». Часть его также входила первоначально в письмо к великому князю от 4 (16) июня 1848 г. [22. Л. 219–223 об.], а полный текст был отправлен высочайшему адресату отдельно через посредничество П.А. Плетнева:

> Это письмо, как своеручное, так и диктованное (часть письма написана Василием Кальяновым под диктовку Жуковского. – *В.К.*), сообщи через Плетнева в<еликому> к<нязю> наследнику. Пускай Плетнев отправит его при письме от себя, в котором сказать, «что это письмо сообщается Ему по моему желанию. Не найдет ли он, что его будет можно напечатать (разумеется, с некоторыми выпусками)?» [25. Л. 1].

Дальнейшая судьба текста была связана с царственной цензурой. Великий князь Александр Николаевич одобрил письмо для публикации, однако с поправками, которые вносились по инициативе императора Николая I, о чем Вяземский уведомил автора в письме от 18 октября 1848 г.:

> Не писал я к тебе потому, что ожидал особенных оттисков письма твоего, чтобы послать тебе екземпляр. Только третьего дня получил я их. Между тем я надеялся, что Плетнев уведомит тебя о всей процедуре помещения письма твоего в журнале. Он отправил письмо к цесаревичу, он же и получил его обратно от цесаревича с изменениями или, лучше сказать, с исключениями, признанными необходимыми государем. Жаль, очень жаль, что все сказанное тобою о протестантизме и разных других *измах*, из него истекших, подвержено было также своему *изму*, то есть остракизму. Государь нашел, что ты совершенно прав, но что слова и мнения твои могут показаться несколько жесткими нашим братьям протестантам. Как бы то ни было, но письмо твое встретило общее сочувствие и имело большой успех. Плетнев дополнит слова мои своими подробностями как личный посредник между письмом и высочайшими его цензорами [26. С. 61].

Самым существенным из них стал выпуск фрагмента о Реформации, не устроившего императора недипломатичной резкостью характеристик. Остальные сокращения касались личных обстоятельств Жуковского, не предназначенных вниманию широкой аудитории. В таком виде статья была опубликована в столичной газете «Русский инвалид» 21 сентября 1848 г. [27].

В статье выстраивается цельная историософская концепция отхождения европейской цивилизации от духа христианства (веры в святое) с указанием ведущих импульсов и этапов – вплоть до современности. Революционной Европе противопоставляется идеал «Святой Руси», вполне сохранив-

шей истинную веру и самодержавные устои, вернее, уверенность в их божественной природе, о чем подробнее Жуковский писал в неопубликованной при жизни статье «Самоотвержение власти». Как указала Л.Н. Киселева [28], интертекстуальным фоном статьи в этом плане выступало не только стихотворение Вяземского, но и все тот же общий их претекст – манифест от 14 марта, где использована формула «Святая Русь»:

> По заветному примеру Православных Наших предков, призвав в помощь Бога Всемогущаго, Мы готовы встретить врагов Наших, где бы они ни предстали, и, не щадя Себя, будем, в неразрывном союзе с Святою Нашею Русью, защищать честь имени Русскаго и неприкосновенность пределов Наших [21. С. 182].

Две напечатанные в российских газетах статьи, выбранные из большого объема политической публицистики Жуковского, позволяют судить, что принципом их допуска до широкого читателя были максимальная близость к официальной позиции и обобщенная позиция верноподданного, не допускающая конкретных деталей в изображении и оценке адресата, героев или обстоятельств. Это, по сути, была не публицистика, а историософия, поскольку из нее вымывалась актуальность данного места и времени.

Но отказаться от нее Жуковский, увлеченный круговоротом немецких событий, был не в силах и искал иных, не столь зависимых от официальной пропагандистской политики каналов, которыми стали публикации в немецких изданиях. Все они были анонимными, что соответствовало принципиальной позиции писателя, с одной стороны, не выступать от лица двора, о связях с которым Жуковского было известно в немецкой журналистской среде, а с другой – соблюсти дистанцию по отношению к обсуждаемому вопросу, представляя некую типичную точку зрения русского человека в Германии. Обозначение своего имени могло быть и просто опасно в условиях революционной анархии, на что пенял Жуковский даже по поводу публикации в «Северной пчеле», далекой от Германии, «Письма русского из Франкфурта»:

> Жаль, что в начале отрывка выставлено, *откуда* писано письмо; здесь *догадываются*, кто писал, а мне бы не хотелось выходить на поединок с здешними либералами, которые кричат: «Ты свободен думать, как хочешь, только думай по-нашему» (не опубликовано, март 1848 г.) [22. Л. 209 об.].

Точно так же поступал в сходной ситуации Ф.И. Тютчев, анонимно публикуя в немецких и французских газетах 1840-х гг. свои полемические статьи, по сей день еще не выявленные в полном объеме. Более того, желание противопоставить европейской антироссийской пропаганде собственную регулярную контрпропаганду выросло у поэта в конкретный проект. Как заключает Т.Г. Динесман, в мюнхенских депешах 1830–1840-х гг., в частности в меморандуме 1843 г., «следует искать истоки идеи Тютчева, осуществлению которой впоследствии, по выходе в отставку, он был готов всецело посвятить себя. Эта идея – организация систематического воздействия на

европейское общественное мнение путем консолидации европейских публицистов, известных своими симпатиями к России» [29. С. 146–147].

Комплекс анонимных немецких публикаций Жуковского, ставший предметом разысканий Н.Е. Никоновой, демонстрирует последовательную установку на разоблачение русофобских стереотипов и стремление защитить от нападок лиц, близко знакомых писателю и неоднозначно воспринимаемых и в Германии, и российским двором (Фридрих-Вильгельм IV, Иосиф Радовиц) [30. С. 237–264, 287–307]. Все эти произведения были представлены наследнику престола в письмах, хотя разрешения на публикацию при этом не испрашивалось, более того, иногда высылалась уже готовая брошюра с русским вариантом текста. В них Жуковский, соблюдая идеологическую корректность, чувствовал себя более свободным и выражал позицию не манифестарно, а полемически, хотя и не желал опускаться до уровня манипулятора общественным мнением. Выразительную картину подобных методов он рисовал в неопубликованном письме от марта 1848 г.:

> Считаю необходимым послать Вашему Высочеству приложенную статью, вырезанную из здешнего издания (вероятно, «Allgemeine Zeitung». – *В.К.*). Вероятно, Вы иначе не могли бы иметь ее перед глазами. Посылаю ее для того, чтобы Вы видели, какие средства журналисты и действующая через них пропаганда употребляет, чтобы мутить умы и ссорить правительства с их подданными. Ложь льется потоком: выдумываются небывалые происшествия, чтобы тревожить умы, производить подозрения, чтобы представлять уже совершившимся то, чего совершиться желают; в журналах и газетах публикуется только то, что потворствует торжествующей партии, все противное ей отвергается; благонамеренность молчит и робеет. Вот тебе и свобода книгопечатания. В приложенной статье цель дела не сообщение очевидного, хотя, с одной стороны, *возбудить мятежные* мысли в дальних остзейских провинциях, полагаясь на то, что в них должно быть недовольство против правительства за последние несчастные религиозные смуты; и чтобы достигнуть вперед цели своей, *выдумывают небылицу*, чем, с другой стороны, надеются пробудить подозрительность и недоверчивость в правительстве, дабы заставить его сделать какой-нибудь шаг, оскорбительный для остзейцев, а в них произвести чрез то негодование и, в то же самое время, указать путь, какой им следует выбрать. Такова политика журналистов [22. Л. 209–209 об.].

Полемическим ответом на пропагандистские уловки Жуковский сделал свою статью, позднее озаглавленную «По поводу нападок немецкой прессы на Россию». В предыдущих собраниях сочинений она ошибочно датировалась 1850 г., но письмо к наследнику, в котором упоминается как недавняя публикация «Письма русского из Франкфурта» (12 марта) и к которому приложен русский вариант текста, позволяет отнести ее к марту 1848 г. (не ранее 6 марта – по упоминанию № 66 «Allgemeine Zeitung»)[1].

[1] Не стало, к сожалению, исключением и Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. К моменту обнаружения письма к цесаревичу 11-й том, в который включена

Великому князю Жуковский предлагал рекомендовать ее для печати в России и акцентировать в заглавии параллельность публикации в немецкой газете:

> В эту минуту приходит мне на мысль присоединить к этому письму статью, написанную мною для Allg. Zeitung. Ее перевел на немецкий язык граф Штейнбок; будет ли она напечатана, не знаю. Если даже нет, то ее можно напечатать в нашей газете, пускай будет она напечатана под заглавием: *перевод статьи, напечатанной в № Allg.<emeine> Zeitung* (если она там будет напечатана) или *перевод статьи, посланной для напечатания в Allg.<emeine> Zeitung, но там не напечатанной и доставленной нам в оригинале*. Таким образом, эта статья, если только она удостоится одобрения Государя Императора, из России перейдет в Германию (от марта 1848 г. [22. Л. 209 об. – 210 об.]).

Статья должна была зримо воплощать наличие российской контрпропаганды в Германии, ведущейся «благонамеренным лагерем».

Аугсбургская «Всеобщая газета» в политических бурях 1848 г. занимала левую позицию, здесь, в частности, регулярно публиковались Фридрих Энгельс и его единомышленники, и отражала русофобские настроения, присущие либеральной среде [32]. Впрочем, претендуя на объективность, она иногда открывала свои страницы для статей-опровержений, чем попробовал воспользоваться Жуковский, планомерно проводя мысль об отсутствии у России каких-либо планов интервенции и напоминая, какую роль сыграла она в освобождении Германии от наполеоновских войск. К сожалению, нам пока не удалось установить, была ли эта статья опубликована весной 1848 г. в «Allgemeine Zeitung», но в российскую печать она не попала. Точно соответствуя букве и духу высочайшего манифеста, призывающего только к недопущению революции в границы империи, она переходила пределы разрешенных коммуникативных форм, которые должны были быть максимально обобщенными: здесь давалась характеристика личности императора, пусть и верноподданническая («Эта политика, предписываемая здравым смыслом, есть в то же время и личный, честный характер ее нынешнего императора» [22. Л. 211]), вспоминались события Польского восстания 1830–1831 гг., говорилось о завоеваниях России и т.п. Словом, вместо редукции острых тем статья пробуждала политическую рефлексию, что делало ее неприемлемой для официальной пропаганды в столь критический момент.

Эти же особенности определили судьбу следующего публицистического сочинения Жуковского – «О происшествиях 1848 года. Письмо к графу Ш-ку». Материалы писем к наследнику позволяют высказать предположение, нам кажется, вероятное, об адресате послания, которым может быть

статья «По поводу нападок немецкой прессы на Россию» [31], находился уже в типографии. Статья имеет целью восполнить это досадное упущение.

Николай Васильевич Исаков (1821–1891), граф Штейнбок, служивший на Кавказе, отличившийся в ряде кампаний и потерявший в свои еще молодые годы ногу. С ним Жуковский познакомился зимой 1847/48 г. во Франкфурте, о чем писал великому князю 15 декабря 1847 г.:

> Здесь во Франкфурте находится теперь граф Штейнбок, жалкий огрызок Кавказа. Ему достался жребий не легкий: он еще в полном развитии жизни, а уже все его будущее пропало; бедный раб своих костылей, он еще осужден на страдания жестокие; каковы его страдания, я это знаю по моему тестю. Но потерять ногу еще тяжелее, нежели руку. Сверх того бедный Штейнбок, вместо того, чтобы жить на родине и пользоваться пособиями родных своих, должен скитаться по Европе, убегая нашего сурового климата. И это не всегда удается: он ездил в Англию, чтобы заказать механическую ногу, истратился на путешествие и на покупку ноги, и вышло, что ему никак нельзя употреблять ее. А теперь, собравшись ехать на зиму в Неаполь, он занемог от воспаления в его ране, пропустил время, зима захватила его во Франкфурте, правда, холод не сильный, но будет ли ему возможно пуститься в путь, это сомнительно. Да, кажется, и в кармане его стало пусто. Одним словом, он представляет самое жалкое зрелище глазам моим [19. С. 537; 22. Л. 201 об.].

Штейнбок перевел на немецкий язык статью Жуковского для «Allgemeine Zeitung», очевидно, их отношения были дружеские и граф знал и разделял мнения поэта, что позволило адресовать ему письмо-статью, соединявшее политику и личные воспоминания, столь уместные в общении старшего с младшим (которого молва называла внебрачным сыном Николая I). Стоит отметить, что первая часть статьи вплоть до отдельных выражений основана на тексте «По поводу нападок немецкой прессы на Россию» и развивает его идеи. В момент написания первой части «Письма к графу Ш-ку» (май–июнь 1848 г.) Н.В. Исаков уже вновь находился на Кавказе. Впоследствии он был участником Венгерского похода 1849 г. Решающим аргументом в определении адресата тем не менее может стать только обнаружение автографа письма (может быть и не одного), который стоит поискать в сохранившихся архивных бумагах Исакова.

Купированная Бартеневым часть письма к наследнику позволяет точнее датировать начало работы над статьей маем – началом июня 1848 г. 4 (16) июня 1848 г. из Эмса Жуковский писал:

> Но я должен кончить, иначе не поспею на почту. Прилагаю копию с письма моего, которое, может быть, явится печатное в немецком переводе. Прошу у государя императора прощения за мою нескромность. Я держался более 20 лет, надобно же было когда-нибудь высказать то, что у меня на сердце. Если бы я теперь не описал того, что видел, то оно, вероятно, скоро бы умерло вместе со мною [22. Л. 223 об.].

Позднее, готовя статью к публикации, Жуковский изменил датировку первой части, представлявшей собой собственно письмо к графу Ш-ку, на

25 июня (7 июля) 1848 г., соответственно постскриптуму, посвященному исполнению гимна в день рождения императора Николая I, и значительно расширил текст, добавив новый фрагмент с комментарием к газетному описанию Кельнского праздника 14–16 августа (датировано 7 (19) августа 1848 г.) и фрагмент с рефлексией по поводу брошюры Либетрута (13 (25) августа 1848 г.) [33].

Как мы видим из письма, поэт изначально не надеялся на публикацию в России статьи, посвященной интимному событию из жизни царствующего императора (это было невозможно до его смерти, впервые статья была опубликована только в 1857 г. в 10-м томе Сочинений Жуковского), однако оставлял за собой право анонимного издания в немецких газетах. Впрочем, российский читатель также учитывался – в масштабах избранного круга друзей и единомышленников. Подобный тип малотиражной публикации «для немногих» был опробован Жуковским в придворной среде еще в 1810–1820-е гг., он позволял иерархическую патронажную систему официальной пропаганды превратить в камерную кружковую коммуникацию. Поэт напечатал в немецкой типографии 40 экземпляров брошюры (один из них см. в [34]), включавшей первую, собственно эпистолярную часть статьи, и разослал их ряду друзей, в том числе Александру Николаевичу, о чем сообщал в письме от 3 (15) августа из Кронталя (фрагмент также подвергся купированию Бартеневым):

> Я отложил посылку этого письма до отправления курьера. Прилагаю здесь печатную брошюрку другого моего письма, которое вы уже получили в рукописи. Я напечатал его в нескольких экземплярах, чтобы раздать некоторым русским. Будет ли напечатано в переводе, еще не знаю. Если будет, то с приложенным здесь прибавлением и с некоторыми выпусками [22. Л. 231].

Описанный здесь состав переводного варианта соответствует выявленной Н.Е. Никоновой его публикации в приложении от 30 августа 1848 г. к № 52 газеты «Neue Preußische Zeitung», где текст снабжен кратким предисловием («прибавлением») и состоит из двух частей, несколько сокращенных в сравнении с окончательным текстом [30. С. 289–290; 33. С. 840–841]. О переводе, сделанном Е.А. Жуковской [35], поэт писал барону А. фон Мальтицу 9 (21) августа 1848 г.:

> Тороплюсь отвечать Вам и просить Вас не затрудняться переводом моего письма к графу Ш.: оно уже переведено и будет напечатано, если его примут в «Neue Preussische Zeitung», которая выходит в Берлине. Перевод был сделан на моих глазах, и я сам сделал несколько поправок: многое выпустил и сделал некоторые прибавления. В этом виде письмо будет более подходящим для немецкой газеты. Моя печатная брошюра – только для русских. <…> Что касается до письма к графу Ш., я прошу Вас не называть меня его автором. Я не имею ни малейшего желания входить в какие бы то ни было личные прения с героями пера [36. С. 20] (оригинал по-французски).

Письмо к А.Я. Булгакову от того же числа предлагает любопытный комментарий к взаимоотношению каналов официальной печатной пропаганды и кружковых форматов идеологической рефлексии:

> Вместо длинного письма посылаю тебе, душа моя, коротенькую брошюрку, мною здесь напечатанную для немногих русских, здешних и домашних. Два экземпляра – пошли из них один Вяземскому, другой оставь себе. Но прошу тебя, никому не давай в руки печатного; если тебе захочется, чтоб другие читали, то вели сделать список, и пускай ходит по рукам манускрипт; иначе могут подумать, что я печатаю за границею для раздачи экземпляров на Руси. Я всего на все напечатал 40 экземпляров, из которых не более десятка пойдет на родину [37. С. 1472–1473].

Для Жуковского было принципиально придать своей статье в глазах российских читателей характер частного эпистолярного высказывания, распространяемого в списках из рук в руки в ограниченной дружеской среде. Для российской диаспоры в Германии предназначался уже печатный текст брошюры, а немецкий читатель мог познакомится с газетным вариантом. Так выстраивалась целая лестница форматов, раздвигавших границы официальной пропаганды и увеличивавших пространство публицистической свободы. Ресурсы жесткой патронажной системы, кружковой литературной коммуникации и профессиональной зарубежной журналистики представляли Жуковскому поле лавирования, и ими он активно пользовался и впоследствии.

Так, статья «Иосиф Радовиц» первоначально представляла собой длинное, долго подготавливаемое письмо к великому князю от 14 (26) апреля 1850 г. [22. Л. 308–331]. В этом виде она включала целый ряд фрагментов, сокращенных в немецкой версии, которая была опубликована в виде брошюры в Карлсруэ, очевидно, в июне 1850 г. (см. сопоставление русского и немецкого вариантов [30. С. 255–264]). Русская публикация была невозможна, поскольку не соответствовала позиции императора и двора по отношению к Радовицу [31. С. 929–932].

То же случилось и с письмом к И.Ф. Паскевичу, в котором содержалась оценка, неприемлемая для российской публичной печати, так как она исходила от частного лица. Статья «Englische und russische Politik» вышла в приложении к № 92 «Allgemeine Zeitung» 1850 г. [31. С. 919, 928–929], о чем Жуковский широко оповестил друзей, дабы привлечь к ней внимание (письма И.И. Базарову, Д.П. Северину, П.А. Плетневу, А. фон Мальтицу и др.). Не стал исключением и наследник престола, которому газета была послана 13 (25) апреля:

> <…> я писал к нему (Паскевичу. – *В.К.*) длинное письмо совсем о другом предмете, который мог быть для него интересен, но он не удостоил меня ответа, из чего я видел, что он находится еще в Петербурге. Из моего неответствованного письма к фельдмаршалу вышла статья, которая весьма пригодилась в газеты: она напечатана в Allgemeine Zeitung. Прилагаю здесь этот печатный лист (купюра Бартенева) [22. Л. 306–306 об.].

Приложение

Великому князю Александру Николаевичу
Март 1848 г. (не ранее 12 числа). Франкфурт-на-Майне.

Считаю необходимым послать Вашему Высочеству приложенную статью, вырезанную из здешнего издания[2]. Вероятно, Вы иначе не могли бы иметь ее перед глазами. Посылаю ее для того, чтобы Вы видели, какие средства журналисты и действующая через них пропаганда употребляет, чтобы мутить умы и ссорить правительства с их подданными. Ложь льется потоком: выдумываются небывалые происшествия, чтобы тревожить умы, производить подозрения, чтобы представлять уже совершившимся то, чего совершиться желают; в журналах и газетах публикуется только то, что потворствует торжествующей партии, все противное ей отвергается; благонамеренность молчит и робеет. Вот тебе и свобода книгопечатания. В приложенной статье цель дела не сообщение очевидного, хотя, с одной стороны, *возбудить мятежные* мысли в дальних остзейских провинциях, полагаясь на то, что в них должно быть недовольство против правительства за последние несчастные религиозные смуты; и чтобы достигнуть вперед цели своей, *выдумывают небылицу*, чем, с другой стороны, надеются пробудить подозрительность и недоверчивость в правительстве, дабы заставить его сделать какой-нибудь шаг, оскорбительный для остзейцев, а в них произвести чрез то негодование и, в то же самое время, указать путь, какой им следует выбрать. Такова политика журналистов.

Не могу писать более. У меня воспаление в глазу. В «Северной пчеле» напечатан отрывок письма моего к Вашему Высочеству[3]: это порадовало меня, потому что я из этого мог заключить, что я угадал отчасти мысли нашего Государя. Жаль, что в начале отрывка выставлено, *откуда* писано письмо; здесь *догадываются*, кто писал, а мне бы не хотелось выходить на поединок с здешними либералами, которые кричат: «Ты свободен думать, как хочешь, только думай по-нашему».

В эту минуту приходит мне на мысль присоединить к этому письму статью, написанную мною для Allg<emeine> Zeitung. Ее перевел на немецкий язык граф Штейнбок[4]; будет ли она напечатана, не знаю. Если даже нет, то ее можно напечатать в нашей газете, пускай будет она напечатана под заглавием: *перевод статьи, напечатанной в № Allg<emeine> Zeitung* (если она там будет напечатана) или *перевод статьи, посланной для напечатания в Allg<emeine> Zeitung, но там не напечатанной и доставленной*

[2] Вероятно, «Allgemeine Zeitung»: «Einige Herren aus Riga und von Landadel Kurlands sind hier eingetoffen, um vorläufig zu ermitteln, in wie fern sie russischen Ostseeprovinzen auf den Beistand Preußens und Deutschlands rechnen könnten; die Sendung einer officiellen Deputation von dort ist ls bevorstehend angekündigt».

[3] «Письмо русского из Франкфурта».

[4] Николай Васильевич Исаков (1821–1891), граф Штейнбок.

нам в оригинале. Таким образом, эта статья, если только она удостоится одобрения Государя Императора, из России перейдет в Германию.

Извините, что пишу так дурно – глаза худо видят, да и бумага замарана – виноват, не разглядел, а переписывать, право, нет силы. С минуту получил письмо Олсуфьева[5], в котором он меня уведомляет о Вашей новой милости – с благодарностию целую Вашу покровительствующую руку.

Ж<уковский>

Если надобно будет напечатать статью мою, то она может быть напечатана под тем титулом, который мил Его Высочеству.

Статья,
посланная (в немецком переводе) для напечатания в Allgemeine Zeitung, но там еще не напечатанная и нам доставленная в оригинале

К издателю Allgemeine Zeitung

В 66-м номере вашей газеты напечатано рассуждение о союзниках Германии: оно побудило меня обратиться к вам и просить вас поместить приложенную статью в одном из следующих номеров ваших. Ваша газета отличается беспристрастием и чистотою направления; теперь книгопечатание свободно: чтоб быть истинно свободным, надлежит быть справедливым. Каждому свое. Вот почему и надеюсь, что вы дадите место моей статье в страницах вашей газеты.

Во всех журналах и газетах восстают против России; с одной стороны, ужасаются той помощи, которую она может подать Германии против Франции; с другой стороны, как чудовищное привидение, тревожит всех набег казаков и башкиров, готовых растерзать Германию и принести в нее восточное варварство. По-настоящему на все это отвечать не нужно: ложные понятия сами себя опровергают; но раз навсегда надобно сказать беспристрастную правду.

Русскому царю, повелевающему народом верным и уверенным, что самодержавие монархическое для сохранения бытия его надежнее самодержавия народного, – нет никакой необходимости в союзе с Европою: он силен у себя. Во внутренность его великой державы никакой враг ворваться не покусится, помня судьбу Наполеоновой армии; вне своих границ он побежден быть не может по той простой причине, что он из них не выйдет ни для каких завоеваний, ему ненужных (не тронь никто Константинополя – Россия его не тронет). Эта политика, предписываемая здравым смыслом, есть в то же время и личный, честный характер ее нынешнего императора; как ни старается безобразить его клевета злонамеренная, Европа должна

[5] Василий Дмитриевич Олсуфьев (1796–1858), граф, обер-гофмейстер, приближенный цесаревича.

признаться, что в его действиях нет ничего кривого и двусмысленного. Его правила: не тронь меня, я никого не трону. Что русский император не наклонил головы перед возмутившеюся Польшею, может ли за это его порицать Европа? Что бы сказала она, если бы он сделал противное? Не на его душе неправедное разделение Польши: он получил ее, как русский государь, от своих предшественников в наследство – он только сохранил и всегда сохранит неприкосновенным достояние своего царства.

Германия ни как *защитница*, ни как *союзница*, ни как *добыча* не нужна России; столь же мало нужно России быть защитницею Германии – от этого может она выиграть одну только бескорыстную славу, заплатив за нее людьми и деньгами. Но она уже имеет эту славу на все времена и может ею довольствоваться, не заботясь о приобретении новой. Эта слава, которой история у нее не отымет, есть слава той великой эпохи, когда, сладив со всею Европою, покорив всех германских государей своему игу, разорив их народы, употребив их силы в пользу своего самовластия, – Наполеон с войсками всей этой Европы ворвался в границы русского царства и сокрушился об твердую волю русского царя, который сказал великое слово: *не положу оружия, покуда хотя один враг останется в пределах моих* – и сдержал это слово; слава России в пожаре ее древней Москвы, в смелом выступлении за Наполеоном из своих пределов и в громком воззвании всей Германии на соединение с нею против общего врага: слава России есть ее Александр, который два раза спас Пруссию, который был центром соединения сил Германии и воли их государей во времена всеобщей борьбы, не имевшей бы успеха без единства. В эту эпоху помощь России была спасительна для Германии: теперь Германия поносит Россию и ее боится, как некогда римский мир боялся гуннов… какие попытки на завоевания дают на это право? Но причины такого всеобщего восстания мнений против России в Германии надобно искать в другом источнике: в совершенной противоположности тех двух *оснований*, из которых на одном веками утверждена Россия, а на другом теперь вдруг стала и хочет утвердиться Германия. Об этом здесь говорить не место.

Что же касается до страха, внушаемого мнимым завоевательным честолюбием России, то он сам исчезнет, как всякое другое привидение. С спокойным невниманием к понятиям ошибочным и к клеветам злонамеренным – Россия может сказать Германии: если ты некогда спасла свою самобытность, то этим обязана ты не одному своему собственному национальному героизму, но и верному содействию России, которая в те времена стояла за тебя, как за себя. Если опять настанет время, в которое такое же бедствие посетит тебя и ты отвергнешь помощь России, Россия от этого не будет менее Россиею; она не подумает насильственно за тебя вступаться. О завоеваниях же областей твоих ей и подумать невозможно, по той причине, что такие завоевания не только ей не нужны, но и вредны: не с ее востока приходили *замышлятели всемирной европейской монархии* и приносили всеобщий деспотизм, но с *запада* – оттуда, где и прежде кричали и теперь кричат: liberte, egalite, fraternite. Русские же завоевания все были

для *самобытности,* а не для *всемирного владычества:* те границы, в которые Россия мало-помалу вступила, были ей *необходимы,* ибо сила нужна для самобытности; все, что для приобретения этой силы было ей нужно, то совершено. Теперь для завоеваний дальнейших никакого повода не существует: это были бы не *образовательные,* а *разрушительные* приобретения. На пограничном камне русского царства стоит: *не далее.* Для России теперь начинается новая великая эпоха ее бытия: *боевое* развитие для *безопасности* совершено; начинается *мирное* внутреннее развитие для *благоденствия*. Сие внутреннее развитие может быть произведено в ней только *самодержавием*. Самодержавие есть жизненная стихия, есть исторический путь России, то есть путь, проложенный ей Провидением. Пускай Германия идет своим путем, не понуждая Россию за нею следовать и не понося ее за ее своебытность*. Пути различны; но цель их одна: *благоденствие народное, основанное на Божией правде*.

* Россия, с своей стороны, не подумает вмешиваться в направление Германии.

<Без даты и места>

А в т о г р а ф : ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 209–210 об. Статья – л. 211–212. Л. 212а – вырезка из немецкой газеты.

Д а т и р у е т с я : не ранее 12 марта 1848 г. (по дате публикации в «Северной пчеле» «Письма русского из Франкфурта»).

Литература

1. *Martin A.M.* Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the reign of Alexander I. DeKalb : Northern Illinois University Press, 1997. 294 p.

2. *Зорин А.Л.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М. : Новое литературное обозрение, 2004. 416 с.

3. *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. М. : ОГИ, 2002. Т. 1. 605 с.; Т. 2. 796 с.

4. *Шевченко М.М.* Конец одного величия: власть, образование и печатное слово в императорской России на пороге освободительных реформ. М. : Три квадрата, 2003. 268 с.

5. *Против* течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2005. 417 с.

6. *Удалов С.В.* Государственная идеология в России второй четверти XIX века: пропаганда и реализация : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005. 236 с.

7. *Майофис М.Л.* Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 800 с.

8. *Лотман Ю.М.* Походная типография штаба Кутузова и ее деятельность // 1812 год: К стопятидесятилетию Отечественной войны. М., 1962. С. 215–232.

9. *Листовки* Отечественной войны 1812 года / под ред. Л.Г. Бескровного. М. : Изд-во АН СССР, 1962. 159 с.

10. *Тартаковский А.Г.* Военная публицистика 1812 г. М. : Мысль, 1967. 220 с.

11. *Живов В.М.* Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. 2008. № 91. С. 114–140.

12. *Федотова Л.В.* Отечественная война 1812 года и заграничные походы в представлении журнала «Сын отечества» (1812–1814) : дис. … канд. ист. наук. Саратов, 2013. 265 с.

13. *Мирзоев Е.Б.* С.Н. Глинка против наполеоновской Франции: У истоков консервативно-националистической идеологии в России. М. : Институт бизнеса и политики, 2010. 163 с.

14. *Кляйн И.* Русская литература в XVIII веке. М. : Индрик, 2010. 440 с.

15. *Тодд III У.М.* Литература и общество в эпоху Пушкина. СПб. : Академический проект, 1996. 306 с.

16. *Гузаиров Т.* Жуковский – историк и идеолог николаевского царствования. Тарту : Tartu Ülikooli Kirjastus, 2007. 153 с.

17. *Русский* архив. 1883. Вып. 5–6. 780 с.

18. *Русский* архив. 1885. Вып. 1–4. 686 с.

19. *Жуковский В.А.* Сочинения: в 6 т. / под ред. П.А. Ефремова. 8-е изд., испр. и доп. СПб., 1885. Т. 6. 640 с.

20. *Киселев В.С.* Письма Жуковского к великому князю Александру Николаевичу 1850–1852 гг.: публикация и комментарий // Жуковский: Исследования и материалы. Томск, 2017. Вып. 3. С. 304–345.

21. *Полное* собрание законов Российской империи: Собр. 2. СПб., 1849. Т. 23. 546 с.

22. *ГАРФ*. Ф. 728. Оп. 1. № 1680.

23. *Виницкий И.Ю.* Дом толкователя: поэтическая семантика и историческое воображение В.А. Жуковского. М. : Новое литературное обозрение, 2006. 328 с.

24. *Жуковский В.А.* Письмо русского из Франкфурта // Северная пчела. 1848. № 57 (12 марта). С. 225–226.

25. *РГАЛИ.* Ф. 198. Оп. 1. № 62. Л. 1–2.

26. *Переписка* П.А. Вяземского и В.А. Жуковского (1842–1852) / публ. М.И. Гиллельсона // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология : ежегодник 1979. Л., 1980. С. 34–75.

27. *Письмо* В.А. Жуковского к князю П.А. Вяземскому // Русский инвалид. 1848. № 207. 21 сент. С. 825–827.

28. *Киселева Л.Н.* Диалог Вяземского и Жуковского о Святой Руси // «На меже меж Голосом и Эхом» : сб. ст. в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М., 2007. С. 137–147.

29. *Динесман Т.Г.* Тютчев в Мюнхене: (К истории дипломатической карьеры) // Тютчевский сборник. Тарту, 1999. Вып. 2. С. 121–201.

30. *Никонова Н.Е.* В.А. Жуковский и немецкий мир. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2015. 496 с.

31. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Издательский дом ЯСК, 2016. Т. 11 (первый полутом). 1048 с.

32. *Müchler G.* Wie ein treuer Spiegel: die Geschichte der Cotta'schen Allgemeinen Zeitung. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998. 233 s.

33. *Гузаиров Т.* Примечания // Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. М., 2016. Т. 11 (первый полутом). С. 838–846.

34. *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 9. № 6.

35. *РГБ.* Ф. 104. Карт. 1. № 3. Л. 1–2 об.

36. *Шляпкин И.А.* Жуковский и его немецкие друзья: Неизданные документы 1842–1850 гг. из картона Варнгагена фон Энзе // Русский библиофил. 1912. Ноябрь–декабрь. С. 7–24.

37. *Письма* В.А. Жуковского к московскому почтдиректору А.Я. Булгакову // Русский архив. 1868. № 9. Стб. 1445–1483.

ZHUKOVSKY, GERMAN REVOLUTION AND INSTITUTIONS OF IMPERIAL PROPAGANDA (BASED ON THE UNPUBLISHED CORRESPONDENCE WITH GRAND DUKE ALEXANDER NIKOLAYEVICH)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 52. 165–183. DOI: 10.17223/19986645/52/10

Vitaly S. Kiselev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kvuliss@mail.ru

Tatyana L. Vladimirova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E mail: tatvlad@tpu.ru

Keywords: Zhukovsky, Grand Duke Alexander Nikolayevich, German revolution of 1848, imperial propaganda, political journalism, letters.

The article uses the unpublished correspondence of 1848 between V.A. Zhukovsky and Grand Duke Alexander Nikolayevich to describe the interaction of the poet's political journalism with the institutions of imperial propaganda. Propaganda efforts in the reign of Nicholas could be consolidated due to the development of the so-called official nationality ideological program, with its four main propaganda channels: 1) direct addresses of the court published in official bulletins and manifestos; 2) the information policy of pro-government magazines and newspapers approved as the sources of ideologically relevant materials; 3) support of propaganda activities of certain ideologists from the literary and scientific environment and, finally, 4) censorship as a tool of control over alternative ideological programs. Of these channels, Zhukovsky thought the third one as the most appropriate to appeal to a broad audience on socially important issues. The Russian culture considered this channel the rudiment of the patronage system. The Russian press could cover the revolutionary events in Germany only under strict ideological control. The highest sanction was required to publish Zhukovsky's articles, which originally represented letters to Tsarevich ("Letter from a Russian in Frankfurt", "Letter of V.A. Zhukovsky to Prince P.A. Vyazemsky"). The poet sought to expand the space of journalistic freedom, using more independent channels of communication: anonymous brochures published in Germany ("On the Accidents of 1848. A letter to Count Sh.", "Joseph Radovits"), materials in German newspapers ("On German press attacks on Russia", "On the incidents of 1848. A letter to Count Sh."). This was the way to construct the system of formats, pushing the boundaries of official propaganda. The resources of a rigid patronage system, coterie literary communication and professional foreign journalism gave Zhukovsky a field for maneuver, which he actively used later. In the article, the authors give a new dating of Zhukovsky's article "On German press attacks on Russia" (March 1848) on the basis of a newly discovered epistolary autograph. The appendix contains a previously unknown letter from Zhukovsky to Grand Duke dated by March 1848.

References

1. Martin, A.M. (1997) *Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the reign of Alexander I.* DeKalb: Northern Illinois University Press.

2. Zorin, A.L. (2004) *Kormya dvuglavogo orla... Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v posledney treti XVIII – pervoy treti XIX veka* [Feeding the two-headed eagle . . . Russian literature and state ideology in the last third of the 18th – first third of the 19th centuries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

3. Wortman, R. (2002) *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii: v 2 t.* [Scenarios of power. Myth and ceremony in Russian monarchy: in 2 vols]. Translated from English by S. Zhitomirskaya. Moscow: OGI.

4. Shevchenko, M.M. (2003) *Konets odnogo velichiya: vlast', obrazovanie i pechatnoe slovo v imperatorskoy Rossii na poroge osvoboditel'nykh reform* [The end of one greatness: power, education and the printed word in imperial Russia on the eve of liberation reforms]. Moscow: Tri kvadrata.

5. Minakov, A.Yu. (ed.) (2005) *Protiv techeniya: istoricheskie portrety russkikh konservatorov pervoy treti XIX stoletiya* [Against the Current: Historical Portraits of Russian Conservatives of the First Third of the 19th Century]. Voronezh: Voronezh State University.

6. Udalov, S.V. (2005) *Gosudarstvennaya ideologiya v Rossii vtoroy chetverti XIX veka: propaganda i realizatsiya* [State ideology in Russia in the second quarter of the 19th century: propaganda and implementation]. History Cand. Diss. Saratov.

7. Mayofis, M.L. (2008) *Vozzvanie k Evrope: literaturnoe obshchestvo "Arzamas" i rossiyskiy modernizatsionnyy proekt 1815–1818 godov* [Appeal to Europe: Literary Society Arzamas and the Russian Modernization Project of 1815–1818]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

8. Lotman, Yu.M. (1962) Pokhodnaya tipografiya shtaba Kutuzova i ee deyatel'nost' [The mobile typography of Kutuzov's headquarters and its activities]. In: Kazakov, N., Pugachev, V. & Beskrovnyy, L. *1812 god: K stopyatidesyatiletiyu Otechestvennoy voyny* [1812: To the 150th anniversary of the Patriotic War]. Moscow: USSR AS.

9. Beskrovnyy, L.G. (ed.) (1962) *Listovki Otechestvennoy voyny 1812 goda* [Leaflets of the Patriotic War of 1812]. Moscow: USSR AS.

10. Tartakovskiy, A.G. (1967) Voennaya publitsistika 1812 g. [Military journalism in 1812]. Moscow: Mysl'.

11. Zhivov, V.M. (2008) Chuvstvitel'nyy natsionalizm: Karamzin, Rostopchin, natsional'nyy suverenitet i poiski natsional'noy identichnosti [Sensitive nationalism: Karamzin, Rostopchin, national sovereignty and the search for national identity]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 91. pp. 114–140.

12. Fedotova, L.V. (2013) *Otechestvennaya voyna 1812 goda i zagranichnye pokhody v predstavlenii zhurnala "Syn otechestva" (1812-1814)* [The Patriotic War of 1812 and foreign campaigns in the presentation of the magazine Syn Otechestva (1812–1814)]. History Cand. Diss. Saratov.

13. Mirzoev, E.B. (2010) *S.N. Glinka protiv napoleonovskoy Frantsii. U istokov konservativno-natsionalisticheskoy ideologii v Rossii* [S.N. Glinka against Napoleonic France. At the origins of conservative nationalist ideology in Russia]. Moscow: Institut biznesa i politiki.

14. Klyayn, I. (2010) *Russkaya literatura v XVIII veke* [Russian literature in the 18th century]. Moscow: Indrik.

15. Todd III, W.M. (1996) *Literatura i obshchestvo v epokhu Pushkina* [Fiction and society in the age of Pushkin]. Translated from English. St. Petersburg: Akademicheskiy proekt.

16. Guzairov, T. (2007) *Zhukovskiy – istorik i ideolog nikolaevskogo tsarstvovaniya* [Zhukovsky, a historian and ideologue of the reign of Nicholas]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.

17. *Russkiy arkhiv*. (1883).

18. *Russkiy arkhiv*. (1885).

19. Zhukovsky, V.A. (1885) *Sochineniya: v 6 t.* [Works: in 6 vols]. 8th ed. Vol. 6. St. Petersburg: Izdanie knigoprodavtsa Glazunova.

20. Kiselev, V.S. (2017) Pis'ma Zhukovskogo k velikomu knyazyu Aleksandru Nikolaevichu 1850-1852 gg.: publikatsiya i kommentariy [Zhukovsky's letters to Grand Duke Alexander Nikolaevich 1850–1852]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy. Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky. Research and materials]. Is. 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 304–345.

21. Russian Empire. (1849) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 23. St. Petersburg: Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo velichestva kantselyarii.

22. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund 728. List 1. File 1680. (In Russian).

23. Vinitskiy, I.Yu. (2006) *Dom tolkovatelya: poeticheskaya semantika i istoricheskoe voobrazhenie V.A. Zhukovskogo* [The interpreter's house: poetic semantics and historical imagination. Zhukovsky]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

24. Zhukovsky, V.A. (1848) Pis'mo russkogo iz Frankfurta [A letter from a Russian in Frankfurt]. *Severnaya pchela*. 57 (12 March). pp. 225–226.

25. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 198. List 1. File 62. Pages 1–2. (In Russian).

26. Gillel'son, M.I. (ed.) (1980) Perepiska P.A. Vyazemskogo i V.A. Zhukovskogo (1842–1852) [Correspondence of P.A. Vyazemsky and V.A. Zhukovsky (1842–1852)]. In: Likhachev, D.S. et al. (eds) *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya. Ezhegodnik 1979* [Cultural Monuments. New discoveries. Writing. Art. Archeology. Yearbook 1979]. Leningrad: Nauka. pp. 34–75.

27. Russkiy invalid. (1848) Pis'mo V.A. Zhukovskogo k knyazyu P.A. Vyazemskomu [Letter from V.A. Zhukovsky to Prince P.A. Vyazemsky]. *Russkiy invalid*. 207. 21 September. pp. 825–827.

28. Kiseleva, L.N. (2007) Dialog Vyazemskogo i Zhukovskogo o Svyatoy Rusi [Dialogue of Vyazemsky and Zhukovsky on Holy Russia]. In: Ivanov, V.V. et al. *"Na mezhe mezh Golosom i Ekhom": Sbornik statey v chest' Tat'yany Vladimirovny Tsiv'yan* ["On the boundary between the Voice and the Echo": Collection of articles in honor of Tatyana Tsivyan]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.

29. Dinesman, T.G. (1999) Tyutchev v Myunkhene (K istorii diplomaticheskoy kar'ery) [Tyutchev in Munich (To the history of his diplomatic career)]. In: Kiseleva, L., Leybov, R. & Yunggren, A. (eds) *Tyutchevskiy sbornik* [Tyutchev collection]. Is. 2. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.

30. Nikonova, N.E. (2015) *V.A. Zhukovskiy i nemetskiy mir* [V.A. Zhukovsky and the German world]. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arkheo.

31. Zhukovsky, V.A. (2016) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 11. Pt. 1. Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK.

32. Müchler, G. (1998) *Wie ein treuer Spiegel: die Geschichte der Cotta'schen Allgemeinen Zeitung* [Like a faithful mirror: the story of Cotta's Allgemeine Zeitung]. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

33. Guzairov, T. (2016) Primechaniya [Notes]. In: *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 11. Pt. 1. Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK.

34. Institute of Russian Literature (IRLI). Fund I. List 9. File 6. (In Russian).

35. Russian State Library (RGB). Fund 104. Box 1. File 3. Page 1–2 rev. (In Russian).

36. Shlyapkin, I.A. (1912) Zhukovskiy i ego nemetskie druz'ya: Neizdannye dokumenty 1842-1850 gg. iz kartona Varngagena fon Enze [Zhukovsky and his German friends: Unpublished documents of 1842–1850 from the box of Vargangen von Anze]. *Russkiy bibliofil*. November–December. pp. 7–24.

37. Russkiy arkhiv. (1868) Pis'ma V.A. Zhukovskogo k moskovskomu pochtdirektoru A.Ya. Bulgakovu [Letters from V.A. Zhukovsky to the Moscow postmaster A.Ya. Bulgakov]. *Russkiy arkhiv*. 9. Columns 1445–1483.

УДК 821.161.1+281.93 (571)
DOI: 10.17223/19986645/52/11

С.В. Мельникова

СИБИРЬ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО, ФИЛОСОФСКОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ В СОЧИНЕНИЯХ АРХИЕПИСКОПА ИРКУТСКОГО НИЛА (Н.Ф. ИСААКОВИЧА, 1779–1874) И ЕПИСКОПА ЯКУТСКОГО ИАКОВА (И.П. ДОМСКОГО, 1823–1889)[1]

На материале исторических сочинений, публицистики и мемуаров архиепископа Иркутского Нила (Исаковича) и епископа Якутского Иакова (Домского) поднимается вопрос о роли православного духовенства в разработке ключевой для развития региональной сибирской истории и литературы темы Сибири. Рассматриваются малоизвестные, в том числе впервые атрибутируемые, тексты. Основное внимание уделяется мемуарным путевым запискам, выводящим образ Сибири на уровень философского и художественного обобщения.

Ключевые слова: *архиепископ Нил (Исакович), епископ Иаков (Домский), православная духовная литература, путевые записки, Сибирь.*

Дореволюционное православное духовенство, сыгравшее существенную роль в освоении и развитии Сибири, оставило значительное количество письменных высказываний о ней – в богословских, церковно-исторических трудах, а также в публицистике и мемуарах. В силу объективных исторических причин этому наследию, как и в целом православной духовной литературе Нового времени, не было уделено до сих пор должного научного и читательского внимания. Вместе с тем взгляд на Сибирь православного духовенства, в сопоставлении с мнением по этому поводу светской общественности, может представлять большой интерес для понимания особенностей исторического и духовного развития региона.

Данный вопрос уже поднимался автором настоящей публикации в статье «Пространство «духовного глада» и апостольского подвига: образ Сибири в мемуарах дореволюционного православного духовенства» [1]. Был сделан вывод, что уже в сочинениях (письмах, челобитных) первых Тобольских митрополитов Нектария, Герасима, Симеона, Филофея сложилось определенное представление о Сибири, ключевым для которого стал мотив духовной, пространственной и материальной пустоты, объясняющий желание владык покинуть этот край навсегда. В дальнейшем восприятие назначения в Сибирь как ссылки – даже на высшие церковные должности – только обострялось, о чем представители духовенства, в частности

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (Отделение общественных и гуманитарных наук) в рамках проекта № 16-04-00434 «Православные духовные писатели Восточной Сибири XIX – начала XX века. Биобиблиографический словарь».

архиеп. Иркутский Вениамин (Благонравов), открыто заявляли в своих сочинениях. Пессимистический сценарий собственной судьбы выстраивался на фоне общей, часто безрадостной картины: бедственного положения коренных народов и тщетности усилий по их христианизации; развращенности русского населения и его вредного влияния на туземцев; нерационального, а иногда и варварского отношения к природе; несовершенства структур управления; общей культурной отсталости и проч. Таким образом, восприятие Сибири православным духовенством вполне укладывалось в рамки распространенного в общественном сознании того времени ее негативного хронотопа – «царства вечного холода и мрака» и «тюрьмы без решеток». Однако этот хронотоп имел и противоположную сторону – страны свободы и неограниченных возможностей, что создавало условия для положительной жизненной программы.

Для духовенства ключевым моментом в ее построении являлось понимание своего пребывания в Сибири не только и не столько как следствия неблагоприятного стечения обстоятельств, но особого Божьего промысла. Через испытания и лишения должна была состояться духовная инициация. Смыслом же служения на окраинах России становился миссионерский, апостольский по своей сути, подвиг, направленный на просвещение местных народов и сакрализацию пространства. Именно такой вариант развития биографического сюжета – от пессимистического взгляда на Сибирь до осознания связанного с нею предназначения – и нашел отражение в сочинениях целого ряда православных священников и миссионеров: инока Парфения (Агеева), еп. Дионисия (Хитрова), свящ. А. Аргентова и др.

Настоящая статья написана в продолжение данной темы, однако в ней представлен материал, способный составить объект самостоятельного исследования. Предлагается рассмотреть сочинения двух православных владык и духовных писателей XIX столетия – архиепископа Иркутского и Нерчинского Нила (Н.Ф. Исакович, 1796/99–1874) и епископа Якутского и Вилюйского Иакова (И.П. Домский, 1823–1889). Сибирь является не просто одним из мотивов, но центральной темой всего их творчества. Очевидно, что подробный сравнительный анализ их сочинений позволит проверить и, возможно, углубить сделанные ранее выводы.

Оба будущих сибирских иерарха происходили из духовного сословия. Николай Федорович Исакович[1] родился в 1796 (по другим сведениям, в

[1] Сведения об архиеп. Ниле (Исаковиче) содержатся в биографическом словаре студентов С.-Петербургской академии А.С. Родосского [2], Иркутской летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова [3], ряде некрологов [4, 5]. Обзор деятельности представлен в опубликованной в «Ярославских епархиальных ведомостях» статье «Заслуги преосвященного Ярославского Нила (по всеподданнейшему отчету обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1874 год)» [6. 1876. № 14. С.111–112] и очерке И. Шабатина, посвященном восьмидесятилетию со дня кончины [7]. Среди современных, как обобщающее и наиболее обстоятельное, следует выделить исследование Д.А. Карпука [8].

1799 г.) в Могилевской губернии, Иероним Петрович Домский[1] – в 1823 г. в Подольской губернии. Исакович окончил Могилевскую духовную семинарию, Домский обучался в Каменец-Подольской, затем Санкт-Петербургской семинарии. Оба были студентами Санкт-Петербургской духовной академии: Исакович окончил ее в 1825 г., Домский – в 1849 г. По выходе из академии Исакович принял монашеский постриг с именем Нил. В дальнейшем духовная карьера обоих выпускников академии складывалась сходным образом, типичным для так называемого «ученого монашества»: начинаясь на духовно-педагогическом поприще, она, как правило, быстро приводила к занятию высших (настоятельских и архиерейских) должностей в церковной иерархии.

Иеромонах Нил начал службу инспектором в Черниговской семинарии, затем в Киевской духовной академии, в 1830 г. стал ректором Ярославской семинарии. В 1835 г., еще совсем молодым человеком, был хиротонисан во епископа Вятского и Слободского. Но уже через три года, в 1838 г., переведен в Восточную Сибирь, будучи поставлен епископом (с 1841 г. – архиепископом) Иркутским и Нерчинским. Иркутской епархией владыка Нил управлял 16 лет, вплоть до нового перевода в 1854 г. на Ярославскую кафедру. Скончался архиеп. Нил (Исакович) 21 июня 1874 г. в Ярославле и был погребен в Спасо-Преображенском монастыре.

Церковная служба Домского изначально была связана с Сибирью: по окончании академии в 1849 г. он был назначен преподавателем в Иркутскую семинарию, в 1858 г. переведен в Томскую семинарию. Преподавал словесность, классические языки, а также всеобщую гражданскую и русскую историю. В Томске в 1860 г. принял монашеский постриг с именем Иаков. В 1870 г. архим. Иаков стал первым ректором Благовещенской духовной семинарии, с 1878 г. возглавлял старейшую на Урале Пермскую семинарию. В 1884 г. был хиротонисан во епископа Якутского и Вилюйского. Срок его епископского управления составил 5 лет, 27 мая 1889 г. епископ Иаков (Домский) умер в Якутске и был погребен в деревянной церкви Спасского монастыря. В 1917 г. эта церковь сгорела до основания,

[1] Основным источником биографических сведений о епископе Иакове (Домском) являются материалы, опубликованные в «Якутских епархиальных ведомостях» в первое десятилетие после его кончины – некрологи [9. 1889. № 15. С. 237–240; № 16. С. 242–255; № 17. С. 258–271; № 19. С. 300–302] и воспоминания: «Воспоминания о в Бозе почившем преосвященном епископе Иакове как ректоре Благовещенской духовной семинарии» свящ. Н. Верещагина [9. 1889. № 18. С 274–286; № 19. С. 296–300; № 23. С. 361–366; № 24. С. 370–374]; «Воспоминание о преосвященном Иакове, епископе Якутском и Вилюйском» прот. Ф. Стукова [9. 1899. № 11. С. 160–163; № 12. С. 175–179. 1900; № 2. С. 17–19. № 5; С. 50–54; № 6. С. 64–72; № 12. С. 142–148]; «Памяти преосвященного Иакова, епископа Якутского и Вилюйского» П. Явловского [9. 1901. № 11. С. 180–185; № 12. С. 199–206; № 13. С. 222–224]. Интерес к имени епископа возрождается в настоящее время. В 2009 г. в «Православной энциклопедии» была помещена статья о нем за авторством епископа Якутского Зосимы [10]. Биография и духовное наследие Домского являются объектом специальных исследований Г.В. Аксеновой и иеромонаха Романа (Сокольникова) [11].

но гроб с телом владыки, находившийся под полом, остался нетронутым, а мощи нетленными. Обретенные в 1999 г. мощи находятся в Никольском храме г. Якутска, открытым остается вопрос о канонизации.

Таким образом, жизнь обоих архиереев была тесно связана с Восточной Сибирью. Архиепископ Нил провел в ней 16 лет, епископ Иаков – более 30, из них последние пять лет в самом суровом ее краю – Якутской области. За время своего управления епархиями владыки совершили большое количество поездок по их обозрению, что позволило им хорошо ознакомиться с краем и накопить богатый фактический материал для дальнейших обобщений.

Нил (Исакович) достаточно хорошо известен не только как церковный деятель и миссионер, но и как ученый – один из первых исследователей буддизма, переводчик с монгольского языка, а также геолог, чья коллекция минералов занимает достойное место в музее Санкт-Петербургского университета. Основная его научная работа – знаменитая книга «Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири» [12] – имеет не только религиоведческое, но и историческое значение: история Прибайкалья рассматривается в ней на большом временном промежутке и в контексте глобальных не только религиозных, но и геополитических вопросов. Обладая широким взглядом историка и стремясь к максимально объективному научному анализу, Нил (Исакович) не мог отрицать цивилизующей роли буддизма в Восточной Сибири. Такая его позиция и в целом глубокие познания в буддизме показались неуместными для православного иерарха и вызвали критику со стороны высшей духовной власти в лице митрополита Филарета (Дроздова) [13].

В период своего управления Иркутской епархией архиепископ Нил составил обширное собрание, куда вошли многие редкие документы из архивов духовной консистории и храмов епархии. Будучи назначен на Ярославскую кафедру, владыка увез с собой и архив (более 2,5 тыс. листов), который ныне хранится в Государственном архиве Ярославской области и частично Ярославском историко-архитектурном музее-заповеднике [14]. Уже сам состав документов свидетельствует об особом интересе Нила именно к вопросам сибирской истории. В частности, в собрание входит рукописный сборник «Записки, относящиеся до Сибири», включающий «Летопись губернского города Иркутска. 1652–1778 гг.»; «Краткий очерк истории Иркутской иерархии от начала учреждения оной до 1835 года»; «Историческое обозрение ссылки в Сибирь на поселение» и прочие документы. Материалы этого сборника, очевидно, были использованы Нилом в собственных исторических исследованиях.

В первые годы существования основанных архиепископом Нилом «Ярославских епархиальных ведомостей» на страницах газеты публиковался очень интересный цикл очерков по истории Сибири. Статьи выходили без подписи, однако есть основания атрибутировать их самому ярославскому владыке[1]. Опираясь как на широко известные труды (Г.Ф. Миллера,

[1] В указателе к неофициальной части «Ярославских епархиальных ведомостей» за 1860–1892 гг., составленном А.А. Титовым [15], авторство статей не определено. Одна-

П.А. Словцова), так и на доступные, очевидно, только ему архивные материалы, автор цикла прослеживает историю Сибири от начала ее освоения русскими до середины XIX столетия. Лейтмотивом исторического повествования становится рассказ о религиозном просвещении края и распространении в нем православия, сыгравшего ключевую роль во включении Сибири в состав Русского государства. Эта идея последовательно раскрывается в таких статьях, как «Общий взгляд на покорение Сибири под Российскую державу» [6. 1860. № 22. С. 194–196], «Религия сибирских племен» [Там же. № 23. С. 208–210], «Время и обстоятельства застроения городов Сибири» [Там же. № 24. С. 224–227], «Управление в Сибири» [Там же. № 25. С. 236–238]. В центре – история Иркутской епархии, ключевым моментом которой автор считает канонизацию святителя Иннокентия (Кульчицкого) и развитие Вознесенского монастыря, означавшие обретение Восточной Сибирью собственных святынь и духовного центра. Эта идея последовательно проводится в статьях: «Краткое сказание о святителе Иннокентии чудотворце, первом иркутском епископе» [Там же. № 44. С. 359–362], «Начало и возрастание Иркутска» [Там же. 1861. № 43. С. 426–431], «Учреждение Иркутской епархии» [Там же. № 46. С. 472–477], «Иркутские иерархи» [Там же. № 50. С. 537–540; № 51. С. 554–559; № 52. С. 571–580]. В совокупности статьи составляют фундаментальный исторический труд, и если авторство действительно принадлежит Нилу (Исаковичу), его имя заслуживает упоминания в ряду самых известных историков-иссле-дователей Сибири.

Иаков (Домский), в отличие от Нила (Исаковича), подходит к теме Сибири не как историк, но как публицист, философ и проповедник, что, очевидно, соответствовало его научным интересам. В 1872 г. в С.-Петербургской духовной академии он защитил магистерскую диссертацию, опубликованную под заглавием «Исторический очерк русского проповедничества и взгляд на современное его направление» [17]. Основную исследовательскую задачу Иаков формулировал как попытку представить первый опыт «в уяснении характера русского проповедничества, обнимающий судьбу русской проповеди за 1000 лет» и показать влияние христианской проповеди на «нравственную и гражданскую жизнь народа» [Там же. С. 2]. В 1880 г. в С.-Петербурге вышла его книга «Пастырь в отношении к себе и

ко на основе текстуального анализа устанавливается, что первые четыре статьи представляют собой сокращенные отрывки из книги Исаковича «Буддизм…» [12]. «Краткое сказание о святителе Иннокентии…» почти буквально совпадает с опубликованной в «Духовной беседе» за подписью Нила статьей «Сказание о святителе Иннокентии, первом Иркутском епископе и чудотворце» [16]. Менее уверенно устанавливается авторство Нила относительно цикла статей «Иркутские иерархи». Однако завершающее его подробное жизнеописание самого Исаковича (прочие биографии в основном кратки) напоминает автобиографию: повествование субъективно (присутствует описание эмоций, переживаний), автор обращается к другим сочинениям Нила (в том числе к еще неопубликованным путевым заметкам), подробно излагает его жизненные обстоятельства.

пастве» [18], посвященная размышлениям об историческом и нравственном значении христианской проповеди и личности проповедника. В дальнейшем проблема народной нравственности и влияющих на нее факторов будет раскрываться Иаковом (Домским) преимущественно на сибирском материале.

Впервые сибирская тематика была поднята им в обширном историко-публицистическом очерке «Сибирь и Пермь», опубликованном в «Прибавлениях» к «Пермским епархиальным ведомостям» за 1880–1881 гг. [19]. Воссоздавая исторический и географический образ края (на максимально обширной территории – от Камчатки до Перми), основное внимание Иаков (Домский) уделил его культурно-нравственному «ландшафту»: «…нравственность Сибири, как и всякой страны, подчинена историческим условиям… На нее имеют влияние и географические особенности, и разнохарактерность населения, и скудная промышленность и торговля, соединенная с жертвами, и не богатое просвещение. Под влиянием неблагоприятных условий жизни нельзя требовать особенных доблестей и нравственного процветания Сибири. На первых ступенях ее гражданского развития необходимо довольствоваться малыми нравственными успехами и быть справедливыми в оценке их. Нравы возвышаются веками и добродетели зреют медленно» [Там же. 1880. № 34. С. 327–328].

Автор разграничивает внешнюю (обрядовую религиозность) и внутреннюю (ценности, нормы поведения, жизненные цели) нравственность: «Рассматриваемая с внешней стороны нравственность Сибири представляет много утешительного. Сибиряки преданы уставам церкви и соблюдают обрядовые постановления… Рассматриваемая с внутренней стороны нравственность Сибири представляет много недостатков и слабостей… Внешнее благочестие усваивается механически, почти бессознательно. Внутренне – сознательно, требует борьбы и самообладания. Там навыки, здесь подвиг. На подвиги охотников мало. К тому же суровая обстановка жизни, личные выгоды и страсти ослабляют нравственное чувство… Главный недостаток сибиряков – корыстолюбие, склонность к легкой наживе. Отсюда вытекают другие страсти – криводушие в исполнении обязанностей, нарушение чужих прав и вообще недостаток правоты, сознания долга…» [Там же. С. 328–329].

Для Иакова (Домского) актуален архетип Сибири как «тюрьмы без решеток», ссыльные же и каторжане – наиболее морально уязвленная и уязвимая, с точки зрения автора, категория сибиряков: «Положительною безнравственностью, впрочем не чуждою обрядовой религиозности, отличаются ссыльные, процент которых с каждым годом увеличивается… [ссыльный], оторванный от общества и семьи, лишенный прав и чести, брошенный на жертву нищете, он не имеет побуждений исправиться. В борьбе за существование еще больше ожесточается, идет наперекор общественным законам и требованиям совести» [Там же. № 36. С. 343]. Улучшить положение должно усовершенствование административного и церковного управления, открытие новых школ, библиотек, большее вни-

мание к удаленным территориям, по возможности, ограничение числа ссыльных. Однако по-настоящему действенным, оказывающим преображающее влияние на личность и только через нее на социум в жестких условиях Сибири, по мнению Иакова, мог быть пример личного благочестия и даже святости, каковым явился св. Даниил Ачинский. Рассказ о святом позволяет поднять важную тему сакрализации Сибири, появления в ней собственных святынь, столь необходимых для духовного воспитания сибиряков.

Все сибирские темы, намеченные Нилом (Исаковичем) и Иаковом (Домским) в их научных и публицистических трудах, свое продолжение и развитие получат уже на мемуарном материале – в путевых записках, рассказывающих о поездках авторов по Восточной Сибири с целью обозрения епархий и миссионерской проповеди среди инородцев. Действие «Путевых записок» архиепископа Нила [20] относится к концу 1830 – началу 1840-х гг., но впервые они были опубликованы в 1869 г. и переизданы в 1874 г. в Ярославле. «Путешествие по Лене» епископа Иакова было написано им в Якутске и сразу же напечатано в «Якутских епархиальных ведомостях» в нескольких номерах за 1887–1888 гг. [9. 1887. № 12. С. 187–192; № 13. С. 199–205; № 14. С. 219–223; № 15. С. 236–239; № 17. С. 263–266; 1888. № 1. С. 7–8; № 2. С. 25–28; № 4. С. 53–58; № 5. С. 69–76; № 6. С. 87–95; № 7. С. 103–106; № 8. С. 123–128; № 10. С. 153–157; № 11. С. 169–172; № 14. С. 218–224; № 18. С. 283–288; № 19. С. 295–304].

Написанные прекрасным литературным языком, обладающие идейно-композиционной целостностью, сочетающие в себе поэтическое описание приленской природы с историософскими размышлениями о судьбе края и его научным исследованием, записки Нила (Исаковича) могут быть отнесены к лучшим образцам жанра литературного путешествия. Не случайно они, как и в целом научное и литературное наследие архиепископа, неоднократно обращали на себя внимание исследователей [14, 21, 22]. Писала о них как о шедевре восточносибирской путевой литературы и автор настоящей статьи [23, 24]. «Путешествие по Лене» Иакова (Домского), напротив, еще никогда не становилось объектом специального исторического или литературоведческого анализа. Вместе с тем путевые записки владык имеют много общего. Иногда совпадение не только мыслей, но и создаваемых образов (прежде всего, образа Лены) выглядит просто удивительным. Однако мы не располагаем сведениями о каком-либо факте заимствования (хотя теоретически Иаков мог быть знаком с опубликованным много ранее сочинением Нила). Причиной такого сходства, скорее всего, являются общность фактического материала (владыки проходят практически одним и тем же миссионерским маршрутом по Лене), а также жанровая стратегия миссионерских путевых записок, о которой к концу XIX столетия можно говорить как об уже оформившейся.

Практика ведения путевых записок, журналов, дневников была распространена среди местного православного духовенства, будучи продиктована исполнением служебных обязанностей. Так, владыки регулярно обозрева-

ли свои епархии, что законодательно было закреплено еще в Духовном регламенте Петра Великого: «…подобает епископу в год или в два единожды обойти и посетить епархию свою. И есть сего, кроме многих иных (причин), великий образ Павла Апостола, яко же является в деяниях…» [25]. Предписание неукоснительно соблюдалось и в дальнейшем. Ввиду строгих требований к документообороту в церковной среде обстоятельства поездок обязательно фиксировались в письменной форме – либо самими владыками, либо кем-то из сопровождавших их лиц. В таком же порядке составлялись отчеты не только о владычных, но и обо всех миссионерских поездках, которые затем передавались на рассмотрение к начальникам миссий и епархиальным архиереям, а от них – в Синод. Писались отчеты, как правило, в форме путевых дневников или журналов. Помимо необходимой официальной информации (описание посещаемых приходов и церквей, совершаемых служб и треб, изложение содержания проповедей и катехизаторских бесед, сведений о крещеных инородцах), не возбранялись и сведения иного характера: рассказы о примечательных дорожных происшествиях и встречах, научные наблюдения, описания природы, авторские размышления и т.п. Более того, практика показывает, что именно такие, богатые научным или публицистическим содержанием, миссионерские дневники и журналы избирались для публикации в епархиальных ведомостях и других церковных изданиях.

И записки архиепископа Нила, и путешествие епископа Иакова совершенно очевидно представляют собой не спонтанные дневниковые записи, а литературно обработанные тексты, обладающие внутренним сюжетом и ведущие читателя от первых, непосредственных дорожных впечатлений авторов до сделанных ими концептуальных исторических обобщений.

Исходным для обоих писателей (несмотря на то, что Иаков большую часть своей жизни провел в крае) является восприятие сибирского пространства как чужого, отличного от остальной России и вызывающего щемящее чувство пустоты и одиночества. «От Обской переправы до Томска слишком 150 верст. Но, проехав это протяжение, оставляешь в памяти лишь то, что не видел ничего. Ибо ни один предмет не делает впечатления, могущего занять мысль или чувство», – пишет Нил (Исакович) [20. С. 43]. Иаков (Домский) отмечает, что «проезжающего из центральной России в Сибирь одолевает чувство сиротства и одиночества. Места пустынные, встречи с людьми неожиданные. Села и города редки и представляются взору сразу, как говорится, без предисловий, без загородных домов и построек…» [9. 1887. № 12. С.189].

Нил дает весьма нелестную характеристику сибирских городов, сравнивая их с большими деревнями («…город Колыван хуже порядочного русского села… По мнению моему, городам таким сто раз лучше не быть, дабы проезжие, особенно иностранцы, не имели повода вносить их в путевые свои журналы и распространяться в описании ничтожества их») [20. С. 41]. Иаков как будто вторит ему: «Олёкма город по имени; по существу – большая деревня…»; «Якутск… город, хотя и старинный, но не лучше деревни; только

храмы каменные и монастырь, обведенный стенами, напоминают о городе областном в далекой Сибири» [9. 1887. № 14. С. 221].

Но особенно поражает владык бедственное положение коренного населения. По характеристике Нила, сибирская природа – «великан», но «сам человек, витающий здесь среди терния и волчцев, носит образ тени, готовой явиться к Харону не сегодня, так завтра» [20. С. 288]. Наблюдая во время своего путешествия чрезвычайную нищету, голод и болезни, распространенные среди коренного населения, Нил, по сути, приходит к выводу, что многие племена находятся на грани физического вымирания. Такие же неутешительные наблюдения делает почти полвека спустя и Иаков: «…из подходивших ко мне на благословение некоторые были слепы, другие хромы, на костылях, третьи прокаженные. У многих тунгусов от крайнего неряшества на головах парши, струпья и волосы вылезли. Все они живут в юртах и шалашах, питаются рыбой без соли, одеты нищенски, оспы не прививают и носят отпечаток скорби, лишений и страданий; к тому же, за отсутствием священников, многие умирают без крещения и напутствия, о чем весьма сожалеют родственники умерших» [9. 1888. № 7. С. 104]. Таким образом, «…племя, значительно умалившееся, чрез несколько десятилетий исчезнет от эпидемий, лишений и сурового климата» [Там же. С. 105].

Проблема отношения к другой культуре является одной из центральных не только в записках епископа Иакова и архиепископа Нила, но и в сочинениях практически всех сибирских миссионеров, причем отношение это далеко не всегда позитивно. Следует признать, что Иаков рассматривает якутов и другие коренные народы с цивилизаторских позиций, исключающих признание их культурной самобытности. Свое представление об их отсталости он выводит на основе якобы объективных наблюдений над физиологией: «У якутов, как и у монголов, лицевые кости очень развиты, а череп сплющен. Это физиологический признак веками развивавшегося инстинкта в преобладание над высшими силами души» [Там же. 1887. № 12. С. 190]. Язык якутов, с его точки зрения, довольно примитивен: «…Вместе с тем услышал якутскую речь, благозвучную, при быстром произношении, и поражающую грубыми словами при медленном говоре… Язык нехитрый в филологическом отношении; ему выучиваются в год приезжающие из России центральной» [Там же. № 12. С. 190–191]. Поражают Иакова и грубые нравы местных, проявляющиеся, в частности, в отношении к животным: «К крайнему удивлению и доказательству варварства якутов, я заметил жестокое обращение их с животными. Лошади всю зиму остаются на подножном корму. Волам продевают сквозь ноздри кольцо… и что должно чувствовать бедное животное, особенно на морозе в 52°. Ужели нет здесь книг и проповедников, которые научили бы этих дикарей чувству сострадания и милосердия христианского?..» [Там же. № 13. С. 199] При этом коренное население, что удивительно для автора, не стремится перенимать более цивилизованный и практичный бытовой уклад русских: «…мы и живем, как предки, и думаем, что ладно». – «Да как же ладно. Вы видите у русских столы в аршин высоты, а у вас столы

низкие, наравне с нарами, так что пред ними надо нагибаться, чуть не на колени ставать! И многое у вас так непрактично и крайне неудобно». – «Что же делать? мы не умеем иначе; а сами дорасти умом до всего этого не можем» [9. 1887. № 12. С. 192].

Все эти темы, только намеченные в «Путешествии по Лене», будут развиты Иаковом (Домским) в его продолжении – путевых записках (без заглавия), опубликованных в «Якутских епархиальных ведомостях» в 1888–1889 гг. [Там же. 1888. № 19. С. 301–304; № 20. С. 308–313; № 21. С. 326–336; № 22. С. 340–341; 1889. № 1. С. 3–9; № 2. С. 22–26; № 3. С. 37–43; № 4. С. 50–54; № 5. С. 68–75; № 7. С. 98–105; № 8. С. 114–126; № 10. С. 151–159; № 11. С. 167–172; № 12. С. 181–190] и посвященных описанию быта, традиций и нравственного состояния якутов. Это уже не мемуарное, а собственно научное, этнографическое сочинение, в котором автор стремится к максимально объективному изложению материала в виде отдельных рубрик: «Якутский мир», «Обстановка юрты, костюм и пища якутов, езда на оленях», «Домашний быт», «Семейная жизнь якутов», «Суеверие и нравственная косность якутов», «Предрассудки, развращающие нравственность», «Предрассудки, наносящие ущерб хозяйству» и проч.

Единственным выходом из этого бедственного положения владыке Иакову видится изменение традиционного бытового уклада и фактическая русификация местного населения: «Главною бедою простого народа я признал невежество, следовало его вывести из юрты – хлева скотского и образовать умственно и нравственно» [Там же. 1887. № 13. С. 200]. Это утверждение звучит рефреном к высказанному ранее архиепископом Нилом: «…пора номадам нашим начать исход, как из некоего Египта, из облежащего их мрака и идти во след народов, а паче Православной Руси, к нравственному, умственному и материальному преспеянию» [20. С. 296].

В «Путешествии по Лене» Иаков (Домский) возвращается и к теме сибирской ссылки и каторги, поднятой им в очерках «Сибирь и Пермь». В Якутии, где сложно найти образованных людей, политические ссыльные в качестве писарей, врачей и проч. становятся непосредственным окружением епископа и входят в его свиту. Подобное сближение заставляет его более пристально взглянуть на нравственное состояние этих людей и сделать о нем неутешительные выводы. Образованность в них сочетается с полной безрелигиозностью, практически не встречающейся среди простолюдинов, что только усугубляет их преступные наклонности: «Образование и знание законов расходуется на обманы и сутяжничество! Остроумие и дар слова – на пасквильные стихотворения и ядовитые сатиры! Художество и живопись – на бесстыдные карикатуры и подделывание – ассигнаций!.. Пусть из этих уроков научатся пренебрегающие правилами религии, что всегдашнее нарушение их весьма опасно. Обращаясь в привычку, оно ведет к оскудению нравственных чувств и отупению самого острого и восприимчивого разума...» [9. 1887. № 17. С. 263–264].

Продвигаясь вглубь Сибири, владыки не только критически оценивают существующее положение, но и думают о мерах к его улучшению. Разви-

тие цивилизации невозможно без развития науки, и записки архиепископа Нила содержат прямую критику современного ему состояния изучения Сибири: «Заводить речь о путешественниках, посетителях стран чуждых для России, не имеем ни причины, ни надобности… Но не тяжко ли слышать, что и русские ученые, начавшие, с 1638 г., по обязанностям своего звания посещать дальние окраины Сибири, не написали о них почти ничего дельного» [20. С. 442]. Пытаясь восполнить этот пробел, Нил сам активно занимается геологическими наблюдениями, о которых подробно пишет в записках.

Установка на научное наблюдение читается и в тексте Иакова (Домского): «…я запасся и разными книгами, как для развлечения, так и для объяснения непонятных явлений природы. Меня по-прежнему занимали геология, минералогия и вопросы, какою силою поставлены горы и утесы по р. Лене?» [9. 1888. № 6. С. 94]. Само путешествие интересно для него возможностью «приятного» сочетания впечатлений, наблюдений и размышлений: «…я искал развлечения в книгах и объяснения виданных мною явлений природы. Так проведено время путешествия в смене приятных впечатлений, наблюдений опытных и теоретических!» [Там же. № 5. С. 75]. Основной научный интерес, как и у Нила, составляет геология: геологическим вопросам автор посвящает целые главы («Какою силой поставлены берега реки и соседние горы» [Там же. № 8. С.126–128]; «Возрасты коры земной, обитаемой нами, и произведения ее» [Там же. № 11. С. 169–172]). Не пытаясь оценить научный вклад архиереев в развитие геологии, отметим само стремление к исследовательской деятельности, характерное не только для сибирских иерархов, но и рядового духовенства, активно сотрудничавшего с СОИРГО, а также зачастую ведущего самостоятельные исследования в области истории, географии, этнографии.

От научных наблюдений над Сибирью авторы движутся к созданию ее поэтического образа. Записки Нила, обладавшего несомненным литературным даром, который позволяет говорить о нем как о выдающемся духовном писателе, насыщены поэтическими обобщениями и лирико-медитативными моментами. Вот лишь два примера: «Полночь. Стоим у Туруцкой деревни. На берегу под утесом пылает костер… В кораблике моем горит свеча; на столе лист бумаги, готовый к принятию ощущений моих. Каковы же в эту пору ощущения? Думаю, они не далеки от тех, которые водили пером Юнга, когда писал он ночи свои; или же от тех, воодушевленный которыми Овидий сказал о человеке: Mente Deos adiit, et quare natura negavit / Visibus humanis, oculis ea pectoris hausit. Он к Богу мыслию восходит, / А сердцем ощущает, / Чего не досязает / Очей его взор бренный» [20. С. 129–130]. Или: «…пред Синским же хребет сей является в дивном величии своем… Под влиянием такого света охристые скалы казались багряновидными. Фантастические их формы, обыкновенно скрывающиеся в густоте атмосферы, стояли перед нами будто на картине, изменяя постоянно светотени свои… Напрасно пытался я привести к началу единства зримые мною формы. С каждою переменой со стороны зрителя

позиции видоизменяется перспектива, представляя новые и новые виды» [20. С. 253].

Тексты Иакова (Домского), на наш взгляд, поэтически менее выразительны, но и в них встречаются образные, картинные описания, удивительно напоминающие стиль его предшественника: «…был вечер весьма жаркий и тихий. По обе стороны широкой реки подымались к небу высокие утесы, изжелта-красные и заросшие густым лесом. Они отражались по всей реке, извиваясь в глубине ее желтыми и длинными полосами. На краю далекого горизонта протянулся мыс зеленым полем; за ним разлилась река и расстилалась синею пеленой; далее едва приметна была темная черта соснового леса. Эта длинная черта, наподобие рамки, ограничила и резко очертила все разноцветные полосы и линии громадной картины… потухающие лучи, как бы намеренно, по правилам живописи и перспективы, распределяли колорит, изменяясь в своем цвете, окрашивая весь горизонт розовым блеском, фиолетовым, багровым, желтым и ярко золотым… Удивляясь этой панораме величественной реки, я вспомнил изречение Горация: “натура есть сама поэзия!” и Платона, назвавшего солнце “учителем живописи”» [9. 1888. № 5. С. 73–74].

Основой эстетической целостности «Путевых записок» архиепископа Нила являются пронизывающая все повествование мысль о необходимости установления гармонии между природой и цивилизацией и наличие внутреннего сюжета постепенного одухотворения, сакрализации и принятия изначально чуждого для автора сибирского пространства: «Не могу не сознаться, что, оставляя Якутскую область, чувствовал я непонятную для меня самого грусть. Не заключалась ли таинственная причина в безмерности ее пространства. Ибо известно, что все абсолютно великое, начиная от мира звездного до океана и пустынь Ливийских, безотчетно влечет к себе взор и внимание человека и никогда собой не наскучивает» [20. С. 430].

«Путешествие по Лене» епископа Иакова также обладает целостностью, но, в отличие от текста архиепископа Нила, более лиричного и интровертированного по своей сути, текст Иакова больше направлен вовне, на предполагаемого читателя, к которому автор обращается с проповедью. Будучи историком русского проповедничества, Домский, очевидно, сам прекрасно владел его искусством, в основе которого – способность в непосредственных впечатлениях и образах действительности обнаруживать духовные параллели и символы, необходимые для нравственного поучения: «Вода – подвижная стихия и непостоянная. Своею подвижностью она изображает непостоянство жизни. Широкими видами в розовом цвете и спокойствием она отображает привлекательные стороны жизни, с ее надеждами и обольщениями, а бурею и грозой во тьме – ее опасности и тревоги, и дает урок не забываться в счастье…» [9. 1888. № 8. С. 124–125]; «Это описание бури и рассказ о весле, удержанном восьмью человеками, эта картинность в борьбе разумной силы с яростью и волнением бессознательной стихии оживили в памяти когда-то сделанные наблюдения над обществом, волнуемым страстями, в борьбе со властью и законом…» [Там же. № 6. С. 87–88]. При этом сам автор поясняет сущность своего ме-

тода: «...психологические наблюдения, вызванные текущей жизнью, смутно предносились в теории, ускользающей из памяти и готовой улетучиться. В случайном рассказе о водной буре и наглядном образе весла, противодействующего волнам, они нашли себе приличный образ и воплощение и вновь предстали в уме олицетворенными, с силой убеждения, которое действует неотразимо на чувства и волю» [9. 1888. № 6. С. 90].

Подобные поэтические параллели позволяют Иакову (Домскому) выйти на уровень историософского обобщения о взаимосвязи природных и исторических процессов в их духовно-нравственном смысле: «В раскрытии своих намерений и целей природа идет медленным путем, для нас пока недоступным… Эти цели – извлечение даров, сокрытых в воде и земле, извлечение умственных сил в борьбе с природою и благоденствием человечества. Для достижения этих целей природа, по данным ей законам, периодически изменяет климаты, очертание морей и суши, а вместе с тем направление торговли и просвещения… Не станем же судить о будущем состоянии нашей страны по теперешнему ее виду» [Там же. № 19. С. 295–296].

Несмотря на все критическое отношение, прогноз епископа Иакова относительно будущего Якутии как самой отсталой и дикой части Сибири выглядит довольно оптимистично: «Под влиянием столь благоприятных условий к возрождению страны, угнетенной суеверием и нравственным нестроением, начат второй период общежития, который можно назвать периодом школы и просвещения народа. Ему предшествовал долгий период жизни дикой и неряшливой, который уместно назвать периодом юрты и неразлучного хотона (скотского хлева), унижающих человеческую природу… Будущим векам предстоит задача раскрыть положенные нами семена просвещения и осчастливить наш темный и бедный край» [Там же. С. 299–300].

Подводя итоги, следует отметить разнообразие тех жанрово-стилистических форм, в которых раскрывается образ Сибири в сочинениях двух церковных деятелей XIX столетия, что свидетельствует не только о содержательном потенциале самой темы, но прежде всего о высокой образованности, широте мышления, разносторонних интересах и несомненном литературном таланте самих авторов, что позволяет причислять их к кругу выдающихся духовных писателей и ученых своего времени. Изучение их жизни и творчества ведется в рамках проекта Иркутской областной универсальной научной библиотеки им. И.И. Молчанова-Сибирского по подготовке биобиблиографического словаря «Православные духовные писатели Восточной Сибири XVIII – начала XX века» [26]. Основная цель словаря – выявление и описание сочинений сибирского православного духовенства, рассматриваемых как неотъемлемая часть дореволюционного регионального историко-литературного процесса.

Литература

1. *Мельникова С.В.* Пространство «духовного глада» и апостольского подвига: образ Сибири в мемуарах дореволюционного православного духовенства // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 5 (37). С. 157–171.

2. [*Исакович Н.Ф.*] // Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов Санкт-Петербургской духовной академии: 1814–1869 гг. / сост. А.С. Родосский. СПб., 1907. С. 315.

3. [*Об архиеп. Ниле*] // Иркутская летопись (Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова) / предисл., добавл. и примеч. И.И. Серебренникова. Иркутск, 1911. С. 334–335.

4. *Высокопреосвященный* Нил, архиепископ Ярославский и Ростовский : (Некролог). Ярославль, 1874. 8 с.

5. *Архиепископ* Ярославский и Ростовский Нил // Всемирная иллюстрация. 1874. № 298. С. 179–180. С портр.: Рис. П.Ф. Борель, грав. К. Крыжановский.

6. *Ярославские* епархиальные ведомости. Часть неофициальная. Ярославль, 1860–1917.

7. *Шабатин И.* Архиепископ Нил (Исакович) : к восьмидесятилетию со дня кончины // Журнал Московской Патриархии. 1954. № 8. С. 15–17.

8. *Карпук Д.А.* Архиепископ Нил (Исакович) (1799–1874): геолог, минералог, палеонтолог и богослов / С.-Петербургская духовная академия. СПб. : СПбДА, 2015. 152 с.

9. *Якутские* епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. Якутск, 1887–1919.

10. *Епископ Иаков* (Домский Иероним Петрович) / епископ Якутский Зосима (Давыдов И.В.) // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексея II. М., 2009. Т. 20.

11. *Аксенова Г.В.* Истый учитель веры: Жизнь и деятельность епископа Якутского и Вилюйского Иакова (Домского, 1823–1889) / Г.В. Аксенова, иером. Роман (Сокольников) // Московский журнал. История государства российского. 2015. № 1. С. 46–58. URL: http://www.mosjour.ru/index.php?id=2170 (дата обращения: 01.08.2016).

12. *Нил.* Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири / архиеп. Ярославский и Ростовский Нил (Исакович Н.Ф.). СПб., 1858. 386 с.

13. *Собрание* мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам / митроп. Московский и Коломенский Филарет (В.М. Дроздов). СПб., 1886. Т. 4. С. 339–340.

14. *Чернышева Н.К.* Архиепископ Иркутский и Нерчинский Нил (Исакович) и подвижники благочестия Сибири (по материалам архива и библиотеки преосвященного) // Вторые Романовские чтения: материалы науч. конф., 8–9 окт. 1998. Иркутск, 2000. С. 71–75.

15. *Титов А.А.* Ярославские епархиальные ведомости : неофициальная часть : список и указ. ст., помещ. в ведомостях за все время их существования: 1860–1892 гг. Сергиев Посад, 1893. 204 с.

16. *Нил.* Сказание о святителе Иннокентии, первом Иркутском епископе и чудотворце / архиеп. Ярославский и Ростовский Нил (Исакович Н.Ф.) // Духовная беседа. 1860. № 44. С. 209–214.

17. *Иаков.* Исторический очерк русского проповедничества. Т. 1 / архим. Иаков (Домский И.П.). СПб., 1878. 800 с.

18. *Иаков.* Пастырь в отношении к себе и пастве. / архим. Иаков (Домский И.П.). СПб., 1880. 140 с.

19. *Иаков.* Сибирь и Пермь / архим. Иаков (Домский И.П.) // Пермские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1880.

20. *Нил.* Путевые записки : в 2 ч. / архиеп. Ярославский и Ростовский Нил (Исакович Н.Ф.). Ярославль, 1874. 503 с.

21. *Головщиков К.Д.* Ярославский архиепископ Нил: биобиблиогр. очерк // Могилев. епарх. вед. Часть неофициальная. 1894. № 17. С. 397.

22. *Куликаускене Н.В.* Пастырь добрый, учитель мудрый: архиепископ Нил (Исакович) // Прошлое – будущему : сб. ст. Иркутск, 2012. С. 108–122.

23. *Мельникова С.В.* Миссионер, ученый, философ, поэт: образ автора-путешественника в «Путевых записках» архиеп. Нила (Исаковича) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 21. С. 100–107.

24. *Мельникова С.В.* К вопросу о прототипе главного героя рассказа Н.С. Лескова «На краю света» // Вопросы литературы. 2013. № 4.

25. *Духовный* регламент. М., 1856. С. 40.

26. *Православные* духовные писатели Восточной Сибири XVIII – начала XX века : Материалы к биобиблиографическому словарю / сост. С.В. Мельникова, Т.А. Крючкова, Е.Л. Воробьева, Н.Н. Суханова; науч. ред. Д.Н. Шилов. Иркутск : Изд-во Иркут. обл. гос. универс. науч. б-ки им. И.И. Молчанова-Сибирского, 2016. С. 21–34.

SIBERIA AS AN OBJECT OF SCIENTIFIC, PHILOSOPHICAL AND ARTISTIC COMPREHENSION IN THE WORKS OF NIL (NIKOLAY ISAKOVICH, 1779–1874), ARCHBISHOP OF IRKUTSK, AND IAKOV (IERONIM DOMSKY, 1823–1889), BISHOP OF YAKUTSK

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 52. 184–200. DOI: 10.17223/19986645/52/11

Sofya V. Melnikova, I.I. Molchanov-Sibirsky Irkutsk Regional State Universal Scientific Library (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: memuaristika@yandex.ru

Keywords: Archbishop Nil (Isakovich), Bishop Iakov (Domsky), Orthodox spiritual literature, travel notes, Siberia.

The article raises the question about the necessity of studying the creative heritage of the Orthodox clergy as an important part of the regional Siberian literature of the pre-revolutionary period. The problem is considered in the aspect of research of the role of spiritual writers in the development of the topic of Siberia, which is key for regional self-awareness.

The study is based on the materials of the works of the Irkutsk archbishop Nil (Nikolay Isakovich) and the Yakutsk bishop Iakov (Ieronim Domsky). Both published texts and archival documents are considered. In particular, the article mentions documents from the archives of Nil of Yaroslavl, not yet introduced into scientific circulation.

A series of articles on the history of Eastern Siberia, published in 1860–1861 in *Yaroslavckie eparkhial'nye vedomosti* without authorship indication, are attributed to Nil for the first time. These little-known materials make up a fundamental research work that puts the name of the author in one row with the greatest Siberian historians of that time. The cycle *Sibir' i Perm'* [Siberia and Perm] published in *Permskie eparkhial'nye vedomosti* for 1880–1882 as part of the creative heritage of Iakov is allocated. This cycle has not yet been an object of a separate study.

Special attention is paid to the analysis of memoirs heritage: *Putevye zapiski* [Travel notes] (1869) by Nil and *Puteshestvie po Lene* [Trip along the Lena] (1887–1888) by Iakov. These works reflect the subjective experience of the authors in the development of the Siberian space and the tradition of missionary travel literature. These works bring the image of Siberia to the level of historiosophical generalization. Both bishops are critical of the current state of Siberia. They see a condition for its future development in the scientific study of the region and the Christianization of the local population. Rich with poetic descriptions and meditative moments, their travel notes can be considered from an artistic point of view. In particular, Iakov's book has the genre strategy of preaching as the basis of its ideological and aesthetic integrity.

The study used methods of source study and comparative historical analysis. The research of works by Nil and by Iakov is carried out in the framework of the project of I.I. Molchanov-Sibirsky Irkutsk Regional Universal Scientific Library on the creation of a bio-bibliographic dictionary "Orthodox Spiritual Writers of Eastern Siberia of the 18th – early 20th centuries". The purpose of the dictionary is to develop the necessary historical and bibliographical basis for further studies of spiritual writers, including on the given topic.

Делается вывод о направлениях разработки авторами сибирской тематики: для Нила – это влияние на историческое развитие края буддизма и христианства, а также про-

блемы сакрализации сибирского пространства; для Иакова – проблемы народной нравственности, рассматриваемые применительно к природным и историческим особенностям Сибири.

A conclusion is made about the writers' directions of the development of the Siberian theme: Nil focuses on the influence of Buddhism and Christianity on the historical development of the region and on the problems of sacralization of the Siberian space; Iakov concentrates on the problems of national morality considered in relation to the natural and historical features of Siberia.

References

1. Mel'nikova, S.V. (2015) The space of "spiritual hunger" and of apostolic heroic deed: image of Siberia in memoirs of pre-revolutionary Orthodox clergy. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 5 (37). pp. 157–171. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/37/12

2. Rodosskiy, A.S. (1907) [Isakovich N.F.]. In: *Biograficheskiy slovar' studentov pervykh XXVIII-mi kursov Sankt-Peterburgskoy dukhovnoy akademii: 1814–1869 gg.* [Biographical dictionary of students of the first 28 courses of St. Petersburg Theological Academy: 1814–1869]. St. Petersburg: tip. I.V. Leont'eva. pp. 315.

3. Serebrennikov, I.I. (ed.) (1911) [Ob arkhiep. Nile] [[Archbishop Nil]]. In: I*rkutskaya letopis' (Letopisi P. I. Pezhemskogo i V. A. Krotova)* [Irkutsk Chronicle (Chronicles of P.I. Pezhemsky and V.A. Krotov)]. Irkutsk: Parovaya tip. I.P. Kazantseva. pp. 334–335.

4. Anon. (1874) *Vysokopreosvyashchennyy Nil, arkhiepiskop Yaroslavskiy i Rostovskiy: (Nekrolog)* [Highly Reverend Nil, Archbishop of Yaroslavl and Rostov: (Obituary)]. Yaroslavl': tip. Gub. Zem. upravy.

5. Vsemirnaya illyustratsiya. (1874) Arkhiepiskop Yaroslavskiy i Rostovskiy Nil [Nil, Archbishop of Yaroslavl and Rostov]. *Vsemirnaya illyustratsiya*. 298. pp. 179–180.

6. *Yaroslavckie eparkhial'nye vedomosti.* (1860–1917) Non-Official Section.

7. Shabatin, I. (1954) Arkhiepiskop Nil (Isakovich): k vos'midesyatiletiyu so dnya konchiny [Archbishop Nil (Isakovich): on the occasion of the eightieth anniversary of his death]. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii.* 8. pp. 15–17.

8. Karpuk, D.A. (2015) *Arkhiepiskop Nil (Isakovich) (1799–1874): geolog, mineralog, paleontolog i bogoslov* [Archbishop Nil (Isakovich) (1799–1874): geologist, mineralogist, paleontologist and theologian]. St. Petersburg: SPbDA.

9. *Yakutskie eparkhial'nye vedomosti*. (1887–1919) Non-Official Section.

10. Patriarch of Moscow and All Russia Alexei II. (ed.) (2009) Iakov (Domskiy Ieronim Petrovich; 1823–1889), yep. Yakutskiy i Vilyuyskiy [Bishop Iakov (Domsky Ieronim Petrovich; 1823–1889), Bishop of Yakutia and Vilyuysk]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopaedia]. Vol. 20. Moscow: Pravosl. entsikl.

11. Aksenova, G.V. & Sokol'nikov, R. (2015) Istyy uchitel' very. Zhizn' i deyatel'nost' episkopa Yakutskogo i Vilyuyskogo Iakova (Domskogo, 1823–1889) [An honest teacher of faith. Life and work of the bishop of Yakutia and Vilyuysk Iakov (Domsky, 1823–1889)]. *Moskovskiy zhurnal. Istoriya gosudarstva rossiyskogo*. 1. pp. 46–58. [Online] Available from: http://www.mosjour.ru/index.php?id=2170. (Accessed 1st August 2016).

12. Nil (Isakovich, N.F.). (1858) *Buddizm, rassmatrivaemyy v otnoshenii k posledovatelyam ego, obitayushchim v Sibiri* [Buddhism viewed in relation to its followers who live in Siberia]. St. Petersburg: tip. G. Trusova.

13. Filaret (Drozdov, V.M.). (1886) *Sobranie mneniy i otzyvov Filareta, mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo po uchebnym i tserkovno-gosudarstvennym voprosam* [Collection of opinions and comments of Filaret, Metropolitan of Moscow and Kolomna, on educational and ecclesiastical issues]. Vol. 4. St. Petersburg: Sinod. tip. pp. 339–340.

14. Chernysheva, N.K. (2000) [Archbishop of Irkutsk and Nerchinsk Nil (Isakovich) and devotees of piety of Siberia (on the materials of the archives and the library of the Most Rev-

erend)]. *Vtorye Romanovskie chteniya* [Second Romanov Readings]. Proceedings of the conference. 8–9 October 1998. Irkutsk: [s.n.]. pp. 71–75. (In Russian).

15. Titov, A.A. (1893) *Yaroslavskie eparkhial'nye vedomosti: neofitsial'naya chast': spisok i ukaz. st., pomeshch. v vedomostyakh za vse vremya ikh sushchestvovaniya: 1860–1892 gg.* [Yaroslavskie eparkhial'nye vedomosti: Non-Official Section: list and index of articles throughout its existence, 1860–1892]. Sergiev Posad.

16. Nil (Isakovich, N.F.). (1860) Skazanie o svyatitele Innokentii, pervom Irkutskom episkope i chudotvortse [Legend of St. Innokenty, the first Irkutsk bishop and wonderworker]. *Dukhovnaya beseda.* 44. pp. 209–214.

17. Iakov (Domskiy, I.P.). (1878) *Istoricheskiy ocherk russkogo propovednichestva* [Historical outline of Russian preaching]. Vol. 1. St. Petersburg: tip. F.G. Eleonskogo i K°.

18. Iakov (Domskiy, I.P.). (1880) *Pastyr' v otnoshenii k sebe i pastve* [Shepherd in relation to himself and the flock]. St. Petersburg.: tip. N. A. Lebedeva.

19. Iakov (Domskiy, I.P.). (1880) Sibir' i Perm' [Siberia and Perm]. *Perm. eparkh. ved.* 15–16. Non-Official Section.

20. Nil (Isakovich, N.F.). (1874) *Putevye zapiski. V 2-kh ch.* [Travel notes. In 2 parts]. Yaroslavl.

21. Golovshchikov, K.D. (1894) Yaroslavskiy arkhiepiskop Nil: biobibliograficheskiy ocherk [Yaroslavl Archbishop Nil: a biobibliographic essay]. *Mogilev. eparkh. ved.* 17. Non-Official Section. pp. 397.

22. Kulikauskene, N.V. (2012) *Proshloe – budushchemu* [The past to the future]. Irkutsk: [s.n.]. pp. 108–122.

23. Mel'nikova, S.V. (2013) Missionary, investigator, philosopher, poet: the image of the author-traveller in "Notes of a Journey" by Archbishop Nilus (Isakovich). *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 21. pp. 100–107. (In Russian).

24. Mel'nikova, S.V. (2013) K voprosu o prototipe glavnogo geroya rasskaza N.S. Leskova "Na krayu sveta" [On the prototype of the main character of N.S. Leskov's "At the End of the World"]. *Voprosy literatury.* 4.

25. Prokopovich, Th. (1856) *Dukhovnyy reglament* [Spiritual Regulations]. Moscow: V Sinod. tip.

26. Shilov, D.N. (ed.) (2016) *Pravoslavnye dukhovnye pisateli Vostochnoy Sibiri XVIII – nachala XX veka: Materialy k biobibliograficheskomu slovaryu* [Orthodox spiritual writers of Eastern Siberia of the 18th – early 20th centuries: Materials for the biobibliographic dictionary]. Irkutsk: Izd-vo Irkut. obl. gos. univers. nauch. b-ki im. I.I. Molchanova-Sibirskogo. pp. 21–34.

УДК 821.521
DOI: 10.17223/19986645/52/12

К.Г. Санина, Е.В. Чертушкина

ТЕМА КРИЗИСА КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ТАНИДЗАКИ ДЗЮНЪИТИРО И КОНЦЕПЦИЯ «УТРАЧЕННОЙ ЯПОНИИ» АЛЕКСА КЕРРА

Кризис культурной идентичности стал одной из определяющих тем в творчестве японского писателя Танидзаки Дзюнъитиро (1886–1965), что было вызвано особенностями исторической эпохи, на которую пришелся расцвет его творчества. Взгляд Танидзаки на поиск исчезающей в японском обществе первой половины XX в. связи с культурной традицией получил развитие в книге Алекса Керра (род. 1952) «Утраченная Япония» (1996), рисующей драматическую картину коллапса мира традиционной японской культуры в конце XX в.

Ключевые слова: *Танидзаки Дзюнъитиро, кризис культурной идентичности, Алекс Керр, модернизаця, вестернизация.*

Тема кризиса культурной идентичности получила широкое развитие в творчестве японского писателя Танидзаки Дзюнъитиро, поскольку противоречивая историческая эпоха, в которую ему довелось жить, явилась определяющим фактором в борьбе Танидзаки за сохранение своеобразия японской культуры. Актуальность изучения данной темы базируется на том, что и на современном этапе развития Япония сталкивается с теми же проблемами, о которых писал в свое время Танидзаки. Например, российский востоковед С.В. Чугров предлагает концепцию «трех интернационализаций» – периодов в современной истории Японии, которые «сопровождались давлением «чужих» ценностных систем на традиционные нормативные системы японцев, побуждая их определять, кто «мы», а кто «они» [1. С.18]. «Третья интернационализация» началась в 1990-х гг. на фоне всеобъемлющих процессов глобализации, которые вызвали самый масштабный кризис идентичности (культурной, личностной и национальной) [Там же. С. 70], что подчеркивает необходимость и своевременность изучения генезиса и развития темы кризиса культурной идентичности в японском обществе, в том числе и в контексте литературного творчества. Именно в связи с систематически повторяющимся характером «интернационализаций» важным представляется сопоставление особенностей концепции «Утраченной Японии» А. Керра, созданной в период «третьей интернационализации», поскольку в них находят отражение относящиеся к теме кризиса культурной идентичности постулаты, предложенные Танидзаки – писателем, чье творчество формировалось в период «первой интернационализации» (1868–1912).

Проблема идентичности и ее аспектов (культурных, личностных, национальных) широко изучается как отечественными, так и зарубежными исследователями. Среди зарубежных ученых следует особо выделить Э.Х. Эриксона, который в 1960-х гг. ввел понятие «идентичность» в меж-

дисциплинарный научный оборот [2]; С.Ф. Хантингтона, разработавшего концепцию этнокультурного разделения и столкновения цивилизаций [3]; Э.В. Саида, предложившего революционный для своего времени подход к проблеме изучения восточных культур представителями Запада, указав на то, что образ «Востока», представленный в изысканиях западных исследователей и транслирующийся в западных медиа, – это лишь плод воображения самого Запада [4]. Из отечественных исследователей, чьи работы внесли существенный вклад в изучение проблемы «кризиса культурной идентичности», необходимо отметить М.М. Бахтина, разрабатывавшего в своем творчестве в том числе и концепцию дихотомии «Я – Другой» [5], таких ученых, как Т.Г. Стефаненко [6], Л.А. Софронова [7] и др.

Что касается изучения темы «кризиса культурной идентичности» применительно к Японии и японской литературе, круг исследователей, уделивших внимание данной теме, существенно уже. Среди зарубежных исследователей следует отметить А.Дж. Кимболла, проанализировавшего произведения японских писателей, которые столкнулись с «кризисом идентичности» после окончания Второй мировой войны (1939–1945), или, пользуясь классификацией С.В. Чугрова, в период «второй интернационализации». Кимболл рассматривает и одно из произведений Танидзаки, созданное в послевоенный период, – повесть «Дневник сумасшедшего старика» (Футэн родзин никки, 1955), однако подчеркивает, что речь в этом произведении идет прежде всего о «кризисе самоидентификации личности», а не о «кризисе культурной идентичности», которому посвящены более ранние произведения японского писателя [8. P. 45–48]. О том, что в произведениях Танидзаки широко представлена тема «кризиса культурной идентичности», упоминают и другие зарубежные исследователи, например Х. Ямаоути [9. P. 3–4], Ф.Ю. Климан [10. P. 108], однако подробно в их трудах данный аспект творчества японского писателя не рассматривается.

Тема кризиса культурной идентичности при столкновении с западной цивилизацией в Японии подробно рассматривается отечественными учеными А.Л. Луцким и Е.Л. Скворцовой в исследовании «Духовная традиция и общественная мысль в Японии XX в.» [11]. Российский востоковед С.В. Чугров предлагает глубокий и своеобразный взгляд на проблему метаморфоз различных аспектов идентичности в современной Японии в книге «Япония в поисках новой идентичности» [1]. Тем не менее данные исследования отличает общий историко-социологический и культурологический характер, тема кризиса культурной идентичности в современной японской литературе в них не рассматривается. Таким образом, можно заключить, что тема кризиса культурной идентичности в широком смысле и применительно к Японии изучена достаточно глубоко, но в контексте развития литературного процесса в Японии и творчества Танидзаки в частности она раскрыта в недостаточной мере.

Культурная идентичность – причастность человека к определенной культуре – основывается на осознанном принятии им фундаментальных культурных характеристик, принятых в данном обществе, и на самоиден-

тификации именно с этим обществом, с определенной культурной традицией. По утверждению Л.А. Софроновой, идентичность, в особенности культурная и индивидуальная, отличается флексибильностью, так как индивид при столкновении с новыми жизненными контекстами непременно испытывает кризисы идентичности и какое-то время может довольствоваться достигнутой им идентичностью, но затем начинает искать новую [7. С. 9]. Тем не менее при бурном нарастании темпов социальных преобразований человек не успевает адекватно усваивать все новые культурные ценности, что приводит к кризису идентичности. Когда в обществе царит стабильность, человек зачастую не задумывается о своей культурной идентичности, так как она воспринимается им как нечто естественное и не требующее осмысления. Воспринимать себя как субъект определенной культуры человек начинает только при столкновении с иными культурными ценностями. В этом случае культурная идентичность носит дихотомический характер, одновременно позволяя представителям разных культур прогнозировать поведение друг друга и облегчать процесс общения и в то же время порождать конфликты и противопоставление [12. С. 178–179]. Таким образом, культурная идентичность – это конструкт некогерентного характера, для полного осмысления которого необходимо столкновение с условным «Другим». В Японии в роли «Другого» выступила западная цивилизация.

Процессы модернизации и вестернизации Японии, захлестнувшие страну с началом эпохи Мэйдзи (1868–1912), не были результатом поступательного развития истории, они носили скорее интрузивный, можно сказать, революционный характер. Именно эти процессы стали основой «первой интернационализации» и поставили под угрозу целостность традиционной культуры, что отмечалось не только Танидзаки, но и другими видными представителями современной японской литературы. Например, по мнению Дж. Фудзимура, Нацумэ Сосэки так же, как и Танидзаки, выражал негативную оценку вестернизации и модернизации Японии, нанесших непоправимый урон уникальной японской культуре [13. P. 178]. В частности, в лекции «Модернизация современной Японии» (Гэндай Нихон но кайка, 1911) Сосэки отмечал, что Япония эпохи Мэйдзи вынуждена развиваться неестественно быстрыми темпами, будто участвуя в гонке с Западом. Япония в срочном порядке усваивала огромный опыт совершенно чуждой ей западной цивилизации, что должно было обеспечить переход страны на ту же ступень развития, которая была характерна для стран Запада в то время. Однако Сосэки считал такой подход абсолютно неверным, неспособным обеспечить Японии культурную автономию и вернуть в руки японцев контроль над судьбой собственной страны. Ключом к обретению истинной независимости писатель считал не «модернизацию извне» (гайхацутэки кайка), а «модернизацию изнутри» (найхацутэки кайка) [14. P. 17–18].

В свою очередь, Кавабата Ясунари так оценивал перемены, переломившие ход развития литературного процесса в Японии: «После Мэйдзи, когда началось приобщение к современной цивилизации, произошел взлет,

появились значительные писатели. Но они должны были отдавать свои силы, юношеские годы изучению и освоению западной литературы. Полжизни занимались они просвещением, поэтому многие так и не достигли совершенства в собственных сочинениях, написанных в духе японской или восточной литературы. Они были жертвами своей эпохи и были далеки от Басё, которому принадлежат слова: “Без неизменного нет Основы, без изменчивого нет обновления”» [15. С. 28]. Таким образом, и Сосэки, и Кавабата отмечали пагубность бурных темпов модернизации и вестернизации Японии, нарушивших поступательное и автономное развитие японской культуры в целом и литературы в частности и обусловивших возникновение всеобъемлющего кризиса культурной идентичности.

Танидзаки в начале творческого пути прошел тот этап «ученичества», о котором писал Кавабата, отдав дань увлечению западной культурой и литературой, однако с началом 1920–х гг. в его творчестве начинается так называемый период «Возврата к Японии» (Нихон кайки) [16. P. 151], когда на фоне конфликта западной и японской культур тема кризиса культурной идентичности стала одной из главных в произведениях писателя. Отправной точкой для этого поворотного этапа в творческой и личной жизни писателя стал переезд Танидзаки из Токио в район Кансай после разрушительного землетрясения 1 сентября 1923 г., которое нанесло огромный ущерб столице Японии [17. P. 365].

Необходимо отметить определенную условность понятия «Возврат к Японии» в отношении творчества Танидзаки, поскольку писатель никогда не отрекался от национальной художественной традиции в пользу западной культуры. Даже в его первом рассказе «Татуировка» (Сисэй, 1910), который был встречен критикой как новаторское произведение, пронизанное влиянием западноевропейского неоромантизма, в частности его лидера О. Уайльда, фоном для развития сюжета является городская среда Эдо (старое название Токио), а главными героями – художник-татуировщик и молодая гейша. По мнению С. Судзуки, Танидзаки и вовсе идеализирует культуру эпохи Эдо (1603–1867) [18. P. 26].

Уникальной особенностью творчества Танидзаки является синтез влияний японской и западной литератур. С. Додд называет данный синтез «сознательным эклектизмом литературных влияний» [16. P. 165], а К. Цурута утверждает, что для Танидзаки «Восток и Запад никогда не являлись полярными понятиями» [19. P. 247]. Цурута отмечает, что «когда представитель современной японской литературы переходит в фазу «возврата», его позиция становится антизападной, но Танидзаки преодолел ступень «или – или» и поднялся на гораздо более прогрессивную ступень «и – и» в контексте взаимоотношений Японии и Запада» [Ibid. P. 254]. Писатель никогда не отказывался категорически от связи с японской традицией, даже на том этапе своего творчества, когда был увлечен западной литературой и культурой. Если Танидзаки и пришлось самому испытать кризис культурной идентичности, то он прошел для писателя достаточно плавно, поскольку он всегда осознавал свою связь с японской традицией и в личной жизни, и в творчестве.

Повесть Танидзаки «О вкусах не спорят» (Тадэ куу муси, 1928) является первым произведением, символизирующим «Возврат к Японии» и «полностью посвященным вопросу о том, может ли традиционная эстетика служить ответом на “проблему” современности» [17. P. 366.]. Произведение представляет собой рассказ о жизни Канамэ Сиба, мужчины средних лет, находящегося на жизненном распутье, – именно он должен сделать выбор, схожий с тем, что в период создания повести делает сам писатель. Канамэ чувствует в себе противоборство Востока и Запада, традиции и современности. История Канамэ – это типичный пример кризиса культурной идентичности, история личности в поисках связи с традиционной культурой Японии в сфере старинной, дотехнологической эстетики, которая гнездится не только в темных нишах древних храмов, сумрачных театрах Бунраку и Дзёрури, представляющих умирающую культуру периода Эдо, но и в пространстве воображаемого, воссозданного художественным путем прошлого. Но наиболее примечательная черта повести заключается в строгой критике массовой культуры, пришедшей в Японию с Запада, под влиянием которой многие японцы, подобно Канамэ, потеряли чувство приверженности родной культуре.

Тема кризиса культурной идентичности в повести «О вкусах не спорят» раскрывается в контексте личных взаимоотношений главного героя с ближайшим окружением и собственно его восприятия массовой (западной) и традиционной (японской) культур. Основным триггером, вызывающим кризис культурной идентичности у Канамэ, становятся его отношения с женой – Мисако. Как ни парадоксально, именно она, японка по происхождению, является тем «Другим», чье присутствие побуждает Канамэ переосмыслить свое существование и задуматься о выборе определенного вектора экзистенциального развития. Символами кризиса культурной идентичности главного героя повести является не только Мисако, но и еще два женских образа, в которых воплощена определенная культурная парадигма. Однако борьба Канамэ за культурную идентичность начинается именно с полного исчезновения у главного героя влечения к жене [Ibid. P. 369], которая является воплощением «мнимой культурной идентичности».

На первый взгляд Мисако – типичный продукт массовой культуры, сформировавшейся под влиянием Запада. Она отдает предпочтение джазу, поправляет в общественных местах свой макияж, чем провоцирует раздражение своего отца, носит европейские костюмы ярких расцветок, читает современные переводные книги и журналы да к тому же еще и встречается с молодым любовником по несколько раз в неделю. В ней столько блеска новизны, что он слепит глаза. В сцене, когда Канамэ и Мисако едут в электричке на встречу с отцом Мисако, в ее облике преобладают сверкающие оттенки ярких, по-западному сочных цветов и материалов. Мисако, как позднее выяснится, является женщиной, которая жалуется на то, что ей придется сидеть на полу в кукольном театре, она с большим удовольствием пошла бы в кинотеатр или «в Сума» (кодовая фраза, обозначающая ее походы на свидания к любовнику). В текстуальном плане можно отметить,

что названия новых для Японии цветов и материалов, присутствующих в облике Мисако, написаны катаканой – азбукой, специально предназначенной для транслитерации заимствованных слов [20. С. 18]. Это также подчеркивает приверженность Мисако вкусам, отличным от вкусов ее отца и мужа.

На фоне исчезновения у Канамэ влечения к супруге – символу массовой, прозападной культуры – растет его интерес к традиционной культуре района Кансай. Этот интерес он начинает испытывать не без помощи отца Мисако, искренне увлеченного традиционной культурой. Приверженность Канамэ национальной культуре становится все определеннее по ходу повествования. Он всегда хранил воспоминания о том, как ходил в детстве вместе с матерью в театр Кабуки. И те дивные чувства, которые Канамэ испытывал тогда, оживают вновь, когда он ступает ногами на прохладные доски в коридоре театра Бунраку [Там же. С. 20]. Образы национальной культуры перемешиваются в сознании героя с воспоминаниями личного характера, показывая, насколько глубоко коренится национальная культура в сознании японцев. Этот феномен объясняется тем фактом, что самоидентификация японцев происходит на основе японоцентризма – ментальность японского народа зиждется на издревле культивировавшемся чувстве собственной национальной и культурной исключительности, которое не под силу изжить даже агрессивному натиску западной цивилизации в ходе «интернационализаций» японского общества [1. С. 21–22]. Даже заходя слишком далеко в своем поклонении Западу, японцы могут вновь вернуться к истокам родной культуры и ощутить невероятное успокоение.

Подобные воспоминания иллюстрируют «философию истории», которая станет неотъемлемой характеристикой произведений Танидзаки в последующее десятилетие. В данной философии культурное наследие приобретает смысл через чувство потери матери и тоски по ней, и эта философия проявляется в физическом прочувствовании личных воспоминаний и обозначенных в культурном контексте образов. Канамэ, слушая песню, которую О-Хиса – символ традиционной культуры в повести – исполняет под аккомпанемент сямисэна, вспоминает о девушке, жившей по соседству с семьей Канамэ в квартале Курамаэ, когда Канамэ был ребенком. Она тоже пела эту песню, и ее образ, однажды случайно увиденный через окно, на всю жизнь остался в памяти Канамэ [20. С. 118–119]. Возврат к традиционной культуре подобен возврату в детство.

Если Канамэ в повести показан как потребитель «высокой», традиционной культуры, а Мисако – потребитель массовой культуры, то старик, тесть Канамэ и отец Мисако, в какой-то степени является производителем «высокой» культуры, а О-Хиса – результатом его созидательной деятельности. Эта девушка – полная противоположность живой, самостоятельной, волевой, вызывающе себя держащей Мисако – символу массовой культуры. Когда Канамэ смотрит пьесу Тикамацу Мондзаэмона (1653–1725) «Самоубийство влюбленных на Острове Небесных Сетей» в театре Бунраку в Осака, он потрясен прекрасным обликом куклы героини пьесы Кохару, понимая, что раньше люди считали идеальной красавицу, которая

не проявляла свою индивидуальность с легкостью, женщину сдержанную, осмотрительную, поэтому эта кукла была воплощением идеала, а если бы в ней было больше каких-то особенных личностных черт, это, наоборот, стало бы помехой и испортило представление. Именно кукла Кохару была образцом «вечной женственности», который присутствует в японской традиции [20. С. 27–28]. То есть в этом «идеале вечной женственности» полностью отсутствует индивидуальность, а это упрек, который Мисако бросает О-Хисе.

Округлость и мягкость кукольного личика О-Хисы составляют контраст с жестким, обрисованным резкими фразами образом Мисако. О-Хиса играет роль «куклы» для удовольствия старика. Она не очень любит играть на сямисэне при чужих людях, но старик, дабы похвастать результатами ее воспитания, заставляет О-Хиса играть и петь на постоялых дворах, в лодке, прямо на дороге среди цветущих деревьев. В сумерках театра Дзёрури Канамэ не только обнаруживает одухотворенный мир драмы Тикамацу, но и открывает для себя красоту О-Хиса, полную того охваченного неведомым сиянием духа, в поисках которого Канамэ обращался к западной литературе и кинематографу и которому хотел поклоняться [Там же. С. 37].

Однако идеальная сущность О-Хиса становится все более и более сомнительной по ходу повествования, так же как и положение Мисако как символа массовой культуры теряет свою определенность. Когда Мисако разговаривает с двоюродным братом Канамэ, Таканацу, то не может ясно ответить на вопрос о сущности перемен в ее мировоззрении [Там же. С. 90]. Даже отец Мисако говорит, что ее вызывающая современность, эта западная мишура – не более чем тонкий внешний налет [Там же. С. 186]. А за идеальной внешностью О-Хиса начинают проявляться черты обычной женщины.

В финале Канамэ видит два образа О-Хиса – воплощение традиции, «кукла», спокойная, загадочно прекрасная и втиснутая в старомодное кимоно, пояс на котором с трудом затягивает старик [Там же. С. 127]. В одно и то же время мы видим бледную, круглолицую красавицу из средних веков и испуганную крестьянской нечистоплотностью горожанку: о-Хиса страшно возмущена тем, что отхожие места возле театра на острове Авадзи находятся на открытом воздухе и ходят туда все без разбора – и женщины, и мужчины.

После расставания на острове Авадзи Канамэ отправляется в Кобэ, а О-Хиса и старик продолжают свое путешествие. В отеле «Ориэнтал» Канамэ заказывает себе что-то сытное из блюд европейской кухни и рюмочку ликера «Бенедиктин», словно возвращаясь к «вестернизированной» версии самого себя перед встречей с любовницей Луизой. Канамэ сомневается насчет верности выбора О-Хиса в качестве идеальной женщины, что отражают сомнения самого Танидзаки по поводу идеальности японской женщины. Несмотря на весь ее добродетельный облик, она может скрывать порочные мысли, которые не приобрели еще достаточно четких очертаний. Ревность, ненависть, жестокость и другие темные эмоции могут скрываться в ее подсознании, ни разу не появившись на поверхности [21. P. 57].

Нерешительность Канамэ проявляется в первую очередь в отношениях с женой и любовницей, поскольку Канамэ не может сделать выбор между двумя женщинами. Канамэ пытается убедить себя в том, что Луиза не более чем проститутка, но в то же время видит в ней нечто от облика статуи ламаистского бодхисатвы, напоминающее Кангитэн, богиню радости [20. С. 167]. То, что Луиза не была уроженкой Японии, также придает ее облику особый шарм в глазах Канамэ. Тем не менее Луиза для Канамэ являлась символом другого мира, и хотя ее произношение невозможно было отличить от произношения настоящей японки, он не мог представить себе совместной жизни с Луизой в маленьком японском домике, обставленном на европейский манер [Там же. С. 163].

С одной стороны, Луиза символизирует влияние массовой культуры Запада на сознание современных японцев, но с другой – дитя от смешанного брака корейца и русской, черты влияния западной культуры смешаны в ней со следами воздействия восточной культуры. Она одинаково хорошо исполняет русские песни под гитару или балалайку, корейские народные песни и японские традиционные песни. В ней воплощен синтез Востока и Запада, она – дитя двух культур.

Триумвират женских образов в повести Танидзаки «О вкусах не спорят» символизирует проблему выбора, перед которой стоит главный герой. Его любовница Луиза воплощает синтез влияний Запада и Востока, жена Мисако олицетворяет всеобъемлющий характер вестернизации Японии, а любовница тестя О-Хиса становится символом традиционной культуры. Кризис культурной идентичности в повести связан не только с такими абстрактными культурными понятиями, как традиционные театральные жанры, но и с конкретными женскими образами, которые олицетворяют три возможных пути развития жизни героя. Необходимо отметить, что писатель не дает прямого ответа на вопрос, как же разрешится кризис культурной идентичности Канамэ в контексте личной жизни, оставляя финал повести открытым.

В 1933 г. Танидзаки пишет эссе «Похвала тени» (Инъэй райсан), которое наиболее полно отражает его отношение к натиску западной культуры, под которым японская культура начинала утрачивать целостный характер. Это произведение, созданное на пике «Возврата к Японии», говорит о том, насколько глубок и драматичен конфликт между культурами Японии и Запада как на сугубо бытовом, так и на эмпирическом уровне.

Зачастую «Похвала тени» оценивается как своеобразное «программное заявление» Танидзаки о превосходстве японской культуры, созданное в тот исторический момент, когда в Японии укреплялись националистические настроения. По утверждению Э.В. Саида, «исторический факт, что национализм как мобилизирующая политическая сила – возрождение общности, утверждение идентичности, становление новых культурных практик – повсюду в не-европейском мире побуждал и поднимал на борьбу против господства Запада <…> Будь то Филиппины <…> Китай или Япония, – туземцы повсюду объединялись в националистические или добивающиеся

независимости группировки, основанные на чувстве этнической, религиозной или коллективной идентичности, противостоящей посягательствам Запада <…> В XX веке это стало глобальной реальностью по причине широкой реакции на вторжение Запада, которое также носило глобальный характер» [22. С. 443–444]. Тем не менее, учитывая характер развития творчества писателя, «Похвала тени» является скорее не столько следствием реакции писателя на укрепление идеологии национализма в японском обществе, сколько логическим результатом фазы «Возврата к Японии» в творческой и личной жизни Танидзаки. Именно по этой причине эссе изобилует отсылками к собственному опыту писателя и мельчайшими бытовыми подробностями в контексте взаимоотношений западной и японской культур; писатель вновь, как и в повести «О вкусах не спорят», рисует картину кризиса культурной идентичности сквозь призму личной жизни и общекультурного контекста.

Танидзаки начинает «Похвалу тени» с описания типичных трудностей при строительстве традиционного японского дома в современной Японии, ссылаясь на недавний собственный опыт возведения нового жилища. По мнению писателя, современные технологии (электричество, телефон, газ) нарушают гармоничное устройство японского жилища – их сложно вписать в интерьер, они вступают в конфликт с естественностью, безыскусственностью и простотой, столь ценимыми строгим японским стилем [23. С. 481–482].

Танидзаки с присущим ему юмором отдает дань и японским уборным, в которых воплотились достоинства японской архитектуры: «Трудно передать словами это настроение, когда находишься здесь в полумраке, слабо озаренном отраженным от бумажных рам светом, и предаешься мечтаниям либо любуешься через окно видом сада» [Там же. С. 484]. Писатель и здесь подчеркивает атмосферу полумрака, характерную для традиционной эстетики, указывая на разницу в отношении к уборным среди европейцев и японцев: «Я нахожу, что сравнительно с европейцами, безо всяких обиняков находящими уборную нечистым местом и избегающими даже упоминать это слово в обществе, наше отношение к этому учреждению гораздо разумнее и несравненно эстетичнее» [Там же. С. 485]. Описывая уборную в западном стиле, Танидзаки использует такие эпитеты, как «режущий глаза свет», «ровная белизна стен» [Там же. С. 486], чтобы усилить контраст и подчеркнуть преимущества традиционной японской эстетики полумрака. За скрупулезным описанием, казалось бы, прозаичных сложностей строительства и обустройства уборной стоит глобальная проблема противостояния двух культур, борьба света и тени.

Танидзаки считает, что вектор развития культуры, отвечающий национальному характеру, был бы более предпочтителен по сравнению с моделью западного развития, которой Япония начала следовать с началом эпохи Мэйдзи. По мнению писателя, поступательный характер развития страны в целом и её культуры в частности был бы более гармоничным. Западные технологии развивались в естественной среде, поэтому они не нарушают порядок вещей в западном мире, в Японии же они появились вне-

запно, извне, поэтому так диссонируют с традиционной культурой. Связь с прошлым для японской культуры является определяющей, именно поэтому Танидзаки в своем эссе так подчеркивает значимость понятия *нарэ* – «засаленности от рук», глянца, который образуется на поверхности предметов, переходящих из рук в руки на протяжении нескольких поколений: «Европейцы стремятся уничтожить всякий след засаленности, подвергая предметы жесткой чистке. Мы же, наоборот, стремимся бережно сохранить ее, возвести ее в некий эстетический принцип» [23. С. 492]. То, что для европейца может показаться грязью, для японца является символом преемственности, связи с прошлым.

В «Похвале тени» Танидзаки обсуждает множество бытовых и культурных аспектов существования современного общества: больницы, униформу врачей и медперсонала, столовую утварь, японскую кухню, архитектуру, традиционные театральные жанры Но, Бунраку и Кабуки – и неизменно подчеркивает, что тень, полумрак, приглушенные цвета являются основами традиционной эстетики. По мнению Танидзаки, японская культура выросла на понятии «тени», так как «то, что мы называем красотой, развивается обыкновенно из жизненной практики: наши предки, вынужденные в силу необходимости жить в темных комнатах, в одно прекрасное время открыли особенности тени и в дальнейшем приучились пользоваться тенью уже в интересах красоты» [Там же. С. 498]. Писатель не призывает остановить процессы модернизации и вестернизации Японии, поскольку осознает, что это невозможно. Он предлагает помнить о том, что страна идет по пути европейского развития, и это грозит нанести определенный ущерб, с которым остается лишь примириться. Т.П. Григорьева полагает, что «ретроспективное мышление ставит акцент на охранительной функции, что обусловило закон традиционализма, который на Западе не мог получить такой силы, как в Китае и Японии» [24. С. 160]. Подтверждением этой мысли является вывод Танидзаки о том, что своеобразие японской культуры должно сохраняться хотя бы в некоторых областях культуры, таких как литература и искусство, и писатель заявляет о своем желании оберегать «мир тени» в своих произведениях [23. С. 521], поддерживая непрерывность развития художественной традиции.

Эссе «Похвала тени» имело широкий резонанс в период публикации и до сих пор остается одним из самых популярных и обсуждаемых произведений Танидзаки. Достаточно неожиданный отклик на него можно встретить в сборнике эссе Алекса Керра «Утраченная Япония» (Lost Japan). Описывая «утраченную Японию», Керр, как и Танидзаки, говоривший о «мире тени», опирается на собственный опыт наблюдения за развитием японской культуры в 1970–1990-е гг. Необходимо уточнить, что Керр не является японцем, а представляет ту самую западную цивилизацию, которую Танидзаки винил в нанесении непоправимого ущерба традиционной культуре своей страны.

Тем не менее картина утраты культурной идентичности японцами в эссе американского автора настолько всеобъемлюща, что он отмечает даже

изменения в самой природе Японии, ставшие следствием влияния процессов модернизации и вестернизации страны: «Однако природа в Японии была гораздо более загадочной и фантастической; она представляла собой священное пространство, в котором наверняка обитали божества. В синтоизме существует понятие Ками но Ё – «Времени Богов», когда человек был чист, а боги жили в горах и деревьях. Сейчас это понятие – не более, чем исторический комментарий, который можно прочесть, изучая классическую японскую поэзию или туристическую брошюру в синтоистском храме» [25. P. 180]. По мнению Керра, японская культура потеряла свою идентичность фактически во всех областях, начиная от стиля одежды и заканчивая архитектурой, и основной причиной, вслед за Танидзаки, он называет нарушение процесса последовательности развития культуры: «Люди, приехавшие в Японию с Запада, бывают поражены тем, насколько невнимательны японцы к культурному и природному наследию своей страны, и задаются вопросом: «Почему жители Японии не могут сохранять то, что поистине ценно, модернизируя свою страну?» Для японской нации старый мир стал неактуальным; все в нем кажется ненужным <…> На Западе современные одежда, архитектура и т.д. появились естественным образом в результате развития европейской культуры, поэтому там меньше противоречий между «современной культурой» и «старой культурой» <…> В отличие от Европы, перемены пришли в Китай, Японию и Юго-Восточную Азию как лавина. Более того, эти перемены были представлены совершенно инородной культурой. Именно по этой причине, современные одежда и архитектура в Китае и Японии не имеют ничего общего с традиционной азиатской культурой. Японцы могут восхищаться древними городами Киото и Нара, считать их прекрасными, но в глубине души они осознают, что эти места не имеют никакой связи с их сегодняшней жизнью. Строго говоря, эти города стали иллюзорными историко-тематическими парками. В Юго-Восточной Азии не существует городов, равных Парижу или Риму, – Киото, Пекин и Бангкок превратились в цементные джунгли» [Ibid. P. 26–27].

Керр также затрагивает вопрос о традиционной эстетике «тени», так ценимой Танидзаки и фактически уничтоженной неоновым светом и люминесцентными лампами: «Дзюнъитиро Танидзаки в своей книге «Похвала теней», которая стала современной классикой, делает акцент на том, что традиционное искусство Японии появилось благодаря сумеркам, в которых жили люди. Например, золотые ширмы, которые выглядят кричаще в современном интерьере, были созданы с целью отражать последние угасающие лучи солнца, попадавшие в сумрак традиционного японского дома. Танидзаки сетует, что красота тени более не ценится в современной Японии. Все, кто жил в старом японском доме, знают эту жажду света сродни той, что возникает, когда слишком долго плаваешь под водой. Постоянное давление темноты привело японцев к созданию городов, залитых неоновым светом и люминесцентными огнями. Ослепительный свет – это фундаментальная потребность в современной Японии» [Ibid. P. C. 41].

Создав в своем сборнике эссе достаточно депрессивную концепцию «Утраченной Японии», где ослепительным светом неона уничтожен «мир тени», где опустели деревни, хранившие традиции ремесленников, а города превратились в цементные джунгли, Керр в конце концов приходит к удивительному выводу. Парадоксальным образом, несмотря на всё, что Япония утратила в процессе вестернизации и модернизации, фактически в каждой сфере культуры на современном этапе развития наблюдается креативный подъем. В индустрии моды Керр связывает его с именем Иссей Мияки, в архитектуре – с именем Андо Тадао, в театре Кабуки – с именем Бандо Тамасабуро, подчеркивая, что всех их объединяет то, что «они видели тот мир, который никогда не увидит современная молодежь <…> В 1960–1970-х гг., когда эти творцы набирались опыта, у них была возможность свободно экспериментировать с современными формами, отойти от удушающих старых правил и ограничений <…> В определенном смысле эти люди имеют непосредственное отношение к традициям своей страны, но в то же время они свободны от них» [25. P. 260].

По мнению А. Керра, синтез традиции и современности, который был характерен для творчества Танидзаки Дзюнъитиро, проявляется и в творчестве современных представителей культуры Японии. Более того, он приносит им успех не только в своей стране, но и во всем мире. Кризис культурной идентичности, о котором писали Танидзаки и Керр, не является однозначно негативным явлением, так как позволяет человеку определить отношение к культурному наследию своей страны, понять, насколько важна связь с ним для развития личности в современном мире, стремительно меняющемся под влиянием процесса глобализации. «Мир тени» не исчез бесследно, он вступил в контакт со светом, что позволило японской культуре обрести более современное лицо, но не утратить связи с традицией.

Литература

1. *Чугров С.В.* Япония в поисках новой идентичности. М. : Восточная литература РАН, 2010. 312 с.

2. *Erikson E.H.* Identity, youth and crisis. N.Y. : W.W. Norton, 1968. 336 p.

3. *Huntington S.P.* The clash of civilizations and the remaking of the world order. N.Y. : Simon and Schuster, 2007. 368 p.

4. *Саид Э.В.* Ориентализм: западные концепции Востока. СПб. : Русский мир, 2006. 636 с.

5. *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000. С. 9–226.

6. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М. : Аспект пресс, 2004. 368 с.

7. *Софронова Л.А.* О проблемах идентичности // Культура сквозь призму идентичности. М., 2006. С. 8–24.

8. *Kimball A.G.* Crisis in identity and contemporary Japanese novels. N.Y. : C.E. Tuttle Co., 1973. 190 p.

9. *Yamanouchi H.* The search for authenticity in modern Japanese literature. Cambridge : Cambridge University Press, 1978. 215 p.

10. *Kleeman F.Yu.* Under an imperial sun: Japanese colonial literature of Taiwan and the south. Honolulu : University of Hawaii Press, 2003. 317 p.

11. *Луцкий А.Л., Скворцова Е.Л.* Духовная традиция и общественная мысль в Японии XX века. М. : Центр гуманитарных инициатив, 2014. 496 с.

12. *Русских Л.В.* Идентичность: культурная, этническая, национальная // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2013. Т. 13, № 2. С. 178–180.

13. *Fujimura J.H.* Scientists as sociocultural entrepreneurs // Genetic nature / Culture: anthropology and science beyond the two-culture divide. Berkley ; Los Angeles ; London, 2003. P. 176–192.

14. *Iida Y.* Rethinking identity in modern Japan: nationalism as aesthetics. London ; New York : Routledge, 2002. 328 p.

15. *Кавабата Я.* Би но сондзай то хаккэн (Существование и открытие красоты). Токио : Майнити синбунся, 1969. 80 с.

16. *Dodd S.* History in the making: the negotiation of history and fiction in Tanizaki Junichiro's Shunkinsho // Japan Review. 2012. № 24. P. 151–168.

17. *Golley G.L.* Tanizaki Junichiro: the art of subversion and subversion of art // Journal of Japanese Studies. 1995. Vol. 21, № 2. P. 365–404.

18. *Suzuki S.* Tanizaki Junichiro as cultural critic // Japan Review. 1996. № 7. P. 23–32.

19. *Tsuruta K.* Tanizaki Junichiro's piligrimage and return // Comparative Literature Studies. 2000. Vol. 37, № 2. P. 239–255.

20. *Танидзаки Дзюнъитиро.* Тадэ куу муси (О вкусах не спорят). Токио : Синтёся,1996. 224 с.

21. *Ueda M.* Modern Japanese writers and the nature of literature. Stanford : Stanford University Press, 1976. 292 p.

22. *Саид Э.В.* Культура и империализм. СПб. : Владимир Даль, 2012. 733 с.

23. *Танидзаки Дзюнъитиро.* Рассказы. Любовь глупца. Похвала тени // Избранные произведения : в 2 т. М., 1986. Т. 1. 543 с.

24. *Григорьева Т.П.* Движение красоты. Размышления о японской культуре. М. : Восточная литература РАН, 2005. 439 с.

25. *Kerr A.* Lost Japan. Melbourne; Oakland ; London ; Paris : Lonely Planet Publications, 1996. 269 p.

THE THEME OF CULTURAL IDENTITY CRISIS IN CREATIVE WORKS OF TANIZAKI JUN'ICHIRŌ AND THE CONCEPT OF "LOST JAPAN" BY ALEX KERR

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 52. 201–215. DOI: 10.17223/19986645/52/12

Kseniya G. Sanina, Evgeniya V. Chertushkina, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: sanina.kg@dvfu.ru / chertushkina.ev@dvfu.ru

Keywords: Tanizaki Jun'ichirō, cultural identity crisis, Alex Kerr, modernization, westernization.

The theme of cultural identity crisis became one of the main themes in creative works of the Japanese writer Tanizaki Jun'ichirō during the "Return to Japan" period of his creative life. Cultural identity crisis occurs during the time of dynamic social changes. Processes of modernization and westernization of Japan were the changes that provoked the question of how to find a connection with national culture when your country turns modern and westernesque so rapidly.

Tanizaki's novel *Some Prefer Nettles* (Tade kuu mushi, 1928) was the milestone of his "Return to Japan" and the first writing dedicated solely to the problem of finding a way to your true "Japanese" self in a "westernized" Japan. The main character of the novel, Kaname, is going through a full-blown cultural identity crisis both on the cultural and personal levels. As for culture, Kaname finds solace in the realm of traditional Japanese puppet theatres which bring him back the comfort and happiness of his childhood. The theme of cultural identity crisis in his personal life is represented by the images of three women – Kaname's lover Louise (synthesis of East and West influences), wife Misako ("westernized" Japan) and his

father-in-law's lover and disciple O-Hisa (Japanese tradition). Kaname is torn between these women and the vectors of cultural development they represent; in the end Tanizaki does not give a certain answer whom Kaname will choose, what path he will follow.

In 1933 Tanizaki completes his famous essay "In Praise of Shadows" (In'ei raisan) where he shows his attitude to the overwhelming damage caused by Western culture to the traditional Japanese culture. The writer uses traditional Japanese aesthetic of "shadow" to build a contrast with Western "light" to show the deep and dramatic character of their conflict which leads to cultural identity crisis. Tanizaki points that Japanese culture will never evolve the way it was supposed to and woes to preserve the world of "shadow" at least in his writings. Tanizaki's ideas about the "world of shadows" found a surprising development in the book *Lost Japan* (1996) by Alex Kerr, where the author laments the collapse of the traditional Japanese culture at the end of the 20th century. Nevertheless, Kerr states that despite everything that was lost during the modernization and westernization of Japan for some representatives of Japanese culture the cultural identity crisis they went through resulted in finding a way both to preserve the connection with the native culture and to free themselves from its boundaries. The crisis helps Japanese people to determine an attitude to the native culture, find a place in it, understand the importance of the connection to the cultural roots for the personal development in the rapidly changing "globalized" world. The "world of shadows" did not disappear, it merged with the "light", which helped Japanese culture to get a new, modern appearance without losing its connection with traditions.

References

1. Chugrov, S.V. (2010) *Yaponiya v poiskakh novoy identichnosti* [Japan in search of a new identity]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN.

2. Erikson, E.H. (1968) *Identity, youth and crisis*. New York: W.W. Norton.

3. Huntington, S.P. (2007) *The clash of civilizations and the remaking of the world order*. New York: Simon and Schuster.

4. Said, E.V. (2006) *Orientalizm: zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism: Western concepts of the East]. Translated from English. St. Petersburg: Russkiy mir.

5. Bakhtin, M.M. (2000) *Avtor i geroy: k filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and hero: to the philosophical foundations of the humanities]. St. Petersburg: Azbuka. pp. 9–226.

6. Stefanenko, T.G. (2004) *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. Moscow: Aspekt press.

7. Sofronova, L.A. (2006) O problemakh identichnosti [On identity problems]. In: Sofronova, L.A. & Filatova, N.M. (eds) *Kul'tura skvoz' prizmu identichnosti* [Culture through the prism of identity]. Moscow: Indrik.

8. Kimball, A.G. (1973) *Crisis in identity and contemporary Japanese novels*. New York: C.E. Tuttle Co.

9. Yamanouchi, H. (1978) *The search for authenticity in modern Japanese literature*. Cambridge: Cambridge University Press.

10. Kleeman, F.Yu. (2003) *Under an imperial sun: Japanese colonial literature of Taiwan and the south*. Honolulu: University of Hawaii Press.

11. Lutskiy, A.L. & Skvortsova, E.L. (2014) *Dukhovnaya traditsiya i obshchestvennaya mysl' v Yaponii XX veka* [Spiritual tradition and public thought in Japan of the 20th century]. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.

12. Russkikh, L.V. (2013) Identity: cultural, ethnic, national. *Vestnik YuUrGU. Seriya "Sotsial'no-gumanitarnye nauki" – Bulletin of the South Ural State University*. 13:2. pp. 178–180. (In Russian).

13. Fujimura, J.H. (2003) Scientists as sociocultural entrepreneurs. Goodman, A.H. et al. (eds) *Genetic nature / Culture: anthropology and science beyond the two-culture divide*. Berkley; Los Angeles; London: University of California Press.

14. Iida, Y. (2002) *Rethinking identity in modern Japan: nationalism as aesthetics*. London; New York: Routledge.

15. Kavabata, Ya. (1969) *Existence and discovery of beauty*. Tokyo: Mayniti sinbunsya. (In Japanese).

16. Dodd, S. (2012) History in the making: the negotiation of history and fiction in Tanizaki Junichiro's Shunkinsho. *Japan Review*. 24. pp. 151–168.

17. Golley, G.L. (1995) Tanizaki Junichiro: the art of subversion and subversion of art. *Journal of Japanese Studies*. 21:2. pp. 365–404.

18. Suzuki. S. (1996) Tanizaki Junichiro as cultural critic. *Japan Review*. 7. pp. 23–32.

19. Tsuruta, K. (2000) Tanizaki Junichiro's piligrimage and return. *Comparative Literature Studies*. 37:2. pp. 239–255.

20. Tanizaki, J. (1996) *Some Prefer Nettles*. Tokyo: Sintesya.

21. Ueda, M. (1976) *Modern Japanese writers and the nature of literature*. Stanford: Stanford University Press.

22. Said, E.V. (2012) *Kul'tura i imperializm* [Culture and imperialism]. Translated from English. St. Petersburg: Vladimir Dal', 733 pp.

23. Tanizaki, J. (1986) Rasskazy. Lyubov' gluptsa. Pokhvala teni [Stories. Love of a Fool. In Praise of Shadows]. In: *Izbrannye proizvedeniya: v 2 t.* [Selected works: in 2 vols]. Vol. 1. Translated from Japanese. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

24. Grigor'eva, T.P. (2005) *Dvizhenie krasoty. Razmyshleniya o yaponskoy kul'ture* [Movement of beauty. Reflections on Japanese culture]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN.

25. Kerr, A. (1996) *Lost Japan*. Melbourne; Oakland; London; Paris: Lonely Planet Publications.

УДК 821.161.1.0
DOI: 10.17223/19986645/52/13

С.Д. Титаренко

Д.Г. РОССЕТТИ И ВЯЧ. ИВАНОВ: ПЛАТОНОВСКИЙ МОТИВ ВОССОЕДИНЕНИЯ ДУШ И ИНТЕРМЕДИАЛЬНАЯ ПОЭТИКА[1]

Статья посвящена исследованию проблемы влияния творчества английского поэта и художника Д.Г. Россетти на поэзию Вяч. Иванова. В центре внимания – стихотворение Иванова «Зеркало Эроса» из книги «Кормчие звезды», источником которого могла быть поэзия Россетти, так как Иванов использует эпиграф из его цикла сонетов «Ивовая роща». Высказывается гипотеза, что сонет «Любовь» Иванова мог быть создан под влиянием поэзии Россетти, имеющей интермедиальную природу.

Ключевые слова: *Вяч. Иванов, Данте Габриэль Россетти, философия Платона, мотив воссоединения душ, английские прерафаэлиты, русский символизм, Данте Алигьери, философия В. Соловьева, интермедиальность, мифопоэтика.*

Влияние творчества английского поэта и художника-прерафаэлита Д.Г. Россетти (Dante Gabriel Rossetti, 1828–1882) на лирику поэта-символиста Вяч. Иванова – малоизученная область компаративистики. Вместе с тем эта тема важна не только для исследования мифопоэтики Иванова и его философии искусства, но и для изучения мотивов русского символизма, которые формируются на пересечении различных традиций. Большой интерес для нашего анализа представляет платоновский мотив воссоединения двух душ в поэзии Россетти и в некоторых стихотворениях Иванова. Этот мотив в системе мифопоэтики символизма был намечен, например, в трудах А. Ханзена-Леве, который обозначил его в раннем символизме как мотив *unio mystica* – мистического единения в «Верховно-Едином» [1. С. 253] и отметил его ключевую роль в мифопоэтическом символизме 1900-х гг., где он становится одним из значимых [Там же. С. 382]. В статье предпринимается анализ традиций мотива воссоединения двух душ в стихотворениях Иванова «Зеркало Эроса» и «Любовь», которые отсылают к сочинениям Платона, Данте, В.С. Соловьева, Д.Г. Россетти и других поэтов. Основная задача – показать оригинальность его воплощения в поэзии русского символиста и значение творчества Россетти для формирования интермедиальной поэтики Вяч. Иванова.

Первая книга стихов Вяч. Иванова «Кормчие звезды» (СПб., 1903), вобравшая в себя стихотворения, создававшиеся в ранний период его жизни и творчества, характеризуется необычностью символических образов, взятых из различных культур и воплощающих метафизические идеи как некие платоновские «сущности». Именно здесь формируется и получает ориги-

[1] Статья выполнена в рамках научно-исследовательского проекта, поддержанного РФФИ, № 15-34-11047.

нальную трактовку один из наиболее важных для последующих книг лирики Иванова метафизический андрогинный мотив воссоединения и полета двух душ. Тема мистического единения с божественным в поэзии русского символизма восходит к мифу Платона об изначальной андрогинности человека и мифу об Эросе, вобравшим в себя архетипические представления (диалог «Пир»). Она неотделима от платоновского мифа о душе как посреднике между земным и небесным мирами (диалог «Федр») и христианизирована у Иванова на основе религиозно-философских идей «богочеловечества» и «богосыновства»[2]. Как пишет А. Ханзен-Леве, «выдвинутая Соловьевым теургическая идея “богочеловечества” восходит к герметически-гностическому представлению о соединении неба и земли, некой сизигии божественного и человеческого начал, персонифицированной в образах Спасителей мужского и женского пола. Сама София есть воплощение принципа соединения, архетипа единства (*unio mystica*, “всеединство”)…» [3. С. 221]. У Вяч. Иванова глубже всего этот религиозно-философский мотив представлен в эссе «Ты еси» (1907) и «Анима» (1935), но его появление, разработка и трансформация намечаются в поэтических опытах на рубеже веков.

С мотивом воссоединения в поэзии Иванова связана платоновско-дантовская космологическая традиция. Традиция Данте и Платона в его творчестве уже рассматривалась в ряде работ [4–6]. Ее изучение показало плодотворность подходов и необходимость принять во внимание платоновскую и соловьевскую мифологию Эроса, смысл которой Иванов в статье «Религиозное дело Владимира Соловьева» (1910) определял как преодоление смерти. Платоновско-соловьевская мифология с опорой на дантовскую традицию привела к формированию жизнетворческого мифа Иванова, в котором его жена – Л.Д. Зиновьева-Аннибал – воспринималась как его мистическое андрогинное *Я*. Показательно признание Зиновьевой-Аннибал, сделанное в письме к Иванову от 21 июня 1896 г.: «В нас одна душа, одна кровь течет» [7. Т. 1. С. 390]. О роли биографического фактора в теории мистической философии любви Иванова уже писали исследователи [8, 9], затрагивая проблему влияния Данте, Платона и Соловьева [4, 10–11]. Вместе с тем платоновский мотив воссоединения душ в поэзии Иванова, отсылающий к различным философским и литературным традициям, еще мало изучен.

---

[2] Вяч. Иванов писал: «Человек <…> должен сам найти свое другое, как точку опоры, – должен действием любви и той веры, которая уже заключается в любви и ее обусловливает, обресть свое ты еси. Восходя, как наставляет Платон, по ступеням любви, он учится открывать на каждой новой ступени в любимом все большее причастие бытию истинному и через то вырастает в бытии сам, приобщаясь ему от любимого, – пока, в своем алкании безусловного бытия в другом сущем, не узнает несказанным возгорением своего сердца Единого Возлюбленного, объемлющего, утверждающего и спасающего в себе все другие любви, и не причастится от Него истинному богосыновству» [2. С. 248].

Например, стихотворение «Лунные розы» из книги Иванова «Кормчие звезды» имеет эпиграф из баллады Гете «Коринфская невеста»: «Ach, die Erde kühlt die Liebe nicht!»[3] и может быть связано с традициями «Гимнов к ночи» Новалиса, которые переводил Иванов, и с балладой В.А. Жуковского «Эолова арфа», где в финале создан неповторимый образ двух слившихся теней. Соединение возлюбленных «за гробом» представлено в стихотворении Иванова «Лунные розы», как и у Жуковского, образом двух бесплотных слившихся теней: «И сплелись над пустынной могилой, / И скользят по сребристым росам – И, четой отделясь легкокрылой, / Понеслись к усыпленным лесам…» [12. С. 564]. Подобный образ встречается в «Божественной комедии» Данте, где в первом круге Ада обречены блуждать тени Паоло и Франчески: « „Поэт", я начал, „мысль моя невольно / Устремлена к чете, парящей там, / С которой вихрь так мчится произвольно"» [13. С. 30].

Мотив воссоединения и полета душ возлюбленных в книге Иванова «Кормчие звезды» глубже всего воплощен в стихотворении «Зеркало Эроса», имеющем эпиграф из сонета английского поэта-прерафаэлита Д.Г. Россетти, и в сонете «Любовь», которые связаны внутренними перекличками не только с традициями Данте, Гете, Новалиса и Жуковского, но и со стихотворением «Пламенники» из этой же книги. Эпиграфом к «Пламенникам» служат строки из одноименного романа Зиновьевой-Аннибал, который не был опубликован[4]: «Будет мир, подобный миру светлых духов, ликующих каждый своим отдельным ярым порывом. Ярою любовью ликуют они в красоте блистающих, горящих жизнью миров,– любовью к одному Солнцу, к одному Богу-началу; и в той любви сливаются одинокие порывы и возвращаются к началу – Богу, источнику любви. То – новый мир и новый круговорот любви, и тому я скажу – Да, и тем Да то будет» [12. С. 548].

Опубликованная переписка Иванова и Зиновьвой-Аннибал очень важна для понимания биографической основы создания ряда стихотворений из книги «Кормчие звезды», и прежде всего цикла «Thalassia», куда входит стихотворение «Зеркало Эроса». Некоторые стихотворения из этого цикла были созданы в знаменательный «лондонский» период жизни и творчества поэта. В Лондоне Иванов и Зиновьева-Аннибал жили в 1899–1900 гг., как пишут исследователи «лондонского эпизода» их жизни, указывая на знакомство русского поэта в этот период с английской поэзией [14. С. 247–248; 253]. Сонет «Любовь», по свидетельству биографов, был написан раньше, но не позднее 1898 г. [15]. Кроме того, важную роль сыграл интерес Иванова и русских символистов к прерафаэлитскому движению в Англии.

Россетти был главной фигурой английского прерафаэлитского движения, представленного творчеством Дж. Миллеса (1829–1896), У. Ханта

[3] Ах! И земля не остужает любви (*нем.*) [12. С. 862].

[4] Историю публикации скандально известного сочинения Л.Д. Зиновьевой-Аннибал см. в книге Н.А. Богомолова [8. С. 12–16].

(1827–1910), У. Морриса (1834–1896), Э. Бёрн-Джонса (1833–1898) и др. Современница Иванова З.А. Венгерова дала анализ его живописи и поэзии как уникальному синтезу искусств, осуществленному на основе идеи мистической любви. Она писала о платонизме Россетти, который выражается в стремлении через земной образ передать высшую идею [16. С. 214]. Иванов был хорошо знаком с творчеством поэтов и художников-прерафаэлитов как одним из источников русского символизма. Показательно, что в статье «Две стихии в современном символизме» (1908), разрабатывая теорию символа и отмечая в поэзии символизма отражение высших состояний мистического сознания, он указал на прерафаэлитское братство, открывшее, по его мнению, «предчувствие нового откровения явной тайны о внутренней жизни мира» [17. С. 551]. Иванов пишет, что «реализм, романтизм и прерафаэлитское братство – оба эти потока влились в жилы современного символизма и сделали его явлением гибридным, двуликим», т.е. основанным на борьбе противоборствующих начал [17. С. 551–552].

На рубеже веков большой интерес к живописи и поэзии прерафаэлитов испытали многие современники Иванова, и прежде всего Н. Минский, В. Брюсов, З. Венгерова, А. Бенуа, С. Соловьев, А. Блок, Эллис, Андрей Белый, о чем писали исследователи [18–20]. Благодаря публикациям З.А. Венгеровой о прерафаэлитах [16, 21–23], работам А. Бенуа [24] уже в 1890-е гг. в русском символизме возникает устойчивый интерес к прерафаэлитскому движению. Это явление отметил Брюсов, считавший творчество прерафаэлитов одним из источников русского символизма, а картину Россетти «Прозерпина» выражением идеала нового искусства [25. С. 270–271][5].

Сонеты Россетти вошли в его сборник «Ballad and Sonnets» (London: Chiswick Press, Wittingham and Co., 1881). Мистическая история рукописи была известна современникам поэта: после смерти своей возлюбленной – поэтессы и художницы Элизабет Сиддал (1829–1862), которая была его музой и моделью в живописи, он положил неизданные сонеты, посвященные ей, написанные в традициях «Новой жизни» Данте, в ее могилу. Впоследствии они были опубликованы. Их отличительная особенность – платонизм, развитие мистических тем любви и смерти, воплощение сновидческих состояний, как пишут исследователи [27, 28]. Россетти писал сонеты как развитие живописных тем своих картин, а сонеты рождали идеи и образы полотен. Это было создание новой визуальности в поэзии как результат «двойного зрения» – принципа, восходящего к творчеству Данте Алигьери.

Данте, как известно, был знаковой фигурой для Иванова: существует ряд специальных работ, посвященных этой проблеме [4–5, 10, 29]. Значение Россетти могло определяться тем, что живопись и поэзия английского художника были проводниками идей и образов Данте, как пишут исследо-

[5] М.М. Бахтин считал, что культура Возрождения преломилась в творчестве Брюсова сквозь призму прерафаэлитских традиций [26. С. 318]. Брюсов переводил стихотворения сестры Д.Г. Россетти – Кристины Россетти.

ватели [22. С. 23, 27, 30]. На влияние Данте, проявившееся в поэзии и живописи Россетти, указывала в своих публикациях Венгерова. От Данте у него принцип припоминания, пишет она, «как будто просветленная и примиренная душа с грустью вспоминает свои прежние страдания и освещает их познанным ею светом» [22. С. 25]. Дантовский слой его поэзии воспринимался ею как «возрожденное христианство», его стиль определялся как мистический реализм [21. С. 124]. Россетти переводил и иллюстрировал «Новую жизнь» Данте[6] и создал иллюстрации и цикл картин по мотивам «Божественной Комедии» («Paolo and Francesca», «Francesca da Rimini»)[7], а также написал ряд полотен на темы видений Данте, например «Dantis Amor», «The Meeting of Dante and Beatrice in Paradise» и др.[8] Под влиянием Данте написаны многие сонеты Россетти из его книги «Дом жизни»[9].

Исследователи уже указывали на прочтение Данте Ивановым и русскими символистами через философию В.С. Соловьева [4, 33]. В.В. Полонский, исследуя эту традицию, пишет: «Своим своеобразием русская рецепция наследия Данте на рубеже веков обязана в первую очередь опыту Вл. Соловьёва. Его софиология не только стремилась адаптировать запечатленную в “Новой жизни” и “Комедии” мистическую эротологию в качестве своего метафорического языка, но и предопределила господствующий тип прочтения Данте следующим поколением русской художественной интеллигенции» [33. С. 112]. П. Дэвидсон, исследуя биографический контекст мистической философии любви у Иванова, пишет, что она сформировалась под влиянием Данте и Соловьева и стала фокусом преломления дионисийской теории [4. С. 100–110]. В статье «О границах искусства» (1913), анализируя сонет из «Новой жизни» Данте, Иванов писал, что «нет сомнения в том, что Данте был и человек глубокой душевной жизни, и художник великий. <…> Не представляет ли собою описанный им экстаз одного из высочайших подъемов его духа в такую область сверхчувственного сознания, откуда человек не возвращается не обогащенный плодами этого подъема, который отмечает собой его остальную жизнь, как неизгладимое и решительное событие?» [17. С. 629].

В списке книг, принадлежащих Иванову, имеется сборник Д.Г. Россетти «Баллады и сонеты» («Ballads and sonnets», 1881) [34. С. 326][10]. Этим сборником Иванов очень дорожил. «Сижу сегодня, Радость Лиля, тихотихо дома с книжками: вот мой день. <…> Жаль, не со мной стихотворе-

---

[6] Известны его иллюстрации к сонетам из «Новой жизни» Данте: «Boat of Love», «Dante’s Dream», «Salutatio Beatricis», «Beata Beatrix». См., например, в кн. [31].

[7] См. там же.

[8] Об этом подробнее см.: [32. P. 156–161].

[9] О дантовском цикле и его роли в судьбе Россетти писали его современники [27. С. 16–19].

[10] Среди книг Вяч. Иванова есть также сочинения идеолога прерафаэлитского движения Дж. Рескина «Pre-Raphaelitism»(без даты) и «Morning in Florence» (1907) [34. С. 326, 329].

ния D.G. Rossetti. Пришли», – писал он Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от 26–28 января 1902 г. из Афин [35. Т. 2. С. 184].

Судя по тексту письма, стихотворения Россетти были хорошо знакомы поэту. Находим цитату из самого сокровенного цикла Россетти – «Ивовая роща» («Willowwood»), состоящего из четырех сонетов, в стихотворении Иванова «Пути Эроса». Строки второго сонета Россетти выполняют функцию эпиграфа, в них воплощен мотив воссоединения двух душ: «While fast together, alive from the abyss / Clung the soul-wrung implacable close kiss» (D.-G. Rossetti)» [12. С. 591]. В переводе биографа и редактора собрания сочинений Иванова О.А. Шор (Дешарт) читаем: «Доколь они были тесно вместе, живые над бездной, уста их единились в исторгнутом из души, неумолимо-слитом лобзании» [Там же. С. 862]. Как можно убедиться на основе сравнения приведенной выше цитаты из «Ада» «Божественной комедии» Данте, сонеты Россетти основаны на развертывании дантовского интертекста.

Цикл «Ивовая роща» Россетти был хорошо известен современникам Иванова. Уже в конце XIX в. его неоднократно цитирует Венгерова [16. С. 223, 22. С. 43–44]. Она пишет: «Особенно красиво это странное сочетание искренней печали и отраженного счастья в четырех сонетах, озаглавленных “Willowwood” (Ивовая роща)» [22. С. 43]. По ее мнению, основная тема сонетов – любовь, воплощающая душу природы, и этим обусловлен сложный мистицизм образов. Ею сделан почти дословный пересказ сонетов: «Поэт сидит над озером, думая об умершей возлюбленной; он не решается взглянуть на ангела любви, сидящего рядом с ним, и встречает его тихий взор только в отражении волны, – тогда глаза ангела и ровный плеск воды кажутся ему глазами и голосом возлюбленной; он вновь соединен с ней силой их взаимной, не нарушенной смертью любви, он счастлив, глядя на ее мнимое отражение в озере. <…>. <…> прильнув к отражению лица возлюбленной, он пьет “ее дыхание, ее слезы, ее душу”. С участием и благословением во взоре ангел любви склоняется низко над водой и осеняет своим ореолом соединенных на мгновение любящих» [22. С. 43–44].

В первом сонете Россетти намечается тема зарождения любви, поэт и Эрот склонились над ручьем – зеркалом любви. Их отражение в воде повторяется в глазах Эрота, приоткрывается тайна любовного союза. Во втором сонете в песне Эрота звучат души, изображенные как скользящие в сумраке тени: «And I was made aware of a dumb throng/ That stood aloof, one form by every tree,/ All mournful forms, for each was I or she, / The shades of those our days that had no tongue» [36. С. 127][11]. Этот второй сонет воплощает дантовский визуальный образ двух теней Паоло и Франчески, кото-

[11] См.: И видел тени я между сплетений
Нагих дерев, у каждого – одна,
И тени были: я или она, –
Тех наших дней, речь не обретших, тени (*пер. В. Савина*) [36. С. 126].

рые «во тьме друг к другу льнули нежно, // Сомкнув уста, стеная безнадежно»[12].

В цикле Россетти изложена не просто история запретной любви Паоло и Франчески, скорбные тени которых блуждают в Аду у Данте, а создана иллюзия странствий разделенных смертью душ возлюбленных. В заключительном сонете цикла английский поэт создает образ «уплывающей в сумерки» возлюбленной: «Себя не помня, я к воде приник / Там, где исчез ее прелестный лик, / Ее душа и слезы и дыханье: / И надо мной – я слышал, как сквозь сон, – / Эрот, вздохнув, исторг печальный стон / И наши лица погрузил в сиянье» [36. С. 130][13]. Поэтика зеркальности присуща поэзии Россетти, но она осложнена темой соединения двух любящих высшим третьим (ангелом, зеркалом воды, душой природы). Символика зеркала для Иванова также является конструктивным приемом поэтики уже в его первой книге стихов «Кормчие звезды». Исследователи связывают ее с трансформацией мифопоэтической символики Платона [37. С. 123]. З.Г. Минц и Г.В. Обатнин в своей статье указывают, что андрогинный образ Эроса в сонете «Любовь» – это «разнообразные уподобления двух любящих», они «зрительно представимы как части неких эмблематических фигур; части эти зеркально симметричны, или, что то же самое, “отражаются” друг в друге» [37. С. 126]. Прием взаимоотражения возлюбленных друг в друге, присущий Россетти, мог быть источником этого мотива у Иванова в стихотворении «Зеркало Эроса» и сонете «Любовь». Не последнюю роль здесь могли сыграть и живописные образы картин Россетти.

Поэтический цикл Россетти «Ивовая роща» соотносится с его мистическим живописным триптихом «Паоло и Франческа да Римини» («Paolo and Francesca da Rimini») (1862)[14]. Первая часть триптиха воспроизводит образ запретного поцелуя Паоло и Франчески, вторая – Данте и Вергилия, видящих тени Паоло и Франчески в аду, третья – андрогинный образ двух возлюбленных среди языков пламени. Стихотворению Иванова созвучна живописная композиция из триптиха Россетти, где прильнувшие друг к другу возлюбленные изображены в вихре пламени. Андрогинный образ возлюбленных трансформируется в видение полета душ, уносимых вожатым – Эросом. В стихотворении Иванова «Зеркало Эроса» читаем: «Куда, куда / По сизым грядам, / Пугливый рой / Доверчивых крыл?» [12. С. 592]. Образ летящих крылатых возлюбленных – визуальный символ в поэтическом тексте. Это образ андрогинности как символ зеркала Эроса: «Рука с рукой, / С устами уста...», «Слиты на миг, / Глядим в немую / Вечность очей – / Бессмертную, вечную вечность… » [12. С. 592].

Мотив воссоединения и полета душ является доминирующим и в сонете «Любовь» Иванова из его книги «Кормчие звезды»:

---

[12] Перевод В. Савина [36. С. 126]. Ср. с переводом Вламеса: «Пока превозмогая полный мрак, / Наш поцелуй надрывный не иссяк» [36. С. 543].

[13] Цит. по переводу В. Савина.

[14] См. [32. С. 30].

Мы – два грозой зажженные ствола,
Два пламени полуночного бора;
Мы – два в ночи летящих метеора,
Одной судьбы двужалая стрела!

Мы – два коня, чьи держит удила
Одна рука, – одна язвит их шпора;
Два ока мы единственного взора,
Мечты одной два трепетных крыла.

Мы – двух теней скорбящая чета
Над мрамором божественного гроба,
Где древняя почиет Красота.

Единых тайн двугласные уста,
Себе самим мы – Сфинкс единый оба.
Мы – две руки единого креста [12. С. 610–611].

В переписке Иванова и его жены сохранилось ироническое обыгрывание числового символизма этого сонета: повторение ключевого слова «два» в письме от 17/4 мая 1900 г. [11. Т. 1. С. 659][15]. В книге «Cor ardens» этот сонет становится магистралом «Венка сонетов», что говорит о его исключительной значимости для развития этой темы[16].

Сонет, безусловно, отсылает к традиции Данте. Показательны, например, переводы Ивановым двух сонетов из «Новой жизни», опубликованные П. Дэвидсон [4. С. 238–239]. Один из них имеет числовую символику[17]. Вместе с тем ивановский сонет «Любовь» мог иметь своим источником и сонеты Россетти из его книги «Дом жизни». Мотив соединения душ показателен для многих сонетов этой книги, например: «Nuptial Sleep» (Брачный сон), «The Kiss» (Поцелуй), «Love's Lovers» (Возлюбленные любви), «The Lovers' Walk» (Прогулка влюбленных), «The Birth-Bond» (Единокровные) и др. В сонете «Любовь» у Иванова, как и у Россетти, воплощается тема мистического единения двух душ высшим божественным третьим.

О близости мистического мотива единения / разделения душ в стихотворениях Иванова и Россетти говорят и другие произведения. Приведем в

[15] Вяч. Иванов и Зиновьева-Аннибал писали М.М. Замятниной в связи с общим простудным заболеванием: «Жаль, что в сонете только 14 строк полагается; прибавить разве к тому моему сонету, на старинный манер, "хвост" (coda), в котором заявить, что мы не только два ока, два крыла…» [7. Т. 1. С. 659].

[16] См. его первую публикацию [38].

[17] Любовь и сердце высшее – одно:
Был прав мудрец, сих слов провозвеститель –
С душой разумной разум разлучить иль?
Не разлучить и тех двоих равно [4. С. 238].

качестве примера XL сонет Россетти «Severed Selves» (Разделенные души) [36. С. 107] и сравним с дословным его переводом:

Two separate divided silences
Which, brought together, would find loving voice;
Two glances which together would rejoice
In love, now lost like stars beyond dark trees;
Two hands apart whose touch alone gives ease;
Two bosoms which, heart-shrined with mutual flame,
Would, meeting in one clasp, be made the same;
Two souls, the shores wave-mocked of sundering seas:

Две отдельные разъединенные немоты,
Которые, соединившись, найдут любящий голос;
Два взгляда, которые вместе бы возрадовались
В любви, теперь затеряны как звезды за темными деревьями;
Две разъединенные руки, которым будет легче от соприкосновения
Две груди, в которых святыня сердца с горящим пламенем,
Соединились бы мгновенно, стали одним;
– Две души, два берега, дразнимые бушующим морем: –

Such are we now. Ah! May our hope forecast
Indeed one hour again, when on this stream
Of darkened love once more the light shall gleam? –
An hour how slow to come, how quickly past, –
Which blooms and fades, and only leaves at last,
Faint as shed flowers, the attenuated dream.

Таковы мы сейчас. О! Пусть наша надежда предскажет
Еще один час, когда на этом потоке
Потемневшей любви еще раз блеснет свет?
Как медленно приходит час, как быстро проходит, –
Который цветет и увядает, и только в конце концов листья
Трепещут, как опавшие цветы, как смутные мечты[18].

И сонет «Любовь» Иванова, и сонет Россетти «Разделенные души» отличает символизм мистически трактуемых чисел «один» и «два». Сонет Иванова – это полемический ответ, концептуально обыгрывающий платоновскую мистическую андрогинную тему. Но если Россетти пишет о трагедии «разлученных» или «разделенных» душ, которые не в силах воссоединиться, то Иванов отвечает ему визионарным образом платоновского единения двух душ, развивая мотив мистического воссоединения – *unio mystica.*

Внимание русского символиста к поэзии Россетти и Данте могло воздействовать на принципы создания им воображаемой мифопоэтической

[18] Ср. с художественным переводом А. Круглова, делающего акцент на андрогинной сущности образов [39. С. 109].

картины, строящейся на основе узнаваемых приемов или ассоциаций. Имагинативный образ доступен в духовном зрении, как у Данте, о чем Иванов писал в статье «О границах искусства». Подобный образ может существовать в форме экфрасиса, экфрастической интенции, экфрасиса «в свернутом виде», экфрастического импульса. Эти типы экфрасиса в творчестве Иванова выделяет М. Цимборска-Лебода [40. С. 55]. Экфрастическая интенция способствует созданию иллюзионистического образа, т.е. образа, существующего в памяти и развиваемого в воображении. Он может быть трансмедиальным как вариация одного и того же живописного сюжета или мотива или трансформационным, так как речь идет о трансформации языков одного языка искусства в тексте другого и взаимодействии языков медиа. Поэтому в стихотворении Иванова продолжается развитие ассоциаций, идущих из разных источников. Например, первая часть стихотворения «Зеркало Эроса» – это пейзаж, но он не озерный или речной, как у Россетти, а морской и космический в духе романтиков или «Острова смерти» А. Беклина (утесы смерти, ладья, образы кипарисов): «И остров вершинный / Плывет в озареньи – / Эфирный дом / Надежд светлоликих, / Элизий плена» [12. С. 592].

Таким образом, мотив полета становится символом мистического воссоединения душ в мифопоэтике Иванова. Поэт цитирует сонет Россетти в эпиграфе стихотворения «Зеркало Эроса» и стремится воссоздать воображаемую им картину на основе принципа ассоциаций, основанных на включении иллюзионистических образов в поле традиций Платона, Данте, Россетти. Своеобразие этого мотива у Иванова заключается в том, что в книге «Кормчие звезды» он трансформирует платоновский мотив «загробного» единения душ, присущий поэзии Данте и Россетти, в мотив вечной жизни и торжествующей любви. Эпиграф-интертекст из сонета Россетти как форма «памяти в тексте» создает множественные отсылки, связанные с культурфилософией автора[19], формирует вектор создания интерпретаций, возникающих в сознании читателя. Но эпиграф становится основой не только текстопорождающего принципа, но и интермедиальной поэтики, основанной на принципе визуальности. Поэтому стихотворение «Зеркало Эроса» в поэтике книги Иванова – текст, созданный как иллюзорное декоративное пространство воображаемой картины. Здесь осуществилась, как в поэзии В.А. Жуковского, «визуальная трансформация поэтического литературного сюжета» через связку ассоциаций «поэзия» – «видение» – «картина» и наоборот: «картина» – «видение» – «поэзия»[20]. Стихотворение отличает наличие зрительных ракурсов, объединенных мотивом соединения душ как преодоления плена земной жизни и смерти. Развитие этого мотива в мифопоэтике Иванова способствует созданию особых пространственно-временных образов (*земля / небо / космос и вечность*) с присущими им он-

[19] О роли памяти в развитии интертекста см. в книге Р. Лахманн [41. С. 9].

[20] Об этом принципе подробнее см. в статье О.Б. Лебедевой и А.С. Янушкевича [42. С. 130].

тологическими характеристиками, открывающимися только в мышлении о бытии (*от реального – к реальнейшему*), поэтому показателен числовой символизм. Число понимается как сущность образа. Текст стихотворений Иванова создается как палимпсест, отсылающий ко многим традициям на основе архетипических образов, восходящих к платоновской традиции.

Литература

1. *Ханзен-Леве А.* Русский символизм: Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб. : Академический проект, 1999. 512 с.

2. *Иванов Вяч.* Собрание сочинений / под ред. Д.В. Иванова, О. Дешарт. Брюссель : Foyer Oriental Chrétien, 1979. Т. 3. 896 с.

3. *Ханзен-Леве А.* Русский символизм. Система поэтических мотивов: Мифопоэтический символизм. Космическая символика / пер. с нем. СПб. : Академический проект, 2003. 816 с.

4. *Davidson P.* The poetic imagination of Vyacheslav Ivanov: A Russian Symbolist's perception of Dante. Cambridge, 1989. 320 p.

5. *Асоян А.А.* Данте и русская литература. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. С. 121–143.

6. *Устинова В.А.* Традиции Платона и Данте в поэтическом сознании Вячеслава Иванова // Europa Orientalis. 2002: 2. Vol. 21. С. 321–338.

7. *Вячеслав* Иванов, Лидия Зиновьева-Аннибал: Переписка: 1894–1903. М. : Новое литературное обозрение, 2009. Т. 1. 752 с.

8. *Богомолов Н.А.* Вяч. Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М. : Изд-во Кулагиной-Intrada, 2009.

9. *Обатнин Г.В.* Иванов-мистик (Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вяч. Иванова (1907–1919)). М. : Новое литературное обозрение, 2000.

10. *Шишкин А.Б.* «Пламенеющее сердце» в поэзии Вячеслава Иванова: К теме «Иванов и Данте»// Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 333–352.

11. *Цимборска-Лебода М.* Эрос в творчестве Вячеслава Иванова: На пути к философии любви. Томск ; Москва : Водолей Publishers, 2004.

12. *Иванов Вяч.* Собрание сочинений / под ред. Д.В. Иванова, О. Дешарт. Брюссель : Foyer Oriental Chrétien, 1971. Т. I. 872 с.

13. *Данте Алигьери*. Божественная комедия. Ч. 1: Ад. В переводе русских писателей. СПб., 1897.

14. *Кружков Г.* «Мы – двух теней скорбящая чета»: Лондонский эпизод 1899 года по письмам Вяч. Иванова и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. С. 235–260.

15. *Шишкин А.Б.* Краткая летопись жизни и творчества Вяч. Иванова. 2011. URL: http://www.v-ivanov.it/o_vyach_ivanove/ letopis_zhizni_i_tvorchestva/ (дата обращения: 4.09.2017).

16. *Венгерова З.А.* Новые течения в английском искусстве // Вестник Европы. 1895. № 5. С. 192–235.

17. *Иванов Вяч.* Собрание сочинений / под ред. Д.В. Иванова, О. Дешарт. Брюссель : Foyer Oriental Chrétien, 1974. Т. 2. 852 с.

18. *Жаткин Д.Н.* Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (А.А. Блок, члены литературного общества «Аргонавты») // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 10. С. 106–110.

19. *Титаренко С.Д.* Блок и прерафаэлиты: (О некоторых визуальных источниках и природе трансформаций архетипического образа Вечной Женственности) // Александр Блок: Исследования и материалы. М., 2011. <Т. 4>. С. 113–141.

20. *Познанская А.* Прерафаэлиты в России // Прерафаэлиты. Викторианский авангард. Из собрания галереи Тейт, коллекций Великобритании и США. М., 2013. С. 180–187.

21. *Воронов З.* <Венгерова З.А.> Прерафаэлитское движение в Англии // Северный вестник. 1896. № 4, отд. 1. С. 109–130.

22. *Венгерова З.*А. Литературные характеристики. СПб., 1897. Кн. 1.

23. *Венгерова З.*А. Поэт-художник. Данте Габриэль Россетти // Новый мир. 1900. № 47. С. 446–447.

24. *Проскурякова М.А.* Творчество прерафаэлитов в оценке А. Бенуа // Uropean Social Science Journal. 2012. № 1 (17). С. 358–362.

25. *Брюсов В.Я.* К истории символизма // Литературное наследство. М. : Наука, 1937. Т. 27–28. С. 268–274.

26. *Бахтин М.М.* Вячеслав Иванов // Собр. соч. М., 2000. Т. 2. С. 318–328.

27. *Hueffer F.* Memoir of Dante Gabriel Rossetti // Rossetti D.G. Ballads and Sonnets in one volume. Leipzig, 1882. P. 7–24.

28. *Соколова Н.И.* Творчество Д.Г. Россетти в контексте «средневекового возрождения» в викторианской Англии. М. : Московский пед. гос. ун-т, 1995.

29. *Силард Л.* Дантов код русского символизма // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб., 2002. С. 162–205.

30. *Соколова Н.И.* Данте и Д.Г. Россетти // Англия и Россия: Диалог двух культур. Теоретические проблемы литературных связей. Воронеж, 1994. С. 130–145.

31. *La vita* nuova : (The new life) / by Dante Alighieri; translated and illustrated by photogravures after paintings by Dante Gabriel Rossetti; with the fifth canto of Dante's Inferno ; [translated by H.W. Longfellow], and Rossetti's two illustrations thereto. London : G. Routledge & Sons, [191?].

32. *Treuherz J., Prettejohn E., Becker E.* Dante Gabriel Rossetti. With 190 illustrations, 140 in colour. N.Y. : Thames & Hudson, 2003.

33. *Полонский В.В.* Русский Данте конца XIX – первой половины XX в.: Опыты рецепции и интерпретации классики до и после революционного порога // Литературоведческий журнал. 2015. № 37. С. 111–130.

34. *Обатнин Г.В.* Материалы к описанию библиотеки Вяч. Иванова // Europa Orientalis. 2002: 2. Vol. 21. P. 261–343.

35. *Вячеслав* Иванов, Лидия Зиновьева-Аннибал: Переписка: 1894–1903. М. : Новое литературное обозрение, 2009. Т. 2. 568 с.

36. *Россетти Д.Г.* Дом Жизни = The House of Life: Поэзия, проза [на рус. и англ. яз.] / пер. с англ. СПб. : Азбука-классика, 2005. 558 с.

37. *Минц З.Г., Обатнин Г.В.* Символика зеркала в ранней поэзии Вяч. Иванова: (Сборники «Кормчие звезды», Прозрачность») // Минц. З.Г. Блок и русский символизм: избр. тр. : в 3 кн. СПб., 2004. Т. 3. С. 123–128.

38. *Иванов Вяч.* Венок сонетов: Из книги «Любовь и Смерть». Посвящается Л.Д. Зиновьевой-Аннибал // Аполлон. 1910. № 5 (февраль). С. 65–73.

39. *Поэтический* мир прерафаэлитов: Новые переводы = The Poetic World of Pre-Raphaelites. New Translations. М. : Центр книги Рудомино, 2013. 372 с.

40. *Цимборска-Лебода М.* Экфрасис в творчестве Вяч. Иванова // Экфрасис в русской литературе: Тр. Лозаннского симпозиума. М., 2002. С. 53–70.

41. *Лахманн Р.* Память и литература: Интертекстуальность в русской литературе XIX–XX веков. СПб. : Петрополис, 2011. 400 с.

42. *Лебедева О.Б., Янушкевич А.С.* В.А. Жуковский и А.В. Никитенко о Сикстинской мадонне Рафаэля: типология экфрасиса как репрезентант эстетического сознания // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 46. С. 124–151.

DANTE GABRIEL ROSSETTI AND VYACHESLAV IVANOV: PLATO'S MOTIVE OF SOULS REUNION AND INTERMEDIAL POETICS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 52. 216–230. DOI: 10.17223/19986645/52/13

Svetlana D. Titarenko, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: svet_titarenko@mail.ru
Keywords: Vyacheslav Ivanov, Dante Gabriel Rossetti, Plato's philosophy, motive of souls reunion, English Pre-Raphaelites, Russian Symbolism, Dante Alighieri, Soloviev's philosophy, intermediality, mythopoetics.

The article is devoted to the problem of studying Russian symbolism mythopoetics, and it can be used for future studies of the philosophical motives in Russian literature of the Silver Age. It is based on the analysis of Plato's androgynous motive of two souls reunion in the works of the poet and theorist of Russian symbolism Vyacheslav Ivanov (1866–1949). This philosophical motive can be seen in his first book of poems *Pilot Stars* (1903), and it has a polygenetic nature. According to the article, the sources for the motive are not only philosophies of Plato and Vladimir Soloviev but also poetry of Dante, Goethe, Novalis and Zhukovsky. The English poet and Pre-Raphaelite artist Dante Gabriel Rossetti (1828–1882) was influenced by Plato and Dante, and his works became the source for using the motive in Ivanov's poetry. The problem "Ivanov and Rossetti" needs a special consideration, as it is an important problem for modern comparative studies and history of Russian literature. Ivanov's poem "The Mirror of Eros" from the book *Pilot Stars* is in the centre of the article. Ivanov used an epigraph from Rossetti's sonnet, and Rossetti's poems are considered to be a source for Ivanov. The article also studies facts form Ivanov's biography and the so-called "London episode" of his life in 1899–1900, his correspondence with Lidia Zinovieva-Annibal, books from his private library, influence of V.S. Soloviev's philosophy and the meaning of Pre-Raphaelites for Russian Symbolism. The article describes common sources of the theory of the mystic love for Rossetti and Ivanov: Plato's philosophy and works by Dante Alighieri. The influence of Russian religious philosophy on aesthetic and cultural projects of the Silver Age is also studied in the article. The author of the article reveals the phenomenon of universalization of the creative mind, which includes the metaphysical and mythopoetic discourses of the poetic thinking. The androgynous motive of souls reunion in the cycle of Rossetti's sonnets "Willowwood" and his sonnet "Severed Selves" are analysed in the article. The transformation of this motive is studied in Ivanov's poem "The Mirror of Eros". A hypothesis is made that Ivanov's sonnet "Love" could have been created under the influence of Rossetti's poetry. The article also describes the intermedial nature of Ivanov's and Rossetti's poetry. Intermediality is considered as the principle of interaction between the languages of painting and poetry in Ivanov's works. The article demonstrates that the basis of the symbolic language in the poems by Ivanov is images of Rossetti's poetry and paintings. The article shows how the poetic thinking of the symbolist poet correlates with the philosophic and aesthetic principles of Rossetti's works. It is proved that the poems by the symbolist poet have a polygenetic character and they refer to the traditions of Plato, Dante, Soloviev, Rossetti and others at the same time. A conclusion is made that Rossetti's works could have influenced greatly on the formation of the motive of souls reunion in the poetry of Ivanov.

References

1. Hansen-Love, O.A. (1999) *Russkiy simvolizm: Sistema poeticheskikh motivov. Ranniy simvolizm* [Russian Symbolism: A System of Poetic Motives. Early Symbolism]. Translated from German. St. Petersburg: Akademicheskiy proekt.

2. Ivanov, V.V. (1979) *Sobr. soch*. [Works]. Vol. III. Brussels: Foyer Oriental Chrétien.

3. Hansen-Love, O.A. (2003) *Russkiy simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov: Mifopoeticheskiy simvolizm. Kosmicheskaya simvolika* [Russian Symbolism. The system of poetic motifs: Mythopoetic symbolism. Space symbols]. Translated from German. St. Petersburg: Akademicheskiy proekt.

4. Davidson, P. (1989) *The poetic imagination of Vyacheslav Ivanov: A Russian Symbolist's perception of Dante*. Cambridge: Cambridge University Press.

5. Asoyan, A.A. (1989) *Dante i russkaya literatura* [Dante and Russian literature]. Sverdlovsk: Ural State University. pp. 121–143.

6. Ustinova, V.A. (2002) Traditsii Platona i Dante v poeticheskom soznanii Vyacheslava Ivanova [The traditions of Plato and Dante in the poetic consciousness of Vyacheslav Ivanov]. *Europa Orientalis*. XXI:2. pp. 321–338.

7. Ivanov, V.V. & Zinov'eva-Annibal, L. (2009) *Perepiska: 1894–1903* [Correspondence: 1894–1903]. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

8. Bogomolov, N.A. (2009) *Vyach. Ivanov v 1903-1907 godakh: Dokumental'nye khroniki* [Vyacheslav Ivanov in 1903–1907: Documentary chronicles]. Moscow: Izd-vo Kulaginoy-Intrada.

9. Obatnin, G.V. (2000) *Ivanov-mistik (Okkul'tnye motivy v poezii i proze Vyach. Ivanova (1907–1919))* [Ivanov the mystic (Occult motifs in poetry and prose of Vyacheslav Ivanov (1907–1919))]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

10. Shishkin, A.B. (1996) "Plameneyushchee serdtse" v poezii Vyacheslava Ivanova: K teme "Ivanov i Dante" ["Flaming Heart" in the poetry of Vyacheslav Ivanov: To the theme "Ivanov and Dante"]. In: Keldysh, V.A. & Koretskaya, I.V. (eds) *Vyacheslav Ivanov: Materialy i issledovaniya* [Vyacheslav Ivanov: Materials and Research]. Moscow: Nasledie.

11. Tsimborska-Leboda, M. (2004) *Eros v tvorchestve Vyacheslava Ivanova: Na puti k filosofii lyubvi* [Eros in the works of Vyacheslav Ivanov: Towards a philosophy of love]. Tomsk; Moscow: Vodoley Publishers.

12. Ivanov, V.V. (1971) *Sobr. soch.* [Works]. Vol. I. Brussels: Foyer Oriental Chrétien.

13. Dante Alighieri. (1897) *Bozhestvennaya komediya. Ch. I. Ad. V perevode russkikh pisateley* [The Divine Comedy. Part I. Inferno. In the translation of Russian writers]. St. Petersburg: Izd. Glazunova.

14. Kruzhkov, G. (2000) "My – dvukh teney skorbyashchaya cheta": Londonskiy epizod 1899 goda po pis'mam Vyach. Ivanova i L.D. Zinov'evoy-Annibal ["We are a grieving couple of two shadows": London episode of 1899 by letters of Vyacheslav Ivanov and L.D. Zinovieva-Annibal]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Obderver*. 43. pp. 235–260.

15. Shishkin, A.B. (2011) *Kratkaya letopis' zhizni i tvorchestva Vyach. Ivanova* [A brief chronicle of life and works Vyach. Ivanov]. [Online] Available from: http://www.v-ivanov.it/o_vyach_ivanove/letopis_zhizni_i_tvorchestva/. (Accessed: 4th September 2017).

16. Vengerova, Z.A. (1895) Novye techeniya v angliyskom iskusstve [New trends in the English art]. *Vestnik Evropy*. 5. pp. 192–235.

17. Ivanov, V.V. (1971) *Sobr. soch.* [Works]. Vol. II. Brussels: Foyer Oriental Chrétien.

18. Zhatkin, D.N. (2015) Dante Gabriel Rossetti and the Silver century of Russian literature (A.A. Blok, members of the literary society Argonavt). *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Buryat State University Bulletin*. 10. pp. 106–110. (In Russian).

19. Titarenko, S.D. (2011) Blok i prerafaelity (O nekotorykh vizual'nykh istochnikakh i prirode transformatsiy arkhetipicheskogo obraza Vechnoy Zhenstvennosti) [Blok and Pre-Raphaelites (On some visual sources and the nature of transformations of the archetypal image of the Eternal Femininity)]. In: Gryakalova, N.Yu. (ed.) *Aleksandr Blok. Issledovaniya i materialy* [Alexander Blok. Research and materials]. Vol. 4. Moscow: Nauka.

20. Poznanskaya, A. (2013) Prerafaelity v Rossii [Pre-Raphaelites in Russia]. In: *Prerafaelity. Viktorianskiy avangard [Pre-Raphaelites. Victorian Avantgarde]*. *Moscow:* GMII im. A.S. Pushkina.

21. Voronov, Z. <Vengerova, Z.A.> (1896) Prerafaelitskoe dvizhenie v Anglii [Pre-Raphaelite movement in England]. *Severnyy vestnik*. 4:1. pp. 109–130.

22. Vengerova, Z.A. (1897) *Literaturnye kharakteristiki* [Literary characteristics]. Book 1. St. Petersburg: Tip. A. E. Vineke.

23. Vengerova, Z.A. (1900) Poet-khudozhnik. Dante Gabriel' Rossetti [Poet-artist. Dante Gabriel Rossetti]. *Novyy mir*. 47. pp. 446–447.

24. Proskuryakova, M.A. (2012) Pre-Raphaelite creativity by A.N. Benois. *European Social Science Journal*. 1 (17). pp. 358–362.

25. Bryusov, V.Ya. (1937) K istorii simvolizma [To the history of symbolism]. In: Lebedev-Polyanskiy, P.I. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vols 27–28. Moscow: Zhur.-gaz. ob"edinenie.

26. Bakhtin, M.M. (2000) *Sobr. soch.* [Works]. Vol. 2. Moscow: Russkie slovari. pp. 318–328.

27. Hueffer, F. (1882) Memoir of Dante Gabriel Rossetti. In: Rossetti, D.G. *Ballads and Sonnets in one volume*. Leipzig: Tauchnitz.

28. Sokolova, N. I. (1995) *Tvorchestvo D. G. Rossetti v kontekste "srednevekovogo vozrozhdeniya" v viktorianskoy Anglii* [Works of D.G. Rossetti in the context of "Medieval Renaissance" in Victorian England]. Moscow: Moscow State Pedagogical University.

29. Szilard, L. (2002) *Germetizm i germenevtika* [Hermeticism and hermeneutics]. St. Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha. pp. 162–205.

30. Sokolova, N.I. (1994) Dante i D.G. Rossetti [Dante and D.G. Rossetti]. In: *Angliya i Rossiya: Dialog dvukh kul'tur. Teoreticheskie problemy literaturnykh svyazey* [England and Russia: Dialogue of Two Cultures. Theoretical problems of literary connections]. Voronezh: Voronezh State University.

31. Dante Alighieri. (191?) *La vita nuova: (The new life)*. Translated and illustrated by photogravures after paintings by Dante Gabriel Rossetti; with the fifth canto of Dante's Inferno; [translated by H.W. Longfellow], and Rossetti's two illustrations thereto. London: G. Routledge & Sons.

32. Treuherz, J., Prettejohn, E. & Becker, E. (2003) *Dante Gabriel Rossetti*. New York: Thames & Hudson.

33. Polonskiy, V.V. (2015) Russian Dante in the end of the XIX – early XX c.: Classical phenomenon in reception and interpretation before and after the Revolution. *Literaturovedcheskiy zhurnal*. 37. pp. 111–130. (In Russian).

34. Obatnin, G.V. (2002) Materialy k opisaniyu biblioteki Vyach. Ivanova [Materials for the description of Vyacheslav Ivanov's library]. *Europa Orientalis*. XXI:2. pp. 261–343.

35. Ivanov, V.V. & Zinov'eva-Annibal, L. (2009) *Perepiska: 1894–1903* [Correspondence: 1894–1903]. Vol. 2. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

36. Rossetti, D.G. (2005) *Dom Zhizni = The House of Life: Poeziya, proza* [The House of Life: Poetry, prose]. Translated from English. St. Petersburg: Azbuka-klassika. (In Russian & in English).

37. Mints, Z.G. & Obatnin, G.V. (2004) Simvolika zerkala v ranney poezii Vyach. Ivanova: (Sborniki "Kormchie zvezdy", Prozrachnost'") [he symbolism of the mirror in the early poetry of Vyacheslav Ivanov: (Collections "Pilot Stars", "Transparency")]. In: Mints, Z.G. *Blok i russkiy simvolizm: Izbrannye trudy v 3-kh kn.* [Blok and Russian Symbolism: Selected Works in 3 books]. Book 3. St. Petersburg: Iskusstvo–St. Petersburg.

38. Ivanov, V. (1910) Venok sonetov: Iz knigi "Lyubov' i Smert'". Posvyashchaetsya L.D. Zinov'evoy-Annibal [Wreath of Sonnets: From the book "Love and Death". Dedicated to L.D. Zinovieva-Annibal]. *Apollon*. 5 (February). pp. 65–73.

39. Boroditskaya, M.Ya. et al. (2013) *The Poetic World of Pre-Raphaelites. New Translations*. Moscow: Tsentr knigi Rudomino. (In Russian & in English).

40. Tsimborska-Leboda, M. (2002) Ekfrasis v tvorchestve Vyach. Ivanova [Ekphrasis in works of Vyacheslav Ivanov]. In: Geller, L. (ed.) *Ekfrasis v russkoy literature* [Ekphrasis in Russian Literature]. Moscow: Izd-vo "MIK".

41. Lachmann, R. (2011) *Pamyat' i literatura. Intertekstual'nost' v russkoy literature XIX–XX vekov* [Memory and Literature. Intertextuality in Russian literature of the 19th–20th centuries]. Translated from German by A.I. Zherebin. St. Petersburg: ID "Petropolis".

42. Lebedeva, O.B. & Yanushkevich, A.S. (2017) V.A. Zhukovsky and A.V. Nikitenko on Raphael''s Sistine Madonna: the typology of ekphrasis as a representative of aesthetic consciousness. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 46. pp. 124–151. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/46/10

УДК 82.091
DOI: 10.17223/19986645/52/14

Н.В. Хомук

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ В РОМАНЕ Н.И. ГРЕЧА «ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА». СТАТЬЯ 1

Рассматривается проблема репрезентации и художественно-семиотической организации «петербургского текста» в романе Н.И. Греча «Черная женщина». В изображении Петербурга автор стремится к единству научных, культуртрегерских и державно-политических интересов. Показано соотношение стратегии официозной идеологии прославления Петербурга и масонской художественно-символической традиции, задающей барочные прецеденты поэтики романа. Выявлены и проанализированы гностико-символические основания «петербургского текста» в «Черной женщине».

Ключевые слова: *Н.И. Греч, «Черная женщина», Петербург, петербургский текст, масонство, барокко.*

Жизнь и деятельность Николая Ивановича Греча (1787–1867) целиком связаны с Петербургом. Как свидетельствовал М.Н. Лонгинов, «…в то время Греча в Петербурге знали все от мала до велика» [1. С. 11]. Оба его романа «Поездка в Германию» (1831) и «Черная женщина» (1834) стоят у истоков «петербургского текста» XIX в., придавая ему специфическое выражение. Культурно-семантическое оформление пространственного текста всегда привлекало Греча. Им часто используется прием выстраивания обширной географически-культурной системы (не только в путевых очерках, но и в романах). После романа «Поездка в Германию», где к теме северной столицы автор подходит через изображение «нравов и обычаев петербургских немцев» [2. С. 4], в романе «Черная женщина» эта тема раскрывается в широком географическом и историческом масштабах. На первый план выходит особая связанность этого произведения с Петербургом, который оказывается изначально семантически более объемным по отношению к внешним своим реализациям в художественном хронотопе. Лексема «Петербург» встречается в романе постоянно. Например, если место действия меняется, то наряду с нумерацией главы оно всегда предварительно указывается, выполняя функцию документально-топографической привязки (помимо места указывается и дата). Оно также имеет характер сценической маркировки, поскольку основу действия в основном составляют беседы персонажей. Сценичность перекликается с культурно-семантической спецификой Петербурга как «текста».

Главная духовная коллизия сюжета романа связана с явлением Алексею Кемскому в критические моменты его жизни призрака «черной женщины». Этот мотив находит соответствие в таких чертах Петербурга, как миражность и театральность.

«Черная женщина» Н.И. Греча была опубликована в одно время с «Пиковой дамой» А.С. Пушкина, что способствовало перекличке этих произведений в читательском восприятии [3]. «”Пиковая дама” считается основой и началом петербургского текста, притом что <…> собственно петербургские приметы там даны очень скупо» [4. С. 259]. Роман «Черная женщина», максимально насыщенный петербургскими топонимами и посвоему раскрывающий тему Петербурга, долгое время игнорировался исследователями, относившими его к второсортной беллетристике.

Ю.М. Лотман отмечал, что город «может быть не только изоморфен государству, но олицетворять его, быть им в некотором идеальном смысле» [5. С. 9]. В случае Греча, принадлежащего к группе петербургских литераторов «на службе правительства», тема Петербурга тяготеет к панегирику: русская столица – центр государственности и святости[1]. В изображении петербургской жизни, концентрирующей жизнь общероссийскую, Греч стремится к единству научных, культуртрегерских и державнополитических интересов. Поэтому он редуцирует такой существенный признак, как отраженный в петербургском тексте эсхатологизм, проистекающий из коллизии города с природными стихиями[2]. Природа изначально включается писателем в окультуренное пространство.

Греч использует топосы Петербурга, связанные с его периферией (в I части персонажи едут за город к попавшему в дорожную аварию приятелю, а в III части Кемский живет на Выборгской стороне). Оппозиция город – окраина выражает не столько социальный контраст, сколько возможность дистанцирования к городу и создание условий равенства человека – пространству реальному и пространству, воссоздаваемому в речах персонажей, вставных историях и даже ретроспекциях, а также в иконических образах (архитектурных образах, картинах, письмах и пр.).

Князь Кемский и его приятель Хвалынский едут за город на помощь к пострадавшему в дороге Вышатину: движение осуществляется на петербургскую периферию («назад к природе»), поэтому вводится руссоистский и элегический мотив. «Вышатин увидел себя в самой живописной долине финляндской Швейцарии. Шагах стах в трех лежала на возвышении чухонская деревня Сярки, под нею простиралась прекрасная долина, ороша-

[1] «Подлинность Петербурга как нового Рима состоит в том, что святость в нем не главенствует, а подчинена государственности. Государственная служба превращается в служение Отечеству и одновременно ведущее к спасению души поклонение Богу» [6. С. 207].

[2] Эта тема иронично снижена в «Черной женщине» в следующем «опросе»: «Это безмолвие наскучило Хвалынскому, и он начал экзаменовать заслуженного адъютанта.

– Что, почтеннейший Иван Егорович, сколько сегодня градусов тепла?

– Тринадцать с половиною в тени, – отвечал фон Драк.

– А барометр каков?

– Поднялся на три линии со вчерашнего вечера.

– Какой сегодня ветер?

– Юго-восточный тихий.

– Что вода в Неве?

– Убыла против вчерашней на полтора дюйма» [7. С. 18].

емая быстрым ручьем» [7. С. 26]; рядом – «село Токсово, известное петербургским любителям загородных прогулок» [7. С. 27]. Беседу Кемского и Хвалынского, пронизанную литературно-элегическим настроением, предваряют географические очерковые подробности:

> ...поскакали в Токсово. Дорога туда идет сначала по болотному грунту, поросшему низким кустарником: это дно большого водоема, простиравшегося в старые незапамятные времена между нынешними берегами Финского залива, Дудергофом, Пулковом и возвышениями парголовскими и токсовскими. Верстах в двенадцати от Петербурга земля возвышается, показываются пригорки, появляются и леса, между возвышениями дремлют озера [7. С. 27–28].

Однако при такой конкретизации автор соотносит разные топосы на основе отражения в них высшего начала. И тогда, например, Ломбардия, в которую попадает Кемский во II части, напомнит ему петербургские («швейцарские») места: «Он удивлялся странной игре случая, что одна и та же музыка оглашала для него и пустынное озеро Карелии, и живописное ложе роскошной Адды» [7. С. 114]. Реальное пространство становится вариантом, отражающим «вертикальную» направленность (сакральное). Человек – часть пространства, и Петербург – маркер универсума, который ставит человека в особую ситуацию «связывания» противоположных начал[3]. Сакрально-символическая тенденция в изображении Петербурга поддерживается масонским мировоззрением писателя[4], что значительно влияет на «петербургский текст» в «Черной женщине».

Греч – журналист и филолог-систематик – высоким художественным талантом не обладал: его стиль часто натужно риторичен, образы вторично-литературны. Но он компенсирует эти минусы рациональным подходом к разнообразному материалу, с которым как посредственный писатель имеет дело. Роман внутри себя скрывает «умственную постройку». И помимо журналистских навыков и общекультурной эрудиции для Греча определяющим является масонство[5] с его эзотерикой, гностической символикой, разнообразным культурным багажом, используемым масонской

---

[3] Как отмечал В.Н. Топоров: «Главное из этих других условий — осознание (и/или «прочувствование-переживание») присутствия в Петербурге некоторых более глубоких сущностей, кардинальным образом определяющих поведение героев с т р у к т у р, нежели перечисленные выше. Эта более глубокая и действенная структура по своей природе с а к р а л ь н а, и она именно определяет сверхэмпирические высшие смыслы, то пресуществление частного, разного, многого в общее и цельно-единое, которое составляет и суть высших уровней Петербургского текста» [8. С. 26].

[4] О том, что Греч в Санкт-Петербурге состоял в масонской ложе Михаил Избранный, упоминалось неоднократно (см.: [1. С. 14; 9. С. 30]).

[5] Гностические темы и мотивы, имеющие отношение к масонству, рассмотрел М. Вайскопф применительно к позднему русскому романтизму в целом, в частности обращаясь к романам Греча (см.: [10]).

литературой для своих эмблем и кодировок; и по этой линии в романе Греча возникают барочные резонансы[6].

В «Черной женщине» можно выделить следующие типы пространства: литературно-вторичное (например, в приведенном выше случае – элегическое, попадая в которое герой изрекает соответствующие элегические штампы); очерково-географическое; масонско-аллегорическое (различные пространства символически унифицируются через выражение «вертикали» и тем самым становятся сценической площадкой для религиозно-учительных резиньяций; или же используются топосы как эмблемы готовых идей, например кладбище во II части или сад на месте старого кладбища в III части); идеологически-репрезентативное пространство (в рассказах с привлечением исторических фигур в I части или в городской панораме в III части). Греч постоянно эксплицирует главную идею своего «метафизического» романа, которая должна организовать и подчинить себе структурные элементы (соотношение конкретно-исторической реальности с встраиванием ее в аллегорический масонски-гностический план – лишь первичный слой такого «контрапункта» художественной структуры), однако роман содержит внутреннее неподчинение различных смысловых направленностей, что объясняется не только его эклектичностью, но и иными художественными резонами.

У Греча Петербург – средоточие ценностей религии, государства и культуры. Но этот «пантеон» за своей внешней установкой таит иллюзорность, поскольку в «Черной женщине» присутствует противоположная панегирику идеологема «мир – зло»[7]. Она составляет в романе основу для соотношения Петербурга с другими мировыми столицами. На общей религиозной почве эсхатологизма топосы становятся зеркально-метонимичными и как варианты катаклизмов. Например, эпизод лиссабонского землетрясения (II часть) присоединяется к парадигме бедствий, в которую включается и революция в Париже (I часть) как вариант социально-исторической деструкции. Эту перекличку столиц: Петербург – Париж – Лиссабон автор проецирует на общефилософский сюжет метафизического характера, связанный с предопределением и испытанием души человека с необходимостью для нее религиозной опоры (архетип Иова в сюжете романа). Но и то, что в границах петербургского пространства рассказывается о событиях в других пространствах и временах, делает Петербург цен-

[6] Традиция масонского романа воспитания с его аллегоризмом и культурным полилингвизмом сохраняет тесную связь с барокко. В роман «Поездка в Германию» через «немецкий» материал Гречем привносятся черты культуры бидермайера.

[7] Социально-критические установки касаются или просветительской точки зрения (система мздоимства, коррупция и злоупотребления чиновников), или обобщенно религиозно-символической. Например, в связи с темой воспитания автор без излишней сентиментальности мимоходом, но четко, показывает всю униженность, безотрадность и заброшенность девочек в Воспитательном доме [7. С. 274] или нравы в Морском корпусе, в котором обучается Сергей Ветлин.

тром, по отношению к которому все остальные пространства играют метонимическую роль[8].

В русле главной темы предопределения эсхатологические мотивы опираются на христианскую и масонскую символику. Например: «В то самое время, как государыня подъехала к крыльцу его дома, огненный шар или, как говорят в народе, змей пролетел чрез этот дом, потом чрез Зимний дворец за Неву и упал за крепостью» [7. С. 41–42]. Этот «змей», пролетающий и падающий за Неву, имеет семантическую перекличку со зверем Апокалипсиса (Откровение 13, 1), выходящим из моря. Мотив «змея-зверя» включает и барочную вариацию, выражающую «низкую» плотскую природу страстей в человеке, т.е. инволюцию, упадок, регресс. В барочном духе Греч сочетает христианский и античный аспекты этого мотива: «...посещая светские собрания, князь не мог не встретиться с своими злодеями-родственниками, которые, как дракон Лаокоона, обвили змеиными головами своими его и все его семейство и смертоносным жалом дощупывались сердца, чтоб излить в него весь яд свой» [7. С. 302]. Филологу Гречу свойственна игра с именами, в своих шутках он часто прибегал к каламбурам[9], словесной двусмысленности. Повторно выйдя замуж, сестра Кемского принимает немецкую фамилию своего мужа «Драк», которая связана с Drachen (нем.) – «дракон», и уже эти метафорические коннотации фамилии распространяются на все ее семейство, стремящееся погубить жену и дочь Кемского и его самого.

Театрально-изобразительный колорит масонских ритуалов отражается во многих эпизодах романа[10] (описание собрания лиц, прибывших к пострадавшему под Петербургом Вышатину, беседа Кемского с масоном Алимари у гроба Екатерины II и другие их встречи). Воспринятая от барокко театральная назидательность смерти господствует в масонском ри-

---

[8] К этому отчасти имеет отношение и то, что Греч шутливо допускает возможность барочной инверсии: «Париж» и «Лондон» – части Петербурга, поскольку это гостиницы (в I части говорится о Париже в 1788 г., и в ней же упоминается трактир «Париж»; английская тема активно развивается в III части, и там же Кемский не случайно останавливается в гостинице «Лондон»).

[9] «В кабинете Греча висел портрет Оленина с каламбурной подписью, сделанной Гречем: “O, le nain!” (О, карлик!)» [1. С. 12]. Так, мимоходом Греч каламбурит в своих воспоминаниях: «...употреблен был дипломат-писарь Анштет, которому все было нипочем, лишь бы он мог есть страсбургские паштеты» [11. С. 359].

[10] Отражение масонства в романе требует отдельной работы, поскольку то, что было об этом сказано, проецируется на темы и мотивы, общие для многих произведений этого периода. Три главных героя «Черной женщины» напоминают масонскую триаду: Ветлин (ученик) – Кемский (подмастерье) – Алимари (мастер). В романе эксплицируются масонские аллегории. Например, образ обработанного / необработанного камня; Кемский произносит тираду с масонскими акцентами о Берилове, семантику фамилии которого составляет драгоценный камень берилл: «Если б мне должно было из всех известных мне людей избрать в друзья одного, я избрал бы этого простодушного сына природы, в котором чувство изящного, истинного, великого и бессмертного таится, как неоцененный алмаз, искра луча солнечного, в дикой оболочке» [7. С. 213–214].

туале и навязчиво используется Гречем. Например, персонаж романа масон Алимари стал свидетелем такого зрелища: «Из ворот выходит какая-то процессия с множеством факелов и поворачивает налево, к Дворцовой площади. Домы, лежащие насупротив Адмиралтейства, озаряются ярким светом. И свет этот, наравне с невидимою процессиею, движется ближе и ближе ко дворцу» [7. С. 42]. В контексте репрезентативности масонского ритуала в романе значимы отдельные эпизоды изобразительной экспрессии, связанные с мотивом «черного», «смерти», «света»:

> Отмыкают дверь, она отворяется, и входит в залу женщина – в черном платье, с распущенными по плечам черными волосами, неся в руках свечу. Кемский, увидев свою всегдашнюю мечту, вообразил, что это явление возвещает ему о наступлении смертного часа, но она не останавливается вдали, как обыкновенно, а подходит медленно, озираясь во все стороны, ближе и ближе, ставит свечу на столике у изголовья, а сама обращается к гробу [7. С. 100].

> Вот мне снится, что я прогуливаюсь по этой аллее, подхожу к монастырю, вижу: отворены ворота и в ограде множество народу, вступаю в ограду, двери церковные отперты, во мгле древнего храма теплятся свечи. Вхожу туда: посреди церкви стоит на амвоне гроб лилового цвету [7. С. 129].

> Двери церковные были отперты. Он машинально вошел в церковь. В ней господствовал мрак; вдали, в одном приделе теплилась лампада, и при ее мерцающем свете можно было видеть, что посреди церкви, на катафалке, стоит гроб. Фон Драк сел на скамью. Вдруг раздались тихие, унылые звуки органа и проникли в душу, непривычную к этим впечатлениям, но жестокою горестью к ним приготовленную. Слезы, неведомые дотоле слезы потекли по иссохшему лицу старца: он сам не знал, что с ним делается, что он слышит, видит, чувствует. Влево от него, на перилах кафедры, зажглась свечка, другая. Несколько человек подошли к кафедре, он за ними. На кафедре появился монах, человек не молодой, с кротким, страдальческим лицом, с выражением чувства и ума в томных глазах. Он начал говорить проповедь на немецком языке [7. С. 272].

Сюжет масонского романа опирается на аллегорию Софии как Премудрости, которую ищет герой на пути своего ослепления видимой стороной вещей и обретения скрытого знания. В связи с городом как текстом важное значение имеет архетип «девы» в более архаическом мифопоэтическом ключе[11]. Следуя масонской традиции, Греч к этому присоединяет символико-гностический аспект. Метафизическая интрига романа проясняется в «московской» ретроспекции воспоминаний детства Кемского, ставшего

[11] «Образ города, сравниваемого или отождествляемого с женским персонажем, в исторической и мифологической перспективе представляет собой частный, специализированный вариант (обусловленный достаточно определенными условиями) более общего и архаичного образа М а т е р и - З е м л и как женской ипостаси Первочеловека типа ведийского Пуруши, что предполагает (по меньшей мере) жесткую связь женского детородного начала с пространством, в котором все, что есть, понимается как порождение (дети, потомство) этого женского начала» [12. С. 124].

свидетелем того, как во время московской чумы некая дева в черном кидается с балкона на телегу с трупами, куда вынесен ее умерший возлюбленный. Эта картина становится зеркальной репрезентацией внутреннего «я» самого Кемского, часто ее вспоминающего, как бы «остановившегося» в ней. После этого в разных «пороговых» ситуациях его жизни к нему является «черная женщина» как олицетворение тайного, непонятного ему знания судьбы. Если Москва через воспоминания героя связана с женской аурой, то в дальнейшем он лишается подлинных родственных уз (смерть родителей, потеря единственного брата). Жизнь Кемского в Петербурге сопровождается бытовыми и родственными отношениями с мачехой и ее дочерью, т.е. «формальными» родственниками с их фальшивой доброжелательностью и тайными враждебными помыслами, о которых Кемский не догадывается. Эти женские персонажи связаны с аллегорией Анти-Софии, т.е. имитацией Софии-Премудрости. Между ложным и истинно-скрытым вариантами избранниц оказывается князь и в своих матримониальных планах (эпизод попытки сестры Кемского женить его на Татьяне Петровне в присутствии тайно влюбленной в него Натальи Васильевны; и тут свою благую роль для него сыграло предостерегающее появление «черной женщины»). Сюжетная коллизия романа связана с происками родственников Кемского, в результате чего он теряет свою супругу Наташу и родившуюся дочь Надежду, но в конце концов в финале их обретает (что прозрачно связано с масонским вариантом потери Софии-мудрости и ее поиском). Таким образом, в романе интрига «метафизического сюжета» (история явлений «черной женщины») возникает в Москве, загадкой отражается в Петербурге, а затем из Петербурга переносится в Москву и там разрешается.

Дева – душа Града. Ее поиск создает сюжетно-композиционный замок из I и III частей, действие которых разворачивается в Петербурге и имеет к этому пространственному концепту внутреннее смысловое отношение. Сюжетная драматизация действия связана со «страдательно-испытательной» героикой мужского персонажа (претерпеть мучения) и касается «завоевания» девы (Софии), возвращения ее в город и городу. В I части выражена слабая позиция подчиняющегося женского персонажа (смерти в Москве, смерть Екатерины II; «Анти-София» – Алевтина Михайловна и ее однофамилица Татьяна Петровна). Но уже в III части женские персонажи, составляющие систему архетипа Софии, активно несут слово-знание (рассказ итальянки на корабле о Паоло; тетрадь Надежды; рассказ Егоровны; въезд в Петербург Надежды, приезд Надежды в подмосковный монастырь, истории супруги Кемского Натальи и ее тетки); важно при этом, что женщины оказываются в дороге, в пути, получающем в контексте романа духовные проекции.

Тенденция развития темы Петербурга в «Черной женщине» – движение от внешней эмпиричности пространства как травестии (I часть) – к его чтению героем как текста высшего предначертания, судьбы (III часть). Этому способствуют гностико-символические основания сюжета: Он и Она; потеря Ее, а затем косвенное обретение через мир при переводе его в

«мир-текст», чтении духовного смысла (модификация масонского сюжета поиска и обретения мудрости-гнозиса-души). Разлучение-соединение возлюбленных отражается и в истории Алимари, и у Алексея Кемского, и у Сергея Ветлина с Надеждой: один круг встроен в другой (или же эти истории представляют собой ряд параллелей). Чету Алимари разлучают землетрясение (природа-хаос), т.е. апокалиптичность этого события выражает трансцендентное; Кемского с Натальей разлучают история и социум, т.е. внешнее; Ветлина – содержание его души, т.е. внутреннее. При этом между историями очевидны метафорические соответствия онтологических планов (источников и причин), а это уже создает условия для барочного типа соответствий. Это единство повторяющейся «схемы» подчеркивает метафизическую тенденцию и эксплицировано через рефлексию и признания героев (Алимари, Кемский, Ветлин). Однако к этому присоединяются результаты конфигуративных связей внутри текста.

К теме петербургского иллюзионизма относится и травестирование, аннигиляция высших начал. Образом, напоминающим масонскую Анти-Софию (Лже-Премудрость), является сестра главного героя:

> Алевтина получила образование светское: говорила по-французски и по-италиански, как уроженка Орлеана или Флоренции, танцевала как четвертая грация, играла на фортепиано и на арфе, пела как соловей, рисовала без помощи и поправок учителя. Природа украсила ее всеми своими дарами. Дочь маленькой, сухой, горбатой Прасковьи Андреевны была высока ростом, статна, грациозна, можно сказать, величественна [7. С. 12].

Сигналы «Орлеана» (Жанна д'Арк) и «итальянского»[12] выражают в ореоле рокайльной театральности тему рыцарской героики и гармонии искусства и любви, связанную с завлекающим обманом и мороком, соотносимыми в русле проевропейского подражания с петербургским текстом. Через образ профанного персонажа Драка выворачиванию подвергается и важная для романа тема судьбы («судьба заставила меня, армейского офицера, оставаться в Петербурге при черчении планов, между тем как гвардия пошла под шведа» [Там же. С. 25]). Петербург в своей специфичности контрастно сочетает возможность сакрального откровения, выхода к подлинному через страдание, но одновременно и то и другое чревато имитацией и профанацией. Петербург тогда – мнимый центр, обостряющий конфликт внешнего порядка и внутреннего «я» в поиске подлинных духовных опор. В семиотическом ключе Петербург – это «полое» пространство, способное отражать противоположные смыслы.

---

[12] Данный маркер связан с образами коварных волшебниц из поэм Ариосто и Тассо (Альциной и Армидой), что подтверждается словами воспитанника Алевтины Сергея Ветлина: «...первым моим детским заключением было, что сестра моего благодетеля злая волшебница, что она извела моих родителей и воспитателей, что она из мира людей праведных и добродетельных перенесла меня в какой-то ад, где я окружен одними злодеями и врагами» [7. С. 224].

В Петербурге, среди его улиц и зданий, многие персонажи романа оказываются в ситуации дезориентации и потерянности (внешней и внутренней) – Кемский, Драк, Берилов, Егоровна. Автор порой навязчиво использует повторения, чтобы подчеркнуть скрывающийся за ними принцип религиозно-моралистического или метафизического характера. Движение мысли и повествования осуществляется через пункты, лабиринт которых «выворачивает» лояльность внешней формы Петербурга как обезличенного фасада государственно-исторического величия, противопоставляет этому проблему его внутреннего содержания, связанного с личностным духовным самоопределением героя романа. Для Греча важно соотнести и согласовать ценностно-индивидуальное и общее идеологическое.

В масонской художественной литературе движение в пространстве через разного рода топосы аллегорично выражает самосовершенствование человека. Символический подтекст метафоры строительства через посредничество масонской маркировки соотнесен с душой. Для «свободных каменщиков» важны архитектурно-строительные символы. Бог – Великий Архитектор. Архетип строителя-демиурга относится к Петру I, возводящему Петербург[13]; отец Алимари, вызванный в Петербург Петром, «шлюзных дел мастер»[14] – выполняет функцию «помощника». Следует добавить, что из-за символической важности этой темы Греч к строительству привлекает даже сатирического персонажа Драка («Он был определен в смотрители при построении разных казенных зданий» [7. С. 75]). Писатель допускает и юмористические субверсии «библейской» метафорики строения: «...убедить его сиятельство к переезду в ваш дом. Здесь он будет, аки на лоне Авраамлем» [Там же. С. 94]. Для масонов через их действия ритуального характера здание способно превратиться в храм. Строительство выражает сакрально-символические смыслы, переводя явление из плана посюстороннего в план вечности и памяти: «Батюшка, сильно пораженный этим бедствием, часто ходил со мною на то место, где пропал брат мой; потом выложил туда дорогу и на краю дикого оврага построил домик. Это место было позорищем забав, игр, мечтаний моего детства» [Там же. С. 35][15].

Бросается в глаза частое упоминание петербургских храмов и мостов в романе. В ряде эпизодов персонажи обращают внимание на какое-либо здание, «читают» его. Городская топография задает символическую магистраль сюжета.

В романе создается географическое «созвездие», в центре которого – Петербург, от которого и к которому протягиваются лучевые связи: пере-

---

[13] Петербург, как указывает М. Ямпольский, «…это творение ex nihilo; город выступает как физическая реализация идеального видения визионера Петра» [13. С. 250].

[14] Нужно подчеркнуть, что упомянутый Алимари-старший соотносится с реально историческим лицом (см.: [14]), что не учтено в комментариях к современному изданию романа.

[15] Беседка, возведенная у оврага недалеко от Симбирска в романе «Черная женщина», должно быть, предполагает «Киндяковскую беседку» – масонский храм св. Иоанна Крестителя, воздвигнутый в роще деревни Винновка близ Симбирска (см.: [15. С. 205]).

движения от Петербурга и к Петербургу (он становится пространственным, но и ценностным центром, осознаваемым героями романа). Другие топосы составляют семантическую систему, важное место в которой приобретает Петербург: Москва, Симбирск, Венеция, Ницца, Кавказ задействуются как реалии эмпирические и идеологические, но также имеют культурно-метафорическое содержание (изначальное или же обретаемое в системе романа).

К этой системе соотношения топосов в пределах установки на метапространство добавляются контакты людей, в том числе интернациональные (единство душ, побеждающее пространство и время). Для философского сюжета в его проекции на актуальность исторических событий важны межкультурный диалог и толерантность. В сюжете задействуются шведы, французы, отец и дочь из Малороссии («воспитана была в Малороссии» [7. С. 104]), цыганка, итальянки, морлачка, чухонка, немцы, сербы.

Но самое главное – дружеское единство людей в его масонском контексте[16] способствует «преображению» пространства и преодолению материальных причин. Духовная связь людей определяет одушевляющую единосущность различающихся пространств. Тема Петербурга инициирует и содружество масонов, а также поиск истины.

> Между тем какая-то непонятная сила влекла его домой: он никого в Петербурге не любил, что называется любить, а не мог вспомнить о северной столице без сердечного волнения, не мог остановить на ней мыслей, не почувствовав в глубине души своей какого-то непостижимого влечения. Неожиданно явился в Одессе и Хвалынский: он ездил с поручением в Херсонскую губернию и завернул в Одессу, чтоб возвратиться в Петербург в обществе милого своего друга [Там же. С. 73].

К этому же масонскому типу содружества душ относится помимо линий центральных героев (Алимари – князь Кемский; Сергей Ветлин – князь Кемский) и более камерная история француза Дюмона и его друга из Петербурга Михаила Ивановича Петрова [Там же. С. 235–236].

Помимо сюжетного ценностно-тематического отношения персонажей к разного рода объектам, составляющим систему знаков петербургского текста, через художественно-эстетический строй произведения обретается «родство», внутренний изоморфизм человека – пространству-тексту. Например, как видится, не случайно топосная константа заложена в имени ряда мужских персонажей: отец Алевтины Михаил Федорович Астионов (Асти – итальянский город); первый муж Алевтины, Сергей Борисович

[16] «Масонство видит во всех людях братьев, которым оно открывает свой храм, чтобы освободить их от предрассудков их родины и религиозных заблуждений их предков, побуждая людей к взаимной любви и помощи. Оно никого не ненавидит и не преследует, и цель его может определиться так: изгладить между людьми предрассудки каст, условных различий происхождения мнений и национальностей, уничтожить фанатизм и суеверие…» [16. С. 60].

Элимов («Элим» – мифологический персонаж, основатель города и народа [17. С. 518][17]); фамилия главного героя Кемский имеет отношение к гидрониму и городу «Кемь»; пропавший брат Кемского получает свою фамилию, поскольку его «нашел священник села Берилово» [7. С. 287] Вятской губернии. Эта связь имени персонажа с топонимом касается природы географической знаковости: как пространства сюжетных событий (прежде всего рассказывания и затем уже действия), как картины-памяти и как имени. Таким образом, пространственный образ оказывается изоморфен герою, но на разных своих уровнях: мифопоэтическом, символическом, через чтение-знание, действие-освобождение от подчиненности эмпирической действительности, приводящее к завершенности текста произведения как универсума нового порядка.

Литература

1. *Иванов-Разумник Р.В.* Предисловие // Греч Н.И. Записки о моей жизни. М. ; Л., 1930. С. 5–39.

2. *Греч Н.И.* Поездка в Германию: Роман в письмах // Сочинения. СПб., 1855. Т. 2. 498 с.

3. *Сидяков Л.С.* «Пиковая дама» и «Черная женщина» Н.И. Греча: Из истории раннего восприятия повести Пушкина // Болдинские чтения. Горький, 1985. С. 164–173.

4. *Цивьян Т.В.* Семантический ореол локуса // Цивьян Т.В. Язык: тема и вариации: избранное : в 2 кн. М., 2008. Кн. 2. С. 249–262.

5. *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3 т. Таллин, 1993. Т. 2. С. 9–21.

6. *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого: (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3 т. Таллин, 1993. Т. 3. С. 201–212.

7. *Греч Н.И.* Черная женщина // Три старинных романа : в 2 кн. М., 1990. Кн. 2. С. 5–318.

8. *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы: избранные труды. СПб. : Искусство-СПБ, 2003. 616 с.

9. *Сахаров В.И.* Просвещенный мистицизм Александровской эпохи // Мир романтизма. 2001. Вып. 5 (29). С. 29–41.

10. *Вайскопф М.* Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма. М., 2012. 696 с.

[17]«Имеется много других свидетельств о приходе Энея и троянцев в Сицилию, но самые явные – это алтарь Венеры Энеады, воздвигнутый на высоте Элимы, и святилище Энея в Эгесте. Первый Эней водрузил здесь в честь матери, второе же – отставшими от похода в честь своего спасителя. А троянцы с Элимом и Эгестом осели в этих местах и зажили под именем элимов» [18. С. 53]. Контекст античного эпоса (Троя – Сицилия) включается в «Черной женщине» в реально-исторический план суворовских походов в Италии, участником которых был генерал Элимов. Имя (Элим – Элимов), которое связано с приведенным текстом, заведомо захватывает в нем и существенные для романа мотивы: строительства храма, женские инварианты, сакрально значимый мотив возвышенности (холм, гора), дважды пространственно акцентируемый в сюжете романа. Часто *имя* у Греча выходит за границы метафорических характеристик и указаний, оно (особенно в скрытой системности отношений с другими мотивами и именами) потенциируется как «текст в тексте».

11. *Греч Н.И.* Записки о моей жизни М. ; Л. : Академия, 1930. 896 с.

12. *Топоров В.Н.* Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 121–132.

13. *Ямпольский М.* Ткач и визионер: Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 616 с.

14. *Лобин А.Н.* Инженер Доротео Алимари и начало строительства государственной резиденции в Стрельне // Константиновский дворцово-парковый ансамбль: Исследования и материалы. СПб., 2011. С. 8–31.

15. *Сахаров В.* К истории масонского храма // Сахаров В. Иероглифы вольных каменщиков: Масонство и русская литература XVIII – начала XIX века. М., 2000. С. 204–206.

16. *Лонгинов М.Н.* Новиков и московские мартинисты. М., 1867. 568 с.

17. *Любкер Ф.* Реальный словарь классических древностей : в 3 т. М., 2001. Т. 1. 575 с.

18. *Дионисий Галикарнасский.* Римские древности : в 3 т. / пер. с древнегреч. И.Л. Маяк (гл. 10–90) ; отв. ред. И.Л. Маяк. М. : Рубежи XXI, 2005. Т. 1. 272 с.

THE PETERSBURG TEXT IN THE NOVEL *THE BLACK WOMAN* BY NIKOLAY GRECH. ARTICLE 1

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 52. 231–244. DOI: 10.17223/19986645/52/14

Nikolay V. Khomuk, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: homuk1@yandex.ru

Keywords: N.I. Grech, *The Black Woman*, Petersburg, Petersburg text, Freemasonry, Baroque.

Using the structural-semiotic method, on the material of Nikolay Grech's *The Black Woman,* the author considers the problem of the "Petersburg text" representation and art-semiotic organization through the correlation of official-ideological and romantic explications and the artistic-symbolic tradition of Freemasonry.

Grech's novel *The Black Woman* (1834) is at the origins of the "Petersburg text" of the 19th century. Grech shows Petersburg as the center of statehood and holiness. The writer reduces the eschatologism constantly reflected in the "Petersburg text" and resulting from the collision of the city with natural elements. In the depiction of Petersburg life, he strives for the unity of scientific, culture triggering and secular and political interests. Grech uses the topoi of Petersburg connected with its periphery: the opposition "the city – the outskirts" expresses not so much social contrast as the possibility of distancing from the city and the creation of conditions for human equality to real space and space recreated in characters' speech, inserted stories and even flashbacks.

The theme of Petersburg is represented on a wide geographical and historical scale. The writer relates different topoi based on the reflection of the higher principle in them. The sacral-symbolic overtones of the image of Petersburg are influenced by Grech's Masonic world view. This determines the ideology "peace is evil", opposite to the panegyric. The theatrical-visual color of Masonic rituals is reflected in many episodes of the novel, one of the main characters of which is the Italian Mason Alimari (whose name indicates the real Alimari, who worked in Petersburg). People's contacts, including international ones, like the Masonic unity of souls, conquering space and time, are added to the correlation of various topoi, whose meta-space is crowned by Petersburg.

The plot of the Masonic novel is based on the allegory of Sophia as Wisdom, which the hero is looking for being blinded by the visible side of things and acquiring hidden knowledge. In connection with the city as a text, the archetype of the "virgin" is more important in a more archaic mythopoeic key. Following the Masonic tradition, Grech adds a symbolic-gnostic aspect to this. The main spiritual collision of the plot of the novel is that

Alexei Kemsky sees the ghost of a "black woman" at critical moments of his life. This internally conforms to the main features of Petersburg as a "text" – its mirage and theatrical nature. The collision of the plot is connected with the intrigues of Kemsky's relatives, as a result of which he loses his wife Natasha and daughter Nadezhda, but eventually finds them in the finale (which is transparently connected with the Masonic version of the loss of Sophia the Wisdom and the search for her). Thus, in the novel the intrigue of the "metaphysical plot" (the story of the appearances of the "black woman") begins in Moscow, reflects as a mystery in Petersburg, then goes back from Petersburg to Moscow and is solved there. The trend of the development of the Petersburg theme is in the movement from the outer empiricality of space as a travesty (the first part of the novel) to its reading by the character as a text of the highest predestination, destiny (the third part). This is facilitated by the gnostic-symbolic foundations of the plot.

Thus, Grech combines the strategy of the formal ideology of glorification of Petersburg as a historical and culturally progressive stronghold of national progress and the Masonic artistic and symbolic tradition that sets Baroque precedents of the novel poetics, which results in the ambiguous polysemantic artistic whole of the "Petersburg text" in the novel *The Black Woman*.

References

1. Ivanov-Razumnik, R.V. (1930) Predislovie [Foreword]. In: Grech, N.I. *Zapiski o moey zhizni* [Notes about my life]. Moscow; Leningrad: Akademiya.

2. Grech, N.I. (1855) Poezdka v Germaniyu. Roman v pis'makh [Trip to Germany. A novel in the letters]. In: *Sochineniya Nikolaya Grecha* [Compositions by Nikolai Grech]. Vol. II. St. Petersburg: izd. A. Smirdina.

3. Sidyakov, L.S. (1985) "Pikovaya dama" i "Chernaya zhenshchina" N.I. Grecha: Iz istorii rannego vospriyatiya povesti Pushkina ["The Queen of Spades" and "The Black Woman" by N.I. Grech: From the history of the early perception of Pushkin's story]. In: *Boldinskie chteniya* [Boldino Readings]. Gorky: Volgo-Vyatskoye. B 79 kn. izd-vo.

4. Tsiv'yan, T.V. (2008) *Yazyk: tema i variatsii: izbrannoe: v 2 kn.* [Language: theme and variations: selected works: in 2 books]. Book 2. Moscow: Nauka. pp. 249–262.

5. Lotman, Yu.M. (1993) *Izbrannye stat'i: V 3 t.* [Selected articles: in 3 vols]. Vol. 2. Tallinn: Aleksandra. pp. 9–21.

6. Lotman, Yu.M. & Uspenskiy, B.A. (1993) Otzvuki kontseptsii "Moskva – tretiy Rim" v ideologii Petra Pervogo (K probleme srednevekovoy traditsii v kul'ture barokko) [Echoes of the concept "Moscow is the Third Rome" in the ideology of Peter the Great (On the problem of the medieval tradition in the Baroque culture)]. In: Lotman, Yu.M. *Izbrannye stat'i: V 3 t.* [Selected articles: in 3 vols]. Vol. 3. Tallinn: Aleksandra. pp. 201–212.

7. Grech, N.I. (1990) *Tri starinnykh romana: V 2 kn.* [Three ancient novels: In 2 books]. Book 2 Moscow: Sovremennik. pp. 5–318.

8. Toporov, V.N. (2003) *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: Izbrannye trudy* [The Petersburg text of Russian literature] St. Petersburg: Iskusstvo–St. Petersburg.

9. Sakharov, V.I. (2001) Prosveshchennyy mistitsizm Aleksandrovskoy epokhi [Enlightened mysticism of the Alexander epoch]. *Mir romantizma.* 5 (29). pp. 29–41.

10. Vayskopf, M. (2012) *Vlyublennyy demiurg: Metafizika i erotika russkogo romantizma* [Loving Demiurge: Metaphysics and the eroticism of Russian Romanticism]. Moscow: NLO.

11. Grech, N.I. (1930) *Zapiski o moey zhizni* [Notes about my life]. Moscow; Leningrad: Akademiya.

12. Toporov, V.N. (1987) Tekst goroda-devy i goroda-bludnitsy v mifologicheskom aspekte [The text of a city-maiden and a citiy-harlot in the mythological aspect]. In: *Issledovaniya po strukture teksta* [Research on the structure of the text]. Moscow: Nauka.

13. Yampol'skiy, M. (2007) *Tkach i vizioner: Ocherki istorii reprezentatsii, ili O material'nom i ideal'nom v kul'ture* [Weaver and visionary: Essays on the history of representation, or On the material and the ideal in culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

14. Lobin, A.N. (2011) Inzhener Doroteo Alimari i nachalo stroitel'stva gosudarstvennoy rezidentsii v Strel'ne [Engineer Doroteo Alimari and the start of the construction of the state residence in Strelna]. In: *Konstantinovskiy dvortsovo-parkovyy ansambl'. Issledovaniya i materialy* [Konstantinovsky Palace and Park Ensemble. Research and materials]. St. Petersburg: Prezidentskaya biblioteka imeni B. N. Yel'tsina. pp. 8-31.

15. Sakharov, V. (2000) *Ieroglify vol'nykh kamenshchikov. Masonstvo i russkaya literatura XVIII – nachala XIX veka* [Hieroglyphs of free masons. Masonry and Russian literature of the 18th – early 19th centuries]. Moscow: Zhiraf. pp. 204–206.

16. Longinov, M.N. (1867) *Novikov i moskovskie martinisty* [Novikov and the Moscow Martinists]. Moscow: Tipografiya Grachova i Komp.

17. Lubker, F. (2001) *Real'nyy slovar' klassicheskikh drevnostey* [Real dictionary of classical antiquities]. Translated from German by V. Modestov et al. Vol. 1. Moscow: OLMA-PRESS.

18. Dionysius of Halicarnassus. (2005) *Rimskie drevnosti. V 3 tomakh* [Roman antiquities. In 3 volumes]. Vol. 1. Translated from Old Greek by I.L. Mayak (Chapters X–XC). Moscow: Izdatel'skiy dom "Rubezhi XXI".

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 316.77
DOI: 10.17223/19986645/52/15

Ю.М. Ершов

ФЕНОМЕН ФЕЙКА В КОНТЕКСТЕ КОММУНИКАЦИОННЫХ ПРАКТИК

Исследуется проблема фейковых новостей, которые понимаются как сообщения, сфабрикованные для дискредитации какой-либо персоны или организации, рассчитанные на вирусное распространение в социальных сетях и на других медиаплатформах. Автор рассматривает психологию восприятия фейков, социологию распространения таких сообщений, а также псевдоконфликты, ложные атаки и другие модификации фейков, отвлекающих внимание общественности от реальных проблем.

Ключевые слова: *фейк, постправда, социальные сети, доверие, фактчекинг, медиаграмотность.*

Введение в проблематику фейковых новостей

Фейковые новости – одна из главных тем, активно обсуждаемых в последние два года профессиональным сообществом журналистов и исследователей медиа. Событийным фоном и катализатором этого обсуждения стали Brexit и выборы президента США. В редакциях СМИ, на научных семинарах и конференциях горячо дискутируют по поводу того, как отличить фейк от сатиры или идеологически мотивированной новости и надо ли маркировать сообщения, не прошедшие фактчекинг.

В этих дискуссиях выделяются радикальные суждения. Ник Ньюман в обзоре журналистских трендов 2017 г. заявляет, что фейковые новости угрожают подорвать демократический порядок во всем мире [1]. Такой же позиции придерживается немецкий профессор Карстен Райнеман, считающий фейки угрозой демократии [2]. Глава корпорации Apple Тим Кук призвал правительства всех стран запустить кампанию по борьбе с фейковыми новостями, которые «убивают человеческий разум» [3].

В то же время есть эксперты, которые считают фейки несерьезной и чрезмерно раздутой (т.е. фейковой) проблемой. Так, например, один из менеджеров Associated Press Том Янузевски заявляет, что жизнь фейковым новостям дает не журналист, а рекламодатель. Рекламодатель фактически спонсирует и стимулирует их распространение. Вы не можете создать совет журналистов, который будет следить за этим. Лучшая реакция на фейк-новости, по мнению Т. Янузевски, – это подготовка качественных материалов на ту же тему, с доказательствами и опровержениями [4].

Для того чтобы разобраться, является ли фейк угрозой журналистской профессии и миропорядку, надо определить само понятие, что уже является непростой задачей. Проблема заключается в том, что термин фейк стали использовать очень расширительно, называя так и фотографии, обработанные в Photoshop, а иногда и видеоролики, смонтированные в видеоредакторе; страницы в социальных сетях, созданные от имени других (как правило, известных) людей; анекдотические истории, которые распространяют так называемые шоу-площадки и развлекательные ресурсы. Сегодня любой артефакт и симулякр может быть назван фейком. Весь мир – театр, а наша жизнь – игра, в ней много ярости и фейков, нет лишь смысла – так можно осовременить строку У. Шекспира.

Однако когда мы говорим об информационном поле и лентах новостей, то фейк – это вполне определенное и осмысленное действие. Это целенаправленное использование выдуманных и специально сфабрикованных новостей, главной целью которых является подрыв репутации какого-либо института, организации или персоны. Наиболее точные синонимы фейковой новости – дезинформация или вброс фальшивки. Создатель новостного фейка имеет цель что-то дискредитировать или кого-то опорочить и получить от этого некую выгоду (политическую или финансовую).

Даже если вскоре информационные агентства дезавуируют фейковую новость, фейк работает на психологию восприятия как манипуляция. Как в известном анекдоте, где ложки серебряные нашлись, а осадочек остался. Фейковые новости оставляют в сознании читателя неприятный осадок даже после того, как проверка фактов проведена и подделка разоблачена. Можно сказать, что побочные эффекты фейка гораздо тяжелее его прямого воздействия, поскольку ему подвержены немногие слишком уж легковерные читатели. Побочный же эффект от фейковых новостей связан с загрязнением информационной среды и поражением базового доверия аудитории в целом к сообщениям СМИ.

В журналистике и в прежние эпохи была проблема фальсифицированных сообщений, которые когда-то называли газетными утками. Чаще всего такие заметки публиковали для розыгрыша легковерных читателей, для забавы. Читатель был готов проглотить газетную утку, только если текст новости развлекал его. Вместе с тем отработанные поколениями редакционные механизмы перепроверки репортёрских фактов позволяли сохранить достоверность основного потока событийной информации. Фейк, можно сказать, прежде был красноречив, как муха в стакане молока. Поддержание высоких профессиональных стандартов заставляло редакции наказывать провинившихся репортеров вплоть до увольнения виновников и извиняться перед читателями за допущенный сбой в работе.

Несмотря на то, что в истории есть великое множество фальсификаций рукописей, документов и персон, фейковые новости – продукт современной цивилизации с её вирусным видео и репостами в социальных сетях. Наш цифровой коммуникационный круговорот стал идеальной средой для распространения фейковых новостей. Как феномен фейк вырос на массо-

вом предпочтении Фейсбука и Инстаграма Рейтеру, Блумбергу и прочим информационным агентствам. Рядовой пользователь глобальных сетей не обладает медиаграмотностью и в массе своей не в состоянии распознать фейк. По данным исследовательской компании Pew Research, каждая четвертая новость, которой делятся американцы в сетях, является недостоверной [5]. В современном мире дезинформация стала больше похожа на вирус, распространящийся с невиданной прежде скоростью.

Обзор психологии восприятия и распространения фейков

Специфика восприятия фейка в общих чертах понятна когнитивным психологам. Большинство из нас не являются непосредственными участниками или свидетелями новостных событий; мы вынуждены довериться тем, кто распространяет информационные сообщения. В результате наша восприимчивость к информации или дезинформации зависит не столько от рациональной оценки её достоверности, сколько от нашей эвристичности или интуиции [6]. Люди вообще предвзяты в поиске информации. Они склонны доверять знакомым источникам и отметать неизвестные им, предпочитают ту информацию, которая соответствует их политическим взглядам или их картине мира. Читатели слепо верят тому, что сообщает знакомый им источник, и склонны игнорировать информацию, которая транслируется по оппозиционным каналам[1]. Для инфильтрации в сознание читателя фейку нужно притвориться своим, т.е. принять обличие знакомого сайта, известного жанра, атрибуции по доверительному источнику и проч.

Профессор политических наук Массачусетского института технологий Адам Берински исследовал механизм уверования в фейковые новости на материале реформы здравоохранения (Medicare) в США, которая была затеяна президентом Бараком Обамой в 2010 г., считалась главным достижением его политики и начала упраздняться сразу же после избрания президентом Дональда Трампа [7]. Адам Берински показал, как люди поверили в то, что чиновники от здравоохранения создадут группы (panels) смерти, в которых окажутся ослабленные люди, и чиновники решат вопрос ухода этих старых и больных людей из жизни вплоть до эвтаназии.

Эти слухи начались с заявлений бывшего вице-губернатора Нью-Йорка Бетси МакКохи и быстро распространились на консервативные СМИ. Ряд видных республиканских политиков присоединился к хору критики, включая бывшего кандидата в президенты США Сару Пэйлин, которая сказала: «Америка, которую я знаю и люблю, не та, в которой мои родители или мой ребенок с синдромом Дауна должны будут стоять перед группой смерти, потому что бюрократы будут решать, достойны ли они медицинской помощи». То есть партийная позиция читателя влияет, как доказал А. Берински, на восприятие фейковых сообщений. При политической поляризации обще-

[1] Термин «оппозиция» использован здесь не в политическом смысле.

ства, которая усиливается в ходе больших избирательных кампаний, демократическая или республиканская коррекция медийного дискурса становится питательной средой для разного рода дезинформации.

Поправки и опровержения, появляющиеся время от времени в средствах массовой информации, могут не восприниматься по существу, но укреплять читателя в первоначальных представлениях. Ну, нет же дыма без огня. Если человек и верит поправке, дезинформация сохраняет свой разрушительный заряд. Любое повторение фейковой информации (даже в контексте опровержения) ущербно для коммуникации. Это обусловлено особенностями когнитивной обработки текущей (потоковой) информации: чем чаще читатель слышит об этом, тем более знакомым ему становится событийный повод и тем больше он склонен верить в него [8]. Фейк как феномен более живуч, чем опровержения и поправки.

Фейковые новости распространяются от создателей к потребителям через сложную экосистему веб-сайтов, ботов и социальных сетей. СМИ в этой системе участвуют чаще всего как передаточное звено и стимулятор доверия к сообщениям. Бот (робот) – это компьютерная программа, специально созданная для имитации поведения людей в социальных сетях. Профессор информатики и компьютерных наук Университета Индианы Филиппо Менцер, проанализировав 14 миллионов сообщений во время президентской кампании 2016 г., показал, что именно боты становятся основным источником дезинформации, а скорость и легкость обмена сообщениями в социальных сетях только способствует засорению информационного пространства [9]. Сообщалось, что Дональд Трамп получил сотни твитов (в основном от ботов) со ссылками на фейковую новость о том, что на выборах за его конкурента проголосовали три миллиона нелегальных иммигрантов [10].

Социальные сети создали несколько новых алгоритмов коммуникации, которые оказались уязвимы для атак ботов с фейковыми аккаунтами. Пользователи создают дружественное окружение, удаляя из числа последователей своих оппонентов или тех, кто просто стал им неприятен. В результате создаётся гомогенное информационное пространство, названное эхо-камерами, куда не проникает альтернативное мнение. Адресаты, находящиеся в такой «закрытой» системе, создают френд-ленты, слушают сами себя и соглашаются сами с собой [11]. Эхо-камеры искажают картину действительности, но одновременно многократно усиливают индивидуальную систему убеждений пользователя. Они создают идеальные условия для избирательного воздействия за счёт того, что каждый пользователь подвергается многократному воздействию одной и той же новости из нескольких источников.

Кроме того, поток новостей в социальных сетях настолько интенсивен и плотен, что создаётся информационная перегрузка, которая препятствует различению достоверных сообщений и фейковых. Исследования медиаповедения в Сети показывают, что распространители фейковых новостей так же охотно делятся и подлинными новостями, не делая между ними разли-

чий [12]. Самым верным предиктором того, будет ли пользователь делиться фейковой новостью в сетях, служит градус политической активности. Повышает вероятность того, что фейком будут делиться с другими, и радикальная политическая позиция пользователя сетей. Анархисты и левакиэкстремисты, националисты и носители конспирологического сознания любят передавать далее по сети весь этот информационный мусор, который прибивает к ним ежедневно волнами коммуникации.

Для тех, кто запускает сфабрикованные новости, важно, чтобы как можно больше людей восприняло дезинформацию и поделилось сообщением в своей хронике. Не менее важно для фальсификаторов наполнить сознание читателей фейковой жизнью, которая вытесняет реальность и ставит под сомнение существование объективных фактов как таковых. Человек, напитавшийся фейками, теряет иммунитет ко лжи и становится нечувствителен к разграничению добра и зла. И те лгут, думает он, и этот брешет, как сивый мерин. И ни у кого нет монополии на правду! Некоторые пользователи сетей, распространяя новость, о поддельной природе которой они догадываются, испытывают иррациональное удовольствие и ощущают себя создателями хаоса. Другие нигилисты считают, что распространением фейков они противодействуют консервативным взглядам, размывают ненавистный истеблишмент.

Широкое распространение фейковых новостей привело к появлению повседневной политической культуры, которая по аналогии с постмодерном названа постправдой (post-truth). В постправде дискурс в основном формируется через обращение к эмоциям и личным убеждениям читателя (при этом подробности политической реальности остаются за кадром), повторение одной и той же аргументации и упорное игнорирование объективных фактов, противоречащих заданной концепции [13]. Оксфордский словарь английского языка назвал слово post-truth словом 2016 г.

Дискуссия по основным политическим аспектам проблемы фейковых новостей

Проблема фейков выходит за рамки рассмотрения манипуляторских коммуникационных стратегий и приобретает характер системной ошибки демократического устройства общества, где можно подменить состязательность политиков на выборах и любые другие параметры демократии. Еще в 1990-е гг., когда постсоветское политическое пространство осваивало технологии конкурентных избирательных кампаний, появилось понятие спойлера. В современных российских политтехнологиях это слово употребляется обычно в привязке к слову «партия» и обозначает псевдопартию, создаваемую и выталкиваемую в политическое пространство в качестве инструмента борьбы с конкурентами в период выборов.

Такие фейковые партии не имеют никакой электоральной базы, находятся на содержании заказчика и на выборах чаще всего выступают в номинации «критика» (атакуют в СМИ конкурентов партии-заказчика), «однопольника» (оттягивают мелкие кусочки базового электората у конкурен-

та) или «провокатора» (инициируют снятие конкурентов заказчика, создают дискомфорт в работе их штабов). Типичными партиями-спойлерами в кампании по выборам в Государственную Думу 2007 г. являлись Демократическая партия России (А. Богданов), Партия социальной справедливости (А. Подберезкин), Гражданская Сила (М. Барщевский). ЛДПР считается спойлером и громоотводом националистических движений в России.

Поскольку фейковые партии за исключением разве что либерально-демократической не добивались поставленных перед ними целей, в последних избирательных кампаниях они выходят из политической моды. Но политические технологи не перестают использовать в тех же целях популярные личности. Например, в преддверии выборов президента РФ 2018 г. такая роль была отведена известной медийной персоне Ксении Собчак. Вот что писал 28 сентября 2017 г. инсайдерский телеграм-канал «Незыгарь» по этому поводу: «По замыслу, “родители проекта” (Ротенберги) верят – участие Ксении Собчак нейтрализует “вражеский” проект Навального, повысит явку на выборах и обеспечит отличное паблисити в зарубежных СМИ».

Политическая технология регистрации и раскрутки фейковых кандидатов, которые должны придать выборной кампании как бы остроту и некую интригу, повышая интерес избирателей (а самое главное – явку), широко используется и в регионах. К примеру, в выборах губернатора Томской области в сентябре 2017 г. роль спойлера исполнил Алексей Диденко, который до этого с тем же успехом баллотировался и на выборах губернатора Кемеровской области. Депутат Госдумы от ЛДПР внес оживление в выборы томского губернатора, сообщал «ФедералПресс», а руководитель Центра развития региональной политики (ЦРРП) Илья Гращенков назвал Алексея Диденко согласованным спарринг-партнером Сергея Жвачкина [14].

Статус некоторых медийных персон в общественном дискурсе (в частности, депутатов Законодательного собрания Виталия Милонова и Натальи Поклонской) следует рассматривать отдельно и специально, потому что они явно не довольствуются ролью фейковых персон с их ложными атаками и отвлечением внимания общественности, но претендуют на статус выразителей мнения самых консервативных кругов страны, которым не с руки озвучивать свои взгляды в прессе, но которые хотят формулировать повестку дня или то, что либеральная пресса считает false agenda.

В связи со спойлерами и спарринг-партнерами ведущих политиков уместно рассмотреть и роль управленческих элит в создании фейкового информационного пространства. В марте 2017 г. обнародовано расследование РБК «Как из “фабрики троллей” выросла “фабрика медиа”» [15]. В статье рассказывается о том, как выстроен бизнес «Федерального Агентства Новостей». Холдинг объединяет 16 порталов, девять из которых имеют свидетельства Роскомнадзора как зарегистрированные СМИ («Экономика сегодня», «Народные новости», «Политическая экспертиза», «Политпазл» и т.д.). Порталы внутри «Федерального Агентства Новостей» щедро обмениваются новостями, тем самым увеличивая «видимость» текста

в информационном пространстве и популяризируя друг друга у читателей. А читателей у ресурсов холдинга насчитывается уже 36 миллионов в месяц, что превышает аудитории крупнейших российских информационных изданий в Интернете: сайта «Комсомольской правды» и сайта «РИА Новости». Впечатляет и количество новостей, опубликованных за 2,5 месяца на сайтах холдинга: 16,4 тыс. на rueconomics.ru; 16,3 тыс. на nation-news.ru; 14,3 тыс. на polit-info и т.д. Холдинг работает не только на внутреннюю аудиторию. Журнал РБК смог найти минимум одно сообщество в Facebook, которое активно поддерживало Трампа в предвыборной гонке, – Secured Borders.

Как раз деятельность этой группы в Фейсбуке стала предметом расследования ABC News [16]. Группа имела вид низовой американской (grassroots American) и антииммигрантской организации. Она публиковала посты, утверждая, что единственно жизнеспособный вариант голосования – это выбрать Дональда Трампа. Фейсбук зафиксировал около 500 фейковых аккаунтов, через которые был оплачен более 3000 политических воззваний в предвыборный период [17]. Сенатор от штата Вирджиния Марк Уорнер считает, что российская организация, которая стоит за «Защищенными границами» (Secured Borders), затратила немалые суммы на таргетинг своих объявлений на определенные аудитории, в том числе на решающие блоки голосования. Комитет сената США продолжает вести собственное межпартийное расследование вмешательства Москвы в выборы американского президента.

Публичная политика не может противостоять спецоперациям. Трудно найти ответ на действия, которые ведутся, образно говоря, ниже радаров. И если ранее такие операции по изменению общественного мнения проводились в ходе мировых войн, то теперь они, похоже, ведутся безостановочно как гибридные войны, где фейковым новостям, ложным повесткам или псевдосоциологическим опросам уготована роль главных орудий. Рядовой читатель выглядит совершенно беззащитным и беспомощным в прицеле дезинформационных орудий, но социальные сети, которые добавили толику беззащитности, начали искать средства противодействия фейковым угрозам. Фейсбук стал помечать фейковые новости в лентах пользователей. В частности, подобную пометку получила новость издания The Seattle Tribune о том, что якобы смартфон Дональда Трампа стал причиной последних утечек из Белого дома в СМИ. Такая новость сопровождается восклицательным знаком и надписью «спорное утверждение, по мнению Politifact и Snopes.com». Эти две исследовательские организации проверяют новости после обращений пользователей.

В апреле 2017 г. Google анонсировала инициативу под названием Project Owl в целях обеспечения «алгоритмических обновлений для более авторитетного контента» и изъятия фейковых новостей из результатов поиска. Если Google будет решать, что является фейком, они станут предвзятыми и ступят на тонкий лёд, заявил по этому поводу Майкл Бертини, специалист по интернет-маркетингу. Уже есть примеры того, как Google под предлогом борьбы с фейковыми новостями блокирует для поисков сайты

социалистических, левацких и антивоенных организаций (таких, например, как World Socialist Web Site https://www.wsws.org/), а это ничем не лучше предварительной цензуры.

Пока неясно, справятся ли гиганты коммуникационных технологий и их доверенные организации с верификацией ленты новостей. Ясно, что наиболее действенной мерой борьбы с фейками было и остаётся внедрение в широкие массы медиаграмотности. Пользователи социальных сетей должны по своей воле получить прививку от сфабрикованных новостей и распознавать фейк, понимая, кому выгодно его распространение. А само информационное общество должно со временем переболеть этой болезнью и обрести иммунитет против разного рода фальсификаций.

Выводы и обобщения

1. Главный враг фейковых новостей – атмосфера доверия и сотрудничества между политическими полюсами. Если охранители и прогрессисты, консерваторы и либералы смогут о чем-то договориться, у фейка не будет шансов захватить общественный дискурс даже ненадолго. И наоборот, политическая поляризация и радикализация публичной сферы создают идеальные условия для фабрикации измышлений и распространения фейков в социальных группах, потому что все средства хороши для победы.

2. Фейковые новости – это не профессиональная проблема журналистского сообщества, как квалифицировалась некогда проблема газетных уток. Фейк является коммуникационной стратегией и практикой организаций, включая коммерческие и государственные, которые ведут борьбу с чуждой им идеологией и стремятся дискредитировать персоны, компании и целые страны, получая при этом политические дивиденды и/или оплаченные заказы. Журналистов и редакции СМИ используют в этих практиках как площадки или рекламный инвентарь.

3. Предстоит разрабатывать научную типологию фейковых медиатекстов, которая и позволит различать пародийный, сатирический, развлекательный, провокационный и политически мотивированный, пропагандистский и манипулятивный контент. Главным индикатором фейка, по всей видимости, должны стать интенции коммуникатора. Производство фейков не предназначено для критики или обличения кого-то; скорее, оно служит целям, которые по своей сути являются деструктивными (сдвиг общественного мнения или дискредитация кого-либо).

4. Редакции СМИ не играют важную роль в производстве фейков, но могут активно в противодействовать фейковым новостям. Необходимо перевести существующие исследования коммуникационных практик в понятные формы, которые могут быть усвоены журналистами и общественными организациями. Даже данные, хорошо известные психологам и социологам, не слишком известны журналистскому сообществу. Учёные должны были бы сформулировать рекомендации для журналистов в поис-

ке источников, в построении точных заголовков, в распространении культуры верификации фактов и т.п.

5. Необходимо всемерно (в том числе на государственном уровне) поддерживать локальную прессу, потому что к местным редакциям больше доверия, они ближе к читателю и не так вовлечены в политические игрища, как общенациональные СМИ. Местные журналистские коллективы попрежнему используют апробированные десятилетиями редакционные механизмы проверки фактов и, как правило, поддерживают высокие профессиональные стандарты, которые не допускают публикации дискредитирующих кого-либо измышлений. Федеральные и местные правительства совершенно необоснованно и недальновидно отвернулись от локальных СМИ, переключившись на работу с интернет-порталами и соцсетями.

6. Если сфабрикованные новости базируются на философии релятивизма, по которой всё условно и относительно, а объективную истину не отражает никто и потому фейк якобы тоже имеет право на существование, противостоять этому может философия правдоискательства, у которой давние славные традиции в истории русской журналистики. Журналист из профессиональной обязанности защищать маленького человека перед лицом Левиафана и из стремления к справедливости не должен соучаствовать в фабрикации фейковых новостей, какой бы политической целесообразностью не оправдывалось это производство.

7. Рядовой читатель, как мы заключили, не обладает достаточной медиаграмотностью для различения фейковых новостей, но его надо воспитывать в духе медиаобразования уже со школьной скамьи, показывая, кто может на него деструктивно воздействовать в социальных сетях, как фейк рядится в знакомые формы и вступает в контакт с нами, рассчитывая на click, like и share. Широкая медиаграмотность масс – самое надёжное средство против того, что эти массы будут оболванены псевдоконфликтами, ложными атаками и фейковыми персонажами, призванными отвлечь людей от реальных проблем и погрузить их в социальную апатию и выученную беспомощность.

Литература

1. *Nic Newman*. Journalism, Media and Technology Trends and Predictions 2017. URL: http://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/publication/journalism-media-and-technology-trends-and-predictions-2017

2. *Почему* фейковые новости – угроза демократии. URL: http://amp.dw.com/ru/

3. *Allister Heath*. Fake news is killing people's minds, says Apple boss Tim Cook. The Telegraph. URL: http://www.telegraph.co.uk/technology/2017/02/10/fake-news-killing-peoples-minds-says-apple-boss-tim-cook/

4. *Артем Галустян*. SXSW: Медиа против фейкеров и хейтеров. URL: http://rb.ru/news/hate-fake/

5. *Many* Americans Believe Fake News Is Sowing Confusion. URL: http://www.journalism.org/2016/12/15/many-americans-believe-fake-news-is-sowing-confusion

6. *Steven Sloman, Philip Fernbach*. The Knowledge Illusion. Why We Never Think Alone. Published by Riverhead Books, 2017. P. 304.

7. *Berinsky Adam J.* Rumors and Health Care Reform: Experiments in Political Misinformation // British Journal of Political Science. 2017. № 47 (2). P. 241–62.

8. *Flynn D.J., Nyhan B., Reifler J.* The Nature and Origins of Misperceptions: Understanding False and Unsupported Beliefs about Politics // Advances in Political Psychology. 2016. № 38 (S1). P. 127–150.

9. *Chengcheng Shao, Giovanni Luca Ciampaglia, Onur Varol, Alessandro Flammini, Filippo Menczer*. The spread of fake news by social bots. arXiv:1707.07592v1 [cs.SI] 24 Jul 2017.

10. *Lazer D., Grinberg N., Friedland L., Joseph K., Hobbs W., Mattsson* C. Fake News on Twitter. Presentation at the Fake News Conference. 2016.

11. *Jamieson Kathleen Hall, Joseph N. Cappella*. Echo Chamber: Rush Limbaugh and the Conservative Media Establishment. Oxford University Press.

12. *Sharad Goel, Ashton Anderson, Jake Hofman, Duncan J. Watts*. The Structural Virality of Online Diffusion // Management Science. January 2016. Vol. 62, № 1. P. 180–196.

13. *Post-truth* politics. Art of the lie // The Economist. Sep. 10th 2016. URL: https://www.economist.com/news/leaders/21706525-politicians-have-always-lied-does-it-matter-if-they-leave-truth-behind-entirely-art

14. *Депутат* Госдумы от ЛДПР внес оживление в выборы томского губернатора. 31 августа 2017. URL: http://fedpress.ru/article/1846699

15. *Расследование* РБК: «как из «фабрики троллей» выросла «фабрика медиа». URL: http://www.rbc.ru/magazine/2017/04/58d106b09a794710fa8934ac

16. *Russian-generated* Facebook posts pushed Trump as 'only viable option'. URL: http://abcnews.go.com/Politics/russian-generated-facebook-posts-pushed-trump-viable-option/story?id=50140782

17. *Facebook* says it sold $100,000 in ads to fake Russian accounts during presidential election. URL: http://abcnews.go.com/Politics/facebook-sold-100000-ads-fake-russian-accounts-presidential/story?id=49667831

18. *As Google* Fights Fake News, Voices on the Margins Raise Alarm. URL: https://www.nytimes.com/2017/09/26/technology/google-search-bias-claims.html

THE PHENOMENON OF FAKE IN THE CONTEXT OF COMMUNICATION PRACTICES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 52. 245–256. DOI: 10.17223/19986645/52/15

Yury M. Ershov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ershov@mail.tsu.ru

Keywords: fake, post-truth, social media, trust, factchecking, media literacy.

The article is devoted to the problem of fake news which is understood as fabricated messages to discredit a person or an organization, designed for viral distribution in social media and other media platforms. The author examines the psychology of perception of fakes, the sociology of the dissemination of such reports, as well as pseudo-conflicts, false attacks and other modifications of fakes that divert public attention from real problems.

Fake news is one of the main subjects actively discussed in recent years by the community of journalists and media researchers. Fake news is not so much a professional problem of journalism as a test for the democratic organization of society. Political polarization and radicalization of the public sphere create suitable conditions for promotion of fabrications and spreading fakes in social networks. Fake is a deliberate use of fictitious and specially fabricated news, the main purpose of which is to undermine someone's reputation. Fake is a communication strategy and the practice of organizations that are struggling with an unpleasant ideology and seek to discredit individual politicians, companies and even whole countries, while

receiving political or financial dividends. Journalists and editorial offices of the media are used as a platform or advertising equipment in these practices. To infiltrate into the mind of the reader, a fake needs to dress up in its own way, that is, to take the appearance of a familiar site, a well-known genre, habitual stylistics, attribution to a trusted source. Any repetition of fake information (even in the context of refutation) is detrimental to communication. Falsifiers tend to fill readers' minds with fake life, which supersedes the reality and calls into question the existence of objective facts as such. The most effective measure of fighting against fakes has been and remains the introduction of mass media literacy in the masses. Users of social networks, at their own volition, should receive vaccination from fabricated news and recognize a fake, understanding who benefits from its spread. A journalist, due to the professional duty to protect a small person in the face of Leviathan and due to the pursuit of justice, should not participate in the fabrication of fake news, no matter how politically expedient this production was. Scholars must understand the threat of fake news for the trust in the media and formulate recommendations for journalists in the search for sources, in building accurate headlines, in spreading the culture of verification of facts. If the academic community continues to ignore the phenomenon of fake and the ideology of post-truth, not engaging in the fight against these phenomena, the public will again and again be deluded by pseudo-conflicts, false attacks and fake characters designed to distract people from real problems, immerse them in social apathy and helplessness.

References

1. Newman, N. (2017) *Journalism, Media and Technology Trends and Predictions 2017.* [Online] Available from: http://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/publication/journalism-media-and-technology-trends-and-predictions-2017.

2. DW. (2017) *Pochemu feykovye novosti - ugroza demokratii* [Why fake news is a threat to democracy]. [Online] Available from: http://m.dw.com/ru/%D0%BF%D0%BE%D1%87%D0%B5%D0%BC%D1%83-%D1%84%D0%B5%D0%B9%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5-%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8-%D1%83%D0%B3%D1%80%D0%BE%D0%B7%D0%B0-%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B8/a-37092672.

3. Heath, A. (2017) *Fake news is killing people's minds, says Apple boss Tim Cook*. [Online] Available from: http://www.telegraph.co.uk/technology/2017/02/10/fake-news-killing-peoples-minds-says-apple-boss-tim-cook/.

4. Galustyan, A. (2017) *SXSW: Media protiv feykerov i kheyterov* [SXSW: Media against fakers and hayters]. [Online] Available from: http://rb.ru/news/hate-fake/

5. Pew Research Center. (2016) *Many Americans Believe Fake News Is Sowing Confusion*. [Online] Available from: http://www.journalism.org/2016/12/15/many-americans-believe-fake-news-is-sowing-confusion.

6. Sloman, S. & Fernbach, P. (2017) *The Knowledge Illusion. Why We Never Think Alone.* Riverhead Books.

7. Berinsky, Adam J. (2017) Rumors and Health Care Reform: Experiments in Political Misinformation. *British Journal of Political Science.* 47(2). pp. 241–262. DOI: https://doi.org/10.1017/S0007123415000186

8. Flynn, D.J., Nyhan, B. & Reifler, J. (2016) The Nature and Origins of Misperceptions: Understanding False and Unsupported Beliefs about Politics. *Advances in Political Psychology.* 38(S1). pp. 127–150.

9. Shao, Ch., et al. (2017) The spread of fake news by social bots. *arXiv:1707.07592v1 [cs.SI]*. 24 July.

10. Lazer, D. et al. (2016) *Fake News on Twitter*. Presentation at the Fake News Conference. February 17–18, 2017.

11. Jamieson, K.H. & Cappella, J.N. (2008) *Echo Chamber: Rush Limbaugh and the Conservative Media Establishment*. Oxford: Oxford University Press.

12. Goel, Sh., Anderson, A., Hofman, J & Watts, D.J. (2016) The Structural Virality of Online Diffusion. *Management Science*. 62. pp. 180–196.

13. The Economist. (2016) *Post-truth politics. Art of the lie.* 10 September. [Online] Available from: https://www.economist.com/news/leaders/21706525-politicians-have-always-lied-does-it-matter-if-they-leave-truth-behind-entirely-art.

14. Polevanov, F. (2017) *Deputat Gosdumy ot LDPR vnes ozhivlenie v vybory tomskogo gubernatora* [State Duma deputy from the LDPR made a stir in the election of the Tomsk governor]. 31 August. [Online] Available from: http://fedpress.ru/article/1846699.

15. RBC. (2017) *Rassledovanie RBK: "kak iz "fabriki trolley" vyrosla "fabrika media"* [RBC Investigation: "how a "factory of trolls" grew a "media factory"]. [Online] Available from: http://www.rbc.ru/magazine/2017/04/58d106b09a794710fa8934ac.

16. Ross, B., Schwartz, R., Mosk, M. & Christie, M. (2017) *Russian-generated Facebook posts pushed Trump as "only viable option"*. [Online] Available from: http://abcnews.go.com/Politics/russian-generated-facebook-posts-pushed-trump-viable-option/story?id=50140782.

17. Siegel, B. (2017) *Facebook says it sold $100,000 in ads to fake Russian accounts during presidential election.* [Online] Available from: http://abcnews.go.com/Politics/facebook-sold-100000-ads-fake-russian-accounts-presidential/story?id=49667831.

18. Wakabayashi, D. (2017) *As Google Fights Fake News, Voices on the Margins Raise Alarm.* [Online] Available from: https://www.nytimes.com/2017/09/26/technology/google-search-bias-claims.html.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВЕРИНА Анна Викторовна – д-р филол. наук, профессор кафедры германистики и лингводидактики Московского городского педагогического университета.
E-mail: Anna.averina@list.ru

ВИЙМАРАНТА Йоханна – д-р философии, профессор кафедры русского языка Университета г. Турку (Финляндия).
E-mail: johanna.viimaranta@utu.fi

ВЛАДИМИРОВА Татьяна Леонидовна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета.
E-mail: tatvlad@tpu.ru

ВЛАСОВ Михаил Сергеевич – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина (г. Бийск).
E-mail: vlasov_mikhailo@mail.ru

ГУСЕВА Светлана Ивановна – д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков Амурского государственного университета (г. Благовещенск).
E-mail: s_guseva@mail.ru

ЕРШОВ Юрий Михайлович – д-р филол. наук, зав. кафедрой телерадиожурналистики Томского государственного университета.
E-mail: ershov@mail.tsu.ru

ИВАНАШКО Юлия Петровна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского государственного университета (г. Благовещенск).
E-mail: polia-80@mail.ru

ЗАВЬЯЛОВА Елена Евгеньевна – д-р филол. наук, профессор кафедры литературы Астраханского государственного университета.
E-mail: zavyalovaelena@mail.ru

ЗЕМИЧЕВА Светлана Сергеевна – канд. филол. наук, науч. сотр. лаборатории общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета.
E-mail: optysmith@gmail.com

КАНЕРВА Оксана Александровна – докторант кафедры русского языка Университета г. Турку (Финляндия).
E-mail: oksana.kanerva@utu.fi

КИСЕЛЕВ Виталий Сергеевич – д-р филол. наук, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.
E-mail: kv-uliss@mail.ru

ЛЕНЕЦ Анна Викторовна – д-р филол. наук, зав. кафедрой немецкой филологии Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).
E-mail: annalenets@mail.ru

МЕЛЬНИКОВА Софья Владимировна – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. научно-методического отдела Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И.И. Молчанова-Сибирского.
E-mail: memuaristika@yandex.ru

РЕЗАНОВА Зоя Ивановна – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.
E-mail: rezanovazi@mail.ru

САНИНА Ксения Геннадьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры языков стран АТР Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).
E-mail: sanina.kg@dvfu.ru

СЕРГЕЕВА Диана Сергеевна – аспирант кафедры немецкой филологии Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).
E-mail: dinusik61@yandex.ru

СОБЯНИНА Валентина Александровна – д-р филол. наук, профессор кафедры германистики и лингводидактики Московского городского педагогического университета.
E-mail: valensob@mail.ru

СТЕПАНЕНКО Андрей Александрович – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.
E-mail: stepanenkone@mail.ru

СЫЧЕВ Олег Анатольевич – канд. психол. наук, доцент кафедры педагогики и психологии Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина (г. Бийск).
E-mail: osn1@mail.ru

ТИТАРЕНКО Светлана Дмитриевна – д-р филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: svet_titarenko@mail.ru

ХОМУК Николай Владимирович – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.
E-mail: homuk1@yandex.ru

ХОХЛОВА Ирина Викторовна – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры германистики и лингводидактики Московского городского педагогического университета.
E-mail: irinachochlova@gmail.com

ЧЕРТУШКИНА Евгения Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).
E-mail: chertushkina.ev@dvfu.ru

ШИЛЯЕВ Константин Сергеевич – канд. филол. наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.
E-mail: shilyaevc@gmail.com

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://journals.tsu.ru/philology

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: http://journals.tsu.ru/philology

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несёт автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2018. № 52

Редактор Т.В. Зелева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 26.04.2018 г. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$.
Печ. л. 16,2; усл. печ. л. 21,5. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 3095.

Дата выхода в свет 18.05.2018 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
http://publish.tsu.ru; e-mail; rio.tsu@mail.ru